

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ИСТОРИЯ И ПРАВО**

**Том 8
№ 2 (27)**

Курск 2018

2018. Том 8, № 2(27)
Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44621 от
15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
История и право» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России 01.12.2015 г.
по группам научных специальностей:
07.00.00 – исторические науки и археология,
12.00.00 – юридические науки,
23.00.00 – политология

Редакционная коллегия:

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;
В. Н. Сусликов (заместитель главного
редактора), д-р юрид. наук, профессор,
ЮЗГУ;
А. В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент;
В. П. Беляев, д-р юрид. наук, профессор;
А. Б. Баумштейн, д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент;
О.В. Брежнев, д-р юрид. наук, доцент;
С. О. Гаврилов, д-р ист. наук; доцент;
А. В. Глухова, д-р полит. наук,
профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия История и право

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Теория и история государства и права	7
<i>Беляев В. П., Чапчиков С. Ю.</i> Оптимизация как средство повышения эффективности механизма обеспечения национальной безопасности: понятие и взаимообусловленность.....	7
<i>Колотков М. Б.</i> Идеология терроризма в России в конце XIX – начале XX века: историко-правовой аспект.....	14
<i>Томаков В. И., Томаков М. В., Брежнев А. В., Андриенко В. В., Пашкова М. Е., Галаева Д. Х.</i> Развитие законодательства в сфере надзора за безопасностью паровых котлов и машин в Российской империи в XIX – начале XX века.....	32
Конституционное право	43
<i>Казановская Ю. А.</i> Развитие избирательного законодательства в странах Содружества Независимых Государств.....	43
Гражданское право и процесс	50
<i>Нордстрем А. Е.</i> Законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг и публичная финансовая деятельность субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики.....	50
Уголовное право и процесс	58
<i>Попова Т. Ю.</i> Классификация полномочий руководителя следственного органа.....	58
<i>Кузьмин В. П., Кузьмин П. В.</i> Пути повышения эффективности борьбы с коррупцией в России с учетом зарубежного опыта.....	67
<i>Журбенко А. М., Усова Г. М., Малыхин И. В.</i> Обеспечение возмещения ущерба, причинённого преступлением.....	74

А. В. Гриненко, д-р юрид. наук,
профессор;

З. Д. Ильина, д-р ист. наук, профессор;

В. В. Коровин, д-р ист. наук, профессор;

Н. Н. Коротева, д-р ист. наук,
профессор;

Р. А. Курбанов, д-р юрид. наук,
профессор;

И. Б. Лагутин, д-р юрид. наук, доцент;

О. Г. Ларина, д-р юрид. наук, доцент;

Е. В. Марковичева, д-р юрид. наук,
доцент;

М. А. Молокова, д-р полит. наук,
доцент;

В. Е. Новичков, д-р юрид. наук, доцент;

В. Б. Слатинов, д-р полит. наук,
профессор;

Л. Г. Татьяна, д-р юрид. наук,
профессор;

Е. С. Устинович, д-р полит. наук,
доцент;

В. В. Чубаров, д-р юрид. наук;
профессор;

С. В. Шевелева, д-р юрид. наук, доцент

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
Телефоны: (4712) 22-25-26
Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 22.05.18. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 31. Цена свободная.
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Подписной индекс журнала «Известия
Юго-Западного государственного университета.
Серия История и право» 44296
в объединенном каталоге «Пресса России»

<i>Алымов Д. В.</i>	
Основные направления развития научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности.....	81
<i>Чиненов А. В.</i>	
О некоторых особенностях противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица.....	92
ПОЛИТОЛОГИЯ	99
<i>Устинович Е. С.</i>	
Государственная политика цифровизации трудовых отношений.....	99
<i>Лысенко А. М., Галкина Е. В.</i>	
Проблемы общественных организаций современной России: региональный политический аспект.....	104
<i>Феклистов М. В.</i>	
Развитие внешнеэкономических связей регионов в условиях изменения реалий мировой политической системы.....	113
<i>Комарова М. С.</i>	
Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в повышении роли молодежи в социально-политическом пространстве.....	122
<i>Садченко В. Н.</i>	
Сравнительный анализ некоторых компонентов политических систем современных неавторитарных режимов Ирана и Китая.....	127
<i>Проконова О. А., Мамонтова С. В.</i>	
Политико-правовые основания реструктуризации задолженности клиентов корпоративного бизнеса.....	136
<i>Крылов А. А.</i>	
«Электронное участие» как форма политической и гражданской активности в интернет-пространстве.....	143
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	149
<i>Головин Е. А., Манжосов А. Н., Новиков В. Н.</i>	
Участие железнодорожников Курской области в движении новаторов производства (1930–1940).....	149
<i>Цуканова О. М., Карпова Г. Г.</i>	
Допризывная и спортивно-массовая подготовка населения Курского края в 1922–1940 годы.....	159
<i>Иванов М. П.</i>	
О некоторых артефактах эпохи бронзы в Прикубанье.....	167
<i>Чугунова Н. В.</i>	
Обстоятельства создания Тульского городского комитета обороны в контексте формирования чрезвычайных органов власти в годы Великой Отечественной Войны.....	176
<i>Мальшев А. В.</i>	
Мобилизационные мероприятия органов власти Дона в области здравоохранения в годы Великой Отечественной войны.....	183

Пронина Т. Д.

Лев Григорьевич Соловьев – воронежский художник и педагог
(по материалам Отдела рукописей Государственной
Третьяковской галереи и местной периодики).....190

Марковчин В. В.

Русские в Маньчжоу-Диго: эмиграция в исследованиях
японской разведки.....198

Баландина О. В.

К вопросу о социально-бытовом обеспечении рабочих и
служащих силами профсоюзных объединений в 50–80-е годы
XX века (по материалам Курской области).....205

К сведению авторов.....212

© Юго-Западный государственный университет, 2018

2018. Vol. 8, No 2(27)

Scientific reviewed journal

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Series: *History and Law*

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44621 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education of 01.12.2015. Scientific Specialities Groups:
07.00.00 – Historical Studies and Archaeology,
12.00.00 – Juridical Studies,
23.00.00 – Political Studies

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University;

V. N. Suslikov (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Law, Professor, Southwest State University;

A. V. Apanasyonok, Doctor of History, Associate Professor;

V. P. Belyaev, Doctor of Law, Professor;

A. B. Baumstein, Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Bogdan, Doctor of Law, Associate Professor;

O. V. Brezhnev, Doctor of Law, Associate Professor;

S. O. Gavrilov, Doctor of History, Professor;

A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor;

A. V. Grinenko, Doctor of Law, Professor;

Z. D. Iliina, Doctor of History, Professor;

CONTENS

LAW	7
Theory and History of State and Law	7
<i>Belyaev V. P., Chapchikov S. Yu.</i>	
Optimization as Means of Increase in Efficiency of the Mechanism of Ensuring National Security: Concept and Interconditionality.....	7
<i>Kolotkov M. B.</i>	
The Ideology of Terrorism in Russia in the Late XIX – early XX Centuries: Historical-Legal Aspect.....	14
<i>Tomakov V. I., Tomakov M. V., Brezhnev A. V., Andrienko V. V., Pashkova M. E. Galaeva D. H.</i>	
The Development of Legislation in the Sphere of Supervision Over the Safety of Steam Boilers and Machinery in the Russian Empire in the XIX – early XX Centuries.....	32
Constitutional Law	43
<i>Kazanovskaya Yu. A.</i>	
The Development of the Electoral Legislation in the Countries of the Commonwealth of Independent States.....	43
Civil Law and Process	50
<i>Nordstrem A. E.</i>	
The Legislation on Contract System in Procurement of Goods, Works and Services and Public Financial Activity of Subjects of the Russian Federation: Questions of Theory and Practice...50	
Criminal Law and Process	58
<i>Popova T. Yu.</i>	
Classification of Powers of the Head of Investigative Body.....	58
<i>Kuzmin V. P., Kuzmin P. V.</i>	
Problems of Formation and Execution of the Budget of the Pension Fund of the Russian Federation.....	67
<i>Zhurbenko A. M., Usova G. M., Malykhin I. V.</i>	
Provide Compensation for the Damage Caused by the Crime...74	
<i>Alymov D. V.</i>	
Main Directions of Development of Scientific and Technical Supply of Law Enforcement Activity.....	81
<i>Chinenov A. V.</i>	
About some Features of Combating Crimes Committed by Liquidation of the Legal Entity.....	92
POLITICAL SCIENCE	99
<i>Ustinovich E. S.</i>	
State Policy of Digitalization of Labor Relations.....	99

N. N. Koroteeva , Doctor of History, Professor;	<i>Lysenko A. M., Galkina E. V.</i>	
V. V. Korovin , Doctor of History, Professor;	Problems of Contemporary Russian Public Organizations: Regional Political Aspect.....	104
R. A. Kurbanov , Doctor of Law, Professor,	<i>Feklistov M. V.</i>	
I. B. Lagutin , Doctor of Law, Associate Professor;	Development of Foreign Economic Relations of the Regions in the Conditions of Changing the Realities of the World Political System.....	113
O. G. Larina , Doctor of Law, Professor;	<i>Komarova M. S.</i>	
E. V. Markovicheva , Doctor of Law, Associate Professor;	Improvement of Interaction of Public Authorities and Institutes of Civil Society in Increase in a Role of youth in Socio-Political Space.....	122
M. A. Molokova , Doctor of Political Sciences, Associate Professor;	<i>Sadchenko V. N.</i>	
V. E. Novichkov , Doctor of Law, Associate Professor;	Comparative Analysis of some Components of Political Systems of Modern Neoauctoritary Regimes of Iran and China.....	127
V. B. Slatinov , Doctor of Political Sciences, Professor;	<i>Prokopova O. A., Mamontova S. V.</i>	
L. G. Tatynina , Doctor of Law, Associate Professor;	Political and Legal Grounds of Restructuring of Debt of Clients of Corporate Business.....	136
E. S. Ustinovich Doctor of Political, Professor;	<i>Krylov A. A.</i>	
V. V. Chubarov , Doctor of Law, Professor;	"E-Participation" as a form of Political and Civic Activity in the Internet Space.....	143
S. V. Shevelyova , Doctor of Law, Associate Professor;	HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY	149
	<i>Golovin E. A., Manzhosov A. N., Novikov V. N.</i>	
	Participation of Railroad Workers of Kursk Region in the Movement of Innovators of Production (the 1930-1940th).....	149
	<i>Tsukanova O. M., Karpova G. G.</i>	
	Pre-Service and Sport Training of the Population of Kursk Region in 1922–1940.....	159
	<i>Ivanov M. P.</i>	
	Some of the Artifacts of the Bronze Age in the Kuban Region...	167
	<i>Chugunova N. V.</i>	
	The Circumstances of the Establishment of Tula City Committee of the Defence in the Context of Setting up the Extreme Authorities during the Great Patriotic War.....	176
	<i>Malyshev A. V.</i>	
	Mobilization Activities of the Don Authorities in the Health Care During the Great Patriotic War.....	183
	<i>Pronina T. D.</i>	
	Voronezh Artist and Teacher Lev Grigorievich Solov'yov (Based on the Manuscript Department of the State Tretyakov Gallery and Local Periodicals Materials).....	190
	<i>Markovchin V. V.</i>	
	Russian to the Manchu-Digo: Emigration in Studies of Japanese Intelligence.....	198
	<i>Balandina O. V.</i>	
	To the Question of Social-Personal Provision of Workers and Ministers of Trade Unions in the 50-80-ye year XX century (on the Materials of the Kursk Region).....	205
	Information for authors	212

Теория и история государства и права

УДК 340.1

В. П. Беляев, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: belvp46@mail.ru)

С. Ю. Чапчиков, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: belvp46@mail.ru)

ОПТИМИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ

В статье рассматриваются некоторые вопросы относительно понятия и обусловленности оптимизации как средства повышения эффективности механизма обеспечения национальной безопасности. Отмечается, что оптимизация (как процесс и средство) имеет своей целью повышение эффективности и достижение ее максимума в тех или иных процессах или явлениях. Подчеркивается, что состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Анализ мнений по проблеме эффективности правовых норм (правового регулирования, правоприменительных актов и т. д.) позволил авторам говорить о том, что не всегда корректно сводить проблему эффективности права только к проблеме соответствия целей, закрепленных законодателем, реально наступившим результатам. Предложено выделять такие критерии комплексной оценки эффективности права, как соотношение между целями правовой нормы и реально наступившими результатами, то есть ее результативность; соответствие нормы права социальным ценностям и интересам (потребностям).

Применительно к механизму обеспечения национальной безопасности его эффективность определяется условиями, относящимися к правовым нормам, его закрепляющим (их качеству, системности, адекватности общественным отношениям); к деятельности реализующих его властных субъектов – правоприменительных органов (органов исполнительной власти, судов, прокуратуры, органов местного самоуправления и т. д.), а также к особенностям правосознания и поведения субъектов, правомерно реализующих свои права и интересы в рамках соответствующего механизма или нарушающих его требования.

Выделяется взаимообусловленность оптимизации и эффективности: оптимизация является важнейшим средством повышения эффективности, а эффективность, в свою очередь, напрямую зависит от оптимизации (как средства и процесса улучшения, создания оптимальных условий).

Ключевые слова: национальная безопасность, механизм обеспечения, эффективность, оптимизация, правовые средства.

Ссылка для цитирования: Беляев В. П., Чапчиков С. Ю. Оптимизация как средство повышения эффективности механизма обеспечения национальной безопасности: понятие и взаимообусловленность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №1(26). С. 7–13.

В контексте заявленной темы сразу обратим внимание на содержание п. 32 в главе IV «Обеспечение национальной безопасности» Стратегии национальной безопасности 2015 года: «Состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности».

Таким образом, эффективность функционирования системы (с нашей точки зрения, механизма) обеспечения национальной безопасности ставится во главу угла. Под таким углом и будет рассматриваться в настоящей статье оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности. Причем оптимизация в этом направлении нам представляется именно средством повышения эффективности механизма обеспечения

национальной безопасности, и вот почему.

Если обратиться к словарям, то под средством понимаются приемы, способы, действия для достижения чего-либо; то, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо (в нашем случае – эффективности) [1, с. 239].

Изложенное в определенной степени, полагаем, если и не отождествляет, то обнаруживает сходство средства с понятием процедуры, процесса как способа действия. Во всяком случае, не возлагая на себя ответственность за терминологическую чистоту понятий средства и процесса, в настоящей работе мы будем их употреблять как равнозначные и взаимозаменяемые (в том числе и для благозвучия).

Переходя непосредственно к понятию «оптимизация», отметим, что оно производно от понятия «оптимальный», т. е. наиболее благоприятный, наилучший (например, создание оптимальных условий) [1, с. 632].

Произошло это понятие от лат. *optimus* (наилучший) и толкуется как процесс приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние; улучшение какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности (подчеркнуто нами. – *Авт.*).

Таким образом, оптимизация (как процесс и средство) имеет своей целью повышение эффективности и достижение ее максимума в тех или иных процессах или явлениях.

Вот, что пишет по этому вопросу Д. Ю. Любитенко: «Под оптимизацией, в широком смысле слова, обычно понимается нахождение наилучшего (из множества возможных) варианта решения задачи при заданных требованиях, ограничениях. В частности, оптимизацией управления называют «процесс, состоящий в определении пути достижения цели управления при наилучших (обычно минимальных или максимальных) значениях показателей, характеризующих этот

процесс, например, за минимальный промежуток времени, с наибольшим экономическим эффектом, с максимальной точностью» [2, с. 51–52].

По нашему мнению, общетеоретический подход к уяснению эффективности вообще и эффективности механизма обеспечения национальной безопасности в частности целесообразно начать с понятия эффективности права как основного регулятора любого механизма. В этой связи такая категория, как эффективность права (правовое обеспечение) в юридической науке традиционно отождествляется с правильностью, оптимальностью, целесообразностью и обоснованностью.

К примеру, С. Пелевин в 70-е годы прошлого века, рассуждая об эффективности, писал, что «эффективность правовых норм определяется как адекватность средств, правового регулирования и способов применения права тем общественным отношениям, на регулирование которых оно направлено, в соответствии с целью, отвечающей объективным условиям развития общества» [3, с. 98].

Надо сказать, что основы классической концепции эффективности права в отечественной правовой науке были заложены в работах В. В. Глазырина, В. И. Никитинского и И. С. Самощенко, рассматривавших эффективность правовых норм как соотношение между целями, которые ставил перед собой законодатель, и результатами, наступившими в ходе практики нормативно-правового регулирования [4].

В рамках такого подхода, по сути, главным критерием и индикатором эффективности правовой нормы является степень реализации соответствующей цели, результативность в ее узком понимании, как приемлемую для субъектов правового регулирования степень достижения поставленных задач.

По этому поводу заметим, что в науке выделяется две группы целей: правовые и неправовые. К числу последних относятся социальные, политические, идеологические, экономические и другие

цели. При этом, как считают некоторые ученые, оценка эффективности права в современных условиях требует учета только правовых целей. К примеру, по мнению В. В. Лапаевой, «целью права является согласование социальных интересов» [5, с. 503].

Размышляя о цели права в контексте его эффективности, А. И. Хорошильцев пишет следующее: «Отметим необходимость разграничения цели права как явления в целом и цели, составляющих его элементов, в частности, отдельных отраслей, институтов права и правовых норм. В частности, целью права, видимо, следует рассматривать соответствующий ему и основанный на нем порядок в обществе. Целью каждой отдельной отрасли права служит упорядоченность однородных общественных отношений на основе правовых требований. А целями каждой отдельной нормы права является формирование мотива правомерного поведения в сознании участников правоотношений и само правомерное поведение. Иными словами, цели права и составляющих его элементов соотносятся как целое и его части. Аналогично соотношение и их эффективности. Эффективность права явление более емкое по сравнению с эффективностью отдельной его отрасли или отдельной нормы права» [6, с. 50].

Со своей стороны полагаем, что классической дефиницией «эффективность права» следует считать определение, данное в свое время представителями так называемой «целевой концепции эффективности», суть которого состоит «в соотношении фактического результата действия норм права и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты» [4]; оно конкретно, кратко и в то же время всеобъемлюще.

Для полноты изложения изучаемой проблематики отметим также так называемую «полезную» концепцию эффективности правовых норм, согласно которой под их эффективностью понимается «действенность, результативность, то

есть способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении» [7, с. 3], «эффективность права есть его осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью, соразмерностью социальных целей норм и юридических средств достижения этих целей, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов» [8, с. 93].

Надо сказать и о том, что для современных исследований эффективности права характерны плюралистические (интегративные) подходы.

Так, по мнению С. А. Жинкина, определение эффективности норм законодательства включает целый ряд аспектов: «целевой (функционально-целевой): соотношение между целями нормы и реально наступившими результатами; аксиологический: степень соответствия норм основополагающим социальным ценностям – свободе, порядку, иерархичности, справедливости и т. д.; социальный: соответствие норм балансу социальных интересов, способствование снижению уровня деструктивной, социально вредной конфликтности в данной сфере отношений, этнической или иной социальной группе; экономический: обеспечение экономической выгоды, экономического роста, облегчение справедливого доступа к экономическим благам и их обороту; психологический: степень личного развития, степень духовной и материальной самореализации личности, которые обеспечивает соответствующая группа нормативных предписаний. Психологический аспект эффективности норм законодательства включает также степень формирования у конкретных индивидов и их групп активной гражданской позиции, внутренней солидарности с соответствующими нормами, желания их добровольно соблюдать, исполнять, использовать или применять» [9, с. 10–11].

О. В. Шмалий эффективность, в частности, административно-правовой нормы видит в том, «насколько выраженное в ее диспозиции правило поведения способствует достижению целей правового регулирования общественных отношений в определенных социально-экономических условиях. Указанные цели как выявленные в результате нормотворческой деятельности социальные потребности выступают детерминантой правового воздействия. Объективизация цели достигается путем правоприменительной деятельности, в результате которой норма права обретает конкретную форму реализации» [10, с. 24].

По нашему мнению, в этом подходе можно говорить о сочетании правотворческого и правоприменительного аспекта, которые одинаково важны при оценке эффективности права (его норм, институтов и др.).

В. А. Юсупов полагает, что «проблема эффективности применения права включает ряд вопросов организационно-правового характера: эффективность применения норм права, эффективная организация работы государственных органов, выработка эффективных актов и быстрота их доведения до адресатов, эффективность воспитательного воздействия на управляемые субъекты» [11, с. 118]. И с этим мнением следует полностью согласиться, поскольку в нем отражается комплексность в оценке эффективности права.

В свою очередь, М. Н. Шрамкова пишет: «Для того чтобы продемонстрировать приемлемые показатели эффективности, право нуждается в определенной внешней среде. Если показатели последней «неблагоприятны», действуют в пику правовым механизмам и последние не могут преодолеть это «сопротивление среды», то и результаты правового регулирования будут определяться не правовым управленческим параметром, а совершенно иными неюридическими факторами» [12, с. 61].

В определенной степени является новаторским и такое мнение М. Ю. Осипова: «Возникает необходимость пересмотра традиционного понятия эффективность действия норм права, эффективность правового регулирования, эффективность реализации права, эффективность правоприменения. Иными словами, возникает необходимость выработки отечественной юридической наукой иных критериев эффективности тех или иных правовых явлений, нежели, чем простое соотношение цель – результат» [13, с. 20].

Представляется, что при оценке эффективности правовых норм в регулировании правовых (и государственных) механизмов высказанный подход (методика) вполне приемлем и заслуживает поддержки, ибо он дает возможность их комплексного и системного исследования.

Анализ мнений по проблеме эффективности правовых норм (правового регулирования, правоприменительных актов и т. д.) позволяет говорить о том, что не всегда корректно сводить проблему эффективности права только к проблеме соответствия целей, закрепленных законодателем, реально наступившим результатам.

Со своей стороны предлагаем выделять следующие критерии комплексной оценки эффективности права:

- соотношение между целями правовой нормы и реально наступившими результатами, т. е. ее результативность;
- соответствие нормы права социальным ценностям и интересам (потребностям).

Следовательно, применительно к механизму обеспечения национальной безопасности его эффективность будет определяться условиями, относящимися к правовым нормам, его закрепляющим (их качеству, системности, адекватности общественным отношениям); к деятельности реализующих его властных субъектов – правоприменительных органов (органов исполнительной власти, судов,

прокуратуры, органов местного самоуправления и т. д.), а также к особенностям правосознания и поведения субъектов, правомерно реализующих свои права и интересы в рамках соответствующего механизма или нарушающих его требования.

Такой вывод в решающей степени обусловлен, безусловно, эффективностью самой национальной безопасности. К примеру, исследуя факторы эффективности национальной безопасности, Т. Е. Бейдина и О. В. Лобцова пишут, что эту систему «можно определить следующими параметрами: 1) оптимальная институциональная структура органов власти, обеспечивающих достижение политической стабильности; 2) наличие двустороннего (со стороны государства и со стороны общества) контроля за дестабилизирующим коррупционным фактором, ведущим к кризису системы власти; 3) оптимизация процесса принятия и реализации решений в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе и на региональном уровне; 4) совершенствование всей пирамиды власти с точки зрения руководства, управления и контроля взаимоотношений личности, общества и государства» [14, с. 48].

В целом соглашаясь с позицией этих авторов, тем не менее считаем существенным упущением в таком подходе умолчание роли и значения институтов гражданского общества в повышении эффективности национальной безопасности. Как и при выведении так называемых «конфликтогенных критериев», которые являются, по их мнению, основными характеристиками состояния национальной безопасности (уровень безработицы, децильный коэффициент, темпы роста потребительских цен, размер государственного долга и т. д.), когда о названных нами институтах гражданского общества речь также не идет [14, с. 48].

С нашей точки зрения, уровень зрелости гражданского общества и его институтов, их роль и значение в обеспече-

нии (именно) национальной безопасности достаточно велика [15]. Другое дело, что в нашем государстве она пока не так значительна, хотя, полагаем, всемерно растет.

Итак, налицо взаимообусловленность оптимизации и эффективности: оптимизация является важнейшим средством повышения эффективности, а эффективность, в свою очередь, напрямую зависит от оптимизации (как средства и процесса улучшения, создания оптимальных условий).

Возвращаясь непосредственно к механизму обеспечения национальной безопасности, делаем вывод о том, что оптимизация механизма национальной безопасности есть не самоцель, а необходимое средство повышения его эффективности. В этом ракурсе можно употребить и термин «условие» повышения эффективности как самого механизма обеспечения национальной безопасности, так и обеспечения национальной безопасности в целом (в конечном итоге).

И в заключение одно замечание: оптимизация – настолько обширное понятие и включает в себя столько, в частности, направлений (наряду с формами, методами, средствами и т. д.), что в рамках настоящей статьи целесообразным становится рассмотрение только отдельных ее направлений.

Список литературы

1. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С-Я / ред. М. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 789 с.
2. Любитенко Д. Ю. Оптимизация правовой политики в Российской Федерации и роль Конституционного Суда РФ // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 51–55.
3. Пелевин С. Эффективность права и законодательства о разводах // Правоведение. 1971. № 3. С. 96–104.
4. Эффективность правовых норм / В. В. Глазырин, В. Н. Кудрявцев, В. И. Ни-

китинский, И. С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

5. Лапаева В. В. Понятие эффективности права // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008. 832 с.

6. Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 47–51.

7. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.

8. Лейст О. Э. Сущность права. М.: Зерцало-М: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.

9. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.

10. Шмалий О. В. Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти (теоретико-методологические аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 47 с.

11. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. М.: Юрид. лит., 1979. 136 с.

12. Шрамкова М. Н. Эффективность процессуально-правового регулирования в современной России: понятие и критерии оценки // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 57–62.

13. Осипов М. Ю. Качество российского законодательства как ключевой фактор обеспечения национальной безопасности России // Theory and practice of the restoration of rights. 2016. № 1. С. 18–25.

14. Бейдина Т. Е., Лобцова О. В. Факторы эффективности национальной безопасности Российской Федерации: коррупциогенный фактор как дестабилизатор системы управления безопасностью // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 3 (94). С. 47–54.

15. Беляев В. П., Беляева Г. С. К вопросу об определенности понятий контроля и надзора // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73). С. 141–146.

Поступила в редакцию 18.02.18

UDC 340.1

V. P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: belvp46@mail.ru)

S. Yu. Chapchikov, Candidate Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: belvp46@mail.ru)

OPTIMIZATION AS MEANS OF INCREASE IN EFFICIENCY OF THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY: CONCEPT AND INTERCONDITIONALITY

In article some questions concerning a concept and conditionality of optimization as means of increase in efficiency of the mechanism of ensuring national security are considered. It is noted that optimization (as process and means) aims at increase in efficiency and achievement of its maximum in these or those processes or the phenomena. It is emphasized that the condition of a homeland security directly depends on extent of realization of strategic national priorities and efficiency of functioning of system of ensuring national security.

The analysis of opinions on a problem of efficiency of precepts of law (legal regulation, law-enforcement acts, etc.) allowed authors to say that it is not always correct to reduce a problem of efficiency of the right only to a problem of compliance of the purposes fixed by the legislator, to really come results. It is offered to mark out such criteria of

complex assessment of efficiency of law as a ratio between the purposes of the precept of law and really come results, that is its effectiveness; compliance of the rule of law to social values and interests (requirements).

In relation to the mechanism of ensuring national security, its efficiency is defined by the conditions relating to precepts of law, it fixing (to their quality, systemacity, adequacy to the public relations); to activity of the imperious subjects realizing it – law-enforcement bodies (executive authorities, courts, prosecutor's office, local government bodies, etc.) and also to features of sense of justice and behavior of the subjects who are legally exercising the rights and interests within the corresponding mechanism or violating its requirements.

The interconditionality of optimization and efficiency is distinguished: optimization is the most important means of increase in efficiency, and the efficiency, in turn, directly depends on optimization (as means and process of improvement, creation of optimum conditions).

Key words: national security, providing mechanism, efficiency, optimization, legal means.

For citation: Belyaev V. P., Chapchikov S. Yu. Optimization as means of increase in efficiency of the mechanism of ensuring national security: concept and interconditionality. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 7–13 (in Russ.).

References

1. Slovar' russkogo yazyka; ed by. M. Evgen'eva. 2th ed. Vol. 4. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1984. 789 p.

2. Lyubitenko D. Yu. Optimizaciya pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii i rol' Konstitucionnogo Suda RF. Vestnik Kaliningradskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii, 2010, no. 4, pp. 51–55.

3. Pelevin S. Ehffektivnost' prava i zakonodatel'stva o razvodah. Pravovedenie, 1971, no. 3, pp. 96–104.

4. Glazyrin V. V., Kudryavcev V. N., Nikitinskij V. I., Samoshchenko I. S. Ehffektivnost' pravovyh norm. Moscow, Yurid. lit Publ., 1980. 280 p.

5. Lapaeva V. V. Ponyatie ehffektivnosti prava. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva; ed. by V. S. Nersesyanca. Moscow, Norma Publ., 2008. 832 p.

6. Horoshil'cev A. I. Ehffektivnost' prava: ponyatie i osobennosti. Obshchestvo i pravo, 2011, no. 2 (34), pp. 47–51.

7. Pashkov A. S., Chechot D. M. Ehffektivnost' pravovogo regulirovaniya i metody ee vyyavleniya. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1965, no. 8, pp. 3–11.

8. Lejst O. Eh. Sushchnost' prava. Moscow, Zercalo-M Publ., IKD "Zercalo-M" Publ., 2002. 288 p.

9. Zhinkin S. A. Ehffektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2009. 41 p.

10. Shmalij O. V. Pravovoe obespechenie ehffektivnosti ispolnitel'noj vlasti (teoretiko-metodologicheskie aspekty). Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Rostov-on-Don, 2011. 47 p.

11. Yusupov V. A. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' organov upravleniya. Moscow, Yurid. lit Publ., 1979. 136 p.

12. Shramkova M. N. Ehffektivnost' processual'no-pravovogo regulirovaniya v sovremennoj Rossii: ponyatie i kriterii ocenki. Pravo i upravlenie. XXI vek, 2014, no. 2 (31), pp. 57–62.

13. Osipov M. Yu. Kachestvo rossijskogo zakonodatel'stva kak klyuchevoj faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii. Theory and practice of the restoration of rights, 2016, no. 1, pp. 18–25.

14. Bejdina T. E., Lobcova O. V. Faktory ehffektivnosti nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: korrupciogennyj faktor kak destabilizator sistemy upravleniya bezopasnost'yu. Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 3 (94), pp. 47–54.

15. Belyaev V. P., Belyaeva G. S. K voprosu ob opredelennosti ponyatij kontrolya i nadzora. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 4 (73), pp. 141–146.

УДК 342.5

М. Б. Колотков, канд. юрид. наук, ст. науч. сотрудник, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: mkolotkov@yandex.ru)

ИДЕОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена вопросам изменения террористической идеологии в России в конце XIX – начале XX веков. Особое внимание уделено исследованию процессов теоретического переосмысления террористических идей и переработки тактики ведения революционной борьбы в России. Изучены пути отхода от народофильских взглядов на террор, признанных в начале 1880-х годов эффективными большинством российских революционеров. Уделено внимание исследованию массива теоретических разработок таких известных идеологов терроризма конца XIX века, как Л. Я. Штернберг, А. И. Ульянов, В. Л. Бурцев, П. Ф. Алисов, Е. Г. Левит, Х. О. Житловский и др. Отмечено, что нигилистические взгляды среди представителей российской общественно-политической мысли продолжали проследиваться и в конце XIX века, когда терроризм снова набрал свою силу, а его идеология оформилась настолько, что приобрела несколько течений. Под влиянием новых идей террор стал иным, формы и методы осуществления террористической деятельности тоже изменились. Идеология террора совершенно по-иному стала учитывать морально-нравственные ценности, поскольку обратила внимание на ценности утилитарные. В статье представлены новые для рассматриваемого периода критерии функционирования террористических ячеек, определенные на основе исследования структуры такой социальной общности, как террористическая организация, и анализа идеологии, лежащей в основе ее функционирования. С учетом этих критериев Российское государство должно было конституировать новые правовые идеи и организационные решения и определить новый перечень средств, с помощью которых планировалось их достижение. В этот период изменился и механизм антитеррористической деятельности государства, который выстраивался с учетом определения достаточной меры правового регулирования общественных отношений, исключавшей возможные варианты отклонения от заданного алгоритма регулирования. Именно понимание новых основ идеологии терроризма на рубеже XIX–XX веков позволило российскому правительству правильно осуществить поиск предмета и объекта правового воздействия и реализовать верные правовые решения.

Ключевые слова: террор, терроризм, нигилизм, идеология, право, революционные организации.

Ссылка для цитирования: Колотков М. Б. Идеология терроризма в России в конце XIX – начале XX века: историко-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 14–31.

Введение

Начало процесса перерождения террористической идеологии 70–80-х годов XIX века в России необходимо искать в трудах известных революционеров-террористов конца XIX века. Именно в этот период в России и в русской эмигрантской среде происходило теоретическое переосмысление террористических идей, осуществлялась переработка тактики ведения революционной борьбы. Первым шагом на пути отхода от народофильских взглядов на террор, признанных к началу 1880-х гг. эффективными большинством революционеров, стало появление в 1884 г. программы «Молодой партии «Народной Воли». По мнению одного из лидеров этой новой партии П. Ф. Якубовича, в России необхо-

димо провозгласить фабричный и аграрный терроры, которые должны быть направлены не на высокопоставленных чиновников, а на помещиков и фабрикантов, эксплуатирующих рабочих и крестьян [1, с. 65–66]. В отличие от народофильского террора, который не смог втянуть в революционное движение народные массы, террор аграрный будет значительно более доступен для понимания крестьян, а фабричный террор будет способствовать приобщению к революционным организациям фабричных и заводских рабочих. Стремясь ввести новые формы борьбы, сторонники этой партии полагали, что способствовали улучшению существовавшего в тот период революционного порядка. Однако так же, как и многие, они не предложили новой

постреволюционной программы государственного развития, не решили проблему легитимности новой власти и легальности позитивного права. Идеи П. Ф. Якубовича и его сторонников не были поддержаны революционным сообществом. Со стороны известного народовольца Г. А. Лопатина они вызвали серьезную критику, в связи с чем дальнейшего развития этой революционной структуры не последовало.

В 1885 г. массив теоретических разработок о терроре был дополнен брошюрой Л. Я. Штернберга «Политический террор в России», ставшей основным программным документом еще одной новой революционной структуры – «Южно-русской организации». Большую роль Л. Я. Штернберг отводил передовой партии, в которую должна войти «наиболее активная часть интеллигенции», заручившаяся поддержкой народных масс независимо от социальной принадлежности ее членов [2, с. 574–575]. В своей работе Л. Я. Штернберг представил терроризм в качестве единственно возможной формы борьбы против беззакония самодержавной власти, при этом крестьянское восстание он считал не только неэффективным, но и невозможным с точки зрения организации. По его мнению, средствами террора являлись «систематические убийства царя и главнейших явных врагов народа и интеллигенции; изолированность правительства, низводящая его до степени кучки личностей» [2, с. 579]. По справедливому замечанию И. А. Исаева, «революционеры всегда торопятся, контрреволюционеры, напротив, не спешат, поскольку время работает на них: ведь законы первых еще не созданы, а законы вторых предположительно рассчитаны на вечность» [3, с. 4]. Каким образом осуществить утопические замыслы Л. Я. Штернберга, имея в руках одно лишь насилие в условиях отсутствия времени, сил и других средств борьбы, совершенно неясно. Тем не менее можно констатировать факт появления в российской революционной среде первых прин-

ципальных отклонений от традиционных для народовольческого периода взглядов на роль крестьянства в освободительном движении.

Безусловно, картину постепенного изменения террористической идеологии в России дополняет программа «Террористической фракции партии «Народная Воля», подготовленная А. И. Ульяновым совместно с О. М. Говорухиным в конце 1886 – начале 1887 г. Преимущественно состоящая из положений переработанных народовольческих материалов, программа А. И. Ульянова, тем не менее, содержала в себе некоторые элементы индивидуальности. В частности, в ней террор представлялся результатом «столкновения правительства с интеллигенцией», а его главным значением признавалось «вынуждение у правительства уступок путем систематической его дезорганизации» [4, с. 156, 157]. Кроме того, сторонники этой фракции полагали необходимым организацию революционной борьбы с российским правительством не только в центре, но и на местах. А. И. Ульянов считал необходимым в обязательном порядке произвести децентрализацию террористической работы в России. Это положение существенно отличалось от народовольческих взглядов на осуществление террористической борьбы, в основу которых была положена четкая централизация партийной работы.

Следует отметить, что нигилистические взгляды среди представителей общественно-политической мысли продолжали проследиваться и в конце XIX в., когда терроризм снова набрал свою силу, а его идеология оформилась настолько, что приобрела несколько течений. Теория террора стала иной, формы и методы осуществления террористической деятельности тоже изменились. Теперь идеология террора совершенно по-иному учитывала морально-нравственные ценности, поскольку обратила внимание на ценности утилитарные. Принцип гарантированного результата перестал являться параметром, конституировавшим дея-

тельность террористов, а нормативный и предсказательный характеры их программных положений, позволявшие этому принципу работать, перестали быть исчерпывающими. Происходившие в России в конце XIX – начале XX в. социокультурные и общественно-политические процессы оказали существенное влияние на формирование российской государственности и антитеррористического законодательства. К началу XX в. в условиях нового витка развития террористической угрозы, выхода революционной деятельности за пределы России методы и принципы правового регулирования борьбы с террором изменились. Без понимания структуры такой социальной общности, как террористическая организация, уяснения идеологии, лежащей в основе ее функционирования, невозможно выстроить эффективный механизм правового регулирования борьбы с террором. Требовалось установить новые параметры в деятельности террористических организаций, которые снова позволили бы сделать конфликтную модель функционирующей. Необходимо определить и проанализировать некоторые из таких параметров.

1. Теоретическая форма террористической идеологии

С момента исчезновения «Народной Воли» вплоть до конца XIX в. террористическая идеология в России не имела своей реальной практической реализации и развивалась исключительно в плоскости ее теоретического осмысления. В этот период как в России, так и в среде русских эмигрантов большой размах обрела нелегальная печать, на страницах которой велись бурные споры о революционном будущем империи, а также о роли и месте террора в возможных преобразованиях. Происходила постепенная адаптация российского общества к условиям новой российской действительности, терроризм пытался найти новую форму своего выражения в умах революционеров нового поколения. Российская

история свидетельствует о том, что именно из публицистической среды впоследствии вышли многие идеологи российских революционных партий.

Наиболее отдаленным от реальной общественной жизни в конце XIX в. в России являлось социал-демократическое движение, поскольку оно изначально было сформировано путем теоретического осмысления интересов отдельных социальных групп. Лежащие в его основе идеи по умолчанию не могли придавать решающее значение террористическим методам революционной борьбы. Не отрицая возможность применения в исключительных случаях террора, социал-демократы выступали против возведения подобного метода в принцип. Тем не менее народофильский террор изначально ими признавался и поддерживался. Так, в 1885 г. Ф. Энгельс отмечал, что российское общество готово к революции, которая может произойти в любое время; «горсточка людей может сделать революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии» [5, с. 260].

Впоследствии социал-демократы старались не только не демонстрировать подобное отношение к террору, но и находились в постоянной идейной борьбе с эсерами именно в вопросе его применения. В 1902 г. полемика между ними настолько обострилась, что привела к системной критике и осуждению социал-демократами эсеровского террора. Так, в одной из своих работ В. И. Ленин отмечал, что «ставя в свою программу террор... социалисты-революционеры приносят этим самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса» [6, с. 375]. Однако буквально через три года взгляды лидеров социал-демократов изменятся кардинально, и они уже не только не будут критически относиться к террористическим методам революционной борьбы, но и всячески их поддерживать.

К числу первых революционных групп нового толка, появившихся в конце 80-х годов в российском общественно-политическом пространстве, следует отнести социалистов-федералистов, программные положения которых излагались в специально ими созданном в декабре 1887 г. периодическом издании – газете «Самоуправление». Редакторской работой в газете, выдержавшей всего четыре выпуска, занимались известные в тот период революционеры и публицисты. Непосредственное отношение к редакционно-издательской деятельности и подготовке публикаций для «Самоуправления» имели А. С. Белевский, О. Н. Фроловская-Фигнер, Н. К. Михайловский, В. Л. Бурцев, П. Л. Лавров, С. М. Кравчинский, М. П. Драгоманов и др. [7, с. 180–184] Согласно передовой статье первого номера газеты «Самоуправление» социалисты-федералисты не считали необходимым «затрачивать силы на дворцовую или городскую революцию: такой способ действия... может привести к нежелательным результатам» [8, с. 4]. Сторонники этого революционного течения делали ставку на легальные методы политической борьбы с властью: открытую агитацию в печати, организацию открытых и легальных протестных акций. Иными словами, социалисты-федералисты полагали необходимым оказывать исключительно законное давление на российское правительство, отстаивая подобным образом политические права и свободы граждан. Вместе с тем в их программе имелся тезис о том, что легальная работа сама по себе не принесет ощутимых результатов, поэтому террористическая деятельность, причем не в форме проведения отдельных акций, а в виде системы терактов «заставит монархизм, держащийся только разрозненностью общества и традицией рабства, положить оружие» [8, с. 4]. Парадоксальным образом эти два метода сочетались в рамках единой программы революционной партии.

В основу функционирования партии социалистов-федералистов были заложены два основополагающих начала: принцип единства и принцип децентрализации. Если партийное единство должно было достигаться стремлением к единообразному пониманию партийной идеологии, целей и задач организации, то децентрализацией своей деятельности социалисты-федералисты стремились обеспечить безопасность своих членов и снизить возможность их ареста. Так, А. И. Спиридович отмечал, что боевые группы социалистов-федералистов составлялись «из разбросанных в обществе отдельных террористов», и только при необходимости совершения теракта эти группы «быстро сплотившись... как бы с лету, совершают политическое убийство и вновь распыляются и тонут в обществе» [9, с. 11].

Террористическая программа социалистов-федералистов подвергалась критике и, в целом, не была поддержана авторитетными представителями революционного движения. По мнению Г. В. Плеханова, социалисты-федералисты в своих теоретических воззрениях не устранили «главных ошибок “народничества” и “народовольства”, а только сгладили противоречия, требовавшие разрешения» [10, с. 155]. Однако их программа наметила тенденцию дальнейшего теоретического развития идеологии террора в России. В частности, революционный курс газеты социалистов-федералистов был развит на страницах нового эмигрантского периодического издания – газеты «Свободная Россия», работой над которой в числе прочих занимались В. Л. Бурцев, М. П. Драгоманов и некоторые другие известные публицисты, ранее публиковавшие свои материалы в «Самоуправлении». Наибольшую публикационную активность в новой газете проявил В. Л. Бурцев – известный русский эмигрант, сторонник продолжения народо-вольческого революционного курса, активно отстаивавший практику применения индивидуального политического террора в России. Необходимо обратить

особое внимание на эту личность еще и по той причине, что В. Л. Бурцев имел возможность оказывать влияние на народные массы, поскольку в конце XIX – начале XX в. являлся издателем не только «Самоуправления» и «Свободной России», но и многих других революционных газет и журналов, выходивших, как правило, за рубежом.

Позицию В. Л. Бурцева в отношении применения террора следует назвать однозначно определенной. В «Свободной России» он отмечал, что любые положения революционных программ должны иметь второстепенное значение в сравнении с практикой применения индивидуального политического террора. Его точку зрения разделяли не все представители этой газеты. Например, М. П. Драгоманов являлся активным противником применения террористических методов в революционной борьбе. Наличие таких разногласий, а также серьезная критика со стороны революционного сообщества привели к скорому закрытию газеты. Тем не менее В. Л. Бурцев в своих суждениях оставался последовательным. На страницах «Свободной России» он продолжал публиковать заметки от имени всего периодического органа, согласно которым сторонники «Свободной России» посвятят «все свои силы, средства и связи для террористических нападений на правительство» [11, с. 30].

В статье «Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят?» журнала «Народоволец» В. Л. Бурцев отмечал, что «возобновление террористической борьбы в России... является теперь не только наиболее настоятельной потребностью революционного движения, но и его неизбежным условием» [12, с. 1]. Применение террора он считал единственным средством борьбы с правительством, способным заставить власть пойти на уступки революционерам. Кроме того, он фактически перекладывал ответственность за применение индивидуального политического террора на российское правительство и монарха, полагая, что их вина за

ключалась в неспособности услышать требования представителей освободительного движения и, как следствие, остановить террористические акты. Фактически, В. Л. Бурцев ставил власти ультиматум и не желал принимать от нее никаких компромиссных предложений по вопросу политической жизни в России. Данная позиция прослеживалась во многих публикациях В. Л. Бурцева. В статье «От издателей «Народовольца» он акцентировал внимание на том, что именно политический террор имел ключевое значение в революционной борьбе в России и что все сторонники и защитники его применения, несмотря на возможные разногласия, должны «слиться в одну лигу политического террора» [13, с. 22]. Таким образом, если в 60–80-е годы XIX столетия террор нередко являлся причиной революционных расколов именно с точки зрения идейного отношения к применению таких методов, то к началу XX века в России наблюдалось последовательное «выветривание» моральных ценностей из политических программ новых революционеров, а также был запущен процесс привыкания к насилию. Террор постепенно становился обыденным явлением.

К числу лиц, оказавших влияние на формирование теоретических основ идеологии терроризма в России в конце XIX в., в обязательном порядке следует отнести российского эмигранта-теоретика П. Ф. Алисова. В 1893 г. под его именем была опубликована брошюра «Террор (Письмо к товарищу)», в которой изложены взгляды П. Ф. Алисова по вопросу применения террора. Рассуждая о сущности террора и достоинствах его применения, П. Ф. Алисов сформулировал вполне конкретные предложения по организации революционной борьбы. По его мнению, организовать эффективную террористическую борьбу в России возможно только путем создания за границей специального органа управления – террористического бюро, которое должно руководить деятельностью небольших, не

зависимых друг от друга террористических групп [14, с. 9]. Как и у некоторых других идеологов террора, П. Ф. Алисов уделял особое внимание соблюдению принципа децентрализации террористической деятельности. Кроме того, он отмечал необходимость поддержания систематичности и непрерывности применения террора.

2. Системность террора

Идеи системности применения террора беспокоили многих революционеров периода конца XIX в. В 1888 г. в Санкт-Петербурге образовалась революционная группа народовольческого толка, в которую входили К. Р. Качоровский, Н. Беляев, С. Фойницкий и др. Из программы этой группы, подготовленной К. Р. Качоровским, следовало, что система политического террора признавалась ее членами единственным эффективным и доступным для революционеров средством борьбы с российским правительством. Кроме того, программа носила прогностический характер, поскольку оценивала возможные результаты «последовательно проведенной системы террора»: либо правительство пойдет на уступки перед революционерами, либо наступит усиление реакции, которое «при достаточной продолжительности террористических нападений не может не привести ее к абсурду... после чего последуют уступки» [9, с. 20]. Особенностью программы петербургского кружка являлась установка на строгую централизацию деятельности и на необходимость создания руководящего органа – «Главного совета». Кроме того, предусматривались строжайшие меры в отношении предателей и изменников: «Главный совет» наделялся правом предавать их смертной казни. К спонтанному и неподготовленному террору, равно как и к разовым террористическим акциям, члены петербургского кружка относились настороженно. Так, они отклонили поступившее от парижского кружка террористов предложение об объединении усилий для совершения

терракта, объяснив свою позицию активным протестом «против несистематического террора... от лица большинства русских революционеров» [9, с. 23]. Представители петербургского революционного кружка не организовали ни одного террористического акта, тем более систематического террора, их идеи так и остались в теоретической плоскости, не найдя практического выражения.

В это же время питавшие отдельных революционеров (П. Кашинский, М. Егупов, М. Бруснев и др.) идеи использовать террористические методы в освободительной борьбе способствовали образованию московского кружка под названием «Временный организационный исполнительный комитет». Совпадая по многим пунктам с программными положениями петербургского кружка, идеологическая платформа этой революционной группы предполагала «широкую устную и письменную пропаганду идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий» [15, с. 98]. Так же как и многие другие революционные образования того периода, представители московского кружка считали террор единственным средством революционной борьбы в России.

Следует также обратить внимание на еще одну петербургскую революционную организацию – «Группу народовольцев». Эта структура стала последней в российской истории организацией, преследовавшей целью любыми возможными способами подчеркнуть свою идейную связь с «Народной Волей». Участники группы первого состава (1892–1893 гг.) опубликовали два номера собственного печатного издания – «Летучих листков», в котором изложили свои взгляды на характер осуществления революционной борьбы. Не отрицая необходимость осуществления террористической борьбы, сторонники этой организации отмечали вынужденный характер применения террора, называя его суррогатом агитации и отча-

сти суррогатом пропаганды. Основная ставка в революционной борьбе делалась на формирование «сильной всесословной партии», деятельность которой должна способствовать дальнейшему развитию политической борьбы в России [16, с. 75]. Второй состав «Группы народолюбцев» (1894–1895 гг.), за исключением некоторых ее членов, в конечном счете вообще отказался от применения методов террора. Тем не менее третий номер «Летучих листков» содержал статьи, оправдывавшие террористические методы революционной борьбы или находившие новое теоретическое обоснование применения террора. В частности, А. А. Федулов в третьем номере «Летучего листка» опубликовал «Открытое письмо в редакцию», в котором изложил свое отношение к террористической деятельности. По его мнению, применение подобных методов не способствует тому, что российское правительство пойдет на уступки перед революционерами. А. А. Федулов полагал, что террор представлял собой «единственное средство всколыхнуть стоячие болота, кинуть туда такие запросы, о которых никто не слышал в этой мертвой тишине» [16, с. 130]. В четвертом номере периодического издания «Группы народолюбцев» упоминания о терроре вообще отсутствовали.

Иными словами, на первых порах главной задачей членов «Группы народолюбцев» являлось привлечение внимания народных масс к политическим вопросам, стремление любыми способами, в том числе и актами политического террора, искоренить равнодушное отношение к общественно-политической ситуации в России. Впоследствии основной упор был сделан на агитацию и пропаганду революционных идей в среде фабричных и заводских рабочих.

Примечательно, что организацией агитационно-пропагандистской деятельности в рабочей среде занимались не только организации революционного и террористического толка, но и государство. В частности, в начале XX в. началь-

ник Московского охранного отделения С. В. Зубатов был обеспокоен активной агитационной политикой российских революционеров среди рабочих, приводящей к волнениям и забастовкам. Причем причинами выступлений зачастую являлись не радикальные революционные идеи, а вполне справедливые требования по решению мелких бытовых вопросов и иных нужд трудящихся. Фактически, революционеры занимались разъяснением рабочему классу их прав и агитировали на проведение массовых акций, обращая внимание на нелицеприятное отношение власти к рабочим. В результате российское правительство, занимаясь решением проблем с рабочими, нередко было вынуждено, с одной стороны, признавать законность выдвигаемых требований, с другой – фиксировать несостоятельность деятельности местных административных властей и отдельных чиновников.

Свои соображения по данному вопросу С. В. Зубатов изложил в докладной записке московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу, в которой предлагал «оторвать широкую рабочую массу от революционной интеллигенции» путем создания проправительственного рабочего движения, действующего открыто и на законных основаниях [17, с. 17]. По мнению С. В. Зубатова, «если мелкие нужды и требования рабочих эксплуатируются революционерами для таких глубоко антиправительственных целей, то не следует ли правительству вырвать это благодарное для революционера оружие из его рук» [18, с. 4]. Иными словами, С. В. Зубатов предлагал образовать рабочие организации под надзором полиции. Позиция С. В. Зубатова московским генерал-губернатором была одобрена.

Начиная с середины 1901 г. на территории Российской империи стали образовываться подконтрольные правительству общественные организации, отстаивавшие интересы фабричных и заводских рабочих. Первым таким объединением стало «Общество взаимного вспомоше-

ствования рабочих в механическом производстве», которое появилось в мае 1901 г. в Москве. Впоследствии в Минске образовалась «Еврейская независимая рабочая партия», за непродолжительное время открывшая отделения в Киеве, Одессе и Вильне. В октябре 1902 г. при активной поддержке С. В. Зубатова в Санкт-Петербурге был образован небольшой кружок рабочих численностью около 10 человек, члены которого занимались на заводах и фабриках пропагандистской деятельностью. До рабочих доводилась идея улучшения существования рабочего класса путем налаживания механизмов взаимопомощи и организации сословной самодеятельности. Именно этот кружок стал локомотивом всего столичного движения рабочих, которое впоследствии организационно оформилось сразу в рамках двух структур. Одной из них являлось «Санкт-Петербургское общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», образованное по примеру организации с одноименным названием, ранее созданной в Москве. Второй рабочей организацией стало «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которое в феврале 1904 г. возглавил Г. А. Гапон. Деятельность Г. А. Гапона осуществлялась под непосредственным контролем С. В. Зубатова, который оплачивал получаемые от него сведения о рабочем движении.

Необходимо отметить, что вполне конструктивный замысел С. В. Зубатова, одобренный министром внутренних дел В. К. Плеве, не нашел повсеместной реализации. Сразу же после отставки С. В. Зубатова интерес к предложенной им идее стал угасать, рабочее движение стало развиваться совершенно в ином направлении, что уже к 1905 г. привело к многочисленным забастовкам рабочих и даже к массовым беспорядкам. Созданные С. В. Зубатовым общества довольно быстро прекратили свое существование, отдельные участники которых стали членами преступных организаций. К приме-

ру, Г. А. Гапон в этот период прекратил оказывать содействие Департаменту полиции. Кроме того, 9 января 1905 г. он был организатором манифестации рабочих, жестоко подавленной властями, после чего бежал за границу. Сразу после событий 9 января 1905 г. Г. А. Гапоном была подготовлена листовка «Братья товарищи-рабочие!», в которой он не только негативно отзывался о российской самодержавной власти, но и выступал с призывом к террору, желал смерти «проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли» [4, с. 427]. За рубежом Г. А. Гапон пользовался уважением в эмигрантской среде, заняв активную революционную позицию. Г. А. Гапон занимался сбором денежных средств для проведения русской революции, организовал доставку в Россию крупной партии оружия, которая по случайному стечению обстоятельств была изъята полицией, с целью объединения социалистических партий в единый союз провел в Париже конференцию и др. Однако после объявленной манифестом от 17 октября 1905 г. амнистии Г. А. Гапон не только вернулся в Россию, но и предложил руководителю политического отдела Департамента полиции П. И. Рачковскому помощь в ликвидации Боевой организации социалистов-революционеров. Впоследствии за это предложение представители Боевой организации организовали его убийство.

3. Проблема традиционализма

Парадоксально, но в конце 90-х годов XIX века большинство существовавших революционных организаций изменили отношение к террору. Все большее количество революционных ячеек отказывались использовать в своей деятельности подобные методы либо открыто не признавали факт применения террора. Однако не все революционеры полагали, что отказ от террора мог оказать позитивное влияние на характер освободительного движения в России. Например, в

1896 г. Е. Г. Левит со страниц периодического издания парижской «Группы старых народо-вольцев» обратился к издателям «Летучего листка» с призывом пересмотреть свою программу в контексте вопроса об отказе от применения террора. По его мнению, действие любой революционной партии должно быть основано исключительно на заговоре, а главной ошибкой в политической борьбе является отказ от террора [19, с. 478]. Вообще публикация Е. Г. Левита в большей мере представляла собой критический очерк, в котором идеализировалась программа «Народной Воли», а также анализировалась деятельность революционных сил конца 80-х – начала 90-х годов XIX века. По его мнению, любая новая революционная партия, желающая стать локомотивом освободительного движения в России, не будет иметь существенных отличий от «Народной Воли», поскольку программа последней «продиктована самой жизнью» [19, с. 488].

Традиционализм в оценке террора и поддержка народо-вольческой программы присутствовали во взглядах не только Е. Г. Левита, но и многих других революционеров. Например, Н. С. Русанов, являвшийся в середине 1890-х гг. одним из лидеров парижской «Группы старых народо-вольцев», тоже давал положительную оценку программным положениям «Народной Воли». Он с большой долей критики относился к деятельности революционеров нового толка и иных последователей народо-вольцев, полагая, что именно их пассивная деятельность привела к усилению правительственной реакции после событий марта 1881 г. и последующему снижению на многие годы накала революционной борьбы [20]. Известный революционер-публицист и сторонник народо-вольческой программы В. Л. Бурцев даже организовал издание в 1897 г. в Лондоне, а затем в Женеве (1903 г.) журнала «Народоволец», полностью посвященного развитию террористических аспектов программы народо-

вольцев. Деятельность журнала «Народоволец» на первом из двух коротких этапов его существования была прекращена в связи с арестом В. Л. Бурцева британскими властями в декабре 1897 г. и последующим отбыванием наказания в виде полутора лет каторжных работ. В. Л. Бурцеву вменялось в вину побуждение посредством опубликования соответствующих статей в «Народовольце» к убийству лица, не являющегося подданным британской королевы, а именно российского императора Николая II. По мнению О. В. Будницкого, британское дело В. Л. Бурцева представляло собой «единственный в своем роде “литературный” процесс», в ходе которого он «был осужден не за какие-либо конкретные действия, а за статьи в его журнале» [15, с. 110–111].

Следует отметить, что активные попытки возрождения в конце XIX в. народо-вольческого курса вызывали негативную реакцию многих представителей российской революционной эмиграции, в том числе видных и авторитетных идеологов освободительного движения. Так, Г. В. Плеханов посвятил одну из своих брошюр проблеме несостоятельности народо-вольческой программы в условиях 1890-х гг. и, как следствие, критике положений публикации Е. Г. Левита [21]. Сразу же после появления в 1897 г. журнала «Народоволец» П. Л. Лавров от имени парижской «Группы старых народо-вольцев» на страницах «Летучего листка» лондонского «Фонда вольной русской прессы» заявил, что ее представители не имели отношения к программе нового журнала [22]. Уже в следующем номере «Летучего листка» члены «Фонда вольной русской прессы» также поспешили официально объявить о своем негативном отношении к деятельности «Народовольца» [23].

В целом, следует констатировать тот факт, что в середине 1890-х гг. полемика по вопросу применения революционного террора стала еще более ярко выражен-

ной по сравнению с периодом 1870–80-х гг. Главное отличие заключалось в излишней теоретизации новых террористических идей и отсутствии понятной программы постреволюционного существования российской государственности. Ни теоретики и идеологи освободительного движения, ни революционеры-практики к этому периоду так и не смогли решить эту проблему. Революционная борьба продолжала оставаться самоцелью, а будущее государства после победы революции неоднозначным.

В конце 1890-х – начале 1900-х гг. к числу ярких идеологов терроризма, призывавших к возрождению народолюбивого программного курса и тактики борьбы с самодержавием, следует отнести Х. О. Житловского, одного из создателей партии социалистов-революционеров. По мнению Т. М. Копельзона, Х. О. Житловский являлся единственным теоретиком партии социалистов-революционеров вплоть до момента появления в революционной среде В. М. Чернова [15, с. 112]. В 1898 г. он под псевдонимом С. Григоровича опубликовал очерк «Социализм и борьба за политическую свободу», в котором изложил свои критические взгляды на революционную борьбу в России. Х. О. Житловский относился к террору как к обыденному явлению революционной действительности, полагая, что террор представлял собой «частное дело партии, такое же подчас необходимое дело, как подделка паспортов, конспиративные квартиры или шифры» [24, с. 53]. Он пытался найти нравственное оправдание насилия не с позиции революционера-террориста, т. е. лица, непосредственно его реализующего, а от имени русского народа. По мнению, Х. О. Житловского, «русское общество видело в терроре возмездие за правительственные безобразия, протест против произвола и бесчинства... против коверкания реформ, против ретроградных стремлений» [24, с. 53].

Кроме того, Х. О. Житловский сформулировал ряд положительных для революционной борьбы последствий применения террора. Прежде всего, террор оказывал дезорганизующее воздействие на российское правительство, вводя его в состояние безысходности и страха. Кроме того, террор способствовал созданию в обществе ощущения безнадежного положения властей, что приводило к отказу чиновников занимать высокие руководящие посты. Террор также оказывал позитивное психологическое воздействие на общественные массы, а также типографии и издательства: в печати все чаще стали появляться сообщения, содержавшие в себе все более смелые и решительные требования к властям. Наконец, террор оказывал влияние на формирование международных отношений России с другими государствами, прежде всего с европейскими странами.

В отличие от революционеров 60–80-х годов XIX века Х. О. Житловский полагал, что успех в политической борьбе возможен только в том случае, если террор станет средством борьбы не отдельных личностей, а целого русского рабочего класса, создавшего боевые организации, «которые подняли бы меч, выпавший из рук побежденной “Народной Воли” и вступили бы в непосредственную борьбу с русским правительством» [24, с. 118]. В своей программе Х. О. Житловский отмечал, что преимуществом партии социалистов-революционеров являлось объединение наследия «Народной Воли» с признанной социал-демократами новой революционной силой – классом промышленных рабочих. В заключение Х. О. Житловский сформулировал основные требования, которым должно соответствовать русское революционное движение: запрет на отказ от социалистической деятельности и организации рабочих масс, стремление к объединению интересов всех трудящихся слоев России, взятие эсерами инициативы по ведению активной политической

борьбы с самодержавием. Сформулированные Х. О. Житловским положения впоследствии стали частью политической программы партии социалистов-революционеров.

К 1900 г. революционная среда снова почувствовала на себе влияние идей о терроре В. Л. Бурцева. К этому времени известный революционный идеолог освободился из тюремного заключения и сразу же взялся за издание историко-революционного журнала «Былое». На страницах этого журнала В. Л. Бурцевым публиковались материалы как документального, так и публицистического характера об истории российского революционного движения. Теперь пропаганду народофильских идей В. Л. Бурцев стал осуществлять иным способом. В условиях идеологического многообразия, даже хаоса во взглядах на террор, сама по себе публикация исторических материалов о деятельности «Народной Воли» способствовала концентрации внимания на эффективности прежних методов борьбы с самодержавием. Революционерам нового времени не требовалось объяснять и доказывать истинность народофильского курса, поскольку к концу 1890-х гг. революционное движение в России другой более цельной и выдержанной программы, тем более прошедшей такую апробацию на практике, просто не имело.

Отдельные публикации В. Л. Бурцева носили не только агитационно-пропагандистский характер, но строились исключительно на предположениях автора. Наиболее часто это проявлялось в оценке реакции российского правительства на проведенные террористические акты. Описывая в 1900-х гг. современную революционную действительность, В. Л. Бурцев нередко обращался к событиям двадцатилетней давности, например, к взрыву Зимнего Дворца в 1880 г. Так, в 1903 г. в статье «Николай II и Последний» он предполагал, что если бы народофильцы были более активными, а теракты осуществлялись ими чаще, то «Александр II еще лучше бы понял в те

годы русские политические вопросы... и навсегда променял бы «неблагодарную» Россию с ее народофильцами на бесподобное Монте-Карло с его рулетками» [25, с. 19].

По мнению В. Л. Бурцева, осуществление новых терактов в 1900-х гг. позволит доказать Николаю II несостоятельность его правительства, в связи с чем император «прогонит моментально нынешних своих министров, призовет нового Лориса и не будет ему связывать рук, как это по недальновидности сделал Александр II в 1880-1881 гг.» [25, с. 18]. Полагаем, что позицию В. Л. Бурцева следует признать несостоятельной: наличие излишняя переоценка значения политического террора, а также непонимание реализуемой российским правительством политики в сфере противодействия терроризму.

С точки зрения особенностей применения террора В. Л. Бурцев критично относился к социалистам-революционерам, признавая их партию не террористической, а лишь имеющей террористические тенденции. По его мнению, эсеровский террор являлся лишь способом агитации и «никого серьезно не терроризировал». В. Л. Бурцев полагал, что «террор должен терроризировать правительство: иначе он не будет террором, а для этого многое в деятельности социалистов-революционеров должно измениться» [26, с. 19]. Идеализируя деятельность «Народной Воли», В. Л. Бурцев не оставался перед критикой не только других партий, но и народных масс. Так, в статье «Социалисты-революционеры и народофильцы» он отметил, что гибель «Народной Воли» – это «не ошибка ее программы, а ошибка ее деятелей и результат инертности тогдашнего русского общества и неподготовленности народных и рабочих масс» [26, с. 21].

В конечном счете В. Л. Бурцеву так и не удалось сплотить российских революционеров в рамках своих революционно-террористических идей. По мнению Д. Саундерса, главной причиной тому

являлась излишняя рафинированность, острота и прямолинейность программы В. Л. Бурцева, отпугивавшие возможных его сторонников [27, с. 60].

В 1901 г. парижская «Группа старых народовольцев» начала издание нового журнала «Вестник русской революции». В первом номере журнала была опубликована программа этой революционной группы, которая закрепила следующие положения: признание идейных основ «Народной Воли»; представление террора как «необходимого, хотя и печального, орудия борьбы с правительством»; проведение систематического террора только «организованной партией» [28, с. 14]. В этом же номере в отдельной статье «1881–1901», подготовленной М. Р. Гоцем под псевдонимом А. Левицкий, рассуждения о выбранном революционном курсе были продолжены, при этом публикация носила скорее пропагандистский, нежели программный характер. М. Р. Гоц отмечал, что опыт народовольцев поможет «русским социалистам выйти на широкую дорогу решительной борьбы с самодержавием», обращая при этом внимание на опасность искажения программы «Народной Воли» [29, с. 119–122]. Анализируя публикации парижской группы, О. В. Будницкий сделал вполне обоснованный вывод об идентичности их программы с положениями и установками партии социалистов-революционеров, объяснив этот феномен тем, что начиная со второго номера журнал «Вестник русской революции» стал «официальным теоретическим органом эсеров, а Михаил Гоц – одним из лидеров партии и, кстати, заграничным представителем Боевой организации» [15, с. 127].

4. Идеологический отказ от непроверяемости террора

К концу XIX в. в революционной среде при всей очевидной однозначности во взглядах на террор продолжали идти споры о признании или непризнании необходимости его применения. В августе 1897 г. в Воронеже, в ноябре 1897 г. в

Полтаве, в августе 1898 г. в Киеве, в июне 1900 г. в Харькове во время съездов Южной партии социалистов-революционеров именно этот вопрос вызвал наибольшую полемику: некоторые революционеры отрицали террор, многие полагали необходимым его применять, не заявляя об этом открыто, либо временно отложить его применение [15, с. 127–128]. В конечном счете после нескольких лет дискуссий в ноябре 1900 г. эсеры-южане опубликовали «Манифест партии социалистов-революционеров», в котором вопрос применения террора в политической борьбе вообще был не затронут. Представители Северного союза партии эсеров, напротив, делали акцент на необходимости применения террора, причем систематического, направленного на уничтожение «наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия» [30, с. 11]. Террористические положения эсеров-северян в 1898 г. были включены отдельным разделом в их партийную программу «Наши задачи».

Вполне закономерно, что в вопросе о терроре эсеры-южане не поддержали эсеров-северян, выразив опасение, что включение в программу тезисов о применении террора может сформировать в обществе мнение о членах партии эсеров как о простых террористах, лишь прикрывающихся идеями политической борьбы. В результате это негативно отразится как на работе по привлечению в свои ряды сторонников, так и на агитации и пропаганде революционных идей в народе. Наверное, поэтому в 1900 г. Северный союз социалистов-революционеров опубликовал весьма сдержанный первый номер собственной газеты «Революционная Россия», который с точки зрения революционного накала даже у членов партии не вызвал серьезных положительных эмоций [31].

Всего в 1900–1905 гг. было опубликовано 77 номеров «Революционной России». Стремясь не отпугнуть от газеты читателей, а от партии сторонников, в

материалах первого номера была существенно снижена острота многих программных тезисов, а проблема применения террора упоминалась лишь в опосредованной форме. В вопросах организации террористической борьбы газета лишь отсылала читателя к прокламации Рабочей партии политического освобождения России, а также партийной брошюре «Свобода». Как прокламация, так и брошюра имела ярко выраженную террористическую окраску.

Рабочая партия политического освобождения России была образована в конце 1890-х гг. в Минске. Организаторами партии являлись С. Ф. Ковалик, Е. Гальперин, Е. К. Брешковская, Л. М. Родионова-Клячко. Придерживаясь террористических способов ведения политической борьбы, сторонники этой партии полагали необходимым уничтожить путем терактов тех представителей власти, которые «непосредственно заинтересованы в поддержании существующего деспотического строя», что позволит дезорганизовать правительство, «у которого народ сумеет вырвать принадлежащие ему права» [9, с. 59]. По замыслу представителей партии, их террористическая деятельность должна осуществляться до тех пор, когда народу правительство предоставит рабочую конституцию и в конечном счете в России «будет провозглашена полная свобода» [9, с. 60].

Примечательно, что первоначально программные положения партии, изложенные Л. М. Родионовой-Клячко в брошюре «Свобода», содержали тезис, согласно которому террор не должен быть направлен в отношении императора. Впоследствии это положение исключил из текста брошюры известный террорист Г. А. Гершуни, осуществивший ее редактирование.

5. Биполярная модель принятия решения

Одним из главных недостатков применяемой в конце XIX в. террористической идеологии продолжала оставаться некорректная оценка истинных социаль-

ных регуляторов российского общества и, как следствие, пренебрежение ими. Смешение моральных и материальных ценностей социальных классов, попытка нормирования морали в рамках стремления революционеров сформировать у народа соответствующую мотивацию еще в 60-х годах XIX века были обречены на неудачу. По справедливому замечанию В. А. Лефевра, «человеческое сознание, генерируя решения, не может опираться лишь на систему ценностей» [32, с. 155]. Зачастую человеку приходится сталкиваться с необходимостью оценки целых комплексов явлений. Именно с этой проблемой на рубеже XIX–XX вв. снова столкнулись идеологи революционных партий, пытавшиеся объяснить и оправдать террористические методы политической борьбы.

Среди лидеров эсеров проблема нравственного оправдания терроризма также понималась по-разному. Если В. М. Чернов пытался найти рациональный способ объяснения этой проблемы и доведения способов ее разрешения до масс, то известный террорист, член Боевой организации партии эсеров Б. В. Савинков фактически отказался от публицистической формы изложения взглядов, перейдя к форме художественной. В своих работах он не предпринимал попытки найти нравственные основания террористической деятельности. Б. В. Савинков занимался простым восхвалением и пропагандой идей террора: в ходе анализа дискуссий В. Н. Фигнер и Б. В. Савинкова, закрепленных документально, можно наглядно отследить характер изменения идеологии терроризма в России. В частности, В. Фигнер отмечала, что народовольцы «о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее, или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем» [33, с. 156]. Бескорыстие и альтруизм народовольцев неоднократно подчеркивались Н. А. Троицким и многими другими исследователями [34, с. 159–163].

С. И. Чудинов также отмечал, что у народовольцев террористическая деятельность переплеталась «с мучительными вопросами нравственного оправдания терроризма в начале и сознанием неискупленного греха в конце» [35, с. 160]. По этой причине проблему ценности жизни террориста и его жертвы, вопросы долга, чести и самопожертвования В. Фигнер считала надуманными и не имевшими реального отношения к революционной практике, а позицию Б. В. Савинкова о душевных муках террориста – пафосной и даже фальшивой. Высокопарные фразы о сакральности образа террориста В. Фигнер не принимала, полагая, что к началу XX в. у российского революционера, в отличие от народовольцев, «выросла потребность жизни для себя, выросло сознание ценности своего “я” и явилось требование жизни для себя» [35, с. 161]. В данном случае при принятии решения утилитарный и морально-нравственный подходы по отношению друг к другу становились взаимоисключающими: с одной стороны, более разумный с позиции нравственности выбор приводил к резкому снижению объема полезности такого решения, с другой – утилитарный выбор террористов не учитывал морально-этические аспекты. Террористическая идеология начала XX в. предприняла попытку сформировать биполярную модель принятия решения, позволившую учесть на первый взгляд несовместимые параметры. Действительно, мотивация выбора человека иррациональна, зачастую даже сакральна. Поэтому люди и отклоняются от оптимальной и более эффективной на первый взгляд стратегии поведения. В. А. Лефевр отмечал, что «верующий каменщик согласится получать меньшую сумму денег, строя собор, по сравнению с той, которую он потребует, чтобы строить банк» [32, с. 156].

6. Принцип запрета эгоизма

Этот принцип являлся универсальным и должен был носить непреходящий

характер. Наиболее наглядно он прослеживался в программах революционеров-террористов 60-х годов XIX века: «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева, «Террористической борьбе» Н. А. Морозова и др. [36, с. 20–48] В программных положениях партии эсеров на нем также был сделан особый акцент. В частности, рисуя российскую действительность в суровых красках, чрезмерно преувеличивая жестокость правительства и произвол административных властей, В. М. Чернов тем самым представлял партийных террористов борцами за справедливость, обладающими действенной силой. В таком случае в сознании общественных масс террористы переходили из разряда преступников в категорию освободителей. Например, М. Хилдермейер обратил внимание на попытку эсеров если не оправдать, то объяснить применение террора включением в партийные положения специфических морально-нравственных аргументов, а также использованием в программных текстах таких выражений, как «исторический долг», «дух самопожертвования», «дело чести», «подвиг самоотречения» и т. д. [37, с. 81] Рассуждая о возможности морально-нравственного обоснования убийства в ходе теракта, один из членов Боевой организации эсеров В. М. Зензинов отмечал, что единственным его оправданием может являться «принесение при этом в жертву своей собственной жизни» [38, с. 108]. Акт самопожертвования восстанавливал нравственный дисбаланс, появившийся в общественном сознании в результате совершения акта террористического.

Кроме того, В. М. Чернов полагал, что террор несет в себе мощнейший пропагандистский заряд, а террористические акты помогают людям «задумываться над многими вещами, о которых раньше им ничего не приходило в голову – словом, заставляют их политически мыслить хотя бы против их воли» [38, с. 78]. Позиция В. М. Чернова по данному вопросу представлялась спорной: большое значение в

пропаганде имели контекст и специфическое преподнесение фактов, а также стремление перевести внимание общественности с политико-правовых аспектов на вопросы целесообразности и вынужденности применения террора. В целом, эсеры не представляли ни реального уровня агитационной силы террористического акта, ни глубины проблемы последующего выхода из террора, когда необходимость в нем исчезнет. По их мнению, отделение террористической функции от других направлений деятельности партии должно было решить эту проблему и не позволить постепенному переходу революционной деятельности исключительно на один способ ее ведения – террористический. Опыт «Народной Воли» наглядно демонстрировал негативный результат такого перехода. Создание при партии Боевой организации, непосредственно занимавшейся террористической деятельностью и не контактирующей с основной ячейкой, по замыслу лидеров эсеров должно было способствовать значительно более успешной партийной работе и сохранению вспомогательного статуса террора.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в революционной среде произошло теоретическое переосмысление характера террористической идеологии, что привело к постановке новых задач перед российским правительством, требовавших оперативного решения. Российское государство должно было конституировать новые правовые идеи и организационные решения и определить новый перечень средств, с помощью которых планировалось их достижение. В этот период изменился и механизм антитеррористической деятельности государства, который выстраивался с учетом определения достаточной меры правового регулирования общественных отношений, исключавшей возможные варианты отклонения от заданного алгоритма регулирования. Именно понимание новых основ идеологии терроризма на рубеже XIX–XX вв.

позволило российскому правительству правильно осуществить поиск предмета и объекта правового воздействия и реализовать верные правовые решения.

Список литературы

1. Программа «Молодой партии «Народной Воли» // Советские архивы. 1969. № 3. С. 65–66.
2. Штернберг Л. Я. Политический террор в России 1884 // Лавров: Годы эмиграции: Архивные материалы: в 2 т. Т. 2. Dordrecht; Boston, 1974. С. 572–593.
3. Исаев И. А. Государство в революции: учредительное насилие // История государства и права. 2017. № 21. С. 3–6.
4. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 576 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 36. М.: Изд-во полит. лит., 1964. 805 с.
6. Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. С. 372–376.
7. Широкова В. В. Газета «Самоуправление» // Вопросы истории. 1982. № 11. С. 180–184.
8. Самоуправление. 1887. № 1.
9. Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. 2-е изд. Пг.: Военная тип., 1918. 623 с.
10. Плеханов Г. В. Редакции журнала «Самоуправление» // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 155–156.
11. Свободная Россия. 1889. № 1.
12. Бурцев В. Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят?: [Из 2 № «Народовольца», 1897]. [Лондон, 1901]. 10 с.
13. Бурцев В. Л. Долой царя! Лондон, [1901]. 56 с.

14. Алисов П. Ф. Террор: (Письмо к товарищу). Geneve: Impr. gusse nouvelle, 1893. 16 с.
15. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
16. Куделли П. Ф. Народовольцы на перепутьи: Дело Лахтинской типографии: [с прил. документов и «летучих листков» группы народовольцев 1892 г. и 1895 г.]. Л.: Гос. изд-во, 1925. 168 с.
17. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 208 с.
18. Овченко Ю. Ф. «Хмурый» полицейский. Карьера С. В. Зубатова // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 3–26.
19. Левит Е. Г. Открытое письмо к народовольцам – издателям «Летучего листка» // Материалы для истории русского социально-революционного движения. Париж, 1896. № 6-7. С. 475–489.
20. Русанов Н. С. На рубеже двух царствований Александр III – Николай II. Женева: Тип. группы старых народовольцев, 1895. 44 с.
21. Плеханов Г. В. Новый поход против русской социал-демократии. Женева: Союз рус. социал-демократов, 1897. 55 с.
22. Летучий листок «Фонда вольной русской прессы». 1897. № 39.
23. Летучий листок «Фонда вольной русской прессы». 1897. № 40.
24. Григорович С. Социализм и борьба за политическую свободу: ист.-крит. очерк. Лондон: Союз рус. социалистов революционеров, 1898. 120 с.
25. Будущее: сборник статей на злобу дня / ред.-издатель В. Л. Бурцев. Пг., 1917. № 1. 52 с.
26. Народовец: Социально-политическое обозрение. Женева, 1903. № 4.
27. Saunders D. Vladimir Burtsev and the russian revolutionary emigration // European Studies Review. 1983. Vol. 13, no. 1. P. 39–62.
28. Наша программа // Вестник русской революции. Париж, 1901. № 1. С. 1–15.
29. Левицкий А. 1881–1901 (Заметка) // Вестник русской революции. Париж, 1901. № 1. С. 119–122.
30. Куклин Г. А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения. Женева: Изд. Г. А. Куклина, 1903. 685 с.
31. Революционная Россия. 1900. № 1.
32. Лефевр В. А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154–157.
33. Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Избранные произведения: в 3-х т. Т. 3. М.: Изд-во политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1933. 418 с.
34. Троицкий Н. А. За что я люблю народовольцев // Освободительное движение в России: межвуз. науч. сб. Вып. 19. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 159–163.
35. Чудинов С. И. Аберрация совести в революционном народничестве (на примере эсеровского терроризма) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 160–166.
36. Колотков М. Б. Терроризм и государство: технология конфликта: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.
37. Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900-1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth – and Twentieth-century Europe. New York: Lnd., 1979. P. 80–87.
38. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. 414 с.

Поступила в редакцию 03.04.18

UDC 342.5

M. B. Kolotkov, Candidate of Juridical Science, Senior Researcher, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia) (e-mail: mkolotkov@yandex.ru)

THE IDEOLOGY OF TERRORISM IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES: HISTORICAL-LEGAL ASPECT

The article is devoted to the changes of terrorist ideology in Russia in the late XIX – early XX centuries. Particular attention is paid to the study of the processes of theoretical rethinking of terrorist ideas and the processing of tactics of revolutionary struggle in Russia. The ways of departure from the people's views on terror, recognized in the early 1880s as effective by the majority of Russian revolutionaries, are studied. Attention is paid to the study of the array of the theoretical development of such well-known ideologues of terrorism from the late nineteenth century, as L. Y. Sternberg, A. I. Ulyanov, V. L. Burtsev, P. F. Alisov, E. G. Levit, O. H. Zhitlowsky etc. It is noted that the nihilistic views among the representatives of the Russian socio-political thought continued to be traced in the late XIX century, when terrorism again gained its strength, and its ideology was formed so that it acquired several currents. Under the influence of new ideas, terror has changed, and the forms and methods of carrying out terrorist activities have also changed. The ideology of terror has taken a completely different account of moral values, because it drew attention to the utilitarian values. The article presents new criteria of terrorist organizations functioning for the period under consideration, determined on the basis of the study of the structure of such social community as a terrorist organization and the analysis of the ideology underlying its functioning. Taking into account these criteria, the Russian state had to create new legal ideas and organizational solutions and define a new list of means by which it was planned to achieve them. During this period, the mechanism of the state's antiterrorist activity was also changed, which was built taking into account the definition of a sufficient measure of legal regulation of social relations, excluding possible options for deviation from the given algorithm of regulation. It is the understanding of the new foundations of the ideology of terrorism at the turn of the XIX-XX centuries that allowed the Russian government to correctly search for the subject and object of legal influence and implement the right legal solutions.

Key words: terror, terrorism, nihilism, ideology, law, revolutionary organizations.

For citation: Kolotkov M. B. The ideology of terrorism in Russia in the late XIX – early XX centuries: historical-legal aspect. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 14–31 (in Russ.).

References

1. Programma “Molodoj partii ”Narodnoj Voli”. Sovetskie arxivy, 1969, no. 3, pp. 65–66.
2. Shternberg L.Ya. Politicheskij terror v Rossii 1884. Lavrov: Gody` e` migracii: Arxivny`e materialy`. Vol. 2. Dordrecht; Boston, 1974, pp. 572–593.
3. Isaev I. A. Gosudarstvo v revolyucii: uchreditel`noe nasilie. Istorija gosudarstva i prava, 2017, no. 21, pp. 3-6.
4. Istorija terrorizma v Rossii v dokumentax, biografijax, issledovaniyax. Rostov-na-Donu, Feniks, 1996. 576 p.
5. Marks K., E`ngel`s F. Sochineniya. Ed. 2. Vol. 36. Moscow, Poli. Lit. Publ., 1964. 805 p.
6. Lenin V. I. Pochemu social-demokratiya dolzhna ob`yavit` reshitel`nyu i besposhadnyu vojnu socialistam-revolucioneram? Poln. sobr. soch. Ed. 5. Vol. 6. Moscow, Gospolitizdat, 1963, pp. 372–376.
7. Shirokova V. V. Gazeta “Samoupravlenie”. Voprosy` istorii, 1982, no. 11, pp. 180–184.
8. Samoupravlenie, 1887, no. 1.
9. Spiridovich A. I. Partiya socialistov-revolucionerov i ee predshestvenniki. 1886-1916. Ed. 2. Petrograd, Voennaya tip., 1918. 623 p.
10. Plexanov G. V. Redakcii zhurnala “Samoupravlenie”. Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plexanova. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1973, pp. 155–156.
11. Svobodnaya Rossiya, 1889, no. 1.
12. Burcev V. L. Pravda li, chto terror delayut, no o terrore ne govoryat?: [Iz no. 2 “Narodovol`cza”, 1897]. [London, 1901]. 10 p.

13. Burcev V. L. *Doloi czarya!* London, [1901]. 56 p.
14. Alisov P. F. *Terror: (Pis'mo k tovarishhu)*. Geneve, Impr. russe nouvelle, 1893. 16 p.
15. Budniczkij O. V. *Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, e'tika, psixologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Moscow, ROSSPE'N, 2000. 399 p.
16. Kudelli P. F. *Narodovol'cy na pereput'i: Delo Laxtinskoj tipografii: S pril. dokumentov i "letuchix listkov" gruppy narodovol'cev 1892 g. i 1895 g.* Leningrad, Gos. izd-vo, 1925. 168 p.
17. Gerasimov A. V. *Na lezvii s terroristami*. Paris, YMCA-PRESS, 1985. 208 p.
18. Ovchenko Yu. F. "Xmury'j" policejskij. Kar'era S. V. Zubatova. *Voprosy istorii*, 2009, no. 6, pp. 3-26.
19. Levit E. G. *Otkry'toe pis'mo k narodovol'czam – izdatelyam "Letuchego listka"*. Materialy dlya istorii russkogo social'no-revolucionnogo dvizheniya. Parizh, 1896, no. 6-7, pp. 475-489.
20. Rusanov N. S. *Na rubezhe dvux czarstvovaniy Aleksandr III – Nikolaj II*. Zheneva, Tip. gruppy stary'x narodovol'cev, 1895. 44 s.
21. Plexanov G. V. *Novy'j poход protiv russkoj social-demokratii*. Zheneva, Soyuz russkix social-demokratov, 1897. 55 p.
22. *Letuchij listok "Fonda vol'noj russkoj pressy"*, 1897, no. 39.
23. *Letuchij listok "Fonda vol'noj russkoj pressy"*, 1897, no. 40.
24. Grigorovich S. *Socializm i bor'ba za politicheskuyu svobodu: Ist.-krit. ocherk*. London, Soyuz rus. socialistov revolyucionerov, 1898. 120 p.
25. *Budushhee: Sbornik statej na zlobu dnya; red.-izdatel' V. L. Burcev*. Petrograd, 1917, no. 1. 52 p.
26. *Narodovolecz: Social'no-politicheskoe obozrenie*. Zheneva, 1903, no. 4.
27. Saunders D. *Vladimir Burtsev and the Russian Revolutionary Emigration*. *European Studies Review*, 1983, vol. 13, no. 1, pp. 39-62.
28. *Nasha programma*. *Vestnik russkoj revolyucii*. Parizh, 1901, pp. 1-15.
29. Leviczkiy A. 1881-1901 (Zametka). *Vestnik russkoj revolyucii*, 1901, no. 1, pp. 119-122.
30. Kuklin G. A. *Itogi revolyucionnago dvizheniya v Rossii za sorok let (1862-1902 gg.): sbornik programm, programmny'x statej russkix revolyucionny'x partij i grupp i kratkix ocherkov po istorii russkago revolyucionnago dvizheniya*. Zheneva, Izd. G. A. Kuklina, 1903. 685 p.
31. *Revolucionnaya Rossiya*, 1900, no. 1.
32. Lefevr V. A. *Vy'sshie cennosti i formal'naya teoriya vy'bora*. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 4, pp. 154–157.
33. Figner V.N. *Zapechatlenny'j trud. Izbranny'e proizvedeniya*. Vol. 3. Moscow, Izd-tvo politkatorzhan i ssyl'no-pereselenecv, 1933. 418 p.
34. Troiczkiy N. A. *Za chto ya lyublyu narodovol'cev. Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. nauch. sb. Is. 19*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2001, pp. 159–163.
35. Chudinov S. I. *Aberraciya sovesti v revolyucionnom narodnichestve (na primere e'serovskogo terrorizma)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 381, pp. 160–166.
36. Kolotkov M. B. *Terrorizm i gosudarstvo: texnologiya konflikta*. Moscow, Yurlitinform, 2017. 184 p.
37. Hildermeier M. *The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–1914. Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth – and Twentieth-century Europe*. New York, Lnd., 1979, pp. 80–87.
38. Zenzinov V. M. *Perezhitoe*. New York, Izda-vo im. Chexova, 1953. 414 p.

УДК 6(091):94(470):614.8

В. И. Томаков, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

М. В. Томаков, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

А. В. Брежнев, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (Москва, Россия) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

В. В. Андриенко, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

М. Е. Пашкова, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: marinapaskova19@gmail.com)

Д. Х. Галаева, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: diana-galaewa@mail.ru)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАДЗОРА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПАРОВЫХ КОТЛОВ И МАШИН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья раскрывает некоторые исторические особенности развития законодательной деятельности в области надзора за промышленной безопасностью в отношении паровых котлов и машин. Связано это с тем, что с развитием в России горного дела и промышленности, оснащением производств паровыми машинами участились травматизм и смерть рабочих. Эти обстоятельства вызвали необходимость законодательного установления норм и правил надзора за содержанием и эксплуатацией котлов.

Становление государственного надзора за безопасной эксплуатацией паровых и водогрейных котлов, сосудов, работающих под давлением, трубопроводов пара и горячей воды начинается с 8 февраля 1843 года. Именно тогда постановлением Правительства России в «Устав о промышленности фабричной и заводской» было впервые введено требование о соблюдении приложенных к Уставу особых правил предосторожности при обращении с паровыми котлами. В декабре этого же года постановлением Правительства России в Устав была введена статья, возлагавшая обязанности по освидетельствованию паровых котлов на губернских механиков.

Первые правила с незначительными изменениями действовали в течение 50 лет. В 1893 году были введены в действие новые правила, утвержденные министром финансов 30 июля 1890 года. Эти правила были уже достаточно подробными. Они состояли из 10 глав, 27 параграфов и содержали требования к конструкции котлов, к арматуре, к помещениям для котлов, определяли периодичность и порядок освидетельствования котлов, устанавливали порядок получения разрешения на установку паровых котлов.

В это же время был изменен и порядок надзора за котлами, когда постановлением от 14 марта 1894 года эти обязанности были возложены на фабричные инспекции, состоящие в ведении Министерства торговли и промышленности.

В 1911 году были введены в действие вновь разработанные «Правила относительно устройства, содержания и освидетельствования паровых котлов, состоящих в ведении Министерства торговли и промышленности» и одновременно наблюдение за исполнением правил по котлам было возложено на министерства, к которым относились предприятия, эксплуатирующие котлы. Кроме того, министру торговли и промышленности было предоставлено право утверждать уставы обществ и союзов, образуемых владельцами паровых котлов для надзора за такими котлами и разрешать этим обществам производить освидетельствование паровых котлов, создавать специальные школы по обучению кочегаров (операторов).

Правила исполнили важную роль не только в организации и совершенствовании государственного надзора в России, но и внесли весомый вклад в дальнейшее развитие производства, совершенствование конструкции котлов, в создание новых материалов.

Ключевые слова: паровой котел, паровые машины, государственный надзор и контроль, промышленная безопасность, правила безопасности, фабричные инспекции.

Ссылка для цитирования: Томаков В. И., Томаков М. В., Брежнев А. В., Андриенко В. В., Пашкова М. Е., Галаева Д. Х. Развитие законодательства в сфере надзора за безопасностью паровых котлов и машин в Российской империи в XIX – начале XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 32–42.

Первая половина XIX в. характеризуется в России как время начала про-

мышленного переворота – в промышленности, транспорте активно внедрялись

паровые машины. Так, на Александровской мануфактуре на окраине Петербурга в 1809 г. впервые были установлены английские прядильные машины. К 1828 г. на ней уже действовали три паровые машины общей мощностью 170 л. с. К 1846 г. в текстильном производстве применялось 70 тыс. веретен, которые приводились в действие паром от паровых котлов. Накануне отмены крепостного права в 1859 г. количество веретен составляло уже 1 600 тыс. В 1850 г. на внутренних водных путях насчитывалось около сотни пароходов. Активно внедрялись машины и в свеклосахарную промышленность. На шахтах исключительное распространение получили паровые подъемные машины и подземные паровые насосы.

Повсеместное распространение двигателей и машин послужило новым источником преждевременной потери рабочими трудоспособности или даже жизни от несчастных случаев. Чаще всего взрывы котлов происходят из-за чрезмерно высокого давления пара и обусловлены дефектом конструкции, либо из-за отсутствия надлежащего периодического ремонта, либо неправильной эксплуатации [1]. Использование паровых машин требовало разработки и соблюдения мер безопасности. Все эти крупные изменения условий труда привели к необходимости государственного вмешательства в защиту жизни и здоровья работников.

В связи с этим 13 ноября 1842 г. император Николай I поручил Главному управлению путей сообщения и публичных зданий составить правила предосторожности при устройстве и употреблении подобных машин.

Правительствующим сенатом по представлению министра финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин таковые правила предосторожности были приняты 8 февраля 1843 г. Эти правила были просты и они вошли в Свод законов Российской империи 1843 г. под заголовком «О правилах предосторожности, какие должны быть наблюдаемы при введении в употребление машин высокого давле-

ния» и были включены в «Устав о промышленности фабричной и заводской».

Правила содержали всего 10 пунктов, требования которых не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня. В этих правилах были регламентированы: максимальное давление в котле; материалы и конструкция котлов; необходимость установки указателей уровня воды в котле, манометров и предохранительных клапанов; требования к устройству помещения для котла и обслуживающему персоналу. Следует заметить, что в Англии первые правила по паровым котлам, разработанные «Манчестерским обществом владельцев паровых котлов», были опубликованы в 1857 г. [2]

Можно считать, что история котлонадзора – государственного надзора за безопасной эксплуатацией паровых и водогрейных котлов, сосудов, работающих под давлением, трубопроводов пара и горячей воды начинается с 8 февраля 1843 г., когда впервые введено требование о соблюдении приложенных к Уставу особых правил предосторожности при обращении с паровыми котлами [3]. В декабре того же года постановлением Правительства России в Устав была введена статья, возлагавшая обязанности по освидетельствованию паровых котлов на губернских механиков. Таким образом, начиная с 1843 г. в России безопасность эксплуатации котлов контролировалась губернскими инженерами-механиками.

Для того чтобы понять, чем занимался служащий в данной должности, стоит привести в качестве примера выдержку из отчета архангельского губернского механика Дмитрия Гомоновского (занимавшего одновременно аналогичную должность и в Вологде) за первую половину 1883 г., направленного на имя архангельского губернатора:

«Имею честь подать Вашему Превосходительству отчет о моих действиях, которые состояли:

1. В испытании и освидетельствовании паровых котлов с выдачей свидетельств и клейм.

2. В осмотре паровых котлов, имеющих прежние свидетельства, которым еще не истек срок.

3. В подаче практических советов относительно ухода за паровыми котлами, машинами и проч.

При настоящем отчете имею честь приложить список испытанных и освидетельствованных котлов: на лесопильных заводах – 12, на пароходах – 9, в разных мастерских – 2, локомотивах – 2, всего – 25 штук...».

Отчеты губернских механиков публиковались Департаментом мануфактур и внутренней торговли в ежемесячном Журнале мануфактур и торговли, издававшемся в 1825–1866 гг. С 1846 г. в журнал был включен постоянный раздел «О действиях губернских механиков». Ценность этих отчетов состоит в том, что они составлены профессионалами, наблюдавшими производственный и технологический процессы не из тиши петербургских кабинетов, а непосредственно на местах. Более того, инженеры-механики, как правило, являлись выпускниками Санкт-Петербургского технического института, дававшего квалификацию специалиста высшего класса.

Первоначально губернские механики получали казенное жалованье, что, по сути дела, приравнивало их к государственным служащим. В Москве жалованье механика составляло 800 руб. серебром, а у его помощника – 450 руб. серебром в год. В других губерниях сумма была меньше – 500 руб. серебром в год. С 1857 г. выдачу жалованья прекратили и перевели механиков на сдельную оплату труда – по обоюдному согласию с хозяевами заводов и фабрик.

Развитие экономики России в пореформенный период характеризовалось значительным развитием горного дела и ростом промышленности [4]. В частности, в знаменитом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что количество паровых котлов в промышленности Российской империи в 1875–1878 гг. равнялось 8510, а к 1892 г. составляло 14 248. В 1904 г., по отчетам

фабричных инспекторов, по 64 губерниям насчитывалось 27 579 фабрично-заводских паровых котлов, всего же по России их количество равнялось 31 887 (кроме сельскохозяйственных).

Потребность в паровых машинах обеспечила устойчивый рост их количества. Так, общее число данных устройств в 1905 г. составляло 52 628, а к концу 1912 г. – 67 000, причем наблюдалась устойчивая тенденция наиболее быстрого увеличения численности сельскохозяйственных котлов.

Паровые котлы использовались при строительстве паровозов, военных, морских и речных судов, подъемных сооружений, а также локомотивов. Последние выпускались на Людиновском заводе акционерного общества Мальцовских заводов, Верх-Исетском, Черноморском (г. Николаев), Брянском, Коломенском и др.

Вместе с тем неизбежным следствием использования паровых котлов была опасность, которую они представляли для людей и имущества в силу достижения высокого внутреннего давления. Жесткий надзор в данной сфере и установление строгих правил со стороны государства способствовали снижению числа нарушений законодательства, связанных с использованием паровых котлов [5]. Например, в 1900 г. было выявлено 160 деликтов из-за несоблюдения правил устройства, установки, «употребления», содержания и освидетельствования паровых котлов, а к 1902 г. их число выросло более чем втрое. Последующий спад, вплоть до 1904 г., был прерван внезапным значительным ростом нарушений в 1905 г. и в последующие годы. Максимум данного показателя в первые 12 лет XX в. был достигнут в 1906–1907 гг. (2331 случай). В дальнейшем появилась тенденция к его снижению до 1497 случаев к 1912 г.

Правила использования любых паровых котлов публиковались министром финансов по соглашению с министрами внутренних дел, государственных имуществ, путей сообщения, а также управляющим Морским министерством. Впо-

следствии их издавали через Правительствующий сенат для ознакомления с ними всех заинтересованных лиц. Исключение было сделано для устройств, использовавшихся в военном флоте.

Министр финансов Российской империи 30 июля 1890 г. утвердил Правила относительно устройства, установки и содержания паровых котлов, а также порядка освидетельствования оных, которые в 1893 г. были введены в действие статьей 76 Устава о промышленности фабричной и заводской. В отличие от первых правил 1843 г., состоявших из 10 статей, новые включали 10 глав, 27 параграфов. В них были подробно расписаны требования к конструкции котлов, арматуре, помещениям, где котлы функционировали. Также в правилах определялся порядок получения разрешения на установку котлов, порядок и периодичность их освидетельствования.

В это же время был изменен и порядок надзора за котлами, когда эти обязанности были возложены на фабричные инспекции, состоящие в ведении Министерства торговли и промышленности. Постановлением от 14 марта 1894 г. «О преобразовании учреждений фабричной инспекции и губернских механиков и о распространении правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» было произведено объединение фабричных инспекторов и губернских механиков [6]. В 1894 г. (14 марта) котлонадзор был передан Фабричной инспекции Министерства торговли и промышленности (учреждена 1 июня 1882 г.). На инспекцию был возложен надзор за всеми паровыми котлами, как на фабриках, так и в частных зданиях, и за сельскохозяйственными локомотивами. В соответствии с упомянутым законодательным актом от 14 марта 1894 г. должности губернских механиков упразднились, а их функции, в том числе контроля за техническим состоянием паровых котлов, передавались фабричным инспекторам. Сообразно с заявленными тезисами Витте был составлен и «Наказ

чинам фабричной инспекции». В общие положения входят наблюдение, надзор, освидетельствование и сбор налога с паровых котлов [7].

В это же время были разработаны правила по установке и содержанию паровых котлов, согласно которым регламентировался порядок и место их установки, а в целях предупреждения взрывов котлы подвергались освидетельствованию перед пуском в эксплуатацию, один раз в два года наружному и один раз в шесть лет внутреннему осмотру [8].

Таким образом, специальный надзор – котлонадзор, как самостоятельная функция, выделенная из общего надзора за промышленной безопасностью, начал свою деятельность в XIX в. Для кандидатов в инспекторы был установлен образовательный ценз – наличие высшего и преимущественно технического образования.

Надзор за котлами носил государственный характер, однако с образованием в 1901 г. Отдела котлов и двигателей при собрании техников в Варшаве и в 1902 г. Московского союза владельцев паровых котлов, машин и электрических аппаратов надзор за паровыми котлами стал носить частный характер.

В 1910 г. министр торговли и промышленности С. И. Тимашов утвердил правила, согласно которым функции надзора за паровыми котлами были переданы обществам котловладельцев с освобождением от этой обязанности чинов правительственного надзора за котлами. Им были предоставлены права проведения освидетельствования и осмотра паровых котлов. Кроме основных функций, общества создавали специальные школы по обучению кочегаров (операторов), принимали участие в разработке надёжных конструкций котлов и контрольных приборов к ним.

В то же время новые правила не лишали чинов правительственного надзора за котлами права общего наблюдения за котлами, проведения проверочных испытаний и остановки явно опасных котлов. «Об открытии своих дей-

ствий по надзору и освидетельствованию паровых котлов, – указывалось в Правилах, – Общество обязано уведомлять о том подлежащих старших чинов правительственного за котлами надзора (старших фабричных инспекторов, губернских механиков, окружных горных инженеров и портовых техников)». Общества также обязаны были уведомлять правительственных чиновников о поступлении или снятии с учета котлов, указывая при этом номер котла по списку правительственного надзора, его владельца, площадь поверхности нагрева и его местонахождение. На котлы прикреплялись жетоны инспекции паровых котлов или фабричных инспекторов. Общества также ежегодно представляли отчет в Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности России. В нем, помимо других данных, сообщалось отдельно о числе находящихся к началу года в ведении Общества фабрично-заводских, ремесленных, сельскохозяйственных, находящихся в домах, банях, на складах и т. д., котлов, о числе произведенных наружных и внутренних осмотров, о количестве непроверенных котлов и мерах устранения этого в будущем. Данные Правила возлагали контроль за состоянием котлов на их владельцев и на профессиональные сообщества, но функции надзора и регулирования различных вопросов оставались в руках правительства [5].

Экономическая и производственная целесообразность применения паровых котлов, наряду с потенциальной опасностью данных устройств, стала основанием введения многочисленных норм, регламентирующих данную сферу деятельности. Область общественных отношений, связанная с функционированием паровых котлов, была одной из наиболее разработанных сфер законодательства. Различные акты урегулировали вопросы как технического, так и процедурного характера, включая способы изготовления паровых котлов и оборудования их разными устройствами, порядок их освидетельствования, клеймения, требования к помещению и др. При этом имелись

дифференцированные требования в зависимости от назначения котла, места его использования, давления и прочих особенностей [9]. Представляет определенный интерес экскурс в историю регламентации функционирования паровых котлов по законодательству Российской империи XIX – начала XX в., представленный в работе Н. В. Ковалёвой [9].

В конечном счете упорядочение отношений в области эксплуатации приборов, работающих под давлением, способствовало уменьшению случаев нарушения правил техники безопасности, минимизировало возможность возникновения неблагоприятных последствий применения паровых котлов при общем постоянном увеличении их численности.

В законодательстве рассматриваемого периода также было введено определение данного вида устройств, что в те времена – достаточно редкое явление. Паровыми котлами признавались «все закрытые приборы, в которых действием горящего топлива жидкости обращаются в пары, могущие приобретать давление (абсолютное) более атмосферного». В настоящее время паровой котел определяется как «устройство, имеющее топку, обогреваемое продуктами сжигаемого в ней топлива и предназначенное для получения пара с давлением выше атмосферного, используемого вне самого устройства». Таким образом, определение парового котла к началу XXI в. изменилось незначительно.

Одновременно указывался ряд аппаратов, не подпадавших под это определение, к ним относили «такие открытые паровые котлы, которые снабжены прямыми сообщениями с атмосферой посредством вертикально опущенной в воду трубы, имеющей более 3½ дюймов внутреннего диаметра и менее 2½ саженой высоты, считая от уровня воды в котле». Труба указанных в виде исключения устройств не должна была иметь «пробки, крана или других каких-либо приспособлений для разобщения внутреннего пространства котла с атмосферой». При этом в законодательстве упоминались различные виды котлов, в том числе постоянные и времен-

ные, котлы на паровых судах, при сельскохозяйственных машинах, производственные и пр. Некоторые из них имели свои особенности правового регулирования.

Функционирование паровых котлов регламентировалось по двум направлениям, разделение которых достаточно условно. К первому относились нормы, устанавливающие требования в отношении самих аппаратов, их частей, помещений их размещения, ко второму – положения, определяющие процедурные вопросы: получение разрешений на использование данных устройств, осуществление проверок, клеймение и пр.

В контексте настоящей работы наибольший интерес представляет первое направление, для которого характерно более широкое использование технико-юридических норм, определяющих точные параметры, качественные характеристики и свойства паровых котлов. К примеру, в значительной мере регламентировались параметры и свойства материалов, из которых изготавливали котлы, а также вопросы оборудования их дополнительными приспособлениями. Указывалось, что «стенки котлов, находящиеся вполне или частью в соприкосновении с продуктами горения, должны быть изготавливаемы исключительно из сварочного железа, литого незакаливающегося железа, мягкой незакаливающейся стали или красной меди». В случаях, когда внутренний диаметр «дымогарных и кипятильных» трубок не превышал четырех дюймов, допускалось употребление латуни. Устанавливался и минимальный уровень воды, который во избежание накаливания стенок должен не менее чем на четыре дюйма превышать точку соприкосновения стенок котла с продуктами горения. Одновременно приводились правила определения толщины стенок, соприкасающихся с продуктами горения, как для обычных котлов, так и для не имевших «колосниковой решетки».

Для предотвращения несчастных случаев котлы оборудовались дополнительными приспособлениями, к которым, в частности, относились независимые

друг от друга предохранительные клапаны (не менее двух). При этом один из них должен был иметь устройство, делающее невозможным изменение его нагрузки обслуживающим персоналом. Сама нагрузка клапанов для их открытия должна была соответствовать наивысшему разрешенному для данного котла давлению, а их устройство позволять осуществлять проверку исправности; в подвижных котлах допускалось использование пружинных клапанов.

Обязательным приспособлением, обеспечивающим безопасность, был манометр, который помещался на видном месте с целью обозначать наивысшее допускаемое давление. Специальная «водоуказательная стеклянная трубка» предназначалась для информирования об уровне воды в котле, на ней наносилась отметка минимально допустимого уровня. Кроме трубки, котлы обязательно оборудовались двумя кранами, каждый из которых имел с ним отдельное соединение. Для поддержания нормального уровня воды предусматривались «питательные приборы»: при котлах с площадью нагрева не более 200 квадратных футов – один, а при устройствах больших размеров – не менее двух, независимых друг от друга. Допускалось использование двух «питательных приборов» для нескольких котлов, расположенных в одном помещении, с тем условием, чтобы размер каждого из приборов был достаточен для питания всех устройств. Обязательным было наличие одного или нескольких отверстий (не менее 300×400 мм) для чистки внутренних стенок аппарата, которые закрывались прочными «не чугунными крышками».

Существовали специальные требования для паровых котлов системы «инженер-технолога Яркового». В частности, их чугунные трубы предварительно испытывали давлением, втрое превышавшим максимально разрешенное, за вычетом атмосферного. Кроме этого, они отделялись от «жаровых дымовых ходов» чугунными плитами с дополнительным изолирующим покрытием.

Для паровых котлов, работающих под высоким давлением, достигавшим за вычетом атмосферного, пяти атмосфер, были особые правила. Помимо регламентации материалов для производства, предписывалось изготавливать их «цилиндрическими, с круглыми оконечностями»; применение чугуна в любом случае запрещалось. Вводилась специальная формула для определения толщины стенок в зависимости от диаметра и действительного давления, стены же пламенных ходов, проходящих в котле, должны быть толще котловых.

Предусматривалось использование измерительных и указательных стеклянных трубок, последние предписывалось изготавливать из зеленого стекла. Внедрялись и дополнительные приборы в виде поплавков с отвесом «по системе Шоссено (Chaussonot aino)» для «постоянных» (стационарных) котлов в целях указания изменения «горизонта в котлах». Обязательно оснащение устройств двумя манометрами и двумя предохранительными клапанами, один из которых должен быть недоступен для рабочих. Существовала и формула расчета диаметра отверстия, запираемого предохранительным клапаном, а также относящегося к нему груза. Несмотря на вышеуказанные меры предосторожности, законодатель вводил обязательное использование специальных пробок, температура плавления которых должна на 10°R^1 превышать температуру «принятой степени упругости пара»; размещались они в местах наибольшего нагрева.

Расположение паровых котлов в помещениях также регламентировалось законодательством. Например, предъявлялись особые требования к местам их установки непосредственно в помещениях, постройка которых санкционировалась строительным отделением губернского правления. Однако в соответствии с определением Правительствующего сената 1899 г. № 6748, отзывом Департамента торговли и мануфактур 1899 г.

№ 32786 строительное отделение не было уполномочено влиять на установку или перемещение паровых котлов. Разрешение выдавалось старшим фабричным инспектором на основании соответствующего представления, утвержденного губернатором. Важно отметить, что дозволение на установку на фабриках и заводах данных устройств не было напрямую связано с выдачей губернским начальством разрешений на открытие таких заведений. Аналогичные разъяснения содержались в комментариях к Уставу строительному.

Пол в таких помещениях изготовлялся из «несгораемых материалов или покрыт таковыми». Обязательно наличие достаточного места для надзора, ухода и доступа ко всем частям котла, требующим постоянного осмотра, а также для удобного использования всех его приборов. Двери и окна открывались наружу, а между кладкой печи котла и стенами помещения предусматривался промежуток не менее полутора вершков, который по концам мог быть «заложен и сверху прикрыт».

Помещение для паровых котлов необходимо было отделять от жилых комнат или мастерских каменной или кирпичной стеной толщиной $1\frac{1}{4}$ аршина, сквозной проход для «общей массы рабочих» воспрещался. Однако для «железодетальных» и машиностроительных заводов было исключение: допускалась установка нагреваемых жаром сварочных и «пудлинговых печей» паровых котлов в самих мастерских. Но мастерские должны были иметь легкие крыши без потолков.

Для мест размещения котлов, работающих под высоким давлением, предусматривались более жесткие правила. Объем воздуха в таких помещениях должен не менее чем в 27 раз превышать объем самого устройства. Дополнительно требовалось иметь с двух противоположных сторон широкие окна с открывающимися наружу легкими рамами. Устанавливались расстояние от котлов до стен, отделяющих помещение от других

¹ Градус Ренкина.

комнат, – не менее шести с половиной футов – и их толщина – не менее одного аршина. Размещение над помещением с котлами жилых комнат запрещалось. Кроме этого, предписывалось уделять особое внимание содержанию всех частей устройства в исправности и своевременной чистке их от «земляных осадков». Владельцам паровых котлов вменялось в обязанность «внушать» обслуживающему персоналу и рабочим, что их собственная безопасность непосредственно зависит от надлежащего состояния устройств и правильной их эксплуатации, а также формировать кадровый состав из надежных и «сведущих» людей.

Специальные правила приняты для размещения данных аппаратов на плавучих лесопильных заводах. Для них допускались к использованию пружинные предохранительные клапаны, а устройство жилых помещений и кладовых, расположенных в соседних комнатах и над помещением паровых котлов, воспрещалось.

Техническое освидетельствование паровых котлов было важным этапом функционирования последних и имело целью «приведение в известность состояния котла во всех его частях и самого помещения его». Как правило, надзор за ними осуществляли Фабричная инспекция и губернские (областные) механики, в основном в форме наружного или внутреннего освидетельствования. Первое выполнялось с периодичностью один раз в два года и без предварительного уведомления. Второе проводилось в отношении устройства «прежде допущения его к действию», а впоследствии один раз в шесть лет. При этом допускалось проведение проверок и с большей частотой, если «возможность продолжительного его употребления» представлялась сомнительной. Внутреннее освидетельствование также совмещалось с испытанием гидравлическим давлением. В конце внутреннего освидетельствования на котел накладывалось соответствующее клеймо в виде металлической пластинки с обозначением номера устройства,

наибольшего действительного допускаемого давления и времени освидетельствования; результат освидетельствования вносился в особую шнуровую книгу.

В случае выявления недостатков, которые не могли быть устранены немедленно, назначался срок для «восстановления правильного состояния котла». При обнаружении опасного состояния устройства его действие незамедлительно прекращалось до устранения неисправности, о чем составлялся соответствующий акт, а предмет проверки подлежал повторному освидетельствованию. Сроки данных действий для подвижных котлов сохранялись независимо от его перемещения. Аналогичное правило действовало и для тех из них, которые, будучи построенными в России, были освидетельствованы до выпуска из изготовлявшей их мастерской.

Наружное освидетельствование проводилось без остановки котла. Особое внимание уделялось осмотру помещения, состоянию питательных и водоуказательных приборов, приспособлений для чистки аппарата, приборов для указания давления пара, а также устройству и состоянию топки. Проверялись знания приставленных к котлам кочегаров, в особенности порядка действий при понижении уровня воды менее допустимого, а также правил работы с имеющимися при котле устройствами.

При внутреннем освидетельствовании исследовалось «состояние всего котельного устройства и помещения», проверялась прочность данных устройств «посредством гидравлического давления», для чего действие котла останавливалось. Важное значение придавалось состоянию «стенок, заклепок и связей как внутри, так и снаружи котла, равно жаровых и дымовых труб и распорных болтов... труб, приводящих воду, и отверстий для чистки... питательных и паровых клапанов... соединительных труб между котлом, с одной стороны, манометром и водоуказателем – с другой, а равно... всех прочих предохранительных приборов... как внутри, так и снаружи котла». При

этом допускалось в случае необходимости «устранять» кладку котла полностью или местами.

Подробно регламентировались испытания гидравлическим давлением. В зависимости от рабочего давления котла вводились аналогичные показатели для проверки, при этом использовались насос и манометр, предоставляемые проверяющими лицами. Устанавливалось время поддержания пробного давления, а также порядок осуществления иных действий. Котел признавался выдержавшим испытание в случае, если в нем не оказывалось признаков разрыва, отсутствовали изменения, остающиеся по окончании испытания, не замечалось течи, за исключением выхода воды в виде мелкой пыли или мелких капелек.

Для котлов, работающих под высоким давлением, нагнетание насосом продолжалось вплоть до срабатывания клапанов, нагруженных соответственно развиваемому трехкратному действительному его показателю. Устройства, прошедшие проверку, клеймили, т. к. применение неклеяемых котлов запрещалось. Достоверность клейма подтверждалась выдаваемым свидетельством во избежание подделок и для фиксации ответственности лиц, проводивших освидетельствование.

Регламентация использования паровых котлов нашла свое отражение и в законодательстве о временно введенном в пользу государства «котельном сборе». Наряду с указанием специальных признаков паровых устройств регулировался порядок взыскания обязательных платежей в казну. Поскольку котельный сбор определялся, исходя из площади нагрева котла, устанавливались точные правила расчета данных характеристик с помощью специальных формул. Кроме этого, помимо указания некоторых общих положений о правилах содержания аппаратов (например, их обязательное клеймение), вводились специальные нормы, предназначенные для следующих целей. В соответствии с циркуляром Департамента торговли и мануфактур Министер-

ства финансов от 30 ноября 1894 г. предусматривалась процедура опечатавания паровых котлов, не оплаченных соответствующим сбором; при этом в результате осуществления данного действия не должен был затрудняться ремонт аппарата. В ряде случаев упрощен порядок расчета характеристик, необходимых для исчисления размера платы. Вместе с тем линейные размеры предписывалось определять в футах и его десятичных долях, а точность диаметра трубчатых частей принималась до 0,01 указанной единицы измерения. С некоторыми особенностями допускалось в таких случаях и использование метрической системы.

Экономическая и производственная целесообразность применения паровых котлов, наряду с потенциальной опасностью данных устройств, стала основанием введения многочисленных норм, регламентирующих данную сферу деятельности. Область общественных отношений, связанная с функционированием паровых котлов, была одной из наиболее разработанных сфер законодательства. Различные акты урегулировали вопросы как технического, так и процедурного характера, включая способы изготовления паровых котлов и оборудования их разными устройствами, порядок их освидетельствования, клеймения, требования к помещению и др. При этом имелись дифференцированные требования в зависимости от назначения котла, места его использования, давления и прочих особенностей.

Упорядочение общественных отношений в области эксплуатации приборов, работающих под давлением, способствовало уменьшению случаев нарушения правил техники безопасности, минимизировало возможность возникновения неблагоприятных последствий применения паровых котлов при общем постоянном увеличении их численности.

Список литературы

1. Томаков В. И., Томаков М. В. История становления государственного

надзора за промышленной безопасностью в России в XVIII – начала XX в. // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2(5). С. 5–11.

2. Котельников В. С., Хапонен Н. А. История котлонадзора в России // Новости теплоснабжения. 2003. № 12(40). С. 2–4.

3. Томаков В. И., Томаков М. В. История государственного надзора и контроля в сфере безопасности в России: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. 253 с.

4. Томаков В. И., Томаков М. В. Становление государственного надзора за безопасностью работ в горной промышленности России в XIX – начале XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 3(24). С. 116–129.

5. Радионова С. Г., Горлов А. Н., Чернышев В. В. Очерк истории службы котлонадзора Российской империи // Безопасность труда в промышленности. 2012. № 12. С. 80–83.

6. О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков и о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих: закон от 14 марта 1894 г. // Полное собр. законов Рос. империи. 1900. Т. XVII, № 14231.

7. Наказ чинам фабричной инспекции от 11 июня 1894 г. // Собр. узаконений и распоряжений Правительства. 1894. № 104, ст. 704.

8. Паровой котел. Правила по установке и содержанию паровых котлов в России. Большая Энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Т-во «Просвещение», 1903. Т. XIV. С. 715–719.

9. Ковалева Н. В. Регламентация функционирования паровых котлов по законодательству Российской империи XIX – начала XX века // Безопасность труда в промышленности. 2013. № 3. С. 82–86.

Поступила в редакцию 21.01.18

UDC 6(091):94(470):614.8

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: tomakov52@mail.ru)

M. V. Tomakov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: tomakovmv@mail.ru)

A. V. Brezhnev, Candidate of Engineering Science, Associate Professor, Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov (Moscow, Russia) (e-mail: anbr1@rambler.ru)

V. V. Andrienko, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: ego.viktoriya.istka@gmail.com)

M. E. Pashkova, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: marinapashkova19@gmail.com)

D. H. Galaeva, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: diana-galaewa@mail.ru)

THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF SUPERVISION OVER THE SAFETY OF STEAM BOILERS AND MACHINERY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article reveals some historical features of the development of legislative activity in the field of industrial safety supervision in relation to steam boilers and machines. This is due to the fact that injuries and death of workers became more frequent with the development of mining and industry in Russia, equipping production facilities with

steam engines. These circumstances have caused the need for the legislative establishment of the rules and regulations of the supervision over maintenance of the boilers operation.

Formation of the state supervision of safe operation of steam and hot water boilers, pressure vessels, steam and hot water pipelines begins on February 8, 1843. It was then that by the decree of the Government of Russia in the "Charter on the industry of factory and factory" was first introduced the requirement to comply with the special rules of caution attached to the Charter when handling steam boilers. In December of the same year by the decree of the Russian Government in the Charter was introduced an article imposing obligations on the inspection of steam boilers at the provincial mechanics.

The first rules with minor changes were in force for 50 years. In 1893 it was put into effect new rules approved by the Minister of Finance on 30 July 1890. These rules were already quite detailed. They consisted of 10 chapters, paragraphs 27 and contained requirements for the construction of boilers, for the premises, determined the frequency and procedure for inspection of boilers, have also established the procedure for obtaining permission for installation of steam boilers.

At the same time, the order of supervision of boilers was changed. By a decree of 14 March 1894, these duties were assigned to factory inspections administered by the Ministry of trade and industry.

In 1911 was to come into effect re-designed "Rules of the device, maintenance and inspection of steam boilers, consisting in the Ministry of trade and industry" and at the same time monitoring the implementation of the new regulation on boilers has been assigned to the Ministry, which include companies that operate boilers. In addition, the Minister of trade and industry was granted the right to approve the statutes of the societies and unions formed by the owners of steam boilers for supervision of such boilers and to allow these societies to carry out inspection of steam boilers, to create special schools for training of operators.

The rules played an important role not only in the organization and improvement of state supervision in Russia, but also made a significant contribution to the further development of production, improvement of boiler design, the creation of new materials.

Key words: steam boiler, steam machines, state supervision and control, industrial safety, safety regulations, factory inspections.

For citation: Tomakov V. I., Tomakov M. V., Brezhnev A. V., Andrienko V. V., Pashkova M. E., Galaeva D. H. The development of legislation in the sphere of supervision over the safety of steam boilers and machinery in the Russian empire in the XIX – early XX centuries. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 14–31 (in Russ.).

References

1. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Istoriya stanovleniya gosudarstvennogo nadzora za promyshlennoj bezopasnost'yu v Rossii v XVIII – nachala XX v. Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy, 2015, no. 2(5), pp. 5–11.

2. Kotel'nikov V. S., Haponen N. A. Istoriya kotlonadzora v Rossii. Novosti teplosnabzheniya, 2003, no. 12(40), pp. 2–4.

3. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Istoriya gosudarstvennogo nadzora i kontrolya v sfere bezopasnosti v Rossii. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2016. 253 p.

4. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Stanovlenie gosudarstvennogo nadzora za bezopasnost'yu rabot v gornoj promyshlennosti Rossii v XIX – nachale XX v. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2017, vol. 7, no. 3(24), pp. 116–129.

5. Radionova S. G., Gorlov A. N., Chernyshev V. V. Oчерк istorii sluzhby kotlonadzora Rossijskoj imperii. Bezopas-

nost' truda v promyshlennosti, 2012, no. 12, pp. 80–83.

6. O preobrazovanii fabrichnoj inspekcii i dolzhnostej gubernskih mekhanikov i o rasprostranении dejstviya pravil o nadzore za zavedeniyami fabrichno-zavodskoj promyshlennosti i o vzaimnyh otnosheniyah fabrikantov i rabochih: zakon ot 14 marta 1894 g. Polnoe sobr. zakonov Ros. imperii, 1900, vol. XVII, no. 14231.

7. Nakaz chinam fabrichnoj inspekcii ot 11 iyunya 1894 g. Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva, 1894, no. 104, art. 704.

8. Parovoj kotel. Pravila po ustanovke i soderzhaniyu parovyh kotlov v Rossii. Bol'shaya Ehnciklopediya; ed. by S. N. Yuzhakov. St. Petersburg, T-vo "Prosveshchenie", 1903. Vol. XIV, pp. 715–719.

9. Kovaleva N. V. Reglamentaciya funkcionirovaniya parovyh kotlov po zakonodatel'stvu Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka. Bezopasnost' truda v promyshlennosti, 2013, no. 3, pp. 82–86.

Конституционное право

УДК 342.8

Ю. А. Казановская, канд. юрид. наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия) (e-mail: kazanovskaya@mail.ru)

РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются особенности построения и развития системы избирательного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств, предлагаются наиболее рациональные пути его дальнейшего совершенствования на основе имеющегося опыта правового регулирования. Исследуемый аспект представляет интерес для юридической науки, поскольку избирательное законодательство стран Содружества Независимых Государств постоянно меняется; правовое регулирование электоральных процессов, практика их применения и тенденции развития еще не получили достаточного освещения в юридической литературе. Сходные политико-правовые процессы, участие в международных организациях, имплементация международных избирательных стандартов в национальную правовую систему позволяют выявить общие тенденции развития избирательного права в государствах Содружества и учесть положительный опыт данных стран для регламентации избирательных отношений.

Анализ текстов Конституций, Избирательных кодексов государств Содружества (Азербайджана, Армении, Беларуси, Молдовы) и законов о выборах позволяют выявить схожие черты развития избирательного законодательства, присущие практически всем государствам-участникам СНГ. Фактически, во всех странах Содружества избирательное законодательство шло по пути последовательной демократизации избирательной системы; расширения избирательных прав; усиления полномочий политических партий в подготовке и проведении выборов; укрепления независимости, самостоятельности, роли Центральной избирательной комиссии в деле подготовки и проведения избирательной кампании; развития организационно-правовых механизмов обеспечения гласности, прозрачности выборов; создания эффективных механизмов защиты избирательных прав граждан, обеспечения законности в избирательном процессе; реализации рекомендаций авторитетных международных организаций, данных по итогам оценки выборов; системной работы по имплементации в национальное законодательство общепринятых избирательных принципов и стандартов, содержащихся в основополагающих международно-правовых актах.

Ключевые слова: избирательное право и процесс, источники избирательного права, избирательное законодательство, выборы.

Ссылка для цитирования: Казановская Ю. А. Развитие избирательного законодательства в странах Содружества Независимых Государств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 43–49.

Международная региональная организация – Содружество Независимых Государств – объединила появившиеся после распада СССР независимые государства на основе добровольного членства. Новые государства создали международную организацию в поисках логического и экономически целесообразного развития своих стран. Широкая сфера сотрудничества, предусмотренная Уставом, позволила стать СНГ новой формой интеграции бывших союзных республик.

На сегодняшний день в составе СНГ 9 государств, ратифицировавших Устав

данной организации*, а именно Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан.

Национальные Конституции данных стран, закрепляя демократический характер государств, устанавливают, что источником власти и носителем суверенитета в них признается народ, который осуществляет свою власть в форме представительной и непосредственной демократии. Представительные органы получают полномочия непосредственно от

* Туркмения и Украина не ратифицировали Устав СНГ, Грузия вышла в 2008 году.

народа, а главными формами непосредственной демократии являются референдум и свободные выборы.

Совокупность нормативных актов, регламентирующих выборы, референдум и порядок их проведения, представляет собой избирательное законодательство государства.

За короткий исторический период – с момента возникновения новых государств и до сегодняшних дней – в юридической регламентации избирательного права и процесса произошли фундаментальные изменения.

Избирательное законодательство стран Содружества Независимых Государств существенным образом эволюционировало под влиянием норм международного права.

На сегодняшний день представляется возможным выявить общие тенденции развития избирательного права в странах СНГ с целью совершенствования правового регулирования и правоприменения в этой сфере общественных отношений, а также поиска оптимальных путей разрешения возникающих проблем.

В юридической науке существует немало исследований, посвященных избирательному праву, его отдельным институтам, избирательному процессу. Чаще всего предметом таких исследований выступает избирательное право и процесс России. Исследованию электоральных процессов в постсоветских странах уделялось мало внимания, однако в последние годы интерес к анализу законодательства в сфере избирательного права стран-участниц СНГ возрос. Монографии, исследования, статьи ученых разных государств, в том числе А. С. Абазова, И. С. Алехиной, С. А. Альфера, В. Д. Ипатова, Е. О. Кудряшова, Е. А. Потаповой, Е. И. Старовойтовой и др., позволяют расширить имеющиеся представления, провести сравнительные исследования.

Комплексный анализ основ построения и тенденций развития системы избирательного законодательства государств-

участников Содружества Независимых Государств, нахождение наиболее рациональных путей его дальнейшего совершенствования представляет интерес для юридической науки.

Исследование тем более актуально в условиях, когда избирательное законодательство постоянно меняется, а правовое регулирование выборов в странах СНГ, тенденции его развития и практика применения изучены недостаточно.

Для выявления особенностей избирательного законодательства государств Содружества необходимо проанализировать нормы Конституций и действующего избирательного законодательства, отдельные международно-правовые акты, представляющие собой стандарты в сфере международного избирательного права, и получившие закрепление в национальном законодательстве в качестве источника правовой системы, а также основы построения системы избирательного законодательства, основные тенденции его развития.

Во всех государствах Содружества избирательное законодательство, регламентирующее выборы и порядок их проведения, представляет собой систему актов различной юридической силы.

При этом в системе источников избирательного права стран СНГ первостепенное значение имеют национальные Конституции, имеющие высшую юридическую силу и закрепляющие выборы в качестве важнейшего механизма формирования и организации публичной власти в государстве [1, с. 44].

В Конституциях стран СНГ нормы о выборах содержатся, как правило, в разделах о правах человека либо в разделах об органах власти, формируемых выборным путем (Президент, Парламент, органы местного самоуправления). Реже встречается ситуация, когда выборам посвящены отдельные главы или разделы (например, в Конституции Узбекистана (гл. 23 Избирательная система), в Конституции Республики Беларусь раздел III

«Избирательная система. Референдум»). По мнению некоторых ученых [2], отсутствие в конституциях разделов или глав об избирательной системе влечет за собой невозможность четкого гарантирования защиты демократических принципов и норм избирательного права в соответствии с международными стандартами в этой сфере.

Поскольку в Конституциях государств-участников СНГ содержатся лишь общие нормы избирательного права, одним из направлений конституционного реформирования должно стать совершенствование норм, регламентирующих основы избирательной системы в текстах Конституций. В основном законе государства должны найти отражение основополагающие принципы избирательного права, основы правового статуса органов, обеспечивающих проведение референдума и выборов (системы избирательных комиссий и Центральной Избирательной Комиссии в частности) [3].

Основной массив избирательного законодательства составляют специальные законы, регламентирующие выборы в отдельные органы власти: например, законы о выборах в парламент (Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 2014 г., «О выборах в Олий Мажлис Республики Узбекистан» 2003 г.), законы о выборах Президента (Закон Республики Узбекистан «О выборах Президента Республики Узбекистан» 1992 г., Федеральный закон «О выборах Президента РФ» 2002 г.) и т. д.

В некоторых странах действуют законодательные акты о выборах повышенного правового статуса [4, с. 16]: например, конституционные законы («О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», «О выборах Президента Республики Таджикистан» 1994 г. и др.).

В ряде государств, в частности в Азербайджане, Армении, Белоруссии,

Молдове, приняты избирательные кодексы.

Избирательный кодекс обладает рядом особенностей, выделяющих его из иных актов законодательства, регулирующих избирательные правоотношения.

Избирательный кодекс – это универсальный акт, регулирующий любой избирательный процесс; он единообразно регулирует соответствующие отношения (в том числе на федеральном уровне, уровне субъектов, муниципальном уровне). Кодекс обеспечивает строгую согласованность норм избирательного законодательства, уменьшает количество источников избирательного права.

Правовое регулирование избирательных правоотношений в странах, где принят Избирательный кодекс, имеет свои особенности. Так, например, в Республике Беларусь Кодекс регулирует отношения, возникающие при подготовке и проведении выборов Президента, депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, членов Совета Республики Национального собрания, депутатов местных Советов депутатов, а также при подготовке и проведении референдума.

Однако помимо кодифицированного акта действует Закон о Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (о Центральной комиссии), который устанавливает принципы образования и организации работы данной комиссии. Его отдельное существование на фоне кодификации белорусского законодательства является нелогичным. Представляется, что перенесение положений закона в Избирательный кодекс явилось бы важным этапом более полной кодификации избирательного законодательства Республики Беларусь [5].

Важной особенностью законодательства о выборах является то, что оно в большинстве государств достаточно обширно и детально разработано. Предметом правового регулирования является

вся технология проведения выборов: методы создания избирательных органов, округов и участков, агитация и пропаганда во время выборов, порядок голосования, подсчет голосов, методы разрешения избирательных споров и ряд других вопросов. Законодательством регулируется деятельность политических партий, иных общественных объединений и организаций, участвующих в выборах, способы борьбы с нарушениями избирательных законов [2].

В Российской Федерации большое количество актов избирательного законодательства привело к чрезмерному и необоснованному дублированию статей, что ярко свидетельствует о необходимости проведения срочной кодификации этой отрасли законодательства [6]. С другой стороны, при отсутствии кодифицированного акта на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ кодексы – довольно распространенное явление. В настоящее время избирательные кодексы либо кодексы о выборах и референдумах действуют в 15 субъектах РФ: в Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Алтайском, Приморском, Хабаровском краях, Белгородской, Владимирской, Воронежской, Костромской, Курской, Псковской, Свердловской, Тверской, Тюменской областях, г. Москве.

Не следует забывать, что в современном мире одним из определяющих факторов развития избирательного законодательства государств являются международные обязательства государств, международные избирательные стандарты и рекомендации авторитетных международных организаций [7, с. 22].

В настоящее время принято более 30 международных правовых документов, затрагивающих вопросы проведения выборов, обеспечения и защиты избирательных прав и свобод человека и гражданина.

Государства-участники СНГ как полноправные члены международного

сообщества признают лишь те международные принципы и стандарты в области выборов, которые были ими ратифицированы. Государства выполняют взятые на себя международные обязательства путем имплементации международных договоров в национальное избирательное законодательство.

Для региональной организации – Содружества Независимых Государств важнейшим документом стала Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств 2002 года. Это первая кодификация стандартов демократических выборов в акте, носящем обязательный характер. При подготовке конвенции были обобщены общепризнанные принципы и нормы международного права, относящиеся к организации демократического избирательного процесса; использованы международные обязательства государств СНГ в рамках ООН, СБСЕ, Совета Европы и т. д.; приняты во внимание практика проведения выборов в государствах СНГ, а также результаты научных исследований.

Важным свойством Конвенции является то, что она в полном объеме распространяется на выборы всех видов и уровней органов государственной власти и местного самоуправления.

С учетом положений Конвенции, иных международных документов Содружества и на основе национальных конституций разработаны и приняты новые избирательные кодексы в Армении и Молдове, обновлено избирательное законодательство Казахстана и Таджикистана. Ряд положений Конвенции использован в избирательной практике Азербайджана и Беларуси.

На основе этой конвенции разработаны Рекомендации для международных наблюдателей СНГ по наблюдению за выборами. Для этой цели был создан Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и

соблюдения избирательных прав граждан государств-участников СНГ.

Среди основных схожих черт развития избирательного законодательства, присущих практически всем государствам-участникам СНГ, следует выделить следующие:

1. Последовательная модернизация избирательной системы в соответствии с демократическими преобразованиями, осуществляемыми в стране (закрепление принципов народовластия, верховенства закона, приоритета прав и свобод человека, выборности органов власти в Конституциях государств) [8].

2. Поэтапность, последовательность процессов демократической модернизации и либерализации избирательной системы (на основе общественно-политических, социально-экономических отношений, уровня общественного сознания, правовой культуры) [9, с. 348].

3. Последовательное расширение избирательных прав граждан. (В избирательном законодательстве государств нашли отражение нормы об улучшении возможностей участия в выборах инвалидов и лиц с физическими недостатками; нормы, предусматривающие необходимость образования избирательных участков в местах содержания под стражей и т. д.).

4. Последовательное усиление полномочий политических партий в подготовке и проведении выборов (расширение возможности политических партий участвовать в работе избирательных комиссий; либерализация порядка регистрации политических партий, упрощение требований к партиям и т. д.).

5. Последовательное укрепление независимости, самостоятельности, роли Центральной избирательной комиссии в деле подготовки и проведения избирательной кампании в полном соответствии с требованиями законодательства и общепринятыми демократическими принципами и стандартами (усиление квалификационных требований, предъявляе-

мых к членам ЦИК, открытость заседаний ЦИК и посещаемость их аккредитованными наблюдателями; размещение решений ЦИК на веб-сайте ЦИК и т. д.).

6. Развитие организационно-правовых механизмов обеспечения гласности, прозрачности выборов как важнейшего условия законности, соблюдения и надежной защиты избирательных прав граждан (например, составление списков избирателей и их идентификация на основе биометрических данных, автоматический подсчет голосов избирателей с использованием автоматически считывающих урн (АСУ) и т. д.).

7. Создание эффективных механизмов подлинной защиты избирательных прав граждан, обеспечение законности в избирательном процессе (увеличение количества составов правонарушений и преступлений в сфере организации и проведения выборов; совершенствование судебной практики рассмотрения жалоб, обращений, связанных с нарушением избирательных прав граждан и законодательства и т. д.).

8. Реализация рекомендаций авторитетных международных организаций, данных по итогам оценки выборов; системная работа по имплементации в национальное законодательство общепринятых избирательных принципов и стандартов, содержащихся в основополагающих международно-правовых актах.

Проведенный анализ избирательного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств, выявление общих тенденций и положительного опыта правового регулирования позволил сформулировать основные направления совершенствования избирательного законодательства:

1. Совершенствование норм Конституций государств СНГ, регламентирующих основы избирательной системы (отражение основополагающих принципов избирательного права, основ правового статуса избирательных комиссий и т. д.).

2. На основе положительного опыта ряда стран, в целях обеспечения стабильности регулирования избирательных правоотношений, усиления конституционных гарантий реализации права избирать и быть избранными, развития демократии, в Конституции государств следует включить дополнительную главу об избирательной системе.

3. Кодификация избирательного законодательства, проведенная в некоторых государствах СНГ, представляет собой положительный опыт правового регулирования. Государствам-участникам СНГ следует проработать вопрос о целесообразности кодификации избирательного законодательства [10, с. 94].

Список литературы

1. Берлявский Л. Г., Колесников Е. В. Источники избирательного права в зарубежных странах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №1 (90). С. 41–46.
2. Альфер С. А. Избирательное право Республики Беларусь. Минск: Тесей, 2008. 322 с.
3. Головин А. Конституция как источник избирательного права: внутрисистемный анализ // Журнал о выборах. 2010. № 3. С. 22–27.
4. Лысенко В. И., Головин А. Г. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Авторы научно-издательского проекта / под общ. ред. В. Е. Чурова М.: МедиаПресс, 2009. 528 с.
5. Ипатов В. Д., Пестунов А. Н. Избирательный процесс в Беларуси: этапы развития и основные принципы // Право.by. 2016. № 3(41). С. 5–8.
6. Чашин А. Н. Предпосылки кодификации избирательного законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 40–41.
7. Казановская Ю. А. Современные проблемы регламентации и применения международных избирательных стандартов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №1 (22). С. 21–26.
8. Последовательная демократизация избирательной системы – приоритетное направление правовой политики Республики Узбекистан / под общ. ред. д.ю.н., проф. М. Х. Рахманкулова. Ташкент, 2016. 88 с.
9. Баймуратова К. А. Проведение выборов в Казахстане в соответствии с избирательным правом // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 2, №2(3). С. 347–349.
10. Казановская Ю. А. Избирательное законодательство стран СНГ // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Второй ежегодной конф. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 102–108.

Поступила в редакцию 28.01.18

UDC 342.8

Yu. A. Kazanovskaya, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russia) (e-mail: kazanovskaya@mail.ru)

THE DEVELOPMENT OF THE ELECTORAL LEGISLATION IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

This article discusses the features of construction and development of the electoral legislation of the States-participants of the Commonwealth of Independent States, offered the most rational way of further improving it based on experience of legal regulation. The monitoring aspect of interest to legal science, since the electoral laws of the

Commonwealth of independent States is constantly changing; the legal regulation of the electoral processes, practices and trends had not yet received adequate lighting in the legal literature. Similar political and legal processes, participation in international organizations, the implementation of international electoral standards in the national legal system to identify general trends in the development of the electoral law in the States of the Commonwealth and take into account the positive experience of these countries to regulate the election of the relationship.

Analysis of the texts of the constitutions, electoral codes of the CIS States (Armenia, Azerbaijan, Belarus, Moldova) and laws on elections reveal similar features of electoral laws inherent in virtually all States parties to CIS. In virtually all the countries of the Commonwealth electoral legislation passed by way of consistent democratization of the electoral system; the extension of voting rights; strengthen the powers of political parties in the preparation and holding of elections of Denia strengthening the independence, self-sufficiency, independent role of Central ratelnoj izbi Commission in the preparation and conduct of election campaigns; Development Organization Onno legal mechanisms to ensure transparency, the transparency of the elections; establishing effective mechanisms for the protection of citizens ' rights protection, Election Commission ensure legality in Election Commission referral process; the implementation of the recommendations of authoritative international organizations, data on the evaluation of the elections; systematic work to implement into national law the electoral principles and processes of generally accepted standards contained in the fundamental international instruments.

Key words: *electoral law and process, the sources of electoral law, electoral law, the election.*

For citation: Kazanovskaya Yu. A. The development of the electoral legislation in the countries of the Commonwealth of Independent States. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 43–49 (in Russ.).

References

1. Berlyavskij L. G., Kolesnikov E. V. Istochniki izbiratel'nogo prava v zaru-bezhnyh stranah. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 2013, no. 1 (90), pp. 41–46.
2. Al'fer S. A. Izbiratel'noe pravo Respubliki Belarus'. Minsk, Tesej Publ., 2008. 322 p.
3. Golovin A. Konstituciya kak istochnik izbiratel'nogo prava: vnutrisistemnyj analiz. Zhurnal o vyborah, 2010, no. 3, pp. 22–27.
4. Lysenko V. I., Golovin A. G. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i vybory v sovremennom mire. Avtory nauchno-izdatel'skogo proekta; ed. by V. E. Churov. Moscow, MediaPress, 2009. 528 p.
5. Ipatov V. D., Pestunov A. N. Izbiratel'nyj process v Belarusi: ehtapy razvitiya i osnovnye principy. Pravo.by, 2016, no. 3(41), pp. 5–8.
6. Chashin A. N. Predposylki kodifikacii izbiratel'nogo zakonodatel'stva. Konstitucionnoe i municipal'noe parvo, 2016, no. 4, pp. 40–41.
7. Kazanovskaya Yu. A. Sovremennye problemy reglamentacii i primeneniya mezhdunarodnyh izbiratel'nyh standartov. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2017, vol. 7, no. 1 (22), pp. 21–26.
8. Posledovatel'naya demokratizaciya izbiratel'noj sistemy – prioritnoe napravlenie pravovoj politiki Respubliki Uzbekistan; ed. by M. H. Rahmankulov. Tashkent, 2016. 88 p.
9. Bajmuratova K. A. Provedenie vyborov v Kazahstane v sootvetstvii s izbiratel'nym pravom. Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike, 2015, vol. 2, no. 2(3), pp. 347–349.
10. Kazanovskaya Yu. A. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo stran SNG. Aktual'nye problemy konstitucionnogo i mezhdunarodnogo prava: materialy Vtoroj ezhegodnoj konf. pt. 2. Stavropol', North-Caucasian Feder. Univ. Publ., 2018, pp. 102–108.

Гражданское право и процесс

УДК 347.454

А. Е. Нордстрем, эксперт управления юридической и кадровой работы, Комитет финансов Курской области (Курск, Россия) (e-mail: denordstrem@mail.com)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ И ПУБЛИЧНАЯ ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Правовое регулирование контрактной системы в Российской Федерации находится на стыке публичного и частного права. Многие частноправовые конструкции, реализуемые в традиционных гражданско-правовых договорах, имеют определенные особенности при заключении государственных и муниципальных контрактов. В данной статье рассматриваются проблемы, касающиеся отношений, входящих одновременно в сферу регулирования частного права (гражданского и производных от него коммерческого и предпринимательского права), а также публичного права (административного, финансового, бюджетного и т. д.). В частности, исследуются проблемы заимствования публично-правовых конструкций законодательством о контрактной системе закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В работе анализируется гражданское законодательство, законодательство о контрактной системе, материалы судебной и правоприменительной практики. В работе предлагается внесение изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ, которые позволят для договоров кредитной линии с лимитом задолженности (по возобновляемой кредитной линии) изменять по истечении определенного срока (месяца, квартала, полугодия) цену контракта в сторону ее уменьшения, исходя из фактического объема использования заемных средств. Данный подход позволит значительно снизить расходы бюджетов по выплате процентов по государственным и муниципальным контрактам. Более того, в работе определяется, что гарантиями соблюдения прав кредитной организации может стать законодательное закрепление минимального размера цены контракта, лучшего в процентном отношении к первоначальной цене контракта. В работе также делается вывод о том, что частноправовые конструкции не всегда применимы к контрактной системе, так как такие договора, заключаемые в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, имеют значительно больше ограничений, как процессуальных, так и материальных.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, контракт, контрактная система, сфера закупок товаров, работ и услуг, государственные и муниципальные нужды, планирование закупок, минимальная цена контракта, бюджетные расходы.

Ссылка для цитирования: Нордстрем А. Е. Законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг и публичная финансовая деятельность субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 50–57.

Стоит отметить, что в Российской Федерации продолжает реализовываться задача совершенствования механизма государственных и муниципальных закупок в форме создания контрактной системы. Стоит отметить, что процесс ее модернизации длится уже более 8 лет, а с учетом предшествующего закона – 13 лет, что позволяет проанализировать уже имеющийся опыт по данному вопросу, выявить существенные особенности и недостатки в контрактной системе с целью выработки предложений по ее совершенствованию.

В частности, в Бюджетном послании Президента Российской Федерации еще 2011 года отмечалось, что «...за послед-

ние годы многократно пересматривались процедуры размещения заказов, но практически не развивались институты планирования заказа и исполнения государственных контрактов. Ответственность государственного заказчика за конечные результаты закупки во многих случаях, по сути, подменялась ответственностью исключительно за соблюдение формализованных правил выбора поставщика. В малой степени используются возможности для стимулирования через систему закупок производства инновационной продукции» [1]. Ситуация с тех пор значительно не изменилась и контроль за процедурными моментами продолжает доминировать при проверке законности и

эффективности контрактной системы Российской Федерации.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ), регулирующий исследуемые отношения, разработан и принят во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № Пр-772 (абзац первый) о необходимости разработки и внесения пакета законопроектов, направленных на комплексное совершенствование законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок и формирование федеральной контрактной системы, а также утверждение организационной структуры управления федеральной контрактной системой [2].

Важно понимать, что законодательство о контрактной системе постоянно развивается. Так в период с 2013 по 2018 г. в Федеральный закон № 44-ФЗ изменения вносились более 40 раз. Указанные изменения основываются в основном на правоприменительной практике, возникающей в сфере закупок и с учетом современных реалий Российской Федерации. Стоит также отметить, что ранее действовал Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который регулировал схожие общественные отношения, также на развитие законодательства о контрактной системе влияет и международная практика.

В целом, по мнению автора, принятие Федерального закона № 44-ФЗ способствовало повышению качества обеспечения государственных и муниципальных нужд за счет средств бюджетов публично-правовых образований путем реализации системного подхода к формированию, размещению и исполнению государственных (муниципальных) контрактов. Федеральный закон обеспечил прозрачность всего процесса закупок от пла-

нирования до приемки и анализа контрактных результатов, с целью предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Необходимо отметить, что в настоящее время государственные закупки России регулируются не только Федеральным законом № 44-ФЗ, хотя он находится в приоритете, но и иным общим и специальным законодательством. Так, при осуществлении закупок в комплексе действуют Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ч. 2 п. 4 гл. 30 «Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд»; п. 5 гл. 37 «Подрядные работы для государственных нужд» и др.) и Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ) (ст. 72 и 161 и др.) [3; 4].

Именно разнородность правовой природы регулирования общественных отношений, возникающих в сфере контрактной системы, влияет в настоящее время на ее развитие.

Итак, по мнению автора, при регулировании контрактных общественных отношений необходимо решение трех основных задач:

1) удовлетворение публичного интереса (государства и органов местного самоуправления), а именно приобретаемые работы, товары и услуги должны быть максимально сбалансированы по цене и качеству;

2) удовлетворение частного интереса (поставщика), в форме защиты конкуренции;

3) оказание положительного влияния на экономику как государства в целом, так и субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в частности.

Однако в действующем законодательстве существуют некоторые проблемы правового регулирования закупок с точки зрения публичного интереса, а именно гражданско-правовые конструкции не всегда применимы к сфере публичных правоотношений и часто нега-

тивно влияют на процесс исполнения бюджета, ограниченного определенными рамками, в отличие от частноправовых отношений.

Так, в качестве примера взаимодействия законодательства о контрактной системе с ГК РФ является государственный (муниципальный) контракт, заключенный победителем торгов и заказчиком при наличии между ними конфликта интересов, что в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ делает такую сделку ничтожной.

Так, в качестве примера можно привести ситуацию, когда участник закупки, не признанный победителем торгов, обратился в арбитражный суд с иском к сторонам муниципального контракта о признании его недействительным. Так, суд первой инстанции, установив факт наличия между заказчиком и поставщиком конфликта интересов, исковые требования удовлетворил, ссылаясь на то, что в соответствии с п. 1 ст. 168 ГК РФ по общему правилу сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой. В то же время сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима, или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Посягающей на публичные интересы является в том числе сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом (соответствующая правовая позиция содержится в п. 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») [5]. В данном примере не учитывается ущерб и риски, возникающие при затягивании сроков выполнения определенных, например, ре-

монтных или строительных работ, в случае признания сделки ничтожной, при условии завершения объекта в текущем финансовом году, учитывая то, что при выполнении таких работ требуется еще изготовление значительного количества технических документов и сами работы (например, замена системы отопления) могут производиться в необходимый период времени года, продолжительность которого зависит от региона страны. Данные обстоятельства, как правило, не учитываются федеральным законодательством.

Также важно отметить, что важным новшеством, предусмотренным Федеральным законом № 44-ФЗ, явилось введение принципиально нового этапа процесса закупок – планирования закупок для обеспечения нужд государства и муниципальных образований. Поскольку основанием заказа выступают потребности государства в различных товарах, необходимых для реализации им своих функций, данные потребности подлежат отражению в планах закупок и планах-графиках на стадии планирования закупки. Названные документы содержат сведения о целях закупки, наименовании объекта закупки, объеме финансового обеспечения закупки, сроках осуществления планируемых закупок, обосновании закупки [6].

Планирование закупок неразрывно связано с планированием соответствующего бюджета и предшествует следующему этапу закупок – непосредственно самой закупке. Формирование плана закупок упорядочивает планирование закупок, повышает дисциплину исполнения бюджета и осуществляется на стадии бюджетирования.

В то же время планирование ряда закупок товаров, работ и услуг, регулируемых действующим Федеральным законом № 44-ФЗ, не только не представляется возможным, но и негативно влияет на процесс формирования бюджета и требует фактического отвлечения и «простаивания» бюджетных ресурсов. К таким за-

купкам можно отнести закупку публично-правовым образованием финансовых услуг по предоставлению кредита кредитными организациями в виде возобновляемой кредитной линии.

Привлечение банковского кредита публично-правовым образованием имеет своей целью, как правило, покрытие временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджетов, либо покрытие дефицитов бюджетов, складывающихся в результате недостаточности собственных доходов в бюджете публично-правового образования.

Привлекаемый публично-правовым образованием банковский кредит подлежит включению в соответствующий государственный или муниципальный долг и его возврат осуществляется за счет источников финансирования дефицита бюджета, в то время как проценты за пользование кредитом планируются и включаются в расходную часть бюджета [7].

Кредитная линия представляет собой зачисление средств на счет заемщика отдельными частями (траншами) в течение определенного срока. Есть два вида кредитных линий: с лимитом выдачи и с лимитом задолженности (возобновляемая). По условиям первого вида кредитной линии заемщик может получить кредит в пределах предусмотренной суммы, например, два транша по 5 млн рублей. «Лимит выдачи» в этом случае составляет 10 млн рублей.

Вторая кредитная линия дает заемщику возможность неоднократно получать от кредитора на свой счет различные суммы, гасить образовавшийся долг и получать новые транши снова (в пределах лимита и согласованного срока). Главное требование – нельзя одновременно превышать лимит задолженности. Допускаются различные сочетания условий о лимитах выдачи и задолженности [8].

Таким образом, при принятии публично-правовым образованием решения о необходимости привлечения заемных

средств в виде банковского кредита и, учитывая требования о возможности заключения государственных (муниципальных) контрактов исключительно в пределах имеющихся лимитов бюджетных обязательств, объем финансового обеспечения такой закупки подлежит включению в бюджет в полном объеме (ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации) [4].

В данной ситуации объем финансового обеспечения закупки должен соответствовать начальной (максимальной) цене контракта, которая в случае привлечения кредитных средств рассчитывается исходя из процентной ставки за пользование кредитом и срока использования заемных средств.

Исходя из положений Федерального закона № 44-ФЗ, цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта [6], однако при заключении контракта по возобновляемой кредитной линии срок фактического пользования кредитными средствами, а также объем указанных средств (транша) в значительной мере отличаются от срока действия контракта и предусмотренного им объема заимствуемых средств.

Стоимость обслуживания любого кредита является расчетной величиной, исчисленной исходя из базовой ставки рефинансирования Центрального Банка России (ЦБ РФ) и маржи банка-кредитора за период действия контракта. При этом федеральный законодатель, включив кредитные договора коммерческих банков в сферу регулирования Федерального закона № 44-ФЗ, не учел возможность привлечения различных видов банковских кредитов, позволяющих публично-правовому образованию быстро получать денежные средства в необходимой сумме (траншами) при заключении одного контракта, или возможность одновременного использования нескольких кредитных линий, что позволяет привлекать средства под более низкий процент и в целом сокращает расходы на обслужи-

вание долговых обязательств публично-правовых образований.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются публично-правовые образования при привлечении кредитов в форме возобновляемой кредитной линии в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, полагаем, является необходимость включения в бюджет расходов на обслуживание таких кредитов в объеме, заведомо превышающем действительно требуемые средства, что является экономически необоснованной мерой и создает предпосылки для некачественного и недостоверного планирования бюджета.

Установленный лимит бюджетных обязательств по контракту возобновляемой кредитной линии не может быть востребован на другие цели до исполнения или расторжения контракта, что в условиях дефицита бюджета существенно влияет на финансирование значимых направлений, предусмотренных бюджетом.

Итак, например, в целях финансирования дефицита бюджета принимается решение о привлечении кредита кредитной организации в форме возобновляемой кредитной линии в размере 1 млрд рублей сроком на 1 год. В соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ закупка осуществляется с применением конкурентных процедур (аукцион). Начальная максимальная цена контракта, исчисленная исходя из базовой ставки рефинансирования ЦБ РФ и маржи банка-кредитора за период действия контракта в размере 11,2 процентов годовых, составляет 112 млн рублей, что должно соответствовать утвержденным законом (решением) о бюджете расходам на обслуживание государственного долга. По результатам проведенного аукциона банк предлагает процентную ставку по кредиту в размере 10,85 процентов годовых, в связи с чем принимаемое бюджетное обязательство составляет 108,5 млн руб., при учете использования кредита в течение 365 дней в году. Однако, поскольку при привлечении кредита в форме возобновляемой

кредитной линии денежное обязательство рассчитывается исходя из фактического пользования кредитом, расходы на обслуживание кредита при его использовании, например, в течение 150 дней составляют лишь 44,6 млн рублей.

Таким образом, планируемые расходы бюджета на обслуживание государственного долга почти в три раза превышают кассовый расход, то есть фактические расходы бюджета.

Практика также подтверждает выводы, сделанные на условном примере.

Так, распоряжением Администрации Курской области от 18 октября 2017 г. № 471-ра «О проведении электронных аукционов на оказание услуг по привлечению кредитов» комитету финансов Курской области дано право на заключение от имени Курской области трех контрактов (возобновляемые кредитные линии) на общую сумму 3 млрд рублей, в сумме 1 млрд рублей каждый кредит, на условиях: процентная ставка по кредиту не более 9,65% годовых (начальная максимальная цена каждого контракта не более 47,6 млн рублей), срок использования кредита не более 180 дней со дня заключения контракта [9].

По итогам электронных аукционов, размещенных на электронных площадках РТС тендер, ЕЭТП, ЭТП НЭП в конце ноября 2017 года заключены три контракта с ПАО Банк Зенит по ставкам 8,44%, 8,49% и 8,52% [10].

Планируемые расходы на обслуживание этих трех кредитов по возобновляемым кредитным линиям в плане-графике закупок, размещенном на сайте госзакупок, предусмотрены в сумме 142,8 млн рублей (на 2017 год – 24,3 млн рублей, на 2018 год – 118,5 млн рублей). Фактически, в 2017 году расходы осуществлены из реальной необходимости в кредитных ресурсах в сумме менее 1,5 млн рублей [10; 11].

Иными словами, только за первый год действия кредитных линий экономия бюджетных средств составила 22,8 млн

рублей. Но в законе об областном бюджете эти средства фактически были «заморожены», направление их на другие цели при его планировании нарушило бы действующее законодательство, а по факту экономии с учетом завершения финансового года использовать их также не представилось возможным.

Федеральный закон № 44-ФЗ не предусматривает частичного уменьшения лимитов бюджетных обязательств (в виду их не востребоваемости) по контрактам, а, в свою очередь, кредитная организация, исходя из коммерческой выгоды, не всегда идет на снижение процентной ставки.

Считаем, что названное выше законодательное регулирование не принимает в расчет имеющую место в последние несколько лет экономическую ситуацию, которая негативно влияет на финансовые возможности публично-правовых образований, в том числе на уровень дефицита бюджета. В то время как долговая политика публично-правовых образований в соответствии с рекомендациями Министерства финансов Российской Федерации должна быть направлена на оптимизацию структуры государственного долга и сокращение расходов на его обслуживание, сохранение условий для снижения стоимости и оптимальных сроков заимствований [12].

Указанные выше обстоятельства выявляют определенные недостатки в законодательном регулировании закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. По нашему мнению, для заимствований публично-правовых образований необходимо предусмотреть более гибкое регулирование.

Решение данной проблемы возможно осуществить путем внесения изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ, позволяющих для договоров кредитной линии с лимитом задолженности (возобновляемая кредитная линия) изменять по истечении определенного срока (месяца, квартала, полугодия) цену контракта в сторону ее уменьшения исходя из фактического объема использования заемных

средств. Одновременно для гарантии соблюдения прав кредитной организации законодательно закрепить минимальный размер цены такого контракта лучше в процентном отношении к первоначальной цене контракта.

Для названных целей, по мнению автора, требуется дополнить ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ положениями об исключении контрактов кредитной линии с лимитом задолженности из числа контрактов с твердой ценой и о возможности изменения цены такого контракта, а также включить в перечень случаев изменения существенных условий контракта, установленный ч. 1 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ, случай уменьшения цены контракта по возобновляемой кредитной линии при соблюдении прав кредитной организации.

Подводя итог, можно заключить, что влияние гражданского законодательства на практику реализации контрактного законодательства зависит от конкретной ситуации. Так в отдельных случаях ГК РФ оказывает существенное влияние, и на основании ГК РФ сделка по заключению публичного контракта даже может быть признана ничтожной, что может негативно повлиять на сроки выполнения контракта, что может причинить ущерб публичному интересу (не будет вовремя построена школа, больница, дорога и т.д.), в других случаях данное влияние не столь значимо или, наоборот, требуется дополнительное правовое регулирование на уровне ГК РФ или законодательства о контрактной системе. В целом, можно сделать вывод, что заимствование частноправовых конструкций в контрактной системе должно учитывать особенности и характер существующих публичных правоотношений, иначе это будет приводить к значительным издержкам для бюджетной системы.

Список литературы

1. О бюджетной политике в 2012–2014 годах [Электронный ресурс] : Бюджетное послание Президента РФ Феде-

ральному собранию от 29.06.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115713/ (дата обращения: 28.01.2018).

2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 68702-6 «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/58068367/> (дата обращения: 28.01.2018).

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 28.01.2018).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: [ред. от 05.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 28.01.2018).

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016)]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71400258/> (дата обращения: 28.01.2018).

6. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 31.07.1998 №145-ФЗ: [ред.

от 28.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 28.01.2018).

7. Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минфина России от 01.07.2013 № 65н: [ред. от 28.02.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148920/ (дата обращения 28.01.2018).

8. Гонгало Б. М. Гражданское право: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2016. 528 с.

9. О проведении электронных аукционов на оказание услуг по привлечению кредитов [Электронный ресурс]: распоряжение Администрации Курской области от 18.10.2017 № 471-ра. URL: <http://adm.rkursk.ru/> (дата обращения: 28.01.2018).

10. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: zakupki.gov.ru (дата обращения 17.02.2018).

11. Администрация Курской области [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: adm.rkursk.ru/index.php?id=37 (дата обращения: 18.02.2018).

12. О направлении рекомендаций по направлениям роста доходов и оптимизации расходов при формировании бюджетов субъектов Российской Федерации на 2015–2017 годы [Электронный ресурс]: письмо Минфина России от 01.12.2014 № 06-03-05/61507. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154112/ (дата обращения: 28.01.2018).

Поступила в редакцию 20.03.18

UDC 347.454

A. E. Nordstrom, Expert of the Department of legal and personnel work, Finance Committee of Kursk region (Kursk, Russia) (e-mail: denordstrom@mail.com)

THE LEGISLATION ON CONTRACT SYSTEM IN PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES AND PUBLIC FINANCIAL ACTIVITY OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Legal regulation of the contractual system in the Russian Federation is at the intersection of public and private law. A private construction sold in traditional civil-law contracts, have certain features at the conclusion of state and

municipal contracts. This article deals with the problems related to the relations included simultaneously in the sphere of regulation of private law (civil and derived from it commercial and business law), as well as public law (administrative, financial, budgetary, etc.). In particular, the problems of borrowing of public and legal structures by the legislation on the contract system of procurement of goods, works and services for state and municipal needs are investigated. The paper analyzes civil legislation, legislation on the contract system, materials of judicial and law enforcement practice. The paper proposes amendments to the Federal law No 44-FZ, which will allow for credit line agreements with a debt limit (on a revolving credit line) to change the price of the contract at the end of a certain period (month, quarter, six months) towards its reduction based on the actual volume of use of borrowed funds. This approach will significantly reduce budget expenditures on interest payments under state and municipal contracts. Moreover, the work determines that the guarantees of observance of the rights of the credit institution may be the legislative fixing of the minimum price of the contract, the best as a percentage of the original price of the contract. The paper also concludes that private law constructions are not always applicable to the contract system; as such contracts concluded within the framework of Federal law No. 44-FZ have significantly more restrictions, both procedural and material.

Key words: *civil contract, contract system, procurement of goods, works and services, state and municipal needs, procurement planning, minimum contract price, budget expenses.*

For citation: Nordstrem A. E. The legislation on contract system in procurement of goods, works and services and public financial activity of subjects of the Russian Federation: questions of theory and practice. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 50–57 (in Russ.).

Reference

1. O byudzhetnoj politike v 2012–2014 godah. Byudzhetnoe poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu ot 29.06.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115713/ (accessed 28.01.2018)

2. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona No 68702-6 "O federal'noj kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug". URL: <http://base.garant.ru/58068367/> (accessed 28.01.2018).

3. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: feder. zakon ot 05.04.2013 No 44-FZ6: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 28.01.2018).

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya): feder. zakon ot 26.01.1996 No 14-FZ: [red. ot 05.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed 28.01.2018).

5. Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s razresheniem sporov o primenении пункта 9 части 1 стат'и 31 Федераль'ного закона от 5 апреля 2013 года No 44-FZ "O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd": [utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 28.09.2016]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71400258/> (accessed 28.01.2018).

www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71400258/ (accessed 28.01.2018).

6. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 31.07.1998 No 145-FZ: [red. ot 28.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed 28.01.2018).

7. Ob utverzhenii Ukazaniy o porjadke primeneniya byudzhetnoj klassifikacii Rossijskoj Federacii: prikaz Minfina Rossii ot 01.07.2013 No 65n: [red. ot 28.02.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148920/ (accessed 28.01.2018).

8. Gongalo B. M. Grazhdanskoe pravo. Vol. 2. Moscow, Statut Publ., 2016. 528 p.

9. O provedenii ehlektronnyh aukcionov na okazanie uslug po privlecheniyu kreditov: rasporyazhenie Administracii Kurskoj oblasti ot 18.10.2017 No 471-ra. URL: <http://adm.rkursk.ru/> (accessed: 28.01.2018).

10. Edinaya informacionnaya sistema v sfere zakupok: site. URL: zakupki.gov.ru (accessed 17.02.2018).

11. Administraciya Kurskoj oblasti: site. URL: adm.rkursk.ru/index.php?id=37 (accessed 18.02.2018).

12. O napravlenii rekomendacij po napravleniyam rosta dohodov i optimizacii raskhodov pri formirovanii byudzhetov sub"ektov Rossijskoj Federacii na 2015–2017 gody: pis'mo Minfina Rossii ot 01.12.2014 N 06-03-05/61507. URL: http://www.consult-ant.ru/document/cons_doc_LAW_154112/ (accessed 28.01.2018).

Уголовное право и процесс

УДК 343.13

Т. Ю. Попова, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия) (e-mail: TatyanaOK@rambler.ru)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

В статье классифицированы и проанализированы полномочия руководителя следственного органа в контексте осуществления им направлений деятельности на стадии предварительного следствия. На основании критического анализа реализуемых руководителем следственного органа уголовно-процессуальных функций выделено семь групп полномочий, осуществляемых им на досудебных стадиях уголовного процесса: осуществление руководства деятельностью следователя, контроль за расследованием уголовных дел, процессуально-организационные полномочия по руководству деятельностью следственного подразделения, «разрешительные» прерогативы, надзорные полномочия, личное осуществление уголовного преследования, административные (не процессуальные) прерогативы. Автором сделан вывод о сохранении за руководителем следственного органа процессуального контроля и руководства деятельностью следователей, процессуально-организационных прерогатив, при расширении контрольных и руководящих полномочий, в частности за счет передачи руководителю следственного органа части прерогатив прокурора. Констатируется появление у обозначенного участника уголовного судопроизводства новых направлений деятельности – «разрешительных» полномочий и прерогатив по надзору за предварительным следствием. При всем многообразии анализируемых полномочий законодатель оставил за руководителем следственного органа право самостоятельно осуществлять уголовное преследование и организацию работы следственного подразделения. Учитывая полифункциональность полномочий руководителя следственного органа на современном этапе, выделены приоритеты его деятельности. Поскольку основной объем прерогатив, осуществляемых руководителем следственного органа, касается процессуального и организационно-процессуального руководства, выделена основная функция руководителя следственного органа – осуществление процессуального руководства. Дополнительной осуществляемой им функцией является процессуальный контроль. Факультативные функции – надзорная, функция уголовного преследования и организации работы следственного подразделения – признаны таковыми, поскольку их отсутствие не может повлиять на эффективность реализации задач, стоящих перед руководителем следственного органа.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, полномочия, прерогативы, функции.

Ссылка для цитирования: Попова Т. Ю. Классификация полномочий руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 58–66.

Несмотря на успешное функционирование процессуальной фигуры руководителя следственного органа в течение вот уже десяти лет не перестает быть актуальным вопрос о четком разделении полномочий руководителя следственного органа по направлениям деятельности.

Критически следует относиться к мнению ряда процессуалистов, выделяющих в деятельности руководителя следственного органа три функции, будь то непосредственное осуществление уголовного преследования, контроль за законностью и обоснованностью принимаемых его подчиненными решений и процессуальное руководство деятельностью

следователей [1, с. 9], или контроль и руководство предварительным следствием, осуществление процессуально-организационных полномочий и самостоятельное устранение выявленных нарушений закона [2; 3, с. 9], и даже обеспечение прав и законных интересов обвиняемого в стадии предварительного расследования как отдельную функцию руководителя следственного органа [4, с. 7]. Данные классификации представляются неполными, отражающими не все направления деятельности руководителя следственного органа, на наш взгляд, эти позиции скорее дополняют друг друга [5]. Однако во всех случаях вне поля зрения остались,

например, надзорные полномочия руководителя следственного подразделения.

По мнению В. Горюнова, основной функцией руководителя следственного органа является управленческая, в содержание которой включается осуществление процессуального контроля, корректировка действий подчиненных следователей, обеспечение взаимодействия с другими правоохранительными органами [6, с. 36; 7, с. 22], что не может быть нами одобрено в связи с отождествлением автором данного тезиса административной и процессуальной деятельности руководителя следственного органа. Наиболее узкой, на наш взгляд, из всех рассмотренных нами концепций является мнение О. В. Химичевой и других авторов о возможности существования у начальника следственного подразделения только функции контроля [8; 9]. Как мы уже упоминали ранее, давать указания (осуществлять руководство), не проверяя уголовные дела (не контролируя), просто бессмысленно.

Мы не в полной мере разделяем позицию С. А. Шейфера, признающего руководителя следственного органа как участника уголовного процесса, осуществляющего только функцию уголовного преследования [10, с. 52] в связи с наличием у данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности не только полномочий по непосредственному осуществлению уголовного преследования, но и руководящих прерогатив. Руководитель следственного органа обязан, на наш взгляд, принимать меры к обеспечению наиболее полного, всестороннего и объективного производства предварительного следствия по уголовным делам, что исключает только обвинительный подход в его деятельности.

Критически следует воспринимать позицию Е. А. Новикова о реализации руководителем следственного органа основной функции процессуального контроля (выявления и устранения допущен-

ных нарушений). К дополнительным направлениям его деятельности указанный автор относит: 1) осуществление предварительного расследования, включающее в себя опосредованное уголовное преследование до момента появления подозреваемого, обвиняемого при принятии уголовного дела к своему производству и 2) законное и обоснованное обвинение после появления обвиняемого, подозреваемого при принятии уголовного дела к своему производству [11, с. 9]. На наш взгляд, в рассматриваемой классификации функций руководителя следственного органа Е. А. Новиков, во-первых, необоснованно упустил из вида осуществление им процессуального руководства, которое мы причисляем к основному направлению его деятельности и, во-вторых, придал неоправданно большое значение полномочиям по личному осуществлению предварительного расследования (уголовному преследованию), которое мы склонны относить к факультативной функции изучаемого субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

Кроме того, Е. А. Новиков говорит о единой функции руководителя следственного органа и следователя – функции обвинения и решения одних и тех же задач, стоящих перед ними. Такой подход представляется нам несколько упрощенным, так как, на наш взгляд, ни руководитель следственного органа, ни следователь не имеют своей основной функцией обвинения. Скорее, оно является возможным результатом деятельности этих участников уголовного процесса. Что касается задач, то они для руководителя следственного органа и следователя тоже являются различными.

На наш взгляд, направления деятельности, реализуемые руководителем следственного органа на современном этапе, «пестрят» своим разнообразием [12; 13, с. 97–98; 14; 15, с. 31–32; 16; 17]. В подтверждение этого по-своему структурируем весь объем прерогатив, кото-

рыми законодатель наделил этого участника уголовного судопроизводства.

Первую группу полномочий руководителя следственного органа составляют прерогативы по осуществлению руководства деятельностью следователей, такие, как полномочия давать указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

В рассматриваемой категории появилась новая для руководителя следственного органа прерогатива возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного следствия (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Здесь же следует констатировать, что некоторые полномочия руководитель следственного органа получил от прокурора, призванного осуществлять надзор за предварительным следствием, и которые всегда рассматривались как надзорные полномочия. Однако они, на наш взгляд, скорее имеют характер процессуального руководства. К таким прерогативам, в частности, относятся права: разрешать отводы, заявленные следователю, и его самоотводы (п. 5 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); продлевать срок предварительного расследования (п. 8 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); устанавливать в пределах одного месяца срок расследования уголовного дела (в том числе в случае возвращения прокурором уголовного дела следователю для исполнения указаний): при возобновлении приостановленного или прекращенного уголовного дела либо при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования (ч. 6 ст. 162 УПК РФ); утверждать постановление следователя о пре-

кращении производства по уголовному делу (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Вторую группу полномочий представляют прерогативы по осуществлению контроля за расследованием уголовных дел следователями: помимо полномочий по проверке уголовных дел в процессе расследования у руководителя следственного органа появилась возможность по изучению материалов проверки сообщений о преступлениях, отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя, в том числе незаконных или необоснованных постановлений следователя, руководителя следственного органа другого органа предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве подчиненного следственного органа (пп. 2, 2.1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Третья группа полномочий – процессуально-организационные по руководству деятельностью следственного подразделения, к которым относятся прерогативы по распределению уголовных дел внутри следственного подразделения. Это, в частности, ранее принадлежавшие начальнику следственного отдела права – поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи; создавать следственную группу, изменять ее состав (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); и новые полномочия руководителя следственного органа – решать вопросы о подследственности не только уголовного дела, но и материалов проверки сообщения о преступлении в рамках своего ведомства (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ч. 5 ст. 152). Содержание этих полномочий определяется их смешанным характером (синтезом процессуальных и непроцессуальных прерогатив). На наш взгляд, на сегодняшний день у руководителя следственного органа вполне достаточно процессу-

ально-организационных полномочий для осуществления стоящих перед ним задач. Однако Е. А. Новиков предлагает расширить эту группу прерогатив, придав некоторым организационным решениям руководителя следственного органа характер процессуальных (например, определение структуры расследования, формирование плана расследования и т. д.) [11, с.10]. С этой позицией мы не можем согласиться. Во-первых, предлагаемые полномочия, по сути, дублируют уже закрепленную в УПК РФ прерогативу руководителя следственного органа на дачу указаний о направлении расследования (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), а во-вторых, расширение в уголовно-процессуальном законе организационных полномочий руководителя следственного органа, на наш взгляд, негативно скажется на процессуальной самостоятельности следователя.

Четвертая группа полномочий представляет прерогативы по даче согласия на производство процессуальных действий, это так называемые «разрешительные» полномочия. К единственному существовавшему у начальника следственного отдела «разрешительному» полномочию по продлению срока проверки сообщения о преступлении прибавились полномочия, переданные от прокурора (дача согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, об отмене меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); на возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ); на допрос потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)), а также прерогативы, ранее не принадлежавшие ни одному участнику уголовного процесса, возникновение которых обусловлено посредническим харак-

тером полномочий руководителя следственного органа по отношению к следователю и прокурору (в частности, дача согласия на решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ), на обжалование решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела и о направлении дела следователю для производства дополнительного расследования (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ)). Рассматривая данную группу полномочий руководителя следственного органа, нельзя не выделить его прерогативы по согласованию обвинительного заключения (ч. 6 ст. 220 УПК РФ) и постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317¹ УПК РФ).

Пятая группа полномочий руководителя следственного органа также перешла от прокурора и имеет надзорный характер. В частности, это прерогативы по разрешению жалоб на действия следователя. Теперь, согласно ст. 124 УПК РФ, жалобы участников процесса и заинтересованных лиц могут разрешать и прокурор, и руководитель следственного органа. Таким образом, от прокурора руководителю следственного органа перешли полномочия, которые были ранее инструментами и процессуального руководства, и прокурорского надзора, что позволяет согласиться с точкой зрения С. Н. Конькова о том, что руководители следственных подразделений «получили право ведомственного надзора» [18, с. 14].

Шестая группа полномочий, которые призван осуществлять руководитель

следственного органа на предварительном следствии – это прерогативы по личному осуществлению уголовного преследования (персональному производству предварительного следствия по уголовным делам). К имевшимся ранее полномочиям возбуждать уголовное дело, принимать его к своему производству и производить по нему предварительное следствие в полном объеме, прибавилось право лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства на производство процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). В связи с этим интересна позиция Е. А. Новикова, полагающего, что при личном осуществлении предварительного следствия (выполнении функций следователя) руководитель следственного органа не теряет свой процессуальный статус [11, с. 9, 13].

На наш взгляд, с этим нельзя согласиться, поскольку в указанных случаях по отношению к собственным решениям по конкретному уголовному делу руководитель следственного органа, осуществляющий полномочия следователя, не может осуществлять полномочия руководителя следственного органа, так как, фактически, будет сам себе давать указания, согласие, отменять свои же решения и т. д., что само по себе абсурдно. Поэтому мысль Е. А. Новикова нуждается в корректировке и уточнении, которые внесла Н. А. Моругина – о том, что руководитель следственного органа при личном производстве предварительного следствия по уголовному делу становится подконтролен руководителю вышестоящего следственного органа в отношении решений по данному уголовному делу [1, с. 10, 17], что не исключает осуществления этим руководителем следственного органа своих полномочий, предусмотренных

ст. 39 и другими статьями УПК РФ в отношении деятельности следователей по другим уголовным делам, находящимся в их производстве.

Руководитель следственного органа относится к стороне обвинения. Соответственно, он должен выполнять функцию уголовного преследования (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Однако, на наш взгляд, вся его деятельность направлена на обеспечение надлежащего исполнения следователем своих процессуальных функций, то есть мы делаем вывод об обеспечительном характере осуществляемых им функций по отношению к деятельности следователя и факультативности для руководителя следственного органа обязанности уголовного преследования.

И, наконец, седьмая группа полномочий руководителя следственного органа не носит процессуального характера, однако имеет для него большое значение. Речь идет об административных прерогативах, регулирующих ведомственными нормативными актами. При рассмотрении руководителем следственного органа непроцессуальных вопросов им осуществляется организация работы следственного подразделения. В частности, реализация этого направления деятельности состоит в оптимальном решении вопросов распорядка рабочего дня следователей, распределении функциональных обязанностей между ними, организации их дежурства, обеспечения взаимодействия следователей с работниками других служб и общественностью, а также в подборе, воспитании и обучении следователей [19, с. 13, 24–25].

В связи с изложенным необходимо констатировать, что в настоящее время этот участник уголовного процесса по-прежнему осуществляет процессуальный контроль и руководство деятельностью следователей, а также осуществляет процессуально-организационные прерогативы. При этом контрольные и руководящие полномочия расширились, в частно-

сти за счет передачи (или дублирования) руководителю следственного органа части прерогатив прокурора (например, по отмене решений следователя, возвращению дела для дополнительного расследования и т. д.). В данном контексте нельзя выделить «новые» для руководителя следственного органа направления деятельности, концентрирующиеся в «разрешительных» полномочиях (на производство следственных действий и избрание мер пресечения, ограничивающих конституционные права граждан; на обжалование решений прокурора) и прерогативы по надзору за предварительным следствием (в частности, право на разрешение жалоб на действия следователя). При всем многообразии анализируемых полномочий законодатель оставил за руководителем следственного органа право самостоятельно осуществлять уголовное преследование и организацию работы следственного подразделения.

Таким образом, полномочия руководителя следственного органа на современном этапе настолько многочисленны и разнообразны, что выделить единую функцию в деятельности руководителя следственного органа крайне сложно. Однако, памятуя о том, что вся деятельность руководителя следственного органа носит обеспечительный характер по отношению к работе следователя, такая его полифункциональность вряд ли сможет гарантировать объективность и самостоятельность осуществления следователем одной из своих основных функций – расследования уголовного дела. Т. К. Рябина справедливо замечает, что законодатель не смог сбалансировать между собой функции прокурора и руководителя следственного органа, что вносит неясность в вопрос, каким образом полномочия, которыми законодатель наделил этих двух участников, выражают их функциональное назначение в уголовном процессе [20, с. 43]. Необходимо учитывать, что, несмотря на неоднозначные

оценки «новых» полномочий руководителя следственного органа, тенденция к их расширению укрепляется, что подтверждается вносимыми в УПК РФ поправками.

Выстраивая идеальную модель направлений деятельности руководителя следственного органа, определим ее приоритеты. На наш взгляд, основной функцией, осуществляемой руководителем следственного органа на предварительном следствии, является функция процессуального руководства. Данный вывод определен нами, исходя из анализа его реальных полномочий. Действительно, основной объем прерогатив, осуществляемых руководителем следственного органа, касается именно процессуального и смешанного (организационно-процессуального) руководства. В этом контексте к рассматриваемой группе полномочий руководителя следственного органа можно присовокупить «разрешительные» полномочия.

Для определения степени важности осуществления руководителем следственного органа других направлений деятельности необходимо установить этимологию понятий «дополнительный» и «факультативный». Так, «факультативный» в переводе с латинского “*facultas*” означает возможность, то есть необязательность, а также нерегулярность, выполняемость от случая к случаю [21, с. 1391; 22, с. 836]. В свою очередь, «дополнить» определяется как «сделать более полным, прибавив к чему-нибудь, восполнить недостающее в чем-нибудь» [21, с. 171]. В связи с различным содержанием этих категорий делаем вывод о возможности совместного существования у субъекта уголовно-процессуальной деятельности дополнительных и факультативных функций и их взаимном дополнении.

Исходя из рассмотренных определений, факультативные функции руководителя следственного органа следует при-

знать направлениями деятельности, отсутствие которых не может повлиять на эффективность реализации его задач, поскольку они являются для данного субъекта не обязательными. К таковым, на наш взгляд, относятся надзорная функция, функция уголовного преследования и организации работы следственного подразделения.

Дополнительная функция руководителя следственного органа трактуется нами как направление деятельности, способствующее эффективной реализации основной функции. Поэтому осуществление процессуального контроля руководителем следственного органа определяется нами как дополнительное направление деятельности, обеспечивающее ему надлежащее исполнение руководства.

Таким образом, требует корректировки определение понятия руководителя следственного органа, данного в п. 38¹ ст. 5 УПК РФ. Руководителя следственного органа (а также его заместителя) следует рассматривать как должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение определенного уровня, уполномоченное осуществлять процессуальное руководство и контроль за деятельностью следователей, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом.

Список литературы

1. Моругина Н. А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.
2. Лементы П. В. Ведомственный процессуальный контроль за предварительным следствием в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 26 с.
3. Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 25 с.
4. Олейник П. М. Полномочия руководителя следственного органа по обеспечению прав и законных интересов обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 21 с.
5. Попова Т. Ю. Соотношение правового и процессуального статуса руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, № 2 (77). С. 168–175.
6. Горюнов В. Надзор за следствием в органах прокуратуры // Законность. 2009. № 2. С. 33–37.
7. Кулагин Н. И. Управление следственными аппаратами органов внутренних дел: функционально-структурный анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 36 с.
8. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Закон и право, 2004. 287 с.
9. Малышева О. А. Процессуальное положение следователя в условиях современной правовой регламентации // Российский следователь. 2009. № 6. С. 8–10.
10. Шейфер С. А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. № 4. С. 49–55.
11. Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
12. Предварительное следствие / под ред. М. В. Мешкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 319 с.
13. Уголовный процесс / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 630 с.
14. Минаева С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в

досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

15. Конин В. В. К вопросу о функциях следователя в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2009. № 4. С. 31–32.

16. Бекетов А. О. Руководитель следственного органа как субъект отношений обжалования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 26 с.

17. Радионов Д. А. Процессуальные и организационные полномочия руководителя следственного органа // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. Краснодар, 2010. С. 74–79.

18. Коньков С. Н. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном

производстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 2. С. 12–17.

19. Попова В. В., Сенчуков С. П., Яворский М. А. Организационные функции в деятельности руководителей следственных подразделений при горрайорганах внутренних дел. М.: ЦОКР МВД России, 2006. 56 с.

20. Рябинина Т. К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 41–45.

21. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. Энцикл., 1985. 1600 с.

22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд., стереотип. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Поступила в редакцию 06.04.18

UDC 343.13

T. Yu. Popova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) (e-mail: Tatyana OK@rambler.ru)

CLASSIFICATION OF POWERS OF THE HEAD OF INVESTIGATIVE BODY

In article powers of the head of investigative body in the context of implementation of activities by him at a stage of preliminary investigation are classified and analysed. On the basis of the critical analysis of the criminal procedure functions realized by the head of investigative body, seven groups of the powers which are carried out by him at pre-judicial stages of criminal trial are allocated: implementation of the leadership in activity of the investigator, control of investigation of criminal cases, procedural and organizational powers on the leadership in activity of investigative division, "allowing" prerogatives, supervising powers, personal implementation of criminal prosecution, administrative (not procedural) prerogatives. The author has drawn a conclusion on preservation for the head of investigative body of procedural control and the leadership in activity of investigators, procedural and organizational prerogatives, at expansion of the control, and leading powers, in particular, due to transfer to the head of investigative body of a part of prerogatives of the prosecutor. Emergence in the designated participant of criminal legal proceedings of new activities – "allowing" powers and prerogatives on supervision of preliminary investigation is stated. At all variety of the analyzed powers, the legislator left the right to independently carry out criminal prosecution and the organization of work of investigative division for the head of investigative body. Considering polyfunctionality of powers of the head of investigative body at the present stage, priorities of his activity are allocated. As the main volume of the prerogatives which are carried out by the head of investigative body concerns the procedural and organizational and procedural management, the main function of the head of investigative body – implementation of the procedural management is allocated. The additional function which is carried out by him as the activity promoting effective realization the main is procedural control. Facultative functions – supervising, function of criminal prosecution and the organization of work of investigative division are recognized as those as their absence can't affect efficiency of realization of the tasks facing the head of investigative body.

Key words: head of investigative body, power, prerogative, function.

For citation: Popova T. Yu. Classification of powers of the head of investigative body. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 58–66 (in Russ.).

References

1. Morugina N. A. Rukovoditel' sledstvennogo organa kak uchastnik ugovnogo sudoproizvodstva so storony obvineniya. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2010. 28 p.
2. Lementa P. V. Vedomstvennyj processual'nyj kontrol' za predvaritel'nym sledstviem v organah vnutrennih del. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Volgograd, 1999. 26 p.
3. Tabakov S. A. Vedomstvennyj processual'nyj kontrol' za deyatel'nost'yu sledovatelej i doznivatelej organov vnutrennih del. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Omsk, 2009. 25 p.
4. Olejnik P. M. Polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa po obespecheniyu prav i zakonnyh interesov obvinyaemogo. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2014. 21 p.
5. Popova T. Yu. Sootnoshenie pravovogo i processual'nogo statusa rukovoditelya sledstvennogo organa. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, vol. 22, no. 2 (77), pp. 168–175.
6. Goryunov V. Nadzor za sledstviem v organah prokuratury. Zakonnost', 2009, no. 2, pp. 33–37.
7. Kulagin N. I. Upravlenie sledstvennymi apparatami organov vnutrennih del: funkcional'no-strukturnyj analiz. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Moscow, 1990. 36 p.
8. Himicheva O. V. Konceptual'nye osnovy processual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva. Moscow, 2004. 287 p.
9. Malysheva O. A. Processual'noe polozhenie sledovatelya v usloviyah sovremennoj pravovoj reglamentacii. Rossijskij sledovatel', 2009, no. 6, pp. 8–10.
10. Shejfer S. A. Reforma predvaritel'nogo sledstviya: pravovoj status i vzaimootnosheniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa. Gosudarstvo i pravo, 2009, no. 4, pp. 49–55.
11. Novikov E. A. Rukovoditel' sledstvennogo organa v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: processual'nye i organizacionnye aspekty. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2009. 23 p.
12. Predvaritel'noe sledstvie; ed. by M. V. Meshkov. Moscow, Zakon I pravo Publ., 2009. 319 p.
13. Ugolovnyj process; ed. by B. B. Bulatova, A. M. Baranova. 4th ed. Moscow, UMITI-DANA Publ., 2013. 630 p.
14. Minaeva S. A. Processual'naya deyatel'nost' rukovoditelya sledstvennogo organa po obespecheniyu zakonnosti v dosudebnom proizvodstve. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2014. 26 p.
15. Konin V. V. K voprosu o funkciyah sledovatelya v ugovnom sudoproizvodstve. Rossijskij sud'ya, 2009, no. 4, pp. 31–32.
16. Beketov A. O. Rukovoditel' sledstvennogo organa kak sub"ekt otnoshenij obzhalovaniya. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Omsk, 2017. 26 p.
17. Radionov D. A. Processual'nye i organizacionnye polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa. Aktual'nye problemy sudebnoj vlasti, prokurorskogo nadzora, pravoohranitel'noj i advokatskoj deyatel'nosti: sb. nauch. st.; ed. by O. V. Gladysheva, V. A. Semencov. Krasnodar, 2010, pp. 74–79.
18. Kon'kov S. N. Problemy pravovogo statusa prokurora v dosudebnom proizvodstve. Ugolovnoe sudoproizvodstvo, 2008, no. 2, pp. 12–17.
19. Popova V. V., Senchukov S. P., Yavorskij M. A. Organizacionnye funkcii v deyatel'nosti rukovoditelej sledstvennyh podrazdelenij pri gorrajorganah vnutrennih del. Moscow, COKR MVD Rossii Publ., 2006. 56 p.
20. Ryabinina T. K. I vnov' k voprosu o pravovom statuse prokurora v ugovnom sudoproizvodstve. Ugolovnoe sudoproizvodstvo, 2008, no. 1, pp. 41–45.
21. Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar'; gl. red. A. M. Prohorov. 3th ed. Moscow, Sov. Encikl. Publ., 1985. 1600 p.
22. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 3th ed. Moscow, AZ Publ., 1995. 928 p.

УДК 342.59

В. П. Кузьмин, канд. юрид. наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права (Белгород, Россия) (e-mail: kyn2003@rambler.ru)

П. В. Кузьмин, д-р департамента организации образовательной деятельности Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) (e-mail: ghost696@rambler.ru)

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

В представленной статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы антикоррупционной деятельности, проводится сравнительный анализ западной и восточной моделей противодействия коррупции, проблемы, возникающие при толковании и применении норм действующего антикоррупционного законодательства, предлагаются конкретные меры по повышению эффективности борьбы с коррупцией с учетом международного опыта и особенностей российских условий. Также уделено внимание необходимости совершенствования национального законодательства России с учетом общепризнанных международных норм.

Коррупция является крупнейшим препятствием к экономическому росту и процветанию, способным поставить под угрозу любые реформы. В современном мире коррупция обоснованно рассматривается как одна из угроз не только отдельным государствам, но и мировому сообществу в целом. Коррупционные угрозы проявляются во всех сферах общественной жизни, они стали наиболее опасными и приобрели черты системной угрозы миру и безопасности человечества.

В статье дана характеристика различных видов коррупционных проявлений. Все виды коррупции представляют опасность для общества, однако наивысшую степень общественной опасности представляет политическая коррупция, когда происходит сращивание государственного аппарата с преступными финансово-промышленными группами.

Проблемы формирования модели государственного управления в сфере борьбы с коррупцией, обеспечивающей результативность этой деятельности в Российской Федерации, вышли на первый план и являются первоочередными, обуславливающие само существование России как демократического, правового, социального государства.

Основываясь на анализе зарубежных антикоррупционных моделей, в частности Шведской и Сингапурской, выражающих специфику западного и восточного менталитета и с учетом специфических условий и уровня общественного правосознания в России предлагаются конкретные направления деятельности по искоренению коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция, откат, взятка, nepотизм, конфликт интересов, инсайдерская информация, злоупотребление служебным положением, Конвенция ООН против коррупции.

Ссылка для цитирования: Кузьмин В. П., Кузьмин П. В. Пути повышения эффективности борьбы с коррупцией в России с учетом зарубежного опыта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 67–73.

Сегодня коррупция является не только криминогенной проблемой, но и фактором, разрушающим рыночные основы развития нашего общества, и ставит под угрозу экономическую безопасность страны в целом [1, с. 13].

Абсолютное искоренение коррупции является нереальной задачей в любой экономической системе. Главным препятствием к этому является то, что человек – биосоциальное существо, и биологический аспект в его сущности будет всегда подталкивать к удовлетворению своих потребностей. Однако не следует делать вывод, что можно отказаться от

попыток минимизировать коррупцию. Отказ от борьбы с коррупцией приводит к полной деградации государственной власти и в конечном итоге к социальным взрывам, что подтверждается многочисленными примерами.

В то же время успехи, достигнутые в борьбе с коррупцией в ряде стран, опровергают скептиков и пессимистов.

В России особенно широкое распространение получили такие формы коррупции, как:

1) «откат» – форма коррупции, которая проявляется как синтез взятки и вымогательства. Откат проявляется в

действиях высокопоставленного чиновника при выделении финансовых средств. При этом чиновник распределяет финансовые средства тем лицам, которые предложат ему больший процент от выделяемой суммы;

2) **фаворитизм, кумовство, nepoтuзм** – выражается в том, что на выгодные должности назначаются родственники или близкие друзья. Кадры подбираются по принципу личной преданности, а не по деловым и моральным качествам. Идея формирования кадрового резерва дискредитирована тем, что через эту лазейку назначаются без проведения открытого конкурса «свои люди», заблаговременно включенные в кадровый резерв;

3) **незаконные пожертвования и вклады**. Эта форма коррупции проявляется в получении должностными лицами незаконных доходов через фиктивные фонды. При этом лица, пользующиеся покровительством высоких должностных лиц, прикрываясь их авторитетом, создают различные «благотворительные фонды», и вынуждают представителей бизнеса вносить значительные суммы на счета своих фондов. Фактически же эти фонды находятся целиком в распоряжении их создателей, которые данные средства используют на личные нужды. Подобный пример имел место в Республике Корея. Но в отличие от авторитарных режимов в этой стране возмущение общественности привело к отставке Президента Пак Кын Хе. История с Пак Кын Хе показала, что за десятилетия демократического развития в Южной Корее сформировалось гражданское общество, созданы независимые парламентские, следственные и судебные органы, средства массовой информации, которые могут быть гарантией от злоупотреблений даже на самой вершине государственной власти;

4) **использование в корыстных целях информации, доступ к которой обусловлен полномочиями должностного лица**. Инсайдерская информация – «точная и конкретная информация, кото-

рая не была распространена или предоставлена..., **распространение или предоставление которой может оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов»** [2] В самом общем смысле инсайдерская информация – это любая важная информация, обладающая потребительской стоимостью, получатель которой получает преимущества на рынке.

Представляется целесообразным выделение следующих направлений антикоррупционной деятельности:

1. **Систематизация антикоррупционного законодательства** на основе соблюдения принципов законности, единства, всеобщности, справедливости, неотвратимости наказания и недопустимости противопоставления законности и целесообразности. При этом количество антикоррупционных актов должно быть сведено к минимуму. Законодательство должно быть четким и недвусмысленным.

Карательные меры необходимо сконцентрировать в Уголовном, Трудовом кодексах и Кодексе об административных правонарушениях, а не издавать отдельные акты по примеру Федерального закона №230-ФЗ 2012 г.

Требует уточнения норма, раскрывающая само понятие «коррупция». Данная дефиниция изложена в статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: «...коррупция: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [3]. Данное определение представляется несовершенным, поскольку оно в основном перечисляет составы

коррупционных деяний, не раскрывая высокую степень общественной опасности коррупции.

В большей мере раскрывает понятие коррупции формулировка, которая содержится в ст. 1 Закона Республики Кыргызстан от 8 августа 2012 г. № 153 «О противодействии коррупции»: «Коррупция – умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, **создающие угрозу интересам общества или государства**» [4].

Также представляется необходимым определиться с Конвенцией ООН против коррупции. Споры о ее полной ратификации продолжаются до настоящего времени. Фактически, некоторые статьи не применяются в России якобы «по причине отсутствия правовых оснований для их применения». Эти утверждения необоснованы.

Отдельные политики заявляют о том, что Конвенция была ратифицирована в 2006 г. как единый документ, так как частичная ратификация международного документа невозможна в принципе. В то же время в Венской конвенции о праве международных договоров предусмотрена возможность частичной ратификации в случае «если это допускается договором или если с этим согласны другие договаривающиеся государства» [5].

Представляется, что неполная ратификация Россией Конвенции, в частности исключение ст. 20, 36 и ряда других, преследовала цель обеспечить гарантии спокойной жизни высокопоставленным коррупционерам.

Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в своей речи на Международной научно-практической конференции «Конституционализм и правовая система России: итоги и пер-

спективы» 26 ноября 2013 г. также заявил, что одна из очевидных причин коррупции в том, что Россия до сих пор не ратифицировала ст. 20 Конвенции ООН против коррупции.

Содержание Федерального закона о ратификации Конвенции ООН толкуется буквально. В законе о ратификации Конвенции прямо перечислены статьи, по которым Россия располагает необходимыми карательными механизмами [6]. Статья 20, 36 и еще ряд важных статей не входят в этот список, якобы по причине их противоречия законодательству РФ.

Самой страшной угрозой для коррупционера может быть именно конфискация имущества, а не штрафы. Однако в 2003 году конфискация имущества как вид уголовного наказания была отменена. Очень странное совпадение с присоединением России в том же году к Конвенции ООН против коррупции, которая предусматривает наличие в законодательстве такой меры наказания, как конфискация. Глава 15.1, включенная в 2008 г. в УК РФ, только добавляет хаос в правоприменительную практику по коррупционным составам. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» как бы призван устранить этот пробел. В соответствии со ст. 17 данного закона, обращение в суд о применении конфискации к конкретным лицам направляется Генеральным прокурором РФ или подчиненными ему прокурорами. Почему именно Генеральная прокуратура, а не суд на основании нормы закона может определять, к кому из коррупционеров применять конфискацию, а к кому нет? Возникает закономерный вопрос: почему нельзя вернуть в УК РФ конфискацию как меру наказания?

Представляется, что для эффективной борьбы с коррупцией необходимо доработать отечественное законодательство путем внесения изменений в Федеральный закон «О ратификации Конвенции ООН против коррупции», включить

20-ю и другие не указанные статьи. Также необходимо восстановить в Уголовном кодексе в перечне уголовных наказаний конфискацию имущества и включить в УК РФ состав уголовного правонарушения «незаконное обогащение», чтобы исключить произвольное применение такой меры наказания, как конфискация. Данное условие предусмотрено и Конвенцией ООН против коррупции.

Утверждения противников предлагаемых мер, что они противоречат принципу «презумпция невиновности», несостоятельны. Данные меры не вступают в противоречие с принципом презумпции невиновности, так как направлены на защиту конституционного строя и обеспечения безопасности общества, личности и государства.

2. В странах Европы основной силой, противостоящей коррупции, явилось гражданское общество. Учитывая преобладание в России отношений восточного типа и эмбриональное состояние гражданского общества, **основной движущей силой в борьбе с коррупцией в России может быть только государство в лице высших органов власти.**

Во исполнение предписаний ст. 36 Конвенции ООН необходимо **создать специальный антикоррупционный орган** по типу сингапурского Бюро по расследованию коррупции, наделенного необходимыми полномочиями и подотчетного Парламенту (Совету Федерации). Этот орган не должен входить в структуру исполнительной власти. Коррупционные действия может совершить лицо, обладающее дискреционными полномочиями, то есть возможностями что-то разрешать либо запрещать или распределять по своему усмотрению не принадлежащие ему ресурсы. Такими полномочиями в большей мере обладают именно представители исполнительной ветви власти. Поэтому антикоррупционный орган должен быть подотчетен парламенту и ответственен перед судебной властью.

Представляется актуальным обязать правоохранительные органы реагировать на общественные и журналистские рас-

следования. В советское время была законодательно установлена обязанность государственных органов давать официальный ответ на критические выступления СМИ и сообщать о принятых мерах. Такую практику можно восстановить.

3. **Исключение возможности формирования круга** представителей элиты, **на которых не распространяются российские законы.** Преодолеть правовой нигилизм как основу общественного правосознания в России невозможно в условиях, когда отдельные представители политической элиты демонстрируют пренебрежение законами и общественным мнением и уходят от ответственности.

4. **Активизировать деятельность по предотвращению использования инсайдерской информации.** Это сравнительно новая форма коррупции, но она уже получила широкое распространение в России.

5. **Сотрудничество с другими странами по возвращению активов и расследованию преступлений экономического характера,** кем и где бы они не совершались. Статья 55 Конвенции ООН предусматривает, что государство-участник, получившее от другого государства-участника просьбу о конфискации доходов от преступлений, находящихся на его территории, направляет эту просьбу своим компетентным органам с целью получения постановления о конфискации и, в случае вынесения такого постановления, приводит его в исполнение [7].

6. **Принятие эффективных мер по преодолению дифференциации общества.** Одна из основных причин высокой коррупции в РФ является огромная дифференциация общества. При этом к категории бедных относятся не только социально незащищенные слои, но и большая часть работающего населения. В большинстве стран эта проблема решается путем установления прогрессивной шкалы налогообложения. К сожалению, меры апробированы в постиндустриальных странах: ограничение appetites крупного капитала, введение прогрессивной

шкалы налогообложения, установление налога на наследство в России не применяются.

Как отмечал Е. М. Примаков: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советских времен. На практике получилась почти пародия» [8, с. 3].

Речь не может идти об уравнительной системе распределения материальных благ, но сближение в уровнях благосостояния ведет к уменьшению социальной напряженности в обществе.

7. Обеспечение реального соблюдения статьи 10 Конституции РФ о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, функционирующие самостоятельно при обеспечении единства государственной власти посредством формирования системы сдержек и противовесов. Эффективная борьба с коррупцией немыслима при игнорировании важнейшего принципа государственного управления – принципа разделения властей.

Государственная власть, согласно ст. 10 Конституции РФ, осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом каждая ветвь власти самостоятельна. Единство власти обеспечивается за счет эффективной системы сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс ветвей власти.

Столкновения между различными властями не только неизбежны, но и нужны, они разрешаются путем компромиссов, вытекающих с необходимостью из невозможности остановки государственной деятельности.

8. Выработка жестких этических стандартов и распространение их требований на всех без исключения государственных и муниципальных служащих. Статья 8 Конвенции ООН устанавливает, что каждое государство-

участник стремится применять, в рамках своих институциональных и правовых систем, кодексы или стандарты поведения для правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций.

9. Создание условий для формирования гражданского общества. Социальной основой гражданского общества является «средний класс». К среднему классу в современном цивилизованном обществе относят тех граждан, которые способны своим трудом обеспечить себе достойное существование при создании государством соответствующих условий. «Ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один – настолько беден, чтобы быть вынужденным продаваться» [9, с. 92]. В современном демократическом государстве средний класс составляет самую многочисленную часть народа. Именно эта часть настроена в духе соблюдения основных демократических прав и свобод, сохранения и умножения социально-нравственных связей, скрепляющих народ [10].

Государственная власть, как и любая другая, стремится к неограниченному расширению своих полномочий, что ведет к ущемлению прав и свобод личности. Такое стремление обусловлено как объективными факторами, так и субъективными, самой природой власти и биосоциальной сущностью властвующих. Ограничить власть может только другая власть – власть права, власть общества.

Гражданское общество по своей природе недостаточно организовано. При отсутствии социальной основы гражданского общества – среднего класса представительные учреждения имеют склонность к превращению в декоративные приатки государственной власти.

Учитывая, что российское общество с точки зрения менталитета ближе к восточному, но с определенными европейскими амбициями, российское общество в борьбе с коррупцией должно использовать силу государства с опорой на мо-

раально-этические ценности, присущие российскому народу.

Борьба с коррупцией может стать эффективной только тогда, когда она становится частью общественного договора. Если же государство или общество не заинтересованы в «отмене» взяточничества, то победить коррупцию не помогут ни казни, ни посулы. Такая уж это заразная болезнь [11, с. 6].

Список литературы

1. Гончаров С. П. Коррупция как угроза общественной безопасности: теоретико-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 12–17.

2. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ: [ред. от 03.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/ (дата обращения: 18.01.2018).

3. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.12.2008 № 273: [ред. от 28.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 18.01.2018).

4. Лафитский В. И. Коррупция в Евразийском экономическом союзе: общее наследие, противодействие и прямые

вызовы // Законодательство и экономика. 2016. № 8. С. 7–20.

5. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]: [принята 23.05.1969]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 18.01.2018).

6. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/ (дата обращения: 18.01.2018).

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 18.01.2018).

8. Примаков Е. М. По материалам выступления на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2014 года // Российская газета Столичный вып. 2014. №6277 (5).

9. Гегель Г. Философия права / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

10. Кузьмин В. П. Вопросы теории государства и права. Хабаровск: Изд-во Тихоок. гос. ун-та, 2013. 360 с.

11. Земцова Ю. Основной инстинкт. Загадки и отгадки коррупции // Финансовая газета. 2012. 2 февр. (№ 5).

Поступила в редакцию 23.03.18

UDC 342.59

V. P. Kuzmin, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Belgorod, Russia) (e-mail: kyn2003@rambler.ru)

P. V. Kuzmin, Director of the Department of Educational Activities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (e-mail: ghost696@rambler.ru)

PROBLEMS OF FORMATION AND EXECUTION OF THE BUDGET OF THE PENSION FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents some topical issues of the anti-corruption activity, compares the western and eastern models of counteracting corruption. Furthermore, the article discovers some challenges arising in interpretation and application of norms of the current anti-corruption legislation, suggests specific measures how to increase the effectiveness of a fight against corruption in accordance with the international experience and specifics of Russian condi-

tions. Moreover, attention is paid to a need to improve Russian national legislation in accordance with universally recognized international norms.

Corruption is the biggest obstacle to economic growth and prosperity that could jeopardize any reforms. In the modern world, corruption is reasonably considered as one of the threats not only to individual states, but to the world community as a whole. Corruption threats are manifested in all spheres of public life, they have become the most dangerous and have acquired features of a systemic threat to the peace and security of mankind.

The article describes the different types of corruption manifestations. All kinds of corruption pose a danger to society, but political corruption is the highest degree of public danger when the state apparatus merges with criminal financial industrial groups.

The problems of forming a model of public administration in the field of combating corruption, ensuring the effectiveness of this activity in the Russian Federation, came to the fore and are of primary importance, which determine the very existence of Russia as a democratic, legal, social state.

Based on the analysis of foreign anti-corruption models, in particular the Swedish and Singaporean ones, expressing the specificity of the western and eastern mentality and taking into account specific conditions and the level of public legal awareness in Russia, specific directions for eradicating corruption manifestations in Russia are proposed.

Key words: corruption, rollback, bribe, nepotism, conflict of interest, insider information, malpractice, The United Nations Convention against Corruption.

For citation: Kuzmin V. P., Kuzmin P. V. Problems of formation and execution of the budget of the pension fund of the Russian Federation. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 67–73 (in Russ.).

References

1. Goncharov S. P. Korrupciya kak ugroza obshchestvennoj bezopasnosti: teoretiko-pravovoj aspekt. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 12–17.
2. O protivodejstvii nepravomernomu ispol'zovaniyu insajderskoj informacii i manipulirovaniyu rynkom i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 27.07.2010 No 224-FZ: [red. ot 03.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/ (accessed 18.01.2018).
3. O protivodejstvii korrupcii: feder. zakon ot 25.12.2008 No 273: [red. ot 28.12.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 18.01.2018).
4. Lafitskij V. I. Korrupciya v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: obshchee nasledie, protivodejstvie i pryamye vyzovy. Zakonodatel'stvo i ekonomika, 2016, no. 8, pp. 7–20.
5. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnyh dogovorov: [prinyata 23.05.1969]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 18.01.2018).
6. O ratifikacii Konvencii Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv korrupcii: feder. zakon ot 08.03.2006 No 40-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/ (accessed 18.01.2018).
7. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv korrupcii: [prinyata General'noj Assambleej OON 31.10.2003]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed 18.01.2018).
8. Primakov E. M. Po materialam vystupleniya na zasedanii "Merkurij-kluba" 13 yanvarya 2014 goda. Rossijskaya gazeta. Stolichnyj vyp., 2014, no. 6277 (5).
9. Gegel' G. Filosofiya prava; ed. by D. A. Kerimov i V. S. Nersesyanc. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
10. Kuz'min V. P. Voprosy teorii gosudarstva i prava. Habarovsk, Pacific National Univ. Publ., 2013. 360 p.
11. Zemcova Yu. Osnovnoj instinkt. Zagadki i otgadki korrupcii. Finansovaya gazeta, 2012, Fevr. 2 (No. 5).

УДК 343.98

А. М. Журбенко, канд. экон. наук, преподаватель, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия) (e-mail: zhurbenkoal@yandex.ru)

Г. М. Усова, старший преподаватель, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России имени И. Д. Путилина (e-mail: galina.usova.1979@mail.ru)

И. В. Малыхин, ст. преподаватель, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России имени И. Д. Путилина (e-mail: ig3222666@yandex.ru)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

С 29 ноября 1985 года принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций Декларация основных международных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью начала своё существование. Смысл этого международного документа заключался в том, чтобы максимально защитить интересы потерпевших с помощью создания фондов помощи лицам, пострадавшим от преступлений, в том случае, когда устранить такой вред по различным причинам не представляется возможным. Именно этот принцип «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом» и воспроизвела статья 52 Конституции Российской Федерации. Этим же правилом государство приняло на себя общепризнанную обязанность помочь лицу, пострадавшему от преступного деяния и злоупотребления властью.

Этот мировой принцип помощи «жертв» преступных деяний с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стал выделяться в отраслевом законодательстве. Согласно статье 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Нормы о помощи лицам, пострадавшим от преступных посягательств, определённые статьей 6 УПК РФ, более конкретно определены в его отдельных определениях. Некоторые нормы определяют обязанностью органов предварительного расследования, прокурора и суд фиксировать характер и размер вреда, иные нормы – определять возможности к обеспечению возмещения имущественного ущерба лицу, пострадавшему от преступления.

В нормах международного, конституционного и уголовно-процессуального права определение помощи лицам, потерпевшим от преступных действий, – одна из важных задач, стоящих перед предварительным следствием, дознанием, прокурором и судебными органами.

Ключевые слова: преступление, возмещение ущерба, имущество, потерпевший, статистические данные, предварительное следствие, уголовное дело, следственные действия, арест на имущество.

Ссылка для цитирования: Журбенко А. М., Усова Г. М., Малыхин И. В. Обеспечение возмещения ущерба, причинённого преступлением // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 74–80.

Главным направлением в деятельности предварительного следствия в системе МВД России является обеспечение законных интересов и конституционных прав граждан, особенно в части возмещения причиненного вреда. Руководством МВД России ежегодно определяются конкретные задачи по определению необходимых мер, которые направляются на улучшение работы по возмещению

ущерба лицам, пострадавшим от преступных посягательств. Для совершенствования практических знаний и умений, необходимых для успешной работы следователей по возмещению ущерба, причинённого преступлением, в образовательной системе МВД России организована система повышения профессионального уровня сотрудников, особенно

это касается сотрудников с незначительным стажем работы [1].

Необходимо обозначить перечень объективных факторов, оказывающих влияние на размер выплаты ущерба, характерных для всех органов следствия.

1. Поздняя подача заявления потерпевших об имевшем место преступном деянии либо преступлении «прошлых лет», в том случае, когда событие преступного деяния и его раскрытие отделяет большой период времени, что, конечно же, уменьшает итог тех мер, которые принимаются по обеспечению возмещения ущерба. Нередко оперативные сотрудники затягивают регистрацию сообщения о совершённом хищении до времени выявления оперативно-розыскным способом лиц, виновных в совершении преступного деяния. Лица, ведущие предварительное расследование, в свою очередь, проводят предварительную проверку, а приняв решение о возбуждении уголовного дела, зачастую сначала проводят следственные действия по обнаружению и фиксации вещественных доказательств виновности обвиняемого и принятию решения об избрании ему меры пресечения.

Проблема об обеспечении возмещения ущерба в большинстве случаев отодвигается на второй план. Например, раскрыв хищение, лицо, проводившее предварительное расследование, узнает, что украденные вещи были переданы для реализации в скупку. Но скорейшего изъятия ценностей из ломбарда следовательно не проводит, он выполняет иные мероприятия [2]. Через какое-то время поступает информация, что переданные в ломбард ценности уже реализованы добросовестным приобретателям и возмещения ущерба не происходит.

2. Неплатёжеспособность подозреваемых, виновных в совершении преступления, обусловленная сложным эконо-

мическим и социальным положением в стране.

3. Определение последствий и вреда, который понесли лесные хозяйства в результате незаконного уничтожения леса, где используется оплата исходя из качественных характеристик лесонасаждений, в итоге полученный ущерб многократно увеличивает стоимость древесины, а её продажа не обеспечивает полного возмещения ущерба.

4. Недостаточно справедливое наполнение статистических данных по данному виду деятельности, в которых показатель суммы ареста наложенного на каждый вид имущества, является обособленным и не входит в норматив возмещённого ущерба.

5. Имеются определённые проблемы в учёте сведений об ущербе при покушении на совершение преступления, также не в пользу возмещения. Эти проблемы частично решаются в органах предварительного следствия в системе МВД России.

Многие руководители следственных подразделений принимают исчерпывающие меры по данному направлению деятельности, а некоторые самоустранились от осуществления контроля за организацией работы по обеспечению возмещения вреда.

Главным образом трудности возмещения вреда определяются по преступным деяниям экономической направленности [3]. Полученный ущерб по данным преступлениям практически всегда определяется не одним миллионом рублей. Необходимое наличие возможностей обеспечительного характера, а именно в виде наложения ареста на имущество лиц, виновных в совершении преступления, оказывает существенное влияние на возмещение ущерба в целом.

Замечено, что некоторыми начальниками подразделений следствия не в

полной мере организовываются необходимые меры к наложению ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска.

Основной причиной низкого возмещения материального ущерба является нежелание руководителей организовывать надлежащим образом работу в данном направлении, относятся к данному вопросу как ко второстепенной задаче. Очень часто отсутствует система сбора и учёта сведений о состоянии работы по возмещению ущерба, зачастую ослаблена аналитическая составляющая, неэффективны принимаемые управленческие решения. Такая бесконтрольность порождает грубые нарушения требований уголовно-процессуального законодательства подчинёнными сотрудниками по отдельным уголовным делам. Надлежащий контроль за исполнением указаний скорее всего не организован. Должностные лица, ответственные за своевременность, качество и полноту исполнения указаний, ограничиваются сбором формальных сведений, поступающих от исполнителей [4].

Отсутствует должное взаимодействие сотрудников следственных подразделений с дознанием при фиксировании преступной деятельности и отработке материалов оперативно-розыскной деятельности. Из-за этого способы переправления украденного или изъятого из гражданского оборота имущества, денежных знаков, ценных бумаг не определяются, действия по легализации доходов от преступной деятельности не преодолеваются, мероприятия по поиску имущества подозреваемых лиц, их родственников и близких друзей не осуществляются, юридические операции и регистрационные действия с украденным имуществом не оформляются [5].

При расследовании уголовных дел не обеспечивается планирование и

оформление всех процессуальных действий по определению характеристик и стоимости украденных вещей, отысканию и определению целостности имущества, розыску полученных после законных операций с похищенным имуществом средств, своевременно не проводятся мероприятия по наложению ареста на имущество, его изъятию и определению на необходимое хранение, своевременно не применяются обысковые меры по определению места вещей, на которое налагается арест, выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных документах [6].

О мероприятиях лица, проводящего следствие по возмещению ущерба, в процессе расследования в специальной литературе высказываются разные точки зрения.

По мнению некоторых специалистов, возмещение ущерба, полученного от преступного деяния, выполняется в следующем порядке:

1) дознаватель (следователь) определяет, что преступным деянием причинен имущественный ущерб;

2) дознаватель (следователь) в ходе расследования уголовного дела выписывает постановление о признании лица потерпевшим и объясняет ему права, которые предусмотрены ст. 42 УПК РФ [7];

3) по заявлению лица, потерпевшего от преступления, или по своей инициативе лицо, проводящее предварительное следствие, выполняет мероприятия, направленные на возможность реального восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего.

Мероприятия по определению реального размера имущественного вреда оказывают очень важное значение: во-первых, размер имущественного ущерба оказывает влияние на квалификацию преступления; во-вторых, неопределение

правильного размера вреда приводит к совету лицу, потерпевшему от преступления, подать в суд в порядке гражданского судопроизводства после постановления приговора, так как судебные органы отказывают в удовлетворении заявленного гражданского иска [8].

Порядок следственных действий лица, проводящего предварительное расследования по определению размера вреда, заключается в:

1) допросе потерпевшего,

2) выемке у лица, потерпевшего от преступного деяния, фотографий украденных вещей, документов, удостоверяющих наличие имущества и его стоимостную характеристику, а также иных документов, которые подтвердят наличие причинённого вреда,

3) выемке и осмотре вещей, подтверждающих наличие имущественного вреда;

4) допросе свидетелями лиц, которых указывает потерпевший;

5) использовании специализированных познаний;

6) допросе обвиняемого.

В ходе проведения допроса лица, являющегося потерпевшим, необходимо определить:

– в чем заключается вред, нанесённый потерпевшему, что было похищено, пострадало ли состояние здоровья, находился ли потерпевший на стационарном лечении, покупал ли лекарства или необходимое питание, находился ли на санаторно-курортном излечении, насколько пострадала заработная плата от нахождения на листке;

– что конкретно из вещей пропало, в какое время было куплено это имущество, за какую стоимость, сколько использовалось данное имущество потерпевшим или иными лицами, какова степень износа имущества, в какую стои-

мость на данной промежуток времени оценивает потерпевший своё имущество;

– занималось ли лицо, пострадавшее от преступления, каким-либо восстановлением поврежденных вещей, какова стоимость восстановительных работ;

– имелись ли расходы у потерпевшего на восстановление своего здоровья, структура этих расходов, имелись ли врачебные показания к применению таких расходов;

– есть ли в наличии у лица, которому причинён вред, подтверждающие правоустанавливающие документы, говорящие о приобретении имущества или причинённых расходах и т. п.;

– может ли потерпевший предоставить изображения имущества;

– место испорченных предметов, через какое время предметы могут быть представлены следователю;

– имеются ли лица, которые могут знать о имуществе, его цене, сроке и условиях эксплуатации и т. п.

Граждане, которые нарушили норму права, используя пробелы в законах, иногда умышленно не возмещают причинённый ущерб, а также способствуют сокрытию имущества, которое находится у них во владении и собственности [9].

Полученная информация должна ежемесячно анализироваться, в частности эффективность возмещения ущерба по уголовным делам о хищениях и иных преступлениях, об общеуголовных и экономических преступлениях. Результаты возмещения ущерба нужно ранжировать по подчинённым подразделениям и сотрудникам. Детализация информации и сопоставление различных источников позволяют руководителю правильно определить проблемные вопросы, наметить мероприятия по поддержанию положительных тенденций и устранению выявленных недостатков [10].

Полученные сведения об особенностях ущерба и прогнозирование необходимости использования различных мер его выплаты в ходе расследования уголовного дела дает начальнику следствия возможность угадывать направление развития ситуации и определять изменения служебных критериев. Сведения, которые были получены по итогам такой работы, главным образом определяют ориентиры служебной деятельности и направление необходимых организационных действий, направленных на улучшение служебной деятельности подразделений различного уровня и сотрудников по возмещению вреда, причиненного преступлением. Руководители органов расследования преступлений должны совместно с руководителями подразделений полиции разрабатывать мероприятия по совершенствованию возмещения ущерба от преступлений.

Немаловажную роль в решении задач по повышению эффективности работы по данному направлению деятельности является стимулирование сотрудников, добившихся высоких результатов. Руководством должна активно применяться практика поощрения по ходатайствам руководителей следственных подразделений сотрудников, добившихся высоких результатов работы по возмещению ущерба.

С учётом изложенного причины низких показателей возмещения ущерба могут быть обусловлены организационными просчётами руководителей следственных подразделений. В целях их устранения управленческие меры по возмещению ущерба должны иметь упреждающий характер. В этой связи необходимо определить направление деятельности, а это могут быть сообщения, являющиеся поводами к возбуждению уголовных дел, и сами уголовные дела, которые находятся у подчинённых сотрудников, жалобы и

обращения граждан, поступившие в орган внутренних дел в связи с производством предварительного расследования, документы первичного учёта, составленные подчинёнными сотрудниками в процессе служебной деятельности. Необходимо принять исчерпывающие меры, направленные на повышение возмещения ущерба потерпевшим и гражданским истцам.

Список литературы

1. Белявский В. С. О понятии криминалистического обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №10. С. 157–160.

2. Егоров Ю. Н. Оперативно-розыскная деятельность и обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2017. С. 50–53.

3. Щепотин А.В. Возмещение ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, конфискация имущества и обеспечение исполнения иных имущественных взысканий // Законность. 2017. №11 (997). С. 17–18.

4. Тишков С. А., Тишков Д. С. К вопросу об обеспечении прав организаций, признанных потерпевшими по уголовным делам о хищении безналичных денежных средств // Актуальные проблемы российского права. 2015. №10 (59). С. 156–161.

5. Алымов Д. В. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. ст. IV-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. Ч. 1. С. 233–237.

6. Подгорнов Е. А. Особенности поисково-познавательной деятельности по

обеспечению возмещения материального ущерба // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: материалы V науч.-практ. конф. / редкол.: Н. Н. Азисова [и др.]. Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2017. С. 112–115.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [ред. от 07.03.2017, с изм. от 16.03.2017]. URL: http://consultant.ru/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.01.2018).

8. Шутько С. А. Наложение ареста на имущество как одна из мер обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба, причинённого преступлением // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сб. ст. межве-

домственного круглого стола и Всероссийского круглого стола / редкол.: А. В. Бульжкин [и др.]. Орёл: Орлов. юрид. ин-т МВД России, 2017. С. 268–270.

9. Новичков В. Е., Рыкова С. А. Некоторые проблемные ситуации, возникающие в ходе реализации конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Бизнес в законе. 2009. №5. С. 141–144.

10. Байбарин А. А., Гребеньков А. А. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении информационного характера // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. С. 164–167.

Поступила в редакцию 04.04.18

UDC 343.98

A. M. Zhurbenko, Candidate of Economics Sciences, Lecturer, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: zhurbenkoal@yandex.ru)

G. M. Usova, Senior Lecturer, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: galina.usova.1979@mail.ru)

I. V. Malykhin, Senior lecturer, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia) (e-mail: ig3222666@yandex.ru)

PROVIDE COMPENSATION FOR THE DAMAGE CAUSED BY THE CRIME

On 29 November 1985, the United Nations General Assembly adopted the Declaration of basic international principles of justice for victims of crime and abuse of power. The purpose of the Declaration was to maximize the protection of the rights of individuals through the establishment, strengthening and expansion of national funds for compensation of harm to victims of crime, when it is not possible to compensate for various reasons.

On 29 November 1985, the United Nations General Assembly adopted the Declaration of basic international principles of justice for victims of crime and abuse of power. The purpose of the Declaration was to maximize the protection of the rights of individuals through the establishment, strengthening and expansion of national funds for compensation of harm to victims of crime, when it is not possible to compensate for various reasons.

This global principle of protection of "victims" of crimes and abuses with the adoption of the code of criminal procedure of the Russian Federation is reflected in the sectoral legislation. Article 6 of The criminal procedure code of the Russian Federation (hereinafter the code of criminal procedure), contained in the Chapter "principles of criminal procedure", proclaimed the protection of the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes, the appointment of criminal proceedings.

The rules on protection of victims, enshrined in article 6 of the code of criminal procedure, more specifically defined in its private rules. Some rules impose on the bodies of preliminary investigation, the Prosecutor and the court the duty to establish the nature and extent of the harm caused by the crime, others to take measures to ensure compensation for property damage to the victim.

In the context of the international, constitutional and criminal procedural meaning of the legal protection of the victim from crime, one of the main tasks facing the bodies of preliminary investigation, inquiry, Prosecutor and court is to ensure the protection of the property interests of the victims.

Key words: *crime, compensation of damage, property, victim, statistical data, preliminary investigation, criminal case, investigative actions, seizure of property.*

For citation: Zhurbenko A. M., Usova G. M., Malykhin I. V. Provide compensation for the damage caused by the crime. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 74–70 (in Russ.).

References

1. Belyavskij V. S. O ponyatii kriminalisticheskogo obespecheniya vozmeshcheniya ushcherba, prichinyonnogo prestupleniem. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2013, no. 10, pp. 157–160.

2. Egorov Yu. N. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i obespechenie vozmeshcheniya ushcherba, prichinyonnogo prestupleniem. Problemy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v kontekste izmeneniya geopoliticheskoy situacii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, Bajkal St. Univ. Publ., 2017, pp. 50–53.

3. Shchepotin A. V. Vozmeshchenie ushcherba, prichinyonnogo prestupleniyami korrupcionnoj napravlenosti, konfiskaciya imushchestva i obespechenie ispolneniya inyh imushchestvennyh vzyskanij. Zakonnost', 2017, no. 11 (997), pp.17–18.

4. Tishkov S. A., Tishkov D. S. K voprosu ob obespechenii prav organizacij, priznannyh poterpevshimi po ugovolnym delam o hishchenii beznalichnyh denezhnyh sredstv. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2015, no. 10 (59), pp. 156–161.

5. Alymov D. V. K voprosu o tekhniko-kriminalisticheskom obespechenii rassledovaniya prestuplenij. Problemy otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam v sovremennoj Rossii: teoriya i praktika: sb. nauch. st. IV-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2015, pt. 1, pp. 233–237.

6. Podgornov E. A. Osobennosti poiskovo-poznavatel'noj deyatel'nosti po obespecheniyu vozmeshcheniya materi-

al'nogo ushcherba. Aktual'nye problemy ugovolnogo prava i processa, ugovolno-ispolnitel'nogo prava i kriminalistiki: materialy V nauch.-prakt. konf.; ed. by N. N. Azisova, eds. Saransk, OOO "YurEhksPraktik", 2017, pp.112–115.

7. Ugovolno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 18.12.2001 No 174-FZ : [red. ot 07.03.2017, s izm. ot 16.03.2017]. URL: http://consultant.ru/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 16.01.2018).

8. Shut'ko S. A. Nalozhenie aresta na imushchestvo kak odna iz mer obespecheniya prava poterpevshego na vozmeshchenie ushcherba, prichinyonnogo prestupleniem. Obespechenie prav i zakonnyh interesov grazhdan v deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya: sb. st. mezhdvostvennogo kruglogo stola i Vse-rossijskogo kruglogo stola; ed. by A. V. Bulzhkin, eds. Orel, Orel Law Institute of the MIA of Russia Publ., 2017, pp. 268–270.

9. Novichkov V. E., Rykova S. A. Nekotorye problemnye situacii, vznikayushchie v hode realizacii konfiskacii imushchestva kak inoj mery ugovolno-pravovogo haraktera. Biznes v zakone, 2009, no. 5, pp. 141–144.

10. Bajbarin A. A., Greben'kov A. A. Problemy ugovolnoj otvetstvennosti za nesoobshchenie o prestuplenii informacionnogo haraktera. Ugovolnoe pravo v ehvolucioniruyushchem obshchestve: problemy i perspektivy: sb. nauch. st. po materialam VII Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017, pp.164–167.

УДК 343.98

Д. В. Алымов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: sledczy@list.ru)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье содержится изложение основных проблем, связанных с развитием научно-технического обеспечения деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Автором проанализированы научные подходы к определению понятий «криминалистическая техника», «технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений», обозначены структурные элементы, входящие в их состав, выявлены основные проблемы правового регулирования вопросов, связанных с их применением в рамках уголовного судопроизводства. Кроме того, предлагаются основные направления расширения предметной области криминалистической техники, используемой в правоохранительной деятельности с учетом современных научных достижений, а также бурного развития научно-технического прогресса.

На сегодняшний день также весьма актуальными являются проблемы научных исследований в области использования новых информационных технологий в правоохранительной деятельности. В статье проанализированы научные подходы к определению понятий «новые информационные технологии», «виртуальное пространство», «виртуальный след». Автор приходит к выводу о том, что принципиально новый подход к изучению закономерностей развития новых информационных технологий может способствовать пересмотру и дополнению системы средств криминалистической техники, а также отдельных ее отраслей. Как известно, многие преступления совершаются в особой среде, именуемой «виртуальным пространством». В связи с этим предлагается разработать систему концептуальных и прикладных исследований в области информационно-компьютерного обеспечения деятельности правоохранительных органов. Ученые-криминалисты должны всячески способствовать созданию принципиально новой научной парадигмы, ориентированной на системное изучение закономерностей криминальной деятельности и деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в киберпространстве.

Глубокое исследование вопросов, входящих в предмет исследования данной статьи, по мнению автора, может существенным образом изменить научные подходы к формированию технологического комплекса, используемого в рамках правоохранительной деятельности в целях решения общих и частных задач борьбы с преступностью.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, криминалистическая техника, технико-криминалистическое обеспечение, новые информационные технологии, виртуальный след.

Ссылка для цитирования: Алымов Д. В. Основные направления развития научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 81–91.

Современный мир уже сложно представить без достижений научно-технического прогресса. Различные технические средства, а также сложные технические системы и комплексы используются практически во всех сферах деятельности. Современное общество заинтересовано в быстром и качественном получении результатов научно-технического прогресса, как в трудовой деятельности, так и в повседневной жизни.

Современные научно-технические достижения во многом представлены в виде компьютерных систем, средств телекоммуникации, виртуальной реальности, которые существенно видоизменили

характер производственных процессов, а также жизнь каждого человека.

Однако достижения научно-технического прогресса широко используют и криминальные структуры. Отдельные преступники, а также преступные группы и сообщества овладевают научно-техническими знаниями в целях успешного совершения и сокрытия преступлений, применяют их сами или с помощью специалистов. Широкое использование преступниками дорогостоящих достижений науки и техники ставят перед учеными и практиками вопрос о необходимости защиты интересов законопослушных граждан за счет применения современных

научно-технических средств получения процессуально значимой информации [1].

Криминалистическая техника – это один из старейших разделов криминалистики, ставший фундаментом для формирования этой науки. Известно, что криминалистика на первоначальном этапе своего развития именовалась «уголовной техникой».

С. Н. Трегубов, опубликовавший в 1915 году знаменитый труд «Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Практическое руководство для судебных деятелей», представил шестнадцать разделов, которые во многом были посвящены технической стороне расследования преступлений. Так, С. Н. Трегубов уделял пристальное внимание вопросам исследования следов крови, следов ног человека, следов пальцев рук, способам распознавания подделки документов и т. д. [2] Однако в дальнейшем с появлением основ криминалистической тактики и разработкой тактических приемов в расследовании преступлений уголовная техника стала рассматриваться в качестве самостоятельного раздела криминалистики. Тем не менее уголовная техника по-прежнему занимала центральное положение в криминалистической науке.

Так, И. Н. Якимов существенно расширил исследовательскую область уголовной техники, рассматривая в своих трудах такие ее разделы, как технические способы распознавания преступников на основе исследования фотографических (сигналетических) снимков; распознавание преступников по папиллярным узорам пальцев рук и основы дактилоскопической регистрации; техника использования словесного портрета; исследование следов ног, зубов, волос, крови и иных следов биологического происхождения, а также следов от повозок, следов взлома, следов оружия, следов от горючих веществ и зажигательных приборов; выявление следов подделки документов; технические особенности различных видов осмотров, технические особенности хра-

нения предметов с обнаруженными на них следами преступления и т. д. [3]

Позднее с развитием криминалистической науки и систематизацией основных технических средств и методов, применяемых в раскрытии и расследовании преступлений, термин «уголовная техника» исчез из обихода и постепенно стал закрепляться новый термин – «криминалистическая техника».

Понятие «криминалистическая техника» на разных исторических этапах развития криминалистической науки определялось по-разному. Подходы к пониманию и обоснованию данного термина формировались и претерпевали изменения под влиянием меняющихся представлений о самом предмете криминалистики.

Так, например, в советское время А. Н. Васильев и А. Н. Винберг определяли криминалистическую технику как систему выработанных технических средств и специальных приемов, используемых при судебном рассмотрении уголовных дел, а также для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений [4, с. 91].

В настоящее время термин «криминалистическая техника» употребляется в двух значениях: как раздел криминалистической науки и как специфическая отрасль общей техники. Как раздел науки криминалистическая техника представляет систему научных положений и основанных на них технических, в широком смысле этого слова, средств, приемов и методов, предназначенных для собирания и исследования доказательств по уголовным делам, а также для предупреждения преступлений. Как отрасль общей техники она представляет собой специфический комплекс технических средств – приборов, аппаратуры, оборудования, инструментов, приспособлений, принадлежностей и материалов, применяемых для собирания и исследования доказательств, а также технических условий, инструкций и правил их использования [5, с. 59].

Е. П. Ищенко на сегодняшний день определяет криминалистическую технику как совокупность теоретических положений и рекомендаций для разработки и применения технических средств в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, накопления и переработки криминалистически значимой информации о расследуемых преступлениях, а также технических средств и способов предупреждения преступных посягательств [1, с. 50].

Современная система криминалистической техники представлена в виде следующих структурных элементов и отраслей:

- общие положения криминалистической техники;
- криминалистическая фотография, видео- и звукозапись;
- криминалистическая габитология;
- криминалистическая трасология;
- криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий;
- криминалистическое оружиеведение (криминалистическая баллистика);
- криминалистическое исследование документов;
- криминалистическая фоноскопия;
- криминалистическая одорология;
- криминалистическая регистрация.

В рамках нашего исследования мы не будем раскрывать понятие каждого из представленных выше структурных элементов криминалистической техники, которые итак известны каждому ученому-криминалисту. Мы поговорим лишь о некоторых проблемных вопросах, которые, по нашему мнению, являются весьма актуальными и могут способствовать изменению некоторых устоявшихся положений самого раздела «криминалистическая техника», а также расширению его познавательных начал с последующим приспособлением к нуждам криминалистической практики.

Во-первых, следует отметить, что криминалистическая техника – это тот раздел криминалистики, который наиболее тесно связан со следственно-

экспертной практикой. Любой субъект криминалистической деятельности должен иметь более или менее полное представление о сущности самого раздела «криминалистическая техника» и об основных способах и методах использования технико-криминалистических средств для решения тех или иных задач в рамках раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Однако в общих положениях криминалистической техники дается обширное представление о сущности данного раздела криминалистики, приводятся основные классификации технико-криминалистических средств, а также условия их использования.

Отдельные субъекты криминалистической деятельности и целые подразделения и службы правоохранительных органов должны иметь не просто общее представление о сущности и значении криминалистической техники, но и правильно организовать работу по наиболее рациональному использованию технико-криминалистических средств для решения конкретных практических задач.

Для этих целей предлагается ввести в общие положения криминалистической техники обязательный термин «техническое обеспечение», который позволит грамотно осуществлять работу по использованию технико-криминалистических средств в деятельности правоохранительных органов.

По мнению И. И. Лузгина, одна из главных задач технико-криминалистического обеспечения – решение проблемы борьбы с преступностью – состоит в получении своевременно выявленной и поднятой до уровня возможности оценки комплексной криминалистически значимой информации, дающей не только картину преступления, но и аналитический и статистический материал по событию в целом как основе организации раскрытия преступления. Вторая из них – обеспечение правомерности, научности и объективности полученных данных (исходного положения решения и снятия многих

проблем в ходе выполнения как первоначальных, так и последующих следственных действий) [6].

Однако данная точка зрения представляется несколько узкой в том плане, что технико-криминалистическое обеспечение решает еще и ряд задач общеорганизационного характера, которые связаны не только с получением криминалистически значимой информации в ходе следственной деятельности, но и с внедрением, распределением и постоянным контролем качества и технической оснащенности служб и подразделений правоохранительных органов. В данном случае следует отметить, что главной задачей технико-криминалистического обеспечения является оценка готовности правоохранительных органов решать задачи по применению технических средств для собирания, оценки и использования значимой для дела информации при производстве любого следственного действия в рамках расследования того или иного преступления.

До настоящего времени не дано четкого определения понятия «технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений» и его содержания.

А. Ф. Волынский, например, дает обобщенное определение технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. По его словам, это специфический вид деятельности, осуществляемый в целях раскрытия и предупреждения преступлений [7, с. 21].

В. И. Шелудченко определяет технико-криминалистическое обеспечение как организационную систему, направленную на создание и функционирование постоянной готовности служб и подразделений органов внутренних дел к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач в целях получения и обработки криминалистически значимой информации и ее использование в расследовании преступлений [8, с. 12–13].

Наиболее полное определение дано П. Т. Скорченко, который под технико-криминалистическим обеспечением понимает систему правовых, научных, организационных мер по разработке, внедрению и практическому использованию технико-криминалистических средств и научных методов в целях выявления, расследования, пресечения и предотвращения преступлений [9, с. 5].

По мнению данного автора, технико-криминалистическое обеспечение включает в себя:

- правовое обеспечение;
- научное обеспечение;
- организационное обеспечение [9, с. 5].

Под правовым обеспечением понимается правовое урегулирование всех важнейших вопросов применения криминалистической техники, без чего немыслима никакая работа по технико-криминалистическому обеспечению расследования [9, с. 5–6].

В ряде статей УПК РФ предусмотрены случаи применения средств криминалистической техники:

- при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ);
- в протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты (ч. 5 ст. 166 УПК РФ);
- в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов (ч. 3 ст. 170 УПК РФ);
- неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию (ч. 2 ст. 178 УПК РФ);
- в случае, если освидетельствование сопряжено с обнажением лица другого

пола, то с согласия освидетельствуемого применяются фотографирование, видеозапись или киносъемка;

– по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются (ч. 4 ст. 189 УПК РФ).

Также немало правовых норм, регламентирующих порядок использования технических средств, содержится в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [10].

Так, ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит ряд требований и условий использования технических средств:

– в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде;

– запрещается проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то настоящим Федеральным законом физическими и юридическими лицами;

– перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, устанавливается Правительством Российской Федерации.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О полиции» [11] преду-

смотрены следующие нормативные правила использования технических средств:

– полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (ч. 1 ст. 11);

– полиция в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, применяет электронные формы приема и регистрации документов, уведомления о ходе предоставления государственных услуг, взаимодействия с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями и организациями (ч. 2 ст. 11);

– полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности (ч. 3 ст. 11);

– федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных.

В рамках данного вопроса приведены лишь некоторые нормативно закрепленные в действующем законодательстве положения, касающиеся применения технических средств в расследовании преступлений.

Однако в законодательстве не указывается о применении целого ряда технических средств, находящихся на вооружении правоохранительных органов (поисковые приборы, источники невидимых лучей и др.). В связи с этим ряд уче-

ных (Р. С. Белкин, А. А. Леви и др.) справедливо подчеркивают, что нет необходимости в законе перечислять все имеющиеся криминалистические средства; достаточно в нем сформулировать лишь общие принципы допустимости, формы и цели их применения [9, с. 6].

Следует отметить, что ученые в области криминалистики и судебной экспертизы принимают активное участие в разработке ведомственных нормативно-правовых актов, которые детально регламентируют деятельность по использованию средств криминалистической техники. Многие вопросы регулируются внутренними актами: приказами, положениями, инструкциями и иными документами, подавляющая часть которых находится под грифом «секретно». Однако, по словам ведущих экспертов-криминалистов, данные акты отличаются высоким качеством, строгим соответствием федеральному законодательству, а также удобством в их применении.

Научное обеспечение имеет тесную связь с правовым обеспечением и основано на нем [9, с. 6].

По мнению Ю. С. Лаврухиной, научность технико-криминалистических средств и методов рассматривается в качестве одного из критериев их допустимости. К числу таких критериев можно отнести:

- полное соответствие технико-криминалистических средств и методов объективным явлениям действительности и закономерностям их развития;
- положительная экспериментальная проверка (апробация);
- точность (достоверность) результатов, получаемых при их применении;
- возможность проверки вследствие воспроизводимости в суде результатов применения методов и средств криминалистической техники [12].

Следует отметить, что в литературе проблема научного обеспечения приме-

нения технико-криминалистических средств рассматривается учеными-криминалистами весьма широко и перечень его основных элементов остается открытым. Существует множество точек зрения относительно содержания научного обеспечения деятельности по использованию технико-криминалистических средств в процессе расследования преступлений, но, тем не менее, ученые стремятся к выделению общепризнанных элементов, которые в конечном счете поспособствуют определению наиболее оптимальных форм научного обоснования применения технико-криминалистических средств.

В структуре технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений важную роль играет организационное обеспечение [9, с. 6].

Организационное обеспечение основывается на двух предыдущих элементах технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

По мнению П. Т. Скорченко, содержание организационной деятельности зависит от уровня правоохранительных органов. Четко просматриваются три таких уровня:

- 1) на уровне федеральных аппаратов правоохранительных органов (Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура, Министерство юстиции, ФСБ и т. д.);
- 2) на уровне республиканских, краевых и областных правоохранительных органов (МВД республик, ГУВД и УВД краев и областей);
- 3) на уровне районных и городских правоохранительных органов [9, с. 6].

Содержание организационной работы по технико-криминалистическому обеспечению на первом уровне сводится к следующему:

- разработка нормативной базы, регламентирующей основные положения о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений;

– централизованное приобретение и распределение технико-криминалистических средств между всеми подразделениями правоохранительных органов на всех уровнях;

– освоение зарубежных технологий и приобретение технико-криминалистических средств за рубежом;

– разработка принципиально новых технико-криминалистических средств;

– мониторинг состояния материально-технической базы правоохранительных органов на всех уровнях;

– организация подготовки и переподготовки кадров, в том числе во взаимодействии с зарубежными правоохранительными органами.

Содержание организационной работы по технико-криминалистическому обеспечению на втором уровне включает в себя:

– разработку приказов, инструкций и положений по применению технико-криминалистических средств на региональном уровне;

– освоение и распределение выделенных технико-криминалистических средств;

– мониторинг численности и состояния технико-криминалистических средств на региональном уровне;

– обеспечение должного уровня технического обслуживания средств криминалистической техники в рамках региона;

– повышение уровня подготовки работников правоохранительных органов того или иного региона.

Организационная работа по технико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений на третьем уровне включает в себя деятельность по:

– выявлению недостатков технико-криминалистического обеспечения и составлению запросов в региональные правоохранительные органы на поставку необходимого оборудования на места;

– организации своевременного получения технико-криминалистических средств;

– обеспечению должного уровня хранения технико-криминалистических средств;

– мониторингу состояния и эффективности использования технико-криминалистических средств на местном уровне;

– организации работы по освоению средств криминалистической техники (является наиболее актуальной ввиду большой численности следователей и дознавателей основного звена) [9, с. 6].

Таким образом, определение понятия и содержания технико-криминалистического обеспечения имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет создать оптимальные условия для деятельности правоохранительных органов в рамках использования технико-криминалистических средств для собирания доказательственной и иной значимой для дела информации, а также повысить качество работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в целом. Техно-криминалистическое обеспечение расследования преступлений связано не просто с механическим использованием средств криминалистической техники в той или иной ситуации, но и с ее научным обоснованием, определением правовых и организационных начал. Однако на сегодняшний день не выработано четкого определения технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, что может отрицательно сказаться на качестве использования научно-технических средств в практической деятельности правоохранительных органов.

Еще одной немаловажной проблемой развития технологического комплекса для осуществления правоохранительной деятельности является активизация исследований в области новых информа-

ционных технологий и виртуального пространства.

Глубокие исследования в данной области должны затронуть структурные элементы не только общетеоретических и методологических основ криминалистики, а также поисково-идентификационной деятельности и трасологической идентификации в криминалистике.

По мнению Е. П. Ищенко, одним из весьма перспективных направлений приложения усилий криминалистов представляется изучение и использование в следственной деятельности электронных следов, оставляемых в различных информационных базах данных средствами мобильной связи, кредитными, дисконтными картами, проездными документами, снабженными магнитным кодом, персональными компьютерами, подключенными к Интернету, электронными товарными бирками, специальными чипами и другими подобными устройствами, ассортимент которых стремительно расширяется. Выявление, фиксация, расшифровка таких следов, становящихся в последние годы массовым явлением, будет способствовать раскрытию и расследованию самых различных, в том числе и компьютерных, преступлений, совершаемых в Интернете [13, с. 203].

Однако в системе криминалистической техники нет отдельного раздела, посвященного исследованию компьютерной техники и виртуальных следов преступления, а потому на сегодняшний день данная проблема весьма актуальна. Так, «виртуальный след» подразумевает результат отображения реального процесса или же действия компьютерной системы, связанный с тем или иным преступлением в виде цифрового образа формальной модели этого процесса. Виртуальные следы рассматриваются двояко. С одной стороны, они стали применяться в расследовании преступлений, но с другой – официально правового оформления не

получили, однако это не мешает применять виртуальные следы на практике [14].

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что перед учеными-криминалистами необходимо поставить вопрос о возможности формирования новой отрасли криминалистической техники или же подотрасли криминалистического учения о следах, связанной с изучением процессов и явлений, происходящих в виртуальной среде. Это позволит выйти на более высокий уровень в деле по раскрытию и расследованию большинства преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных технологий.

Виртуальные следы являются специфическим видом следов. Их нельзя отнести ни к материальным, ни к идеальным. Учитывая тот факт, что последствия преступного события формируются в специфической среде, то и виртуальным следам следует отвести отдельное место в классификации всех изучаемых следов в криминалистике.

По мнению Ю. В. Гаврилина, виртуальные следы как специфическая форма преобразования компьютерной информации обладают следующими признаками: 1) отражают событие преступления в информационном поле; 2) являются материальными по своей природе, но не отражают пространственную форму следообразующего объекта; 3) являются результатом преобразования компьютерной информации; 4) служат носителями свойств, присущих компьютерной информации; 5) обладают способностью к дублированию, т. е. к копированию на другие электронные носители без изменения их характеристик [15].

В криминалистической науке разработаны и некоторые классификации виртуальных следов в криминалистике.

Так, В. П. Леонтьевым предложена следующая классификация виртуальных следов: 1) локальные, расположенные на

устройствах преступника или жертвы; 2) сетевые, расположенные на серверах и коммуникационном оборудовании [16, с. 264].

А. Г. Волеводз предложил классификацию локальных виртуальных следов в зависимости от носителя, на котором они были обнаружены: 1) следы на винчестере (жестком диске), стримере (магнитной ленте), оптическом диске, дискете; 2) следы в оперативных запоминающих устройствах компьютера; 3) следы в оперативных запоминающих устройствах периферийного оборудования (принтеры, сканеры и т. д.); 4) следы в оперативных запоминающих устройствах компьютерного оборудования связи и сетевого оборудования; 5) следы в проводных, радиооптических и других электромагнитных системах и сетях связи [17, с. 159–160].

Таким образом, криминалистической науке и практике необходимо выработать систему знаний, позволяющих определить понятие, содержание и значение информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. На сегодняшний день такая система знаний до конца не сформирована. Ученым-криминалистам предстоит большая работа по изучению криминальных процессов, возникающих в специфической среде, именуемой «виртуальным пространством», определению понятия и содержания виртуальных следов и их носителей. С течением времени такая система знаний может подвергаться существенным изменениям с учетом совершенствования научно-технических средств, приемов и методов познания виртуального пространства. Однако уже сегодня современная криминалистика перешла на более высокий уровень и способна использовать в своем арсенале самые передовые технологии, позволяющие расширить пределы доказывания. Не исключено, что в скором времени появятся новые отрасли или подотрасли криминалистической

техники, которые будут успешно использоваться в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в киберпространстве.

Список литературы

1. Криминалистика / О. В. Волохова, Н. Н. Егоров, М. В. Жижина [и др.]; под ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2011. 504 с.
2. Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений Пг.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1915. 334 с.
3. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
4. Винберг А. И. К вопросу об основах криминалистической техники как разделе науки советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 1. С. 90–94.
5. Баканова Л. П., Пулатов Ю. С., Худяков А. В. Актуальные проблемы криминалистики (становление и перспективы развития). Ч. 1. Ташкент: Акад. МВД Республики Узбекистан, 2006. 118 с.
6. Лузгин И. И. Техничко-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности на основе современных технологий: проблемы, задачи, перспективы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2007. № 4. С. 212–216.
7. Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 312 с.
8. Шелудченко В. И. Проблемы технико-криминалистического обеспечения расследования убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 25 с.
9. Скорченко П. Т. Понятие и элементы технико-криминалистического

обеспечения выявления и расследования преступлений // Российский следователь. 2012. № 14. С. 5–8

10. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: [ред. от 06.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 11.03.2018).

11. О полиции [Электронный ресурс]: федер. закон от 07.11.2011 №3-ФЗ: [ред. от 07.03.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 11.03.2018).

12. Лаврухина Ю. С. Основы технико-криминалистического обеспечения следственного действия // Следователь. 2006. №4. С. 22–28.

13. Ищенко Е. П. Криминалистика: главные направления развития // Уголовно-процессуальные и криминалистиче-

ские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 201–209.

14. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.

15. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. №23. С. 2–6.

16. Леонтьев В. П. Большая энциклопедия компьютера и Интернета. М.: ОЛМА медиа групп, 2006. 371 с.

17. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям М.: Юрлитинформ, 2002. 375 с.

Поступила в редакцию 03.04.18

UDC 343.98

D. V. Alymov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: sledczy@list.ru)

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPLY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

The article contains an account of the main problems associated with the development of scientific and technical support for the activities of disclosure, investigation and prevention of crimes. The author analyzes the scientific approaches to the definition of the concepts "forensic technique," technical and criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes, "identifies the structural elements that make up their composition, identifies the main problems of legal regulation of issues related to their application in criminal proceedings. In addition, the main directions of the expansion of the subject area of criminalistic technology, used in law enforcement activities, taking into account modern scientific achievements, as well as rapid development of scientific and technological progress are proposed.

To date, the problems of scientific research in the field of using new information technologies in law enforcement are also very topical. The article analyzes scientific approaches to the definition of concepts "new information technologies", "virtual space", "virtual footprint". The author comes to the conclusion that a fundamentally new approach to studying the laws of the development of new information technologies can contribute to the revision and supplementation of the system of means of criminalistic technology, as well as its individual branches. As is known, many crimes are committed in a special environment, called "virtual space". In this regard, it is proposed to develop a system of conceptual and applied research in the field of information and computer support of law enforcement agencies. Forensic scientists should in every possible way contribute to the creation of a fundamentally new scientific paradigm oriented to systemic study of the regularities of criminal activity and activities to uncover, investigate and prevent crimes in cyberspace.

A deep study of the issues included in the subject of this article, in the opinion of the author, can significantly change the scientific approaches to the formation of a technological complex used in law enforcement in order to solve common and particular problems of combating crime.

Key words: law enforcement, forensic technology, technical and criminalistic support, new information technologies, virtual footprint.

For citation: Alymov D. V. Main directions of development of scientific and technical supply of law enforcement activity. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 81–91 (in Russ.).

References

1. Volohova O. V., Egorov N. N., Zhizhina M. V., eds. *Kriminalistika*; ed. by E. P. Ishchenko. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 504 p.
2. Tregubov S. N. *Osnovy ugolovnoj tekhniki. Nauchno-tehnicheskie priemy rassledovaniya prestuplenij* Petrograd, Izd. yurid. kn. sklada "Pravo", 1915. 334 p.
3. Yakimov I. N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoj tekhnike i taktike*. Novoe izd., perepech. s izd. 1925 g. Moscow, LeksEHst, 2003. 496 p.
4. Vinberg A. I. *K voprosu ob osnovah kriminalisticheskoy tekhniki kak razdele nauki sovetskoj kriminalistiki*. Pravovedenie, 1967, no. 1, pp. 90–94.
5. Bakanova L. P., Pulatov Yu. S., Hudyakov A. V. *Aktual'nye problemy kriminalistiki (stanovlenie i perspektivy razvitiya)*. Pt. 1. Tashkent, Akad. MVD Respubliki Uzbekistan, 2006. 118 p.
6. Luzgin I. I. *Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie pravoohranitel'noj deyatel'nosti na osnove sovremennyh tekhnologij: problemy, zadachi, perspektivy*. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki, 2007, no. 4, pp. 212–216.
7. Volynskij A. F. *Konceptual'nye osnovy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij*. Diss. dokt. yurid. nauk. Moscow, 1999. 312 p.
8. Sheludchenko V. I. *Problemy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya ubijstv*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2002. 25 p.
9. Skorchenko P. T. *Ponyatie i ehlementy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya vyyavleniya i rassledovaniya prestuplenij*. Rossijskij sledovatel', 2012, no. 14, pp. 5–8.
10. *Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: feder. zakon ot 12.08.1995 No 144-FZ*: [red. ot 06.07.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_7519/ (accessed 11.03.2018).
11. *O policii: feder. zakon ot 07.11.2011. No 3-FZ*: [red. ot 07.03.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_110165/ (accessed 11.03.2018).
12. Lavruhina Yu. S. *Osnovy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya sledstvennogo dejstviya*. Sledovatel', 2006, no. 4, pp. 22–28.
13. Ishchenko E. P. *Kriminalistika: glavnye napravleniya razvitiya. Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. Irkutsk, Baikal St. Univ. Publ., 2012, pp. 201–209.*
14. Agibalov V. Yu. *Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugolovnom processe*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 152 p.
15. Gavrilin Yu. V., Shipilov V. V. *Osobennosti sledoobrazovaniya pri sovershenii moshennichestv v sfere komp'yuternoj informacii*. Rossijskij sledovatel', 2013, no. 23, pp. 2–6.
16. Leont'ev V. P. *Bol'shaya ehnciklopediya komp'yutera i Interneta*. Moscow, OLMA media grupp, 2006. 371 p.
17. Volevodz A. G. *Protivodejstvie komp'yuternym prestupleniyam*. Moscow, Yurlit-inform Publ., 2002. 375 p.

УДК 343.2

А. В. Чиненов, преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия) (e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

При выборе наиболее оптимальных и действенных приемов противодействия преступности в статье проанализированы аспекты определения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, и рассмотрены некоторые виды преступлений, совершаемых при криминальных ликвидациях. Также в статье рассмотрен вопрос противодействия фирмам-однодневкам, который является актуальным, о чем свидетельствует Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

Опираясь на российскую и зарубежную научную литературу, рассматриваются вопросы относительно развития экономических отношений и как последующий итог (предпосылка) совершения преступлений, связанных с ликвидацией юридических лиц.

Рассматривая проблематику преступлений, связанных с ликвидацией юридических лиц, автор приходит к тому, что большинство исследований, касающихся предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридических лиц, по сути, представляют собой узконаправленные исследования отдельных видов преступлений, совершаемых при ликвидации юридических лиц, а не в ее совокупности, без анализа причин и условий их совершения в целостности.

С целью более детального анализа причин и условий совершения преступлений в комплексе необходимо определить более действенные алгоритмы противостояния исследуемых общественно опасных действий с учетом личностных и профессиональных особенностей лиц, занимающихся криминальной ликвидацией юридических лиц. Также с целью решения вопросов, связанных с противодействием преступлениям, связанным с ликвидацией юридического лица, предлагается исследовать проблему с точки зрения криминологии и криминологических аспектов. При рассмотрении феномена преступности, связанной с ликвидацией юридических лиц, криминологическая профилактика может позволить определить группу причин и условий совершения преступлений, направления экономической деятельности, в которых совершается наибольшее количество преступлений.

Немаловажным компонентом криминологической профилактики является анализ личностных свойств и признаков лиц, совершающих преступления вышеуказанной категории, формулировка признаков способов совершения преступлений и обстоятельств их совершения.

В статье автором отражены первоочередные инструменты криминологической профилактики преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица. Также в ходе исследования анализу подвергнуты такие понятия, как «фирмы-однодневки», «криминальные банкротства», «ликвидация юридического лица».

Ключевые слова: юридическое лицо, экономика, экономическая деятельность, активы, банкротство, фирма-однодневка, фиктивная организация, налоги, налоговое преступление.

Ссылка для цитирования: Чиненов А. В. О некоторых особенностях противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №1(26). С. 92–98.

В настоящее время одной из острых стоящих существенных проблем в сфере экономики экономической деятельности является участие на рынке фиктивных организаций – фирм-однодневок, которые, по сути, создаются не для непосредственного ведения какой-либо экономической деятельности, а для извлечения преступного дохода в условиях рыночной конкуренции. Они служат инструментами для осуществления противоправных действий, связанных с мошенническими действиями (в том числе с хищением бюджетных денежных средств), уклоне-

нием от уплаты налогов, выводом активов с расчетных счетов иных организаций, фактически занимающихся деятельностью, направленной на извлечение доходов [1, с. 323].

Задача противодействия фирмам-однодневкам закреплена в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [2]. В соответствии с данным распоряжением важными мотиваторамисоздания

заинтересованности конкуренции в рыночных отношениях может быть изменение порядка регистрации новых предприятий (организаций), включая возможность регистрации предприятия при помощи сети Интернет.

Характерная особенность фирмы-однодневки как инструмента совершения преступления состоит в том, что выведение активов (денежных масс, движимого недвижимого имущества) происходит с расчетных счетов реально осуществляющей деятельность организации через юридическое лицо, существующее номинально, не осуществляющее фактически какой-либо деятельности.

Рассматривая один из механизмов выведения денежных средств с расчетных счетов, можно выделить тот факт, в ходе которого с фирмой-однодневкой для придания отношениям формального характера заключаются номинальные договоры, в основном на услуги, связанные с оказанием каких-либо действий (реклама, консультации и т. д.). Также с целью сокрытия фиктивности договорных обязательств и условий их выполнения в договорах могут прописываться услуги, отличающиеся от реально выполняемых. Так, документально могут подразумевать какие-либо действия, связанные с выполнением такого рода услуг, выполнение объема которых невозможно проверить. Заключение фиктивных договоров при проведении встречных проверок в последующем затрудняет сотрудникам правоохранительных органов и контролирующим организаций возможность установить, осуществлялись ли они фактически или только на бумаге. Перечисляемые денежные средства с расчетного счета фиктивной организации обналчииваются с помощью пластиковых карт через банкоматы и далее передаются лицу, которое прибегло к услугам лиц, занимающихся выводом денежных средств (обналчииванием). Движимое и недвижимое имущество по заниженным ценам выводят через такие фиктивные организации.

Другой механизм, связанный с осуществлением противоправных действий с

использованием фирм-однодневок, можно определить как уменьшение налогооблагаемой прибыли по заключаемым договорам и, как следствие, получение права на налоговый вычет на НДС (налог на добавленную стоимость) [3, с. 189].

В ходе противодействия, раскрытия преступлений, связанных с использованием «фирм-однодневок», можно выделить ряд проблем, одной из которых является тот факт, что сроки существования и использования такого рода организаций являются относительно непродолжительными. Фиктивные организации создаются и реорганизовываются для осуществления ряда операций, а иногда создаются для решения определенных задач применительно к одному субъекту экономических отношений, к примеру, для вывода активов предприятия, и как итог, доведения организации до преднамеренного банкротства.

Также к проблемам, связанным с выявлением и предупреждением деятельности фиктивных организаций, относится тот факт, что уже к недействующим юридическим лицам появляется интерес у работников ФНС, сотрудников правоохранительных органов.

Для осуществления противоправных действий, связанных с использованием фирм-однодневок, организаторы преступной деятельности находят и привлекают наиболее уязвимую категорию населения – лиц малоимущих, злоупотребляющих спиртными напитками, ведущих антиобщественный образ жизни. Обладая достаточно квалифицированными качествами психолога, методами убеждения, за небольшие денежные вознаграждения оформляются документы, согласно которым данные граждане по формальным признакам становятся учредителями или же руководителями таких фирм. Как правило, лица, на которых оформляются организации, не уведомляются об истинных целях создания (реорганизации, ликвидации) юридического лица.

Также уставные документы фиктивных организаций могут оформляться по

поддельным документам или паспортам, которые были утеряны. Те номинальные лица, на которых оформляются такие организации, а также должностные лица «юридических консультаций» выступают учредителями, фиктивными директорами регистрируемых фирм. Основной капитал устанавливается в минимальных размерах. Реестр видов оказываемых услуг в соответствии с учредительными документами формируется фиктивно, без отражения основного вида осуществляемой деятельности. Производственная или торговая деятельность фирмами-однодневками обычно не осуществляется. Для создания видимости хозяйственной деятельности подставные фирмы обслуживаются аудиторскими организациями, которые ведут их документацию, составляют фиктивные бухгалтерские документы. Платежные документы передаются номинальным директорам, которые их подписывают, не вникая в деятельность организации.

В большинстве случаев для подачи документов на регистрацию юридического лица (реорганизацию, ликвидацию) в налоговые органы привлекаются нотариусы, осведомленные о мотивах создания таких организаций, реорганизации или ликвидации. Они, в свою очередь, вступают в преступный сговор за незаконные денежные вознаграждения, готовят доверительные документы на иных лиц, которые также в большинстве случаев не являются организаторами противоправной деятельности, а являются исполнителями, т. е. лицами, которые выполняют определенные поставленные задачи за денежные вознаграждения.

В современно развивающемся обществе, используя высокие технологии сети Интернет и имеющиеся возможности подачи документов в налоговые органы для регистрации юридического лица, используется удаленный доступ «Банк Онлайн», создаются расчетные счета, которые в последующем и используются для осуществления противоправной деятельности.

В качестве места регистрации (реквизитов) фиктивной организации используются номинальные договоры (аренды, совместной деятельности, предоставления помещения и т. д.). Сотрудники данных организаций также для придания видимости работы, как правило, оформляются и числятся в них формально. С целью получения денежных потоков фиктивные организации заключают ряд договоров банковского счета в одном или в нескольких банках.

Исследуя проблемы, связанные с раскрытием преступлений при ликвидации юридического лица, необходимо учитывать и анализировать саму специфику осуществления противоправной деятельности и наличия у организаторов данной деятельности определенных познаний (умений) как в сфере экономической деятельности, так и в юриспруденции. Учитывая это, можно сделать ряд выводов об имеющихся проблемах, которые мешают более результативной деятельности в сфере противодействия незаконной ликвидации юридических лиц:

- слабая профессиональная подготовка, а также отсутствие достаточных познаний в механизмах и особенностях экономической деятельности и налогового законодательства среди сотрудников правоохранительных органов, занимающихся предупреждением преступлений в сфере экономической деятельности;

- использование интернет-ресурсов и компетенции сотрудников правоохранительных органов, которые на сегодняшний день не имеют возможности своевременно установить истинных организаторов противоправной деятельности в условиях динамично развивающихся рыночных отношений и информационно-коммуникационных систем;

- отсутствие документального подтверждения полномочий руководителя компании-контрагента, копий документа, удостоверяющего его личность в процессе доказывания;

- отсутствие информации о фактическом местонахождении контрагента, а

также о местонахождении складских и/или производственных и/или торговых площадей;

– отсутствие информации о способе получения сведений о контрагенте (отсутствие рекламы в средствах массовой информации, рекомендаций партнеров или других лиц, сайта контрагента и т. п.). Также негативность данного признака усугубляется наличием доступной информации (например, в СМИ, наружная реклама, интернет-сайты и т. д.) о других участниках рынка (в том числе производителях) идентичных (аналогичных) товаров (работ, услуг), в том числе предлагающих свои товары (работы, услуги) по более низким ценам;

– отсутствие информации (сведений) о государственной регистрации контрагента в ЕГРЮЛ, который может осуществлять деятельность через интернет-ресурс;

– общий доступ, официальный сайт ФНС России.

Определенная проблема существует и в части получения информации о движениях денежных средств по расчетным счетам в банковских организациях, а именно в порядке получения разрешения на получение сведений (постановление о получении сведений, составляющих банковскую тайну), а в последующем, как итог, получение сведений из банковской организации определенного объема информации в тридцатидневный срок, что отчасти усложняет процесс раскрытия и предупреждения преступлений.

По мнению автора, не на должном уровне осуществляется взаимодействие служб безопасности банковских организаций, налоговых и правоохранительных органов по профилактике регистрации фирм-однодневок.

Противоправная деятельность, связанная с ликвидацией юридического лица, должна содержать ряд организационных и правовых мер, связанных с предупреждением фактов регистрации фирм номинальных лиц, использование поддельных документов и утерянных пас-

портов [4, с. 114]. По мнению авторов, представляется целесообразным внесение изменений в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в части, касающейся предоставления налоговыми органами компетенции на проведение проверок, связанных с достоверностью представляемых на регистрацию сведений [5]. Помимо этого авторы считают [6], что при оформлении документов необходимо обязать учредителей (лиц, регистрирующих фирмы) самостоятельно подавать документы на регистрацию, тем самым подтверждая намерения в создании (реорганизации) предприятия.

Рассматривая нормы уголовного законодательства, правоохранительная практика по применению ст. 173.1 (Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица), 173.2 (Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизация) юридического лица) УК РФ еще недостаточно проработана [7, с. 214]. На наш взгляд, необходимо усовершенствовать меры, направленные на выявление и расследование данной категории преступлений. Такого мнения в ходе исследования проблемы придерживаются 49% опрошенных работников оперативных подразделений УМВД России по Белгородской, Курской, Воронежской и Тамбовской областям.

Работа, направленная на установление фактов регистрации (реорганизации, ликвидации) фиктивных организаций, отчасти усложняется декриминализацией составов экономических преступлений, с которыми связана деятельность фирм-однодневок. В связи с таковыми изменениями законодательства противоправные действия могут перейти в категорию административных правонарушений и стать менее интересными правоохранительным органам. Борьба с противоправными действиями данной категории для достижения наибольших результатов должна осуществляться слаженно и во взаимо-

действию с органами государственного контроля.

Анализируя статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации по количеству выявленных преступлений, предусмотренных

ст. 173.1 и 173.2 УК РФ [8], можно сделать вывод о том, что декриминализация и перевод в разряд административных правонарушений данной категории противоправных деяний нецелесообразны (рис.).

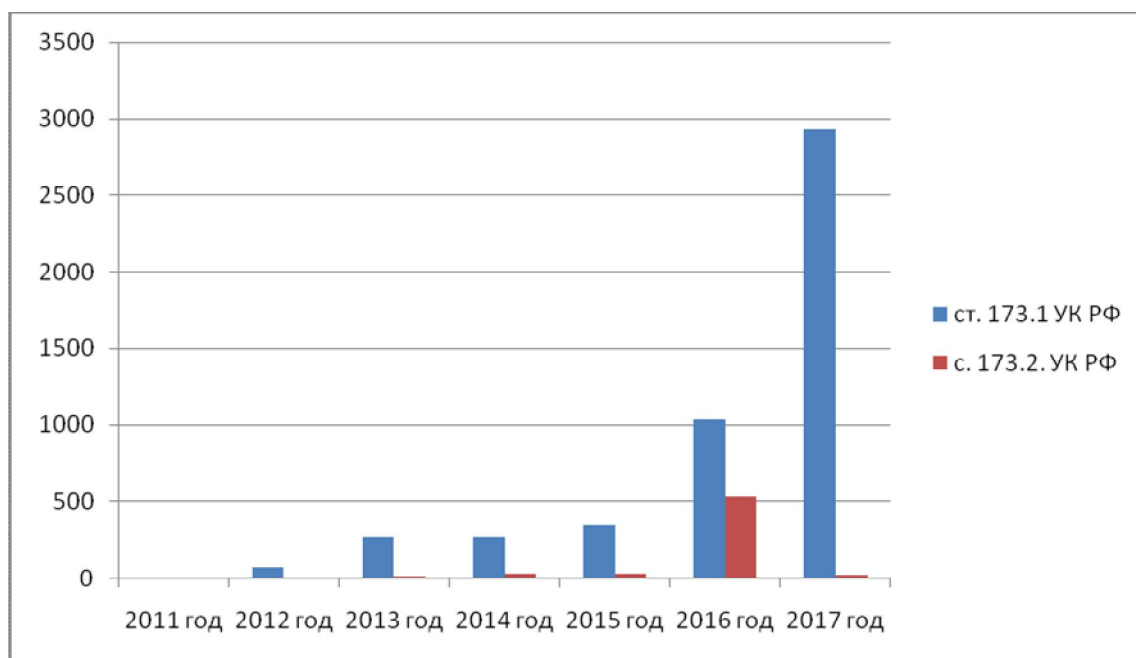

Рис. Статистические данные выявленных преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 173.2 УК РФ

Из представленной диаграммы можно сделать вывод, что сама проблема предупреждения преступлений экономической направленности, связанная с использованием фиктивных организаций в условиях динамично развивающейся экономики, является более актуальной, а сами меры по противодействию преступлениям данной категории должны носить комплексный характер и осуществляться при полном взаимодействии всех ведомственных и заинтересованных организаций [9, с. 212].

В практической деятельности взаимодействие налоговой службы и органов правоохранительной системы, связанной с выявлением фиктивных организаций, осуществляется. Однако для достижения наибольших результатов в повышении эффективности борьбы с регистрацией фирм-однодневок имеется необходимость в обеспечении своевременного до-

ступа сотрудникам органов внутренних дел к ресурсам ФНС об организациях с признаками фиктивности. В настоящее время в налоговом законодательстве отсутствуют конкретные нормативно-правовые акты, предусматривающие обязанность органов налогового контроля направлять информацию о деятельности организаций с признаками фиктивности в правоохранительные органы.

В большинстве случаев создание фиктивных организаций выявляется правоохранительными органами при поступлении каких-либо заявлений, в которых фигурируют такие фирмы. В ходе расследования преступлений, совершаемых с использованием фирм-однодневок, появляются проблемы, которые мешают установлению лиц, причастных к совершению преступления. Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу, что выявление преступлений данной катего-

рии на этапе регистрации (реорганизации, ликвидации) фирм-однодневок осуществляется достаточно редко. Особенности выявления (предупреждения) преступлений данной категории должны заключаться в существенном усилении оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов в данном направлении.

Таким образом, подводя итог исследования в части, касающейся мер по противодействию незаконной ликвидации юридических лиц, можно сделать выводы о том, что наибольших результатов можно достичь при разностороннем рассмотрении проблемы и комплексном подходе к результатам противодействия.

Список литературы

1. Новичков В. Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью // Крымский научный вестник. 2015. №6. С. 323–342.

2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р: [ред. от 10.02.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 20.01.2018).

3. Алымов Д. В., Подтуркин И. Ю. Анализ постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности // Известия Юго-Запад-

ного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 1. С. 189–193.

4. Новичков В. Е. Криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, оперативно-розыскное и иное юридическое прогнозирование – суть и основа уголовно-политического прогнозирования в сфере борьбы с преступностью // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 114–122.

5. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.08.2001 №129-ФЗ: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 20.01.2018).

6. Байбарин А. А., Гребеньков А. А., Шевелева С. В. Уголовное право России. Общая часть / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 428 с.

7. Новичков В. Е. Комплексное прогнозирование борьбы с преступностью (проблемы теории и практики): монография. М.: Юрид. мысль, 2003. 400 с.

8. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.01.2018).

9. Шевелева С. В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.

Поступила в редакцию 10.04.18

UDC 343.2

A. V. Chinenov, Lecturer, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (Russia, Belgorod) (e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru)

ABOUT SOME FEATURES OF COMBATING CRIMES COMMITTED BY LIQUIDATION OF THE LEGAL ENTITY

When choosing the most optimal and effective methods of combating crime related to the liquidation of legal entities the article analyzes the aspects of defining crimes related to the liquidation of a legal entity and considers some types of crimes committed in the course of criminal liquidation. The article also considers the issue of countering one-day firms, which is relevant, as evidenced by the Concept of long-term socio-economic development of the Russian

Federation for the period up to 2020, approved by the order of the Government of the Russian Federation from 17.11.2008 № 1662-R.

Based on the Russian and foreign scientific literature, the author considers issues related to the development of economic relations and as a subsequent result (prerequisites) of committing crimes related to the liquidation of legal entities.

Considering the problem of crimes related to the liquidation of legal entities, the author comes to the fact that the majority of studies relating to the prevention of crimes related to the elimination of legal entities are inherently narrow-directed studies of certain types of crimes committed in the liquidation of legal entities, and not in its totality without analyzing the causes and conditions of their Commission in.

For the purpose of more detailed analysis of the reasons and conditions of Commission of crimes in a complex, it is necessary to define more effective algorithms of confrontation of the investigated socially dangerous actions taking into account personal and professional features of persons engaged in criminal liquidation of legal entities. also for the purpose of the solution of questions connected with counteraction to the crimes connected with liquidation of legal entity it is offered to investigate a problem from the point of view of criminology and criminological aspects. When considering the phenomenon of crime associated with the elimination of legal entities, criminological prevention can help to determine the group of causes and conditions for committing crimes, the direction of economic activity in which the greatest number of crimes are committed. An important component of criminological prevention is the analysis of personal characteristics and signs of committing crimes of the above category, the formulation of the signs of the methods of committing crimes and the circumstances of their Commission.

In the article the author reflects the primary tools of criminological prevention of crimes related to the liquidation of a legal entity. Also in the course of the study analyzed concepts such as "one-day firms", "criminal bankruptcy", "liquidation of a legal entity."

Key words: legal entity, economy, economic activity, assets, bankruptcy, one-day firm, fictitious organization, taxes, tax crime.

For citation: Chinenov A. V. About some features of combating crimes committed by liquidation of the legal entity. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 92–98 (in Russ.).

References

1. Novichkov V. E. Ugolovno-politicheskaya futurologiya v sfere bor'by s prestupnost'yu. Krymskij nauchnyj vestnik, 2015, no. 6, pp. 323–342.

2. O Konceptii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (vmeste s "Konceptiej dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda"): rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 No 1662-r: [red. ot 10.02.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (accessed 20.01.2018).

3. Alymov D. V., Podturkin I. Yu. Analiz postanovlenij ob otkaze v возбуждении уголовного дела о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2012, no. 2, pt. 1, pp. 189–193.

4. Novichkov V. E. Kriminologicheskoe, ugolovno-paravovoe, ugolovno-ispolnitel'noe, operativno-rozysknoe i inoe yurdicheskoe prognozirovanie – sut' i osno-

va uglovno-politicheskogo prognozirovaniya v sfere bor'by s prestupnost'yu. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo, 2014, no. 4, pp. 114–122.

5. O gosudarstvennoj registracii yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej: feder. zakon ot 08.08.2001 No 129-FZ: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (accessed 20.01.2018).

6. Bajbarin A. A., Greben'kov A. A., Sheveleva S. V. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2013. 428 p.

7. Novichkov V. E. Kompleksnoe prognozirovanie bor'by s prestupnost'yu (problemy teorii i praktiki). Moscow, Yurid. mysl' Publ., 2003. 400 p.

8. Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf> (accessed 20.01.2018).

9. Sheveleva S. V. Konceptiya sobody voli i prinuzhdeniya v ugolovnom prave. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 248 p.

УДК 321+323

Е. С. Устинович, д-р полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lenausti@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Политический курс на цифровизацию российской экономики, стартовавший в 2017 году принятием новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017–2030 годов и программы «Цифровая экономика», очевидно, затронет самым существенным образом вопросы трудовых отношений. Государство должно будет формировать свою политику в вопросе регулирования трудовых отношений в электронной среде.

В настоящей статье представлены результаты анализа возможных преимуществ и социальных рисков в связи с так называемыми процессами «цифровизации» трудовых отношений. Представлены документы политического и стратегического характера, принятые в 2017 году, которые определяют политику «цифровизации» экономики, государственного управления и в целом всей системы взаимоотношений государства, бизнеса и общества на перспективу до 2025 года. Дана краткая характеристика социальных рисков, связанных с внедрением с 1 января 2018 года электронной трудовой книжки, электронного трудового договора и т. д.

Трудовая книжка и трудовой договор – основные документы в системе трудовых отношений. При этом именно трудовая книжка является главным документом в системе трудовых отношений в Российской Федерации, в которой отражены легитимные отношения с работодателем. По своей правовой природе трудовая книжка представляет собой установленный образец правовой документ, содержащий сведения о трудовой деятельности и трудовом стаже работника. Исходя из записей, внесенных в трудовую книжку, работодатель имеет возможность установить, по каким основаниям заключается или расторгается трудовой договор, а также установить общий, специальный и непрерывный трудовой стаж работы.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, трудовые отношения, социальные риски.

Ссылка для цитирования: Устинович Е. С. Государственная политика цифровизации трудовых отношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 99–103.

Все больше приметой времени, в котором мы живем, становится перевод гражданских и части трудовых отношений с государством в электронную среду. В этой связи все больше в лексикон политической науки входит понятие «цифровой» (digital) [1]. И если в предшествующие почти два десятка лет российская политическая наука развивалась, исследуя вопросы и проблемы развития информационного общества, электронного правительства и электронного государства, то начиная с 2017 г. стал очевидным переход к «цифровому» направлению исследований [2, с. 28; 3]. Это

обосновано, прежде всего, теми важными политическими документами программного и стратегического характера, которые были приняты в 2017 г. и уже реализуются соответственно своим дорожным картам.

Программа «Цифровая экономика» была разработана главой российского правительства совместно с президентской администрацией еще в конце 2016 г. по поручению Президента В. В. Путина. До 1 июня 2017 г. должен был быть разработан весь комплекс мер и приняты государственные решения для развития цифровой экономики в России, в том

числе: правовое обеспечение, финансовые и организационные условия, а также технические разработки. Основным исполнителем было определено Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. В мае 2017 г. Министерство должно было представить программу правительству, а к 1 июня 2017 г. документ должен был отправиться на утверждение Президенту РФ.

Таким образом, 9 мая 2017 г. Указом Президента Российской Федерации № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017–2030 годов [4]. Стратегия впервые в России закрепила понятие «цифровая экономика», обозначая ее как «хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики» [4].

Таким образом, и политическая наука не может оставаться в стороне от реальных политико-административных процессов. Более того, с учетом скорости происходящих общественно-экономических трансформаций в условиях развития ИТ-технологий фактически в условиях оперативного режима должна инициировать глубинные исследования «политической» составляющей, различных аспектов

реализации государственной политики формирования национальной цифровой экономики.

Сегодня программа цифровизации российской экономики, рассчитанная до 2025 г., утверждена правительственным распоряжением [5; 6].

В этой связи следует обратить внимание на то, что когда в конце 2016 – начале 2017 г. на высшем политическом уровне нашей страны, как минимум, несколько раз «цифровизация» была объявлена в качестве приоритета ближайшего развития страны, стало очевидным также и то, что и эпоха трудовых отношений гражданина и государства, гражданина и бизнеса все больше начинает переходить в электронную среду [7, с. 33].

Как отмечает О. Н. Альхименко: «Интернет, являясь уникальным источником информации, выступает в качестве института инфраструктуры рынка труда, который обладает определенным статусом и выполняет ряд важных функций: способствует развитию рынка труда, позволяет пользователям получать дистанционное образование и самообучаться, предоставляет удаленные рабочие места, в том числе для людей с ограниченными способностями и инвалидов. Интернет способствует широкому распространению и эффективному применению дистанционной (удаленной) работы, теле-работы – нового, прогрессивного вида труда, который возник и развивается благодаря широкому использованию телекоммуникационных технологий» [8].

Цифровые трансформации затронут и документационное обеспечение сферы трудовых отношений. Привычные «бумажные» формы таких основных документов, как трудовая книжка и трудовой договор, вскоре имеют все шансы приобрести электронную форму. Так, в частности, заместитель председателя Правительства Российской Федерации О. Голо-

дец заявила о введении электронных трудовых книжек в России с 1 января 2018 г. [9]

Напомним в этой связи, что трудовая книжка и трудовой договор – основные документы в системе трудовых отношений [10]. При этом именно трудовая книжка является главным документом в системе трудовых отношений в Российской Федерации, в которой отражены легитимные отношения с работодателем. По своей правовой природе трудовая книжка представляет собой установленного образца правовой документ, содержащий сведения о трудовой деятельности и трудовом стаже работника. Исходя из записей, внесенных в трудовую книжку, работодатель имеет возможность установить, по каким основаниям заключается или расторгается трудовой договор, а также установить общий, специальный и непрерывный трудовой стаж работы.

Первый, вполне законный вопрос в этой связи – на какой платформе будет реализовываться государством такой грандиозный по своим масштабам цифровой проект? Со стороны Минкомсвязи России уже подготовлены практические решения по интеграции электронных книжек с Единым порталом государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ). Это очень удобно, т. к. по состоянию на сегодняшний день более половины россиян имеют свой личный кабинет на портале государственных услуг. Таким образом, практически значительное количество российских граждан получают государственные услуги в электронном виде. Всего на ЕПГУ доступно уже более 350 услуг федерального уровня. Подготавливаются решения по ряду услуг, связанных с электронным кадровым документооборотом [11].

В Трудовом кодексе Российской Федерации имеется раздел, посвященный системе дистанционного труда [10].

Фактически, это уже сегодня действующая законодательная основа для дальнейшего развития правовых условий ведения электронных трудовых книжек и электронных трудовых договоров.

Однако в настоящее время активно ведутся законопроектные работы в Государственной Думе. Подготовлен законопроект по электронным трудовым книжкам. Среди основных и первичных правомочий – наделение работодателя правом заключать трудовые договоры в электронном виде и регистрировать их в специализированной базе данных. Такую базу данных, скорее всего, будет вести Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации.

Для государства внедрение электронной трудовой книжки положит основу для развития системы учета, анализа и контроля за распределением и перераспределением трудовых ресурсов в стране. В оперативном режиме «государственные органы смогут получить достоверную информацию о количестве трудоустроенных, официально безработных гражданах, а также выявить долю неформальной занятости в любом субъекте» [12] Российской Федерации.

Также очень легко можно отслеживать уровень квалификаций, востребованность профессий, причины увольнения, трудовую мобильность, информацию о прохождении диспансерного обследования и множество других данных, необходимых для взвешенного принятия решений государственных органов в экономической и социальной сфере.

Главным заказчиком проекта по внедрению электронной трудовой книжки выступает, конечно же, государство, т. к. его реализация требует корректировки законодательной базы, закрепляющей права и обязанности сторон по ведению и использованию электронной трудовой книжки. Перевод трудовых отношений в

цифровую среду в скором времени будет характерен, прежде всего, для государственных организаций.

Вслед за введением электронной трудовой книжки последует развитие электронных трудовых договоров. В нашей стране сегодня, работающих дистанционно насчитывается около 7 млн человек.

Таким образом, политический курс на цифровизацию российской экономики, очевидно, затронет самым существенным образом вопросы трудовых отношений.

Список литературы

1. Фадеева Т. И. Digital и новые стратегии в системе найма персонала // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. №7. С. 42–47.
2. Меркулов П. А., Малик Е. Н., Мельников А. В. Государственная политика в России: от теории к практике. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2016. 396 с.
3. Устинович Е. С. Государственная политика развития цифровой экономики в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. №1. С. 112–115.
4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/news/2017.05/news_0105.html (дата обращения: 22.02.2018).
5. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756 (дата обращения: 22.02.2018).
6. Зеновина В. Роструд планирует ввести электронные трудовые договоры [Электронный ресурс] // Гарант. Ру. 2016. 22 дек. URL: <https://www.garant.ru/news/1063963/> (дата обращения: 22.02.2018).
7. Устинович Е. С. Цифровая экономика и новая социальная доктрина // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. №7. С. 33–42.
8. Альхименко О. Н. Дистанционная занятость: понятие, содержание и современные особенности // Вопросы структуризации экономики. 2012. №3. С. 64–67.
9. Голодец назвала дату введения электронных трудовых книжек [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 2 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/593183569a7947864bee5c8a?from=main> (дата обращения: 22.02.2018).
10. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: [ред. от 05.05.2018]. URL: <http://otkrf.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).
11. Мамонтова С. В. Нестандартные инновационные методы мотивации персонала // Кадровый форум Черноземья: сб. ст. Десятого Юбил. кадрового форума Черноземья (шестое международное заседание). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2017. С. 63–66.
12. Активисты ОНФ в Республике Алтай обсудили создание электронной трудовой книжки [Электронный ресурс] // Общероссийский народный фронт. 2016. 21 нояб. URL: <https://onf.ru/2016/11/21/aktivisty-onf-v-respublike-altay-obsudili-sozdanie-electronnoy-trudavoy-knizhki/> (дата обращения: 22.02.2018).

Поступила в редакцию 05.03.18

UDC 321:323

E. S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lenausti@mail.ru)

STATE POLICY OF DIGITALIZATION OF LABOR RELATIONS

The political course for the digitalization of the Russian economy, launched in 2017 by the adoption of the new Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for the period 2017-2030. and the program "Digital Economy", obviously, will touch upon the issues of labor relations in the most significant way. The state will have to formulate its policy in the matter of regulating labor relations in the electronic environment.

This article presents the results of an analysis of possible benefits and social risks in connection with the so-called processes of "digitization" of labor relations. Documents of a political and strategic nature adopted in 2017 that define the policy of "digitizing" the economy as a whole, public administration and, in general, the whole system of relations between the state, business, and society for the future until 2025 are presented. A brief description of the social risks associated with the introduction from January 1, 2018 of an electronic labor book, an electronic labor contract, etc. is given.

Key words: digital economy, digitalization, labor relations, social risks.

For citation: Ustinovich E. S. State policy of digitalization of labor relations. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 99–103 (in Russ.).

References

1. Fadeeva T. I. Digital i novye strategii v sisteme najma personala. Social'naya politika i social'noe partnerstvo, 2017, no. 7, pp. 42–47.

2. Merkulov P. A., Malik E. N., Mel'nikov A. V. Gosudarstvennaya politika v Rossii: ot teorii k praktike. Orel, Srednerusskij institut upravleniya – filial RANHiGS, 2016. 396 p.

3. Ustinovich E. S. Gosudarstvennaya politika razvitiya cifrovoj ekonomiki v Rossii. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo, 2018, no. 1, pp. 112–115.

4. O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody. URL: http://pravo.gov.ru/news/2017.05/news_0105.html (accessed 22.02.2018).

5. Ob utverzhenii programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii": rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 No 1632-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756 (accessed 22.02.2018).

6. Zenovina V. Rostrud planiruet vvesti ehlektronnye trudovye dogovory. Garant.Ru. 2016. Dec. 22. URL: <https://www.garant.ru/news/1063963/> (accessed 22.02.2018).

7. Ustinovich E. S. Cifrovaya ekonomika i novaya social'naya doktrina. Social'naya politika i social'noe partnerstvo, 2017, no. 7, pp. 33–42.

8. Al'himenko O. N. Distancionnaya zanyatost': ponyatie, sodержanie i sovremennye osobennosti. Voprosy strukturizacii ekonomiki, 2012, no. 3, pp. 64–67.

9. Golodec nazvala datu vvedeniya ehlektronnyh trudovyh knizhek. RBK. 2017. June 2. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/593183569a7947864bee5cba?from=main> (accessed 22.02.2018).

10. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 30.12.2001 No 197-FZ: [red. ot 05.05.2018]. URL: <http://otkrf.ru/> (accessed 22.02.2018).

11. Mamontova S. V. Nestandartnye innovacionnye metody motivacii personala. Kadrovyy forum Chernozem'ya: sb. st. Desyatogo Yubil. kadrovogo foruma Chernozem'ya (shestoe mezhdunarodnoe zasedanie). Voronezh, Voronezh. St. Univ. Publ., 2017, pp. 63–66.

12. Aktivisty ONF v Respublike Altaj obsudili sozdanie ehlektronnoj trudovoj knizhki. Obshcherossijskij narodnyj front. 2016. Nov. 21. URL: <https://onf.ru/2016/11/21/aktivisty-onf-v-respublike-altay-obsudili-sozdanie-electronnoy-trudavoy-knizhki/> (accessed 22.02.2018).

А. М. Лысенко, аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия) (e-mail: A-7-L@mail.ru)

Е. В. Галкина, д-р полит. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия) (e-mail: galkina_e@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблемам, с которыми сталкиваются общественные организации в процессе своей деятельности. Рассматриваются причины их возникновения, проблемные направления работы, факторы, затрудняющие эффективность деятельности организаций.

Авторами был проведен социологический опрос (анкета представлена в тексте статьи) руководителей (представителей) некоммерческих организаций (НКО) в августе 2017 года на Северо-Кавказском молодежном форуме «Машук». Были опрошены лидеры семи общественных организаций из регионов Северного Кавказа, а именно городов Ставрополя, Михайловска Ставропольского края, Владикавказа Республики Северная Осетия – Алания, Черкесска Карачаево-Черкесской Республики и из Республики Дагестан. Результаты опроса показали, что основной проблемой НКО, по мнению руководителей общественных организаций, является финансирование. Стоит отметить, что и уровень занятости населения в работе некоммерческих организаций является очередной проблемой, треть опрошенных отмечает большую текучесть кадров или полагает, что необходимо увеличить штат сотрудников и повысить их квалификацию. Также респонденты отмечают нехватку в информационной и консультативно-методической помощи, что, в свою очередь, является важным аспектом в деятельности некоммерческой организации, и ликвидация данной проблемы позволит НКО более эффективно выполнять свои функции.

Миссия форума «Машук-2017» акцентирует внимание на то, что для достижения поставленных целей необходимо объединение молодежи в коммерческие и некоммерческие организации, что, в свою очередь, повлечет за собой создание позитивной конкурентной среды в северокавказском социуме. В задачах этого форума отдельным пунктом стояло развитие общественных молодежных движений, создание некоммерческих организаций в регионах, развитие социальных проектов в столичных городах и провинции. В качестве одной из тем образовательных тренингов на форуме была организация некоммерческих организаций, молодежных общественных движений. Всё это показывает, насколько значимым для региональных и федеральных властей является функционирование «третьего сектора», на него делают ставку и в дальнейшем, как на значимый механизм функционирования гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: политика, общественные организации, некоммерческие организации, проблемы, гражданское общество, социальная сфера.

Ссылка для цитирования: Лысенко А. М., Галкина Е. В. Проблемы общественных организаций современной России: региональный политический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 104–112.

В XXI веке с развитием гражданского общества граждане проявляют заинтересованность в формировании и реализации государственной политики. Сегодня в России значимым институтом, выполняющим роль посредника в коммуникативном процессе между государством и обществом, являются некоммерческие организации (НКО), что, безусловно, не означает отсутствие проблем в этом субъекте гражданского общества [1, с. 16–17].

В Российской Федерации некоммерческой признается организация, которая не ставит извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не

распределяет полученную прибыль между участниками.

Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [2].

Причинами возникновения НКО являются социально-экономические процессы, вызывающие потребности общества в существовании социально ориентированных негосударственных и некоммерческих организаций, оказывающих различные виды необходимых социальных услуг.

Последнее время в работе общественных организаций Российской Федерации заметны позитивные изменения, а именно было улучшено положение некоммерческих организаций путем принятия нормативно-правовых актов. Также стоит отметить, что институт гражданского общества в нашей стране существует, т. к. создаются политические партии, фонды, профсоюзные организации, общественные организации, которые осуществляют свою деятельность на территории России. Проблемной зоной для третьего сектора в стране является недоверие граждан к некоммерческим организациям (и здесь свою роль сыграли новые законы о признании ряда НКО иностранными агентами и др.) [3; 4].

Но в настоящее время позитивные моменты в данном компоненте присутствуют. Создаются общественные организации в каждом регионе страны, в каждом городе существует минимум одна, которая на деле показывает свое предназначение, тем самым повышая заинтересованность у сограждан. Огромная заслуга заключается и в помощи государства, которая всячески способствует развитию и функционированию некоммерческих организаций, в первую очередь, путем финансовой помощи. Иными словами, применение государством тех или иных мер оказывает серьезное влияние на функционирование отдельных сегментов гражданского общества. В частности, действия органов власти, направленные на облегчение порядка регистрации НКО или предоставление налоговых льгот, могут способствовать увеличению количества организаций «третьего» сектора, в то время как ужесточение законодательства, регулирующего деятельность граждан-

ского общества, негативным образом скажется на развитии общественных организаций.

Такое отношение свидетельствует о том, что граждане, создавая некоммерческую организацию, могут самостоятельно решить наиболее острую проблему по вышеуказанным направлениям и рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. Тому подтверждением является статистика, которая показывает, что почти 500 проектов некоммерческих организаций получили гранты на сумму порядка 1,5 млрд рублей в 2016 г. В сравнении с 2017 г. планируемая сумма господдержки некоммерческих организаций составила 4,32 млрд рублей, что почти втрое больше в сравнении с прошлым годом. Грантовую поддержку НКО могут получить, приняв участие в президентских грантах [5] и в различных форумных кампаниях.

При определении перечня неприемлемых организаций, наделенных правами юридического лица, возникают некие трудности, связанные с множественностью таких организаций. Согласно п. 3 ст. 50 ГК РФ юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом. На уровне других федеральных законов закрепляются самые разнообразные организационно-правовые формы некоммерческих организаций, порой дублирующих или повторяющих друг друга. В юридической литературе насчитывают от 11 до 27 организационно-правовых форм некоммерческих организаций [6].

Подобные проблемы послужили важным движущим фактором для старта разработки предложений о закреплении исчерпывающего перечня некоммерческих организаций, которые в настоящее время отражены в положениях Проекта изменений в ГК РФ. Пункт 3 статьи 50

ГК изложен в следующей редакции: «Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в одной из организационно-правовых форм некоммерческих корпораций и некоммерческих унитарных организаций».

К некоммерческим корпорациям относятся:

- потребительские кооперативы;
- общественные организации;
- ассоциации и союзы граждан и (или) юридических лиц; товарищества собственников недвижимости; казачьи общества;
- общины коренных малочисленных народов.

К некоммерческим унитарным организациям относятся:

- фонды; учреждения;
- автономные некоммерческие организации;
- религиозные организации;
- публично-правовые компании.

Рассматривая проблематику большинства общественных организаций, ряд российских авторов выделяют явные и скрытые проблемы. Среди явных проблем выделяют:

- недостаточную квалификацию сотрудников;
- дефицит целеполагания в ходе планирования деятельности;
- слабость горизонтальной кооперации при декларируемом обмене опытом;
- слабость институтов местного самоуправления в поселениях;
- слабость социальных коммуникаций внутри городских сообществ;
- отсутствие четкой региональной политики в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций;
- низкую вовлеченность людей среднего возраста (30–45 лет) с доходами среднего или выше среднего уровня в деятельность организаций.

Скрытые проблемы в этой сфере: деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в основном

направлена на осуществление вспомоществования целевым группам и пропаганды тех или иных ценностей, среди них и, в гораздо меньшей степени, на решение существующих социальных проблем; отсутствие качественного развития в спектре осуществляемых проектов [7].

Вышеуказанные и некоторые другие проблемы были собраны нами на Северо-Кавказском молодежном форуме «Машук 2017».

Отметим, что в миссии этого форума делается акцент на то, что для достижения поставленных целей необходимо объединение молодежи в коммерческие и некоммерческие организации, что, в свою очередь, повлечет за собой создание позитивной конкурентной среды.

Также в задачи первой смены организаторы отнесли отдельным пунктом развитие общественных молодежных движений, создание НКО в регионах, развитие социальных проектов в столичных городах и провинции. А в качестве одной из тем образовательных тренингов направления смены – организация НКО, молодежных общественных движений. Всё это показывает, насколько серьезно отношение к некоммерческим организациям, на них делают ставку в дальнейшем как на значимый механизм функционирования гражданского общества в Российской Федерации.

В 2017 г. Северо-Кавказский молодежный форум «Машук – 2017» проходил в Ставропольском крае с 5 по 19 августа в течение двух смен: 1 смена – «Развитие территории: экология личности»; 2 смена – «Развитие территории: экология общества». Общее количество участников форума составило более 2000 человек. Президент РФ В. В. Путин прислал приветствие участникам, организаторам и гостям форума, показав значимость данной формы молодежного участия в России [8].

На публичные защиты по итогам двух смен было представлено 657 проектов: из них 579 – проекты физических лиц, 78 – проекты юридических лиц.

Проекты, заявленные на Конкурс, оценивали 26 экспертов в ходе публичных защит – 19 федеральных и 7 представителей СКФО.

Номинации конкурса среди НКО: «Вовлечение молодежи в социальную практику», «Духовно-нравственное развитие и гражданское образование молодежи», «Поддержка инициативной и талантливой молодежи», «Поддержка молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации».

Размер грантового фонда Конкурса в 2017 г. составил 85,5 млн рублей.

По итогам заседания Комиссии было определено 105 лауреатов Конкурса среди физических лиц, а также 20 лауреатов конкурса среди юридических лиц [9].

Каждый из 20 грантополучателей получил на реализацию своего проекта 2,5 млн рублей, что от общей суммы составляет 50 млн рублей. Приведенные данные показывают, что государство в большей степени заинтересовано в работе некоммерческих организаций, намечен определенный вектор развития данного направления, и он поддержан не только на словах, но и на деле [10].

Для выявления проблем, с которыми сталкивается общественная организация, нами был проведен социологический опрос (анкета представлена в таблице) руководителей (представителей) некоммерческих организаций. Из полученных данных был сделан анализ проблематики в данном секторе. В исследовании приняли участие семь общественных организаций из регионов Северного Кавказа, а именно:

– Центральное районное казачье общество СОКО ТВКО (г. Ставрополь, Ставропольский край);

– Молодежный Благотворительный фонд «Возрождение» (г. Михайловск, Ставропольский край);

– МО ПМД «Соборяне» (г. Ставрополь, Ставропольский край);

– ЧУК ВК МЖИ (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания);

– Ассоциация по сохранению наследия и социально-экономическому развитию абазинского народа (г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика);

– ДРО РССМ (Республика Дагестан);

– ДГОО «Доброцентр» (Республика Дагестан).

Вопрос	Вариант ответа
1. На помощь, какой категории населения ориентирована Ваша организация (не более 5 ответов)	1) семьи (молодые семьи); 2) многодетные семьи и одинокие матери; 3) несовершеннолетние дети и дети группы риска; 4) ветераны ВОВ; ветераны труда; инвалиды ВОВ; пенсионеры; 5) люди с ограниченными возможностями; 6) молодежь; 7) культурная и научная элита; профсоюзные объединения; 8) национальные меньшинства и религиозные группы; 9) другое
2. Укажите трудности и проблемы, с которыми сталкивается в работе Ваша организация (не более 5 ответов)	1) трудности с помещением; 2) отсутствие организаций-партнёров; 3) несовершенство законодательной базы; 4) недостаточная квалификация персонала;

Окончание табл.

Вопрос	Вариант ответа
	5) финансовые трудности; 6) текучесть штата; 7) отсутствие поддержки местных властей; 8) низкая активность большинства членов организации; 9) нехватка добровольцев; 10) другое
3. Что нужно, чтобы Ваша организация работала эффективнее (не более 5 ответов)	1) увеличить штат сотрудников; 2) увеличить финансирование; 3) повысить квалификацию сотрудников; 4) решить вопрос с помещением; 5) познакомиться с опытом других НКО в регионе; 6) познакомиться с опытом НКО соседних регионов; 7) познакомиться с опытом зарубежных НКО; 8) разработать специальные программы поддержки НКО; 9) создать консультативный сайт для НКО; 10) своевременно получать информацию, касающуюся деятельности НКО; 11) другое
4. Укажите, как часто Ваша организация взаимодействует с другими НКО	1) каждую неделю; 2) 1-2 раза в месяц; 3) 3-4 раза в год; 4) 1 раз в год и реже; 5) не взаимодействует
5. Информационная помощь (предоставление информации в печатном и электронном виде)	1) такой вид помощи не нужен; 2) очень редко; 3) иногда в конкретных ситуациях; 4) периодически; 5) очень часто; 6) постоянно
6. Консультативно-методическая помощь (консультации, помощь в разработке проектов, в проведении мероприятия, передача методических разработок)	1) такой вид помощи не нужен; 2) очень редко; 3) иногда в конкретных ситуациях; 4) периодически; 5) очень часто; 6) постоянно
7. Материально-финансовая помощь (денежная и не денежная)	1) такой вид помощи не нужен; 2) очень редко; 3) иногда в конкретных ситуациях; 4) периодически; 5) очень часто; 6) постоянно

Первый вопрос звучал так: «На помощь какой категории населения ориентирована Ваша организация?». В своей деятельности на первое место шесть организаций поставили молодежь (Ставрополь, Михайловск, Владикавказ, Дагестан). Национальными меньшинствами и религиозными группами занимаются общественные организации Ставрополя, Михайловска и Владикавказа. Несоввершеннолетние дети и дети группы риска включены в деятельность трех некоммерческих организаций (Ставрополь, Владикавказ и Дагестан). Общественные организации Ставрополя и Владикавказа занимаются развитием многодетных семей.

Стоит отметить, что общественная организация из Черкесска «Ассоциация по сохранению наследия и социально-экономическому развитию абазинского народа» ввиду своей деятельности занимается исключительно культурной и научной элитой. ДГОО «Доброцентр» (г. Дагестан) также оказывает помощь ветеранам Великой Отечественной войны, ветеранам труда, инвалидам, пенсионерам, людям с ограниченными возможностями здоровья.

Во втором вопросе: «С какими трудностями и проблемами сталкивается в работе Ваша организация?», все руководители общественных организаций выделили финансовые трудности, за исключением Черкесской некоммерческой организации. Также организации из Ставрополя, Владикавказа и Дагестана отметили несовершенство законодательной базы. С трудностью помещения сталкиваются общественные организации Ставрополя, Михайловска, Владикавказа и Черкесска. Стоит отметить, что для трех организаций (Ставрополь, Михайловск, Владикавказ) проблемной частью в деятельности является человеческий ресурс, а именно:

– недостаточная квалификация персонала;

- текучесть штата;
- нехватка добровольцев.

Третий вопрос был направлен на выявление того, что необходимо для общественной организации, чтобы она работала наиболее эффективно. За исключением некоммерческой организации ДРО РСММ все остальные полагают, что для эффективной работы им необходимо повысить квалификацию сотрудников в организации. Также большая доля некоммерческих организаций (Ставрополь, Владикавказ и Дагестан) считают, что им требуется увеличение финансирования. Приоритетными направлениями для достижения максимальной эффективности являются:

- решение вопроса с помещением;
- увеличение штат сотрудников;
- знакомление с опытом НКО соседних регионов;
- разработка специальных программ поддержки НКО;
- ознакомление с опытом других НКО в регионе.

Центральное районное казачье общество СОКО ТВКО г. Ставрополь вдобавок ко всему нуждается в получении своевременной информации, а Молодежный Благотворительный фонд «Возрождение» из г. Михайловска Ставропольского края полагает, что для эффективной деятельности общественной организации необходимо создать консультативный сайт для НКО.

Стоит отметить, что на вопрос, как часто взаимодействует Ваша организация с другими некоммерческими организациями, мы получили следующие ответы: каждую неделю и 1-2 раза в месяц. Это свидетельствует о том, что все общественные организации достаточно плотно ведут свою деятельность с другими организациями, делятся информацией, идеями проектов и, как показывает практика, в некоторых случаях на этой основе происходит объединение в одну более мощ-

ную общественную организацию, т. к. все ресурсы (финансовые, кадровые, информационные и т. д.) будут сосредоточены в одной структуре, что, в свою очередь, позволит организации работать наиболее эффективно.

Что касается обеспечения информационной помощью, то большая часть опрошенных НКО нуждаются в периодическом информировании (Ставрополь, Черкесск, Дагестан), в постоянном получении информации заинтересованы организации из Михайловска и Владикавказа. ДГОО «Доброцентр» информация необходима иногда в конкретных ситуациях, а Центральному районному казачьему обществу СОКО (г. Ставрополь) нужна очень частая информационная помощь.

Консультативно-методическая помощь, которая заключается в помощи в консультациях, в разработке проектов, в проведении мероприятия, передаче методических разработок и т. д., три организации из Ставрополя, Михайловска и Дагестана нуждаются в периодической помощи, также трем общественным организациям из Ставрополя, Владикавказа и Черкесска необходима постоянная подобная помощь. И только некоммерческой организации ДРО РССМ из Дагестана такой вид помощи не нужен.

На заключительный вопрос «Материально-финансовая помощь» три респондента ответили, что нуждаются в очень частой подобной помощи (Ставрополь, Владикавказ, Дагестан), также три общественные организации из Ставрополя, Михайловска и Дагестана заинтересованы в периодической финансовой помощи и одной организации из г. Черкесск такой вид помощи необходим иногда в конкретных ситуациях.

Таким образом, проблемы третьего сектора многогранны и требуют внимания со стороны государственной власти. Основной проблемой является финансирование, на котором делается существен-

ный акцент со стороны руководителей общественных организаций. Стоит отметить, что и уровень занятости населения в работе некоммерческих организаций является очередной проблемой, большая часть опрошенных отмечает большую текучесть кадров или полагает, что необходимо увеличить штат сотрудников и повысить их квалификацию. Также респонденты отмечают нехватку в информационной и консультативно-методической помощи, что, в свою очередь, является важным аспектом в деятельности некоммерческой организации, и ликвидация данной проблемы позволит НКО более эффективно выполнять свои функции. К положительному фактору в ходе нашего опроса можно отнести взаимодействие общественных организаций между собой, все опрошенные организации ведут плодотворную работу с другими НКО не реже 1-2 раза в месяц. Также стоит отметить, что различные форумы, которым является и «Машук», служат определенной базой для создания тесных отношений между общественными организациями, что позволяет обмениваться опытом, получить ту или иную информацию, как происходит работа НКО в других регионах Российской Федерации.

Отметим, что общественные организации активно взаимодействуют с местными и региональными органами власти, активно участвуют в грантовых конкурсах, создают новые рабочие места, реализуют идею взаимопомощи, обучают молодежь гражданскому участию. Однако большинство общественных организаций пока еще испытывают дефицит финансовой и волонтерской составляющих. Общественные организации являются одним из механизмов функционирования гражданского общества в Российской Федерации, т. к. данный сектор способен решать общественно-социальные проблемы. Государству стоит уделить как можно больше внимания развитию обществен-

ных организаций, но для этого необходимо сформулировать определенную идеологию, стратегическую цель, идеал развития российского общества, нации и государства в целом.

Список литературы

1. Галкина Е. В. Становление гражданского общества в современной России: политологический анализ: монография. Ставрополь: «Мир данных», 2008. 264 с.

2. О некоммерческих организациях [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ: [ред. от 19.12.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 08.02.2018).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс]: федер. закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ: [ред. от 04.06.2014]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 08.02.2018).

4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1: [ред. 25.11.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 08.02.2018).

5. Фонд Президентских грантов [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 08.02.2018).

6. Сумской Д. А. Некоммерческие организации в теории российского гражданского права // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 13–17.

7. Томские НКО получают 30 млн руб. в результате конкурса обладминистрации [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 19 июля. URL: <http://ria.ru/society/20130719/950783374.html#ixzz2ZTaZziud> (дата обращения: 08.02.2018).

8. Путин В. В. Приветствие участникам, организаторам и гостям Северо-Кавказского молодежного форума «Машук-2017» [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/2/55298 (дата обращения 05.08.2017).

9. Машук [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: www.машукфорум.рф. (дата обращения: 08.02.2018).

10. Лысенко А. М. Некоммерческие организации в региональной политической системе // Политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлГУ, 2017. С. 69.

Поступила в редакцию 13.02.18

UDC 329

A. M. Lyenko, Post-Graduate Student, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russia) (e-mail: A-7-L@mail.ru)

E. V. Galkina, Doctor of Political Science, Professor, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russia) (e-mail: galkina_e@mail.ru)

PROBLEMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATIONS: REGIONAL POLITICAL ASPECT

The article is devoted to problems encountered by public organizations in the course of their activities. The authors analyze roots of these problems, specific areas and factors impeding the effectiveness of organization's activities.

The authors conducted a sociological survey (the questionnaire is presented in the text of the article) of leaders (representatives) of non-profit organizations (NGOs), which was held in August 2017 at the North Caucasus Youth Forum «Mashuk». Leaders of seven public organizations from the North Caucasus regions were interviewed, namely, Stavropol, Mikhailovsk (Stavropol Territory), Vladikavkaz (Republic of North Ossetia-Alania), Cherkessk (Karachay-Cherkess Republic) and the Republic of Dagestan. The results of the survey showed that the main problem of NGOs, according to the leaders of public organizations, is the lack of financing. Another problem is the level of employment of the population in the work of non-profit organizations. One third of respondents note a high staff turnover. They believe that it is necessary to increase the staff and improve their qualifications. Also, respondents note a lack of information and consultative and methodological assistance, which, in turn, is an important aspect in the activities of a non-profit organization, and the elimination of this problem will allow NGOs to perform their functions more effectively.

The mission of the Mashuk-2017 forum emphasizes the fact that in order to achieve the set goals, it is necessary to unite youth into commercial and non-profit organizations, which in turn will entail the creation of a positive competitive environment in the North Caucasus society. Among tasks of this forum are the development of public youth movements, the creation of non-profit organizations in the regions, the development of social projects in the metropolitan cities and provinces. As one of the topics of educational training at the forum was the organization of non-profit organizations, youth social movements. All this shows how important is the functioning of the «third sector» for regional and federal authorities, and they are betting on it as a significant mechanism for the functioning of civil society in the Russian Federation.

Key words: policy, public organizations, non-commercial organizations, problems, «Mashuk», civil society, social sphere.

For citation: Lysenko A. M., Galkina E. V. Problems of contemporary russian public organizations: regional political aspect. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 104–112 (in Russ.).

References

1. Galkina E. V. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii: politologicheskij analiz. Stavropol', Mir dannyh, 2008. 264 p.

2. O nekommercheskih organizacijah: feder. zakon ot 12.01.1996 No 7-FZ: [red. ot 19.12.2016]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed 08.02.2018).

3. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya deyatel'nosti nekommercheskih organizacij, vpolnyayushchih funkcii inostrannogo agenta: feder. zakon ot 20.07.2012 No 121-FZ: [red. ot 04.06.2014]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (accessed 08.02.2018).

4. O sredstvah massovoj informacii: zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1: [red. 25.11.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1411/ (accessed 08.02.2018).

5. Fond Prezidentskih grantov: ofic. sajt. URL: <https://prezidentskiegranty.rf> (accessed 08.02.2018).

6. Sumskoj D. A. Nekommercheskie organizacii v teorii rossijskogo grazhdanskogo prava. Rossijskaya yusticiya, 2009, no 6, pp. 13–17.

7. Tomskie NKO poluchat 30 mln. rub. v rezul'tate konkursa obladministracii. RIA Novosti. 2013. July 19. URL: <http://ria.ru/society/20130719/950783374.html#ixzz2ZTaZziud> (accessed 08.02.2018).

8. Putin V. V. Privetstvie uchastnikam, organizatoram i gostyam Severo-Kavkazskogo molodezhnogo foruma “Mashuk-2017”. URL: www.kremlin.ru/2/55298 (accessed 05.08.2017).

9. Mashuka: oficial'nyj sajt. URL: www.mashuk-forum.rf (accessed 08.02.2018).

10. Lysenko A. M. Nekommercheskie organizacii v regional'noj politicheskoj sisteme. Politicheskij process v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: Izd-vo AIGU, 2017, p. 69.

УДК 327.7:339.9

М. В. Феклистов, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: feklisovmv@mail.ru)

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ РЕАЛИЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Автором научно обосновано, что регионам Центрального федерального округа необходимо получить максимальные выгоды из своего геостратегического положения. Для этого надо развивать транзитный потенциал и совершенствовать систему магистралей и инфраструктуру. Регионам Центрального федерального округа надо проводить прагматичную, продуманную протекционистскую политику и предоставлять преференции участникам Евразийского экономического союза. При этом надо учитывать не только сиюминутную экономическую выгоду от проекта, но и долгосрочные выгоды от стимулирования сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза для экономики регионов. Необходимо менять правила ведения бизнеса, делать его более гуманным. Бизнесу необходимо учитывать проблемы населения территории. И надо делать это жестко и очень прагматично. Необходимо срочно внедрять принципы экологоустойчивого и гуманистического взаимодействия регионов Центрального федерального округа с Евразийским экономическим союзом. Необходимо обеспечить консолидированную защиту интересов участников такого сотрудничества во взаимоотношениях с зарубежными странами. Внешнеэкономическая деятельность не должна нарушать постулаты гуманизма и равенства. Только конкретные экономические проекты с просчитанными моральными, экологическими и экономическими выгодами и издержками не позволят другим региональным и трансконтинентальным торговым группировкам в угоду своим интересам ухудшать экологию и криминогенную обстановку в регионах. При разработке мероприятий по совершенствованию внешнеэкономических связей регионов Центрального федерального округа со странами Евразийского экономического союза в условиях глобализации необходимо учитывать то, что Центральный федеральный округ обладает значительной концентрацией научного и инженерного потенциала. В условиях изменения реалий мировой политической системы регионам Центрального федерального округа необходимо развивать свои внешнеэкономические связи со странами Евразийского экономического союза с обязательным учетом доминант взаимодействия при выработке стратегии. Выявление доминант эффективного развития внешнеэкономических связей регионов Центрального федерального округа со странами Евразийского экономического союза в условиях изменения реалий мировой политической системы позволяет повысить качество стратегического управления и оптимизировать ограниченные ресурсы регионов.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, политическая система, регион, Центральный федеральный округ, Евразийский экономический союз, стратегия, эффективность.

Ссылка для цитирования: Феклистов М. В. Развитие внешнеэкономических связей регионов в условиях изменения реалий мировой политической системы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 113–121.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Эффективное развитие внешнеэкономических связей регионов в условиях антироссийских экономических санкций процесса глобализации оказывает существенное влияние на повышение устойчивости их развития, улучшение макроэкономических показателей. Выявление направлений эффективного развития внешнеэкономических связей регионов является архиактуальной проблемой по-

литической науки, тесно связанной с практическими экономическими задачами повышения эффективности национального хозяйства регионов и России в целом.

Проведенное исследование опиралось на анализ научных публикаций, где заложены основы решения рассматриваемой проблемы, изложенные в трудах известных российских исследователей: Е. Н. Малик [1; 2], П. А. Меркулова [2], В. В. Огневой [3; 4], Е. С. Устинович

[5; 6], И. С. Феклистовой [7; 8], Д. Л. Цыбакова [1] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья. Несмотря на актуальность научных исследований внешнеэкономических связей регионов России в рамках ЕАЭС наблюдается отсутствие разработок, посвященных проблемам внешнеэкономического взаимодействия регионов ЦФО со странами ЕАЭС.

Формулировка целей статьи. Наше исследование было нацелено на выявление направлений эффективного развития внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях изменения реалий мировой политической системы, позволяющих повысить качество стратегического управления и существенно сэкономить ограниченные ресурсы регионов.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Центральный федеральный округ (ЦФО)

является базовым и крупным макрорегионом России. Он играет и будет играть еще более активную роль в развитии внешнеэкономических связей РФ.

ЕАЭС способствует повышению конкурентоспособности и модернизации экономик стран-участниц и созданию условий для их устойчивого развития и повышения жизненного уровня населения [8, с. 61].

С созданием ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии было установлено равенство сторон при принятии управленческих решений [7, с. 171]. В настоящее время ситуация существенно меняется. И это способствовало тому, что в 2017 г. индекс физического объема ВВП государств ЕАЭС вырос на 1,8% по сравнению с 2016 г. Внешнеторговый оборот РФ в январе-сентябре 2017 г (по данным Федеральной таможенной службы) составил 416,9 млн долл. США (рис. 1).

Существенно увеличился и импорт РФ в январе-сентябре 2017 г. (рис. 2).

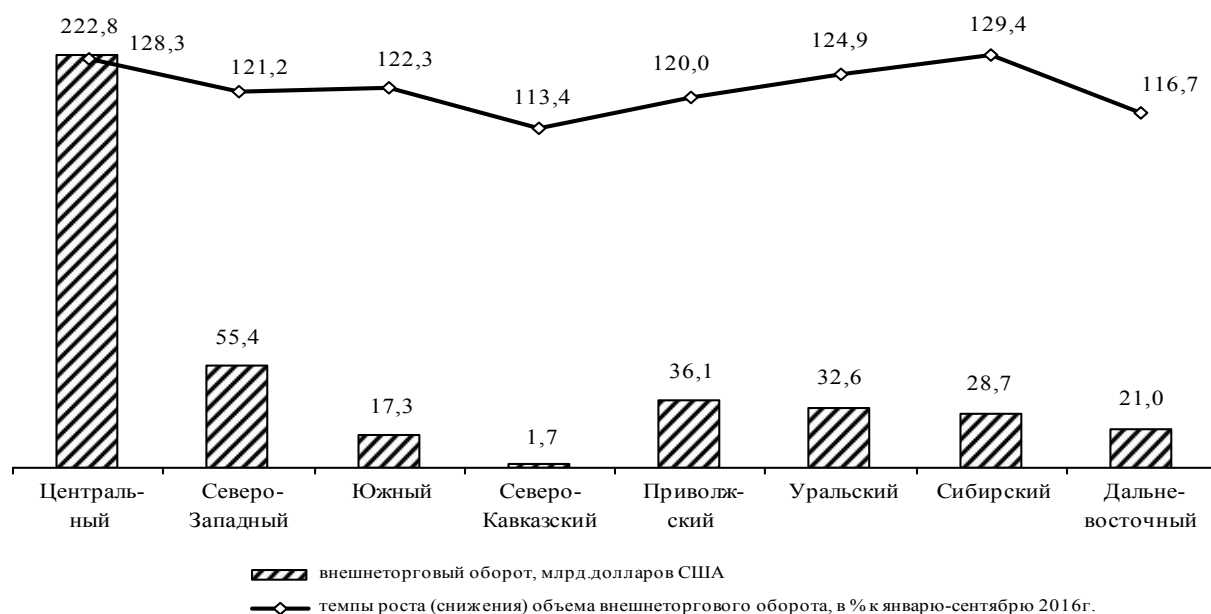

Рис. 1. Внешнеторговый оборот по федеральным округам РФ в январе-сентябре 2017 года

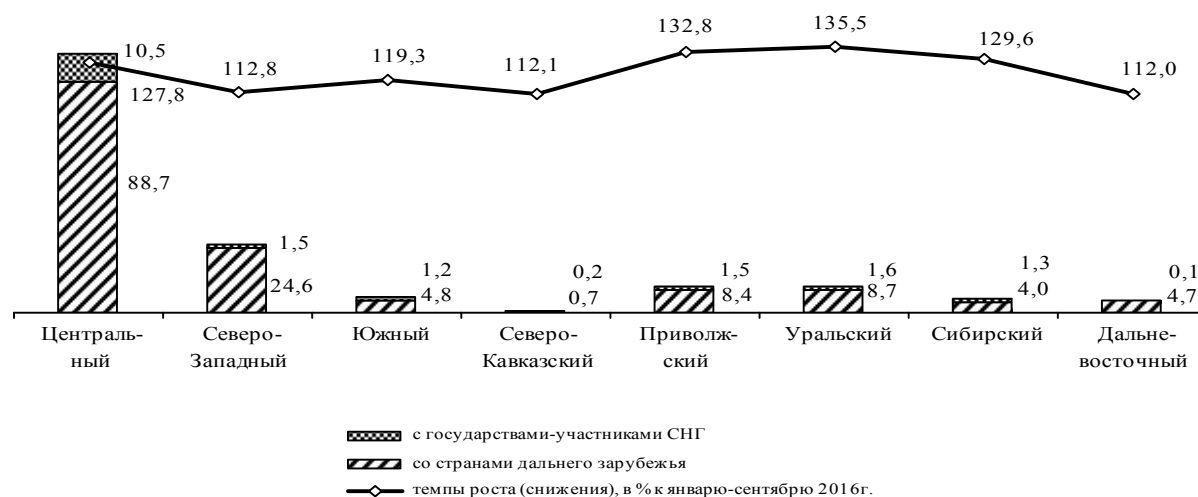

Рис. 2. Импорт по федеральным округам РФ в январе-сентябре 2017 г., млрд дол. США

Внешнеторговый оборот ЦФО в январе-сентябре 2017 г. составил 222845,6 млн долл. США. Он увеличился на 28,3% к соответствующему показателю 2016 г. Импорт ЦФО в январе-сентябре 2017 г. составил 99103,8 млн долл. США. Он увеличился на 27,8% к соответствующему показателю 2016 г. Проведенные нами данные наглядно демонстрируют «эффективность» сдерживающих Россию экономических санкций.

Существенным шагом вперед стали договоренности по созданию единого рынка услуг в рамках ЕАЭС. К 2025 г. более 60% объема всех производимых в ЕАЭС услуг будут предоставляться в режиме единого рынка. Формирование единого рынка услуг в Евразийском экономическом союзе способствует развитию бизнеса в странах евразийской «пятерки», созданию дополнительных рабочих мест.

Устранение нетарифных барьеров, обеспечение либерализации доступа к финансовым рынкам, совместная торговля и реализация крупных инфраструктурных проектов способствуют диалогу ЕАЭС и Европейского союза (ЕС). При этом Европейский союз, по факту, является одним из основных партнеров ЕАЭС. В общем объеме экспорта стран

ЕАЭС на страны ЕС приходится более 50%. Но диалог слабеет из-за недружественных шагов западных стран, безуспешно пытающихся сдержать рост влияния России и ее союзников. Это стало причиной уменьшения импорта из стран ЕС в государства ЕАЭС и, наоборот, соответственного увеличения из государств АТЭС. До этого относительно стабильная ниша ЕС очень быстро занимаетс другими, более прагматичными участниками.

ЕАЭС эффект от отмены таможенного контроля и свободной торговли в основном исчерпал, поэтому дальнейшие перспективы связаны с расширяющимися рынками услуг, капиталов и рабочей силы. Однако наблюдается ряд проблем, которые требуют изменения существовавших до этого подходов. Потенциал России и ЕАЭС колоссален, тем более что экономика стран-участниц ЕАЭС находится на уверенном подъеме. Необходимо использовать создавшиеся благоприятные внешние перемены для ускорения экономики. Цинизм западных стран состоит в том, что они пытаются существенно снизить цены на сырьевую группу товаров, уменьшить средства стран ЕАЭС, которые они стремятся использо-

вать на модернизацию национальных экономик. И делается это с целью замедления развития стран ЕАЭС, сдерживания их политического и экономического влияния на международной арене, усиления финансовой зависимости от определенных внешних кредиторов. А как раз таковыми и являются финансовые структуры, которые контролируются США и их союзниками – МВФ и Всемирным Банком. Однако в ЕАЭС в настоящее время наблюдается явно выраженный прогресс, который проявляется в уходе от сырьевого характера национальных экономик стран-участниц к высокотехнологичному. Наши страны, получая деньги на экспорте сырья, направляют средства на модернизацию, обеспечивая устойчивый рост экономик в рамках нового интеграционного объединения. Именно это и было одним из приоритетов создания общего рынка ЕАЭС [8].

В ходе исследования нами были выявлены основные мотиваторы расширения внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях изменения реалий мировой политической системы, которые наглядно представлены на рисунках 3 и 4.

Регионам ЦФО необходимо извлечь максимальные выгоды из своего геостратегического положения, развивая свой транзитный потенциал и совершенствуя свою систему магистралей и инфраструктуру. Регионам ЦФО надо проводить прагматичную, продуманную протекционистскую политику, предоставляя преференции участникам ЕАЭС. При этом надо учитывать не только сиюминутную экономическую выгоду от определенного проекта, но и долговременные выгоды от стимулирования сотрудничества в рамках ЕАЭС для экономики регионов ЦФО и РФ в целом. Пора уже определиться, кто твой друг надолго, а кто лучше заплатит больше сейчас, но не будет иметь никаких моральных обязательств в будущем,

утверждая: «Никаких обид. Это – всего лишь бизнес». Надо менять правила ведения бизнеса, делать его более гуманным и учитывающим проблемы населения территорий, где он осуществляется. И делать это жестко, очень прагматично. Необходимо срочно научно обосновывать и внедрять принципы экологоустойчивого и гуманистического взаимодействия регионов ЦФО с ЕАЭС, консолидированной защиты интересов участников такого сотрудничества во взаимоотношениях с зарубежными странами, внешнеэкономическая деятельность которых нарушает постулаты гуманизма и равенства. Только конкретные экономические проекты с просчитанными моральными, экологическими и экономическими выгодами и издержками, пониманием их влияния на регионы ЦФО и ЕАЭС не позволят другим региональным и трансконтинентальным торговым группировкам в угоду своим интересам ухудшать экологию и криминогенную обстановку в регионах ЦФО и ЕАЭС, что стало актуальным в условиях перманентной инертности управленческих звеньев и наблюдающегося вакуума в этом отношении на постсоветском пространстве.

При разработке мероприятий по совершенствованию внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях изменения реалий мировой политической системы необходимо учитывать то, что Центральный федеральный округ обладает наивысшей в стране концентрацией научного и инженерного потенциала, самой развитой производственной, транспортной и энергетической инфраструктурой, лучшими в стране возможностями для ведения предпринимательской деятельности, но в то же время заметно отстает в эффективности использования своего потенциала от ведущих стран мира.

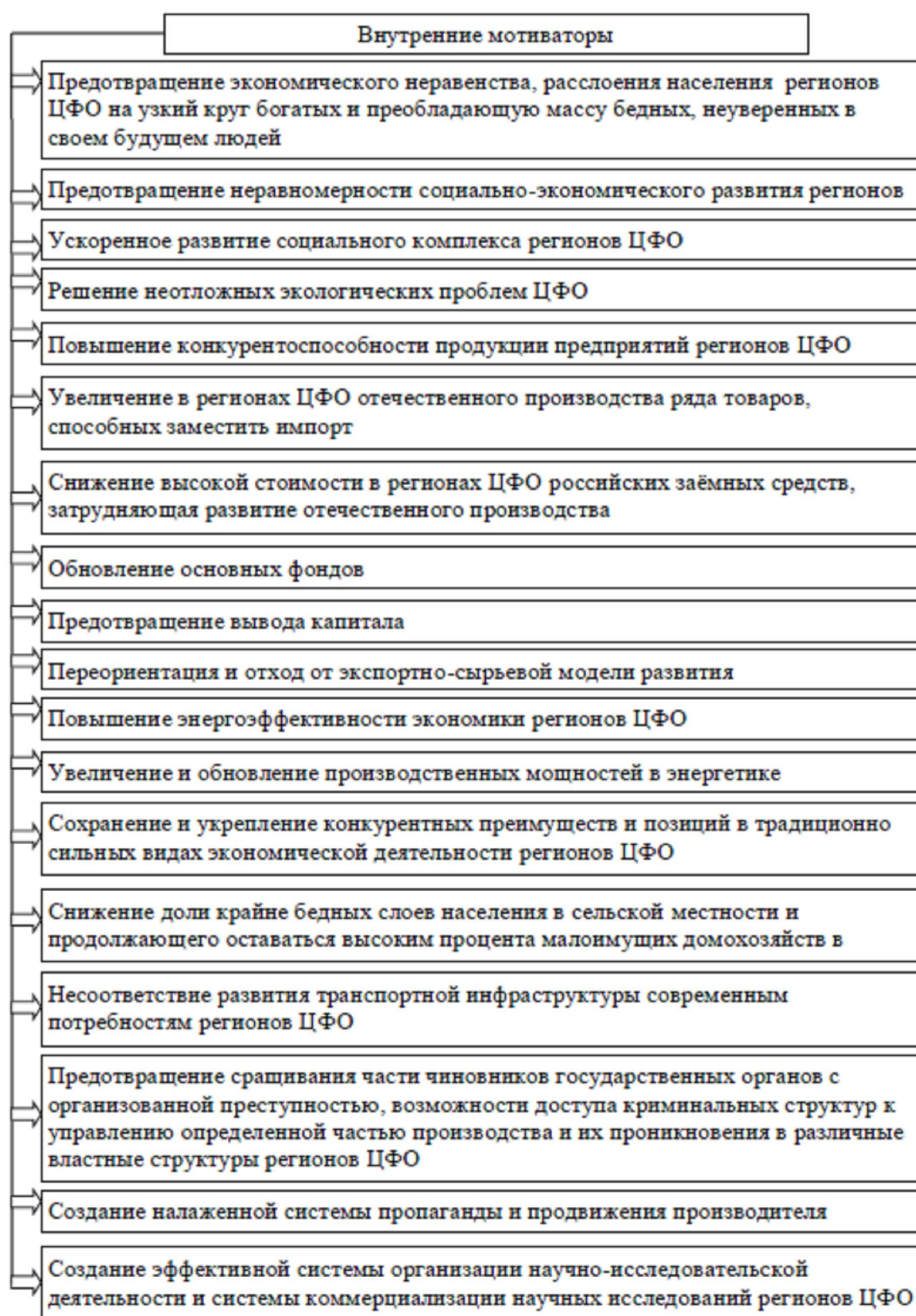

Рис. 3. Внутренние мотиваторы расширения внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях изменения реалий мировой политической системы

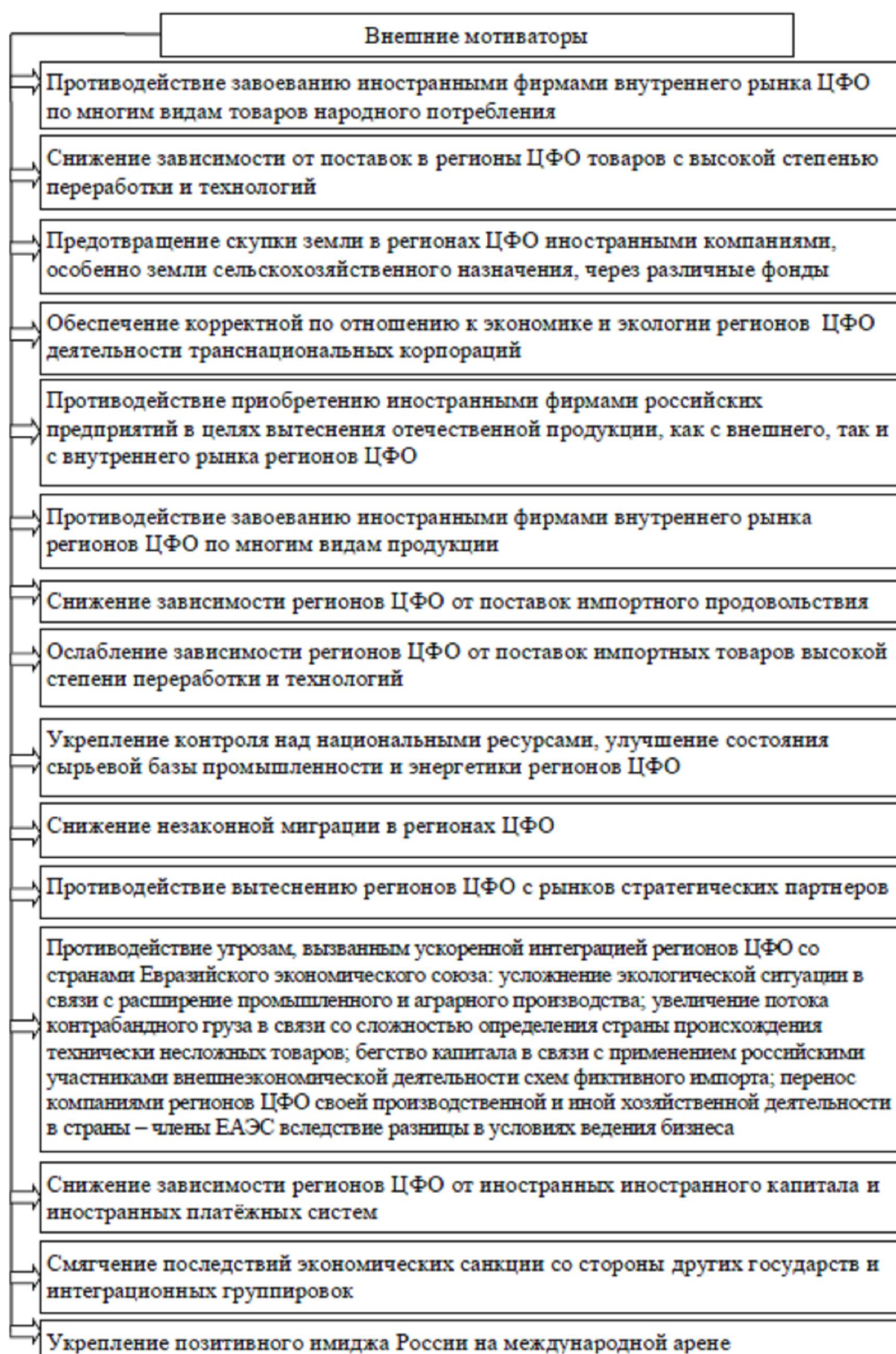

Рис. 4. Внешние мотиваторы расширения внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС в условиях изменения реалий мировой политической системы

Главной проблемой для регионов Центрального федерального округа является резкое ускорение внедрения в мировую экономику и повседневную жизнь населения результатов научной и инженерной деятельности, в первую очередь в сфере информационно-коммуникационных технологий, фармацевтики, био- и нанотехнологий, энергетики и автомобилестроения. В настоящее время вклад России и регионов ЦФО в этот процесс связан в основном с применением заимствованных технологий и использованием конечных результатов в качестве пользователей. Доминантой внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС должно быть резкое усиление инновационной направленности развития регионов округа, проведение модернизации экономики и информатизации социальной сферы.

Процесс регионализации в сфере образования способствует решению насущных проблем регионов ЦФО в ЕАЭС. Формирование «малых» образовательных пространств имеет свои внутренние особенности и закономерности. Выявление этих закономерностей позволит обосновать реформы в сфере образования в регионах ЦФО в ЕАЭС с точки зрения их социально-экономической эффективности в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Очень актуальной проблемой является понимание необходимости патриотического воспитания и единство подходов к нему в регионах ЦФО и в ЕАЭС в целом. Человек, который знает свои истоки, историю, уникальность природы, флоры и фауны регионов ЦФО и участниц ЕАЭС, способен улучшить свое будущее, будущее своих детей, своей страны.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. В условиях изменения реалий мировой политической системы регионам ЦФО необходимо развивать свои внешнеэкономические связи со странами ЕАЭС с обязательным учетом при выработке стратегии взаимодействия

следующих доминант: 1) интенсивная прагматичная и научно обоснованная протекционистская политика, предоставляющая преференции участникам ЕАЭС; 2) активное развитие механизмов скоординированного стратегического управления агрегированными экономическими системами в формате ЕАЭС; 3) преимущественный учет не сиюминутной экономической выгоды от определенного проекта развития внешнеэкономических связей регионов ЦФО со странами ЕАЭС, а долговременных выгод от стимулирования сотрудничества в рамках ЕАЭС для экономики регионов ЦФО и РФ в целом; 4) осуществление продуманной политики, направленной на извлечение максимальных выгод из-за геостратегического положения регионов ЦФО и стран ЕАЭС, ускоренное развитие их транзитного потенциала и усовершенствование системы магистралей и инфраструктуры; 5) активное взаимодействие с учетом принципов экологоустойчивого и гуманистического взаимодействия регионов ЦФО с ЕАЭС и консолидированная защита интересов участников такого сотрудничества во взаимоотношениях с зарубежными странами, внешнеэкономическая деятельность которых нарушает постулаты гуманизма и равенства; 6) ускорение темпов обновления промышленных мощностей и обеспечение их соответствия потребностям развития; 7) продуманная демографическая политика, стимулирование увеличения численности населения, предотвращение кризисных демографических процессов в регионах ЦФО и странах ЕАЭС; 8) подготовка квалифицированных кадров и оптимизация имеющегося потенциала для решения конкретных задач регионов ЦФО и стран ЕАЭС в рамках их взаимодействия; 9) ослабление резкой дифференциации жизни в городах и сельской местности в регионах ЦФО и странах ЕАЭС, активная поддержка вымирающих деревень и неперспективных районов, монопоселений, вынужденных менять направление развития своей экономики; 10) улучшение экологической ситуации (предотвращение

загрязнения атмосферного воздуха, улучшение качества пресной воды и развитие системы переработки отходов жизнедеятельности) в регионах ЦФО и странах ЕАЭС; 11) ослабление тенденций расслоения населения по уровню жизни, снижение социальной напряженности, сокращение распространения алкоголизма и наркомании; 12) замедление тенденции заселения в основном Московского региона и крупных центров регионов ЦФО и стран ЕАЭС, ослабление территориальной дифференциации; 13) противодействие процессам формирования моноцентрической системы функционирования экономики и системы оказания услуг, чрезмерной концентрации транспортных потоков и бизнес-потоков в центре ЦФО; 14) улучшение патриотического воспитания и обеспечение единства подходов к нему в регионах ЦФО и в ЕАЭС в целом; 15) интенсивное развитие научных исследований, посвященных анализу социально-экономической эффективности участия регионов ЦФО в ЕАЭС, взаимовыгодности такого сотрудничества.

Список литературы

1. Малик Е. Н., Цыбаков Д. Л. Модификация функций межгосударственных союзов в условиях нарастания конфликтогенности мировой политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №4(34). С. 167–174.
2. Административные и политические решения в органах государственной власти / П. А. Меркулов, Е. Н. Малик, И. С. Феклистова, А. В. Мельников. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016. 248 с.
3. Огнева В. В. Россия и ЕС: политические метаморфозы экономического взаимодействия // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 161–164.
4. Огнева В. В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: современные горизонты // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 176–179.
5. Устинович Е. С. Российско-американские экономические отношения через призму Петербургского международного экономического форума 2017 // Международная экономика. 2017. №7. С. 6–11.
6. Устинович Е. С., Железняков С. С. Определение политических критериев мониторинга социально-экономического развития субъектов РФ: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. №2. С. 11–17.
7. Feklistova I. S., Feklistov M. V. Effective state control of the development of foreign economic relations of the regions // Modern scientific achievements: experience exchange: Proc. of III Intern. sci. conf. Morrisville: Lulu Press., 2017. P. 169–172.
8. Dominant foreign economic relations of regions of the CFD with the countries of the EAEU / I. S. Feklistova, S. L. Pakulin, M. V. Feklistov, H. S. Pakulina // Discussion of problems related to the development of science in different countries : proc. of IV Intern. Sci. conf. London, SI Universum, 2017. P. 58–64.

Поступила в редакцию 20.02.18

UDC 327.7:339.9

M. V. Feklistov, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian) (e-mail: feklitovmv@mail.ru)

DEVELOPMENT OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE REGIONS IN THE CONDITIONS OF CHANGING THE REALITIES OF THE WORLD POLITICAL SYSTEM

The author scientifically substantiated that the regions of the Central Federal District must receive maximum benefits from their geostrategic position. For this, it is necessary to develop transit potential and improve the system

of highways and infrastructure. Regions of the Central Federal District should pursue a pragmatic, well-thought-out protectionist policy and grant preferences to participants in the Eurasian Economic Union. At the same time, we must take into account not only the immediate economic benefits of the project, but also the long-term benefits from stimulating cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union for the economies of the regions. It is necessary to change the rules of doing business, to make it more humane. Business needs to take into account the problems of the population of the territory. And we must do it harshly and very pragmatically. It is urgent to implement the principles of ecologically sustainable and humanistic interaction of the regions of the Central Federal District with the Eurasian Economic Union. It is necessary to ensure consolidated protection of the interests of participants in such cooperation in relations with foreign countries. Foreign economic activity should not violate the postulates of humanism and equality. Only specific economic projects with calculated moral, environmental and economic benefits and costs will not allow other regional and transcontinental trade groups to deteriorate the ecology and criminogenic situation in the regions in their interests. When developing measures to improve the foreign economic relations of the regions of the Central Federal District with the countries of the Eurasian Economic Union in the context of globalization, it is necessary to take into account that the Central Federal District has a significant concentration of scientific and engineering potential. In the conditions of changing the realities of the world political system, the regions of the Central Federal District need to develop their foreign economic relations with the countries of the Eurasian Economic Union with the obligatory consideration of the dominants of interaction in developing the strategy. Identifying the dominants of effective development of foreign economic relations of the regions of the Central Federal District with the countries of the Eurasian Economic Union in the conditions of changing the realities of the world political system allows improving the quality of strategic management and optimizing the limited resources of the regions.

Key words: foreign economic relations, political system, region, the Central Federal District, the Eurasian Economic Union, strategy, efficiency.

For citation: Feklistov M. V. Development of foreign economic relations of the regions in the conditions of changing the realities of the world political system. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 113–121 (in Russ.).

References

1. Malik E. N., Cybakov D. L. Модификация функций межгосударственных союзов в условиях нарастания конфликтности мировой политики. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2014, no. 4(34), pp. 167–174.

2. Merkulov P. A., Malik E. N., Feklistova I. S., Mel'nikov A. V. Административные и политические решения в органах государственной власти. Orel, Izd-vo OF RANHiGS, 2016. 248 p.

3. Ogneva V. V. Россия и ЕС: политические метаморфозы экономического взаимодействия. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2011, no. 1, pp. 161–164.

4. Ogneva V. V. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: современные горизонты. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2012, no. 2, pp. 176–179.

5. Ustinovich E.S. Российско-американские экономические отношения через призму Петербургского международного экономического форума 2017. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 2017, no. 7, pp. 6–11.

6. Ustinovich E. S., Zheleznyakov S. S. Определение политических критериев мониторинга социаль-но-экономического развития субъектов РФ: постановка проблем. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2015, no. 2, pp. 11–17.

7. Feklistova I. S., Feklistov M. V. Effective state control of the development of foreign economic relations of the regions. Modern scientific achievements: experience exchange: proc. of III Intern. sci. conf. Morrisville, Lulu Press., 2017, pp. 169–172.

8. Feklistova I. S., Pakulin S. L., Feklistov M. V., Pakulina H. S. Dominant foreign economic relations of regions of the CFD with the countries of the EAEU. Discussion of problems related to the development of science in different countries: proc. of IV Intern. sci. conf. London, SI Univer-sum, 2017, pp. 58–64.

УДК 304:323 (374.32)

М. С. Комарова, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления (Орел, Россия) (e-mail: komarova-marina87@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОВЫШЕНИИ РОЛИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Автором выявлены основные проблемы, сдерживающие эффективность реализации государственной молодежной политики в современной России. Сегодня молодое поколение находится в стадии своего становления и освоения новых социально-политических ролей. Трансформация социально-политических практик затрудняет определение молодыми гражданами своих социальной роли и политических позиций, что не может не сказаться на их политическом участии и поведении. Большинство экспертов приходят к мнению, что молодежь все меньше и меньше направляет свою активность в социально-политическую жизнь российского общества – в политику, в выборы, в местную активность.

В статье уделено внимание специфике становления общественно-политической субъектности молодого поколения в процессе проведения государственной молодежной политики. Отмечено, что молодые люди сегодня в большинстве своем интересуются жизнью общества, они не являются ее активными участниками. Они, скорее, лишь наблюдатели, которые прекрасно понимают требования, предъявляемые к ним обществом, но не разделяют тех позиций и направлений, которые им сегодня предлагаются. В данной связи перед государством и институтами гражданского общества всегда будут стоять задачи по организации эффективной передачи опыта молодому поколению, оптимальному включению молодежи в социальные и политические процессы, созданию наиболее благоприятных условий для самореализации молодой личности. Автором структурированы основные элементы взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества для повышения общественно-политического потенциала российской молодежи. Обоснованы перспективные направления государственной молодежной политики на региональном уровне, в частности в Орловской области, ориентированные на интеграцию молодых граждан в социально-политическое пространство.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, гражданское общество, молодежные объединения.

Ссылка для цитирования: Комарова М. С. Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в повышении роли молодежи в социально-политическом пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 122–126.

Постреформирование социально-политической сферы российского общества России создает потребность в новой научно-исследовательской парадигме общественно-политической активности молодого поколения, представлении о ней как о сложном, многогранном и противоречивом явлении.

Современный этап государственной молодежной политики можно охарактеризовать как период поиска и накопления нового социально-политического опыта ее формирования и функционирования [1, с. 44]. Молодежь – та группа российского общества, с которой в наибольшей степени связаны перспективы дальнейшего развития России, региона и отдельных территорий. Кроме того, в настоящее время в некоторых российских регионах

сохраняется ситуация неполного охвата молодёжи учреждениями органов по делам молодёжи и их услугами, наблюдается снижение активности формирования эффективных механизмов управления и финансирования данных учреждений [2, с. 23–24]. Данная тенденция указывает на снижение интегративных механизмов вовлечения молодого поколения в социально-политическое пространство.

Наш анализ показал, что основными проблемами, снижающими эффективность деятельности региональных органов государственной власти в сфере реализации молодежной политики, в том числе и в Орловской области, выступают:

– слабое привлечение общественных организаций к решению проблем молодого поколения;

– недостаточно развитая инфраструктура молодежной политики на территории муниципальных образований Орловской области;

– наличие декларативного подхода в реализации молодежной политики;

– трудности в вопросах трудоустройства и занятости молодого поколения;

– недостаточный уровень информирования молодежи об имеющихся ресурсах для реализации собственного потенциала и развития возможностей.

Сотрудничество государственных институтов с гражданским обществом, в том числе через диалог с широким кругом общественных организаций, имеет важное значение для поддержания стабильности, снижения социально-политической напряженности, успешного проведения модернизации страны, эффективности реализации различного вида государственных политик, в том числе и молодежной [3, с. 28].

В связи с этим сохраняет свое значение научная и практическая проблема поиска оптимальных форм государ-

ственно-гражданского взаимодействия и партнерства [4]. Реформирование и демократизация российской общественно-политической системы, становление новых форм взаимоотношений между индивидом и государством обусловили бурный рост молодежных общественных объединений и структур [5].

Для формирования у молодежи активной гражданской позиции необходимо разработать меры вовлечения молодежи в социально-экономическую и общественно-политическую деятельность. Не случайно, что «критериями развитого гражданского общества определяются уровни его самоорганизации, особое качественное состояние общественных связей между индивидами и их сообществами, независимость акторов общественной жизни, гарантированность реальных гражданских прав и свобод, самореализация граждан» [6, с. 87].

Так в таблице представлена динамика численности общественных организаций и объединений и религиозных организаций на территории Орловской области.

Динамика численности общественных организаций и объединений и религиозных организаций на территории Орловской области [7]

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Общественные организации и объединения	514	530	522	497	482	473
Из них:						
<i>Политические партии</i>	17	29	51	56	56	54
<i>Профсоюзные организации</i>	204	198	183	162	150	140
<i>Общественные движения</i>	11	12	12	11	11	10
Религиозные организации	176	182	187	192	196	197

Исходя из приведенных показателей, следует сказать о сокращении численности общественных организаций, что указывает на снижении эффективности деятельности общественных организаций в сфере молодежной политики.

Следует обратить внимание на тот факт, что на сегодняшний момент в Орловской области действует 156 молодежных и детских общественных объ-

единений, 42 из которых имеют региональную регистрацию [8] и т. д. Таким образом, совместно с молодежными общественными организациями реализуется большое количество мероприятий, направленных на развитие потенциала молодых людей, поддержку их инициатив.

Мы приходим к заключению, что расширение молодежного актива и вовлечение его в общественные, экономи-

ческие и политические процессы – жизненная необходимость развития регионов и муниципалитетов в современной России. Молодежь должна стать активным участником решения задач, стоящих перед государством и обществом в строительстве демократического федеративного правового социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [9, с. 37]. Так, в Орловской области, в целях привлечения молодых граждан к непосредственному участию в осуществлении молодежной политики Орловской области, Департаментом внутренней политики и развития местного самоуправления Орловской области инициировано формирование Общественного консультативного Совета молодежи Орловской области, который был утвержден Указом Губернатора Орловской области от 17 октября 2017 года №492.

Формирование состава Совета молодежи Орловской области осуществляется из числа граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет включительно, проживающих на территории Орловской области. Членами в Совет молодежи Орловской области могут быть:

- некоммерческие организации, зарегистрированные и действующие на территории области не менее 1 года, по решению их коллегиальных органов, обладающих соответствующими полномочиями, а при отсутствии коллегиальных органов – по решению иных органов, обладающих правом выступать от имени этих организаций;

- органы ученического самоуправления общеобразовательных организаций, органы студенческого самоуправления образовательных организаций профессионального и высшего образования Орловской области;

- совещательные и консультативные органы по работе с молодежью при Орловском областном Совете народных

депутатов, Правительстве Орловской области и Избирательной комиссии Орловской области;

- молодежные объединения политических партий [10].

Аргументировано, что целями государственной молодежной политики являются: 1) совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, 2) содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. Мы разделяем мнение исследователей, что сегодня «у молодежи должны быть сформированы должные правовые и нравственно-ценностные ориентации, соответствующие формы политического участия, гражданского поведения, высокий уровень правового сознания, общей и правовой социализации, нацеленные на достижение социальных и профессиональных ожиданий, а также на преодоление кризисных состояний российского общества» [11, с. 84]. Соответственно, развитие взаимодействия между органами государственной власти на уровне субъекта Российской Федерации и институтами гражданского общества по вопросам реализации общественно-политического потенциала молодежи, повышения у нее уровня культуры гражданского участия должно идти по следующим направлениям:

- создание реальной физической среды взаимодействия власти и общества, формируемой в виде системы «переговорных площадок», основу которой составляет Общественная палата в регионах;

- необходим поиск оптимальных форм государственно-гражданского взаимодействия и партнерства;

- развитие системы государственной поддержки третьего сектора в вопросах молодежной политики;

– непосредственное участие представителей общественных объединений в работе органов государственной власти региона: в частности, в Орловской области – в оперативных совещаниях Губернатора и Правительства Орловской области, пленарных заседаниях Орловского областного Совета народных депутатов, оперативных совещаниях в администрациях муниципальных образований;

– увеличение числа проведения совместных мероприятий в сфере государственной молодежной политики области;

– активное использование дискуссионных площадок в рамках Орловского регионального форума общественных объединений «Гражданский диалог» в сфере ГМП.

Активное вовлечение молодежи в разработку государственной молодежной политики, интеграция ее в социально-политическое пространство, плодотворную работу государственных органов и гражданского общества по поддержке институциональных молодежных структур мы связываем с успешным завершением общественно-экономических и политических преобразований в нашей стране.

Список литературы

1. Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гуманитарного университета профсоюзов, 1996. 348 с.

2. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе: монография. М.: ИТД, 2016. С. 23–24.

3. Буренко В. И. Особенности формирования демократических ценностей в контексте политической модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 6. С. 27–37.

4. Батанина И. А., Бродовская Е. В. Категории «ценности» и «ценностные

ориентации» в дискурсе политологического сообщества: к истории вопроса // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 110–123.

5. Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.

6. Малик Е. Н., Меркулов С. С. Формы государственно-гражданского взаимодействия в современной России: проблемы развития и практической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №3. С. 85–94.

7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области [Электронный ресурс]. URL: http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/statistics/government/ (дата обращения: 17.02.2018).

8. Комарова М. С. Деятельность органов государственной власти по реализации государственной молодежной политики в Орловской области: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3591–3595. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86754.htm> (дата обращения: 17.02.2018).

9. Коряковцева О. А. Государственная молодежная политика как фактор развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России: монография. Ярославль: ЯГПУ, 2010. 286 с.

10. Об Общественном консультативном Совете молодежи Орловской области [Электронный ресурс]: указ Губернатора Орловской области от 17.10.2017 № 492. URL: <http://orel-region.ru> (дата обращения: 17.02.2018).

11. Меркулов П. А., Малик Е. Н. Государственная политика в сфере политической грамотности и политического воспитания российской молодежи // Власть. 2016. № 4. С. 83–87.

Поступила в редакцию 28.03.18

UDC 304:323 (374.32)

M. S. Komarova, Post-Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Government (Orel, Russia) (e-mail: komarova-marina87@mail.ru)

IMPROVEMENT OF INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AND INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY IN INCREASE IN A ROLE OF YOUTH IN SOCIO-POLITICAL SPACE

The author has revealed the main problems constraining efficiency of realization of the state youth policy in modern Russia. Today the younger generation is in a stage of the formation and development of new socio-political roles. Transformations socio-political the practician complicates definition by young citizens of the of a social role and political positions that can't but affect their political participation and behavior. Most of experts come to opinion that youth send the activity to socio-political life of the Russian society less and less - in policy, in elections, in local ac-tivity.

In article attention is paid to specifics of formation of social and political subjectivity of the younger generation in the course of carrying out the state youth policy. It is noted that young people in the majority are interested today in life of society, they aren't its active participants. They more likely only observers who perfectly understand requirements imposed to them by society, but don't share those positions and the directions which are offered today to them. In this connection the state and institutes of civil society will be always faced by tasks of the organization of effective transfer of experience to the younger generation, optimum inclusion of youth in social and political processes, creation of optimum conditions for self-realization of the young personality. The author has structured basic elements of interaction of public authorities with institutes of civil society for increase in social and political potential of the Russian youth. The perspective directions of the state youth policy at the regional level, in particular in the Orel region, focused on integration of young citizens into socio-political space are proved.

Key words: youth, state youth policy, civil society, youth associations.

For citation: Komarova M. S. Improvement of interaction of public authorities and institutes of civil society in increase in a role of youth in socio-political space. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 121–126 (in Russ.).

References

1. Zapesockij A. S. Molodezh' v sovremennom mire: problemy individualizatsii i social'no-kul'turnoj integratsii. St. Petersburg, Izd-vo St.-Peterb. gumanit. un-ta profsoyuzov, 1996. 348 p.

2. Zubok Yu. A., Rostovskaya T. K., Smakotina N. L. Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossijskom obshchestve. Moscow, ITD, 2016, pp. 23–24.

3. Burenko V. I. Osobennosti formirovaniya demokraticeskikh cennostej v kontekste politicheskoy modernizatsii. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2016, no. 6, pp. 27–37.

4. Batanina I. A., Brodovskaya E. V. Kategorii "cennosti" i "cennostnye orientatsii" v diskurse politologicheskogo soobshchestva: k istorii voprosa. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2013, no. 3, pp. 110–123.

5. Petuhov V. V. Pokolenie "nulevyh": social'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie. Politicheskije issledovaniya, 2012, no. 4, pp. 56–62.

6. Malik E. N., Merkulov S. S. Formy gosudarstvenno-grazhdanskogo vzaimodejstviya v sovremennoj Rossii: problemy razvitiya i prakticheskoy realizatsii. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2016, no. 3, pp. 85–94.

7. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Orlovskoj oblasti. URL: http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/statistics/government/ (accessed 17.02.2018).

8. Komarova M. S. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoj vlasti po realizatsii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Orlovskoj oblasti: problemy i perspektivy. Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Koncept", 2016, vol. 11, pp. 3591–3595. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86754.htm> (accessed 17.02.2018).

9. Koryakovceva O. A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika kak faktor razvitiya obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti molodezhi v postsovetskoj Rossii. Yaroslavl', Yaroslavl. St. Ped. Univ. Publ., 2010. 286 p.

10. Ob Obshchestvennom konsul'tativnom Sovete molodezhi Orlovskoj oblasti: ukaz Gubernatora Orlovskoj oblasti ot 17.10.2017 No. 492. URL: <http://orel-region.ru> (accessed 17.02.2018).

11. Merkulov P. A., Malik E. N. Gosudarstvennaya politika v sfere politicheskoy gramotnosti i politicheskogo vospitaniya rossijskoj molodezhi. Vlast', 2016, no. 4, pp. 83–87.

УДК 321.64

В. Н. Садченко, канд. ист. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия) (e-mail: vsadchenko@yandex.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННЫХ НЕОАВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ ИРАНА И КИТАЯ

Данная работа посвящена рассмотрению и сравнению некоторых элементов политической системы современных неоавторитарных режимов Ирана и Китая. В статье автор уделит внимание существующим дефинициям в отношении определения политического режима этих стран. Автор провел сравнительный анализ партийного развития в Китайской Народной Республике и Иранской Исламской Республике, сопоставил декларируемые основные права и свободы в конституциях двух держав, сравнил роль лидерства на основании анализа теоретических программных работ, нормативно-правовых актов и ряда теорий лидерства.

Исламская Республика Иран и Китайская Народная Республика, обладая специфическими чертами политического развития, тем не менее, имеют ряд общих компонентов: традиционализм, господство отношений подданства в политической сфере, приоритет государства и общества над личностью, особая роль сильной личности и политического лидера. В работе отражены специфические элементы, присущие только Ирану или только Китаю.

Автор акцентировал внимание на доминировании силовых компонентов в принятии политико-управленческих решений в политической системе Ирана на примере анализа роли и места Корпуса стражей исламской революции. Возникнув для борьбы с политическими оппонентами исламскому режиму в 1979 г., КСИР усилиями шиитского духовенства в скором времени превратился в орган со значительными политическими, организационными, вооруженными и репрессивными функциями. Китайской политической системе свойственен в значительной мере не силовой, а бюрократический элемент, что вызвано историческими традициями, где тысячелетиями чиновники-ученые шэнь-ши определяли функционирование политических институтов этого государства. Компартия Китая выступает не только как политическая партия, но и как большая бюрократическая структура, определяющая курс внутри- и внешнеполитический курс страны.

Ключевые слова: неоавторитаризм, децентрализованный авторитаризм, гибридный режим, технократический режим, теократический авторитаризм, теократическая диктатура, концепция веляят-е факих, рахбар, патерналистская теория лидерства, Корпус стражей исламской революции, шэнь-ши.

Ссылка для цитирования: Садченко В. Н. Сравнительный анализ некоторых компонентов политических систем современных неоавторитарных режимов Ирана и Китая // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 127–135.

Следствием глобализации на современном этапе становится набирающий силу тренд регионализации в экономической сфере на примере процесса BREXIT или инициативы Д. Трампа о пересмотре условий членства США в НАФТА, вплоть до выхода Соединенных Штатов из этого интеграционного объединения. В политической сфере процессы стандартизации и унификации политических систем также демонстрируют свою несостоятельность, особенно после «Арабской весны», показавшей низкую эффективность транзитивных процессов в политической сфере в восточных государствах. По этой причине актуальным становится анализ тех моделей политиче-

ских систем и политических режимов, которые являются весьма устойчивыми в условиях турбулентности международных отношений. В качестве примеров относительно стабильных политических систем могут служить Китайская Народная Республика (КНР) и Исламская Республика Иран (ИРИ).

Проводя сопоставление этих систем, следует указать, что большинство специалистов относят их к авторитарным (неоавторитарным) режимам. В среде англоамериканских специалистов в отношении КНР применима концепция «ленинской» или «советской» модели государственности [1], базирующаяся на главенствующей роли Коммунистической партии Ки-

тая и «принципе централизма». Ряд специалистов говорят о децентрализованном авторитаризме, гибридном или технократическом режиме КНР (Мэри Галлахер, Эндрю Натан, Пьер Лэндри) [2; 3; 4]. М. А. Карпов называет общественно-экономическую систему КНР «посттоталитарной» [5]. Более подробные дефиниции политической системы КНР можно проследить в работах Е. В. Кремнёва [6], Д. А. Смирнова [7], М. Л. Титаренко [8].

В определении политического режима Ирана у ученых больше единодушия, называя режим теократическим авторитаризмом или «теократической диктатурой» (И. В. Добровицкий). С. А. Воронин [9] говорит об «иранской модели» легитимности власти, основанной на исламе и исламизме. Австралийский ученый У. Сандхауссен отмечает, что политическая традиция ислама обосновывает преобладание в мусульманских странах авторитарных режимов чаще, чем в прочих государствах Востока. Сайед Рахим Аббас и Мухаммад Асим дали определение режиму в Иране как «теократическая демократия» [10].

Политические системы Ирана и Китая являются специфическими в силу принадлежности к цивилизации восточного типа. Ей свойственны традиционализм, синкретизм мышления, исходящий из невыделенности человека из мира природы, подчиненность индивида со стороны социума и государства, господство отношений «государство – подданный», доминирование сильной личности в политической системе общества, наличие патронажно-клиентельного сознания, отсутствие гибкости политического режима.

Проводя сравнение политических систем, следует остановиться на рассмотрении партийного развития. Так, КНР признается «социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимым рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян»

[11]. КПК – важнейший субъект политической системы КНР, ставшей главным инициатором реформ. В обновленном Уставе КПК 2017 г. закреплён принцип руководящей и направляющей силы КНР китайского общества: Компартия «...является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой и представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа» [12]. Си Цзиньпин на XIX съезде КПК 2017 г. подчеркнул, что партия руководит всем во всех уголках страны: партийными, правительственными, военными, гражданскими кругами и интеллигенцией, необходимо защищать авторитет ЦК партии, сохранять наивысшую степень идеологического, политического и практического единства с ЦК партии [13]. В очередной раз закреплён принцип политического и идеологического монополизма КПК.

На партийной арене Китая действуют восемь зарегистрированных политических партий, кроме КПК. Среди них Демократическая лига Китая, Общество «Цзюсань» (Общество «3 сентября»), Революционный комитет Гоминьдана, Лига демократической автономии Тайваня, Китайская партия стремления к справедливости и др. Они находятся под контролем Единого фронта различных партий и общественных организаций Китая (ЕФКН – Единый фронт китайского народа), который, в свою очередь, подчинен КПК. Из 2987 членов Всекитайского совета народных представителей последнего созыва лишь 830 депутатов представляют ЕФКН, поэтому говорить о политическом и идеологическом плюрализме применительно к КНР можно с большой долей осторожности.

Что касается Ирана, ситуация несколько иная. Во-первых, в Иране законодательно провозглашается политический плюрализм, и в стране действует многопартийная система, представленная несколькими коалициями. Согласно ст. 26 Конституции Ирана, в стране признается свободная деятельность политических партий, обществ и организаций, но с условием, если их активность не будет противоречить исламским нормам, принципам независимости, свободы, национального единства и основам Исламской Республики [14, с. 17]. По итогам последних выборов в 2016 г. в меджлис прошли три коалиции, кандидаты от религиозных меньшинств и независимые представители.

Во-вторых, согласно А. М. Вартаняну, в Иране отсутствуют партии западного образца с четкими программными установками, а основная часть организаций, называемых партиями, не что иное, как политические движения, не обладающие строгой организацией, постоянными партийными структурами и членством [15]. Большинство официально зарегистрированных партий контролируются представителями влиятельных группировок шиитского духовенства. Специалист Института Ближнего Востока С. М. Задонский выделяет четыре блока коалиций, представленные консервативными, центристскими политическими организациями, традиционными реформаторскими движениями и радикальными реформаторскими организациями [16]. По заключению Н. Филина и В. Кокликова большинство партий и общественных объединений возникают в период выборов, а потом их влияние на политическую систему ИРИ резко сокращается. В институциональном пространстве Ирана наличествует ряд неформальных коалиций, являющихся реальными акторами иранской политической арены. На их деятельность в большей степени оказывают влияние личные качества лидеров, неже-

ли уставы или идеологические программы [17, с. 57].

В-третьих, в политическую структуру Ирана входит специальный орган – Совет по охране конституции (или Наблюдательный совет), состоящий из 6 факифов (богословов) и 6 мусульманских правоведов. Совету по охране конституции принадлежит важное место в системе законодательной власти и механизме принятия важных политико-управленческих решений [14, с. 32–34]. Важная функция Совета состоит в надзоре за выборами Собрания экспертов по выборам лидера страны, Президента, Меджлиса (парламента) и обращением к общественному мнению и референдумом. В-четвертых, специалисты отмечают наличие в Иране чрезмерно большого количества партий – около 200.

Таким образом, конституционно в Китае прописана руководящая роль одной партии – Компартии, т. е. в стране не предусмотрен политический плюрализм западного образца. Но, тем не менее, в рамках КПК действует внутривнутрипартийная и фракционная конкурентная борьба, а также в институциональном пространстве Китая функционируют еще восемь партий. Их политическое влияние минимально. В Иране законодательно прописан политический, но не идеологический плюрализм. Как и в Китае, западный тип партийной борьбы на политической арене для Ирана не свойственен.

Если обратиться к сравнению места лидера в политической системе двух стран, то в современной ИРИ значительная роль принадлежит факиху, обладающему легально закрепленными значительными полномочиями в Конституции и легитимностью на основании неошиитской концепции власти вelayат-э факих. Лидеры используют символы и невербальные каналы коммуникации для контроля над социальными группами с целью утверждения в сознании индивидов неизбежности наказания за нарушение

традиционных ценностных установок [9]. В политической системе КНР лидеру уделяется значительное место, что нашло отражение в приспособлении теории обмена «лидеры-последователи» (Leader Member Exchange – LMX) Дж. Граэна и М. Уль-Бьен к китайской специфике. Но большей эвристической ценностью обладает концепция патерналистского лидерства. Фарх и Чэн выделили три компонента этой модели: авторитаризм, доброжелательность и моральный авторитет, которые базируются на культурных традициях конфуцианства и легизма, уходящих корнями в глубокое прошлое [18].

Обратимся к анализу прав и свобод. В основополагающих документах этих государств, с одной стороны, провозглашаются различные свободы и равноправие, но, с другой стороны, наблюдается ряд ограничений. Так, в конституции Ирана зафиксированы основные права (ст. 19–42): равенство всех вне зависимости от пола, расы, цвета кожи, языка, гарантия прав женщин, тайна переписки, неприкосновенность личности и жилища, запрет на пытки и принуждения, принцип презумпции невиновности, право на судебную защиту, запрет на порицание взглядов, свобода прессы, собраний и демонстраций, партий и общественных объединений, но если это не причиняет ущерб основам ислама, ибо ислам джафаритского толка признается государственной религией. При этом в ст. 14 фиксируется, что из религиозных меньшинств только зороастрийцы, иудеи и христиане обладают правом легально отправлять религиозные обряды в рамках закона, руководствоваться в гражданских делах и в сфере религиозного воспитания нормами своей религии [14, с. 14].

Таким образом, демократические принципы отделения церкви от образования, государства и экономики, свободы вероисповедания не отражены в политико-правовой системе Ирана. В то время как ст. 36 Конституции КНР признает

свободу вероисповедания, как и весь комплекс прав человека и гражданина (политические, социальные, гуманитарные права) (ст. 33–50).

Сравнивая политические системы этих стран, обращает на себя внимание такой аспект, как наличие силового принципа руководства в Иране и бюрократического – в Китае. Это отсылает нас к традициям в общественно-политическом развитии этих стран. Китай с древних времен сформировался как бюрократическая цивилизация, где в иерархической социальной структуре разных эпох чиновники-ученые ши занимали высшие страты сразу после императора или, в случае после завоеваний Китая кочевниками (чжурчжэнями, монголами и маньчжурами), после военной аристократии. В этой связи руководящая и доминирующая роль Компартии в политической системе Китая не является необычным явлением, а даже закономерным. КПК предстает огромной бюрократической машиной, от которой зависит принятие важных политико-управленческих и государственных решений.

В Иране же со времен древней Персидской державы элемент силы, вооруженного подчинения довлел над бюрократическим. В этой связи не удивляет и роль Корпусов стражей исламской революции (КСИР, стражей или пасдаров, Революционной гвардии или гвардии) в политической системе современного Ирана. Официально Корпус стражей появился 5 мая 1979 г. по решению верховного лидера Р. Хомейни (зарубежные авторы указывают иные даты: апрель или декабрь 1979 г. [19, р. 56; 20]), но реально организация уже существовала несколько месяцев, о чем упоминают К. Кацман, А. Альфонэ, В. И. Сажин [20; 21; 22].

Согласно ст. 150 Конституции Ирана, Корпус призван охранять революцию; функции и сфера ответственности КСИР определяются законом с учетом сотрудничества и взаимодействия с армией.

Весьма расплывчатое определение позволяет широко толковать возможность вмешательства КСИР в политику. В Конституции не определены «враги», от которых стражи обязаны защищать революцию, не указана роль КСИР в отношении внешних и внутренних угроз, в каком случае гвардия будет действовать как армия или как полицейская сила [20]. В 1982 г. меджлис утвердил постоянный устав КСИР, где в качестве функций указывается борьба с отдельными элементами или движениями, целью которых является саботаж или демонтаж ИРИ или действия против Исламской революции, с силами, ведущими вооруженную борьбу, с целью аннулировать авторитет законов ИРИ.

Изначально КСИР представлял собой военизированное формирование с автономной системой управления, но со времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг. шиитское духовенство наделило Корпус большими политическими, военными, организационными и карательно-репрессивными функциями, превратив гвардию в основную силу в структуре регулярных вооружённых формирований ИРИ и политической системе страны в целом [22, с. 90]. Численный состав КСИР быстро рос: в мае 1979 г. тегеранский отряд «пасдаров» (стражников) насчитывал не более 6 тыс. человек, в апреле 1980 г. в КСИР состояло 40 тыс. На 2016 г. сухопутные силы КСИР насчитывали уже около 100 тыс. военнослужащих, а военно-морские силы стражей – 20 тыс. военнослужащих [23], что составляет $\frac{1}{4}$ от вооруженных сил страны в целом. В состав КСИР на сегодняшний момент включены сухопутные, военно-воздушные и военно-морские войска, силы сопротивления «Басидж» (в составе сухопутных войск) и силы специального назначения (ССН) «Кодс» [24, с. 34–35].

В системе высших политических органов Ирана В. И. Сажин и Ю. М. Бондарь выделили четыре уровня. К высше-

му уровню они отнесли рахбара, Совет старейшин (Совет экспертов), Совет хранителей Конституции (Наблюдательный Совет); второй уровень состоит из Высшего совета национальной безопасности, Совета по особым операциям, куда входит командующий КСИР; третий уровень представлен президентом и парламентом (меджлисом) страны, а в четвертый включены министерства, ведомства и правительственные организации [24, с. 31–33].

В. И. Сажин, Ю. М. Бондарь, В. Сергеев отмечают, что КСИР представляет собой государство в государстве, обладая, помимо военного потенциала, значительными рычагами в экономической сфере. Корпус контролирует самые эффективные отрасли национальной экономики (атомная энергетика, производство вооружения, транспортно-логистические и экспортно-импортные операции), и по определению лондонской Daily Telegraph за 2007 г. назван «бизнес-империей». КСИР является одним из крупных участников в разработке газового месторождения «Южный Парс», осуществляет прокладку газопровода в Пакистан и других важных инфраструктурных объектов [25].

Итак, КСИР является важной военно-политической структурой в политической системе Ирана, которая со временем трансформировалась в специфическую финансовую и промышленную монополию, контролирующую почти все самые значимые сферы национальной экономики.

Завершая сравнительный анализ ряда компонентов политической системы двух неавторитарных режимов, можно заключить, что отличительным элементом является доминирование КСИР в политической структуре Ирана, в то время как в Китае законодательно закреплено господство Компартии. Конституция КНР не предусматривает политический плюрализм, в отличие от Иранского основного закона. Но, тем не менее, в обоих государствах действуют различные поли-

тические партии, которые, по сути, являются политическими движениями, но не партиями в западном понимании. В обоих государствах отсутствует идеологический плюрализм: в Иране господствующими идеологическими принципами признаются основанные на шиизме, а в Китае в качестве общегосударственной идеологии признаны принципы, отраженные в Уставе КПК 2017 г. Лидерству в двух политических режимах уделяется огромное значение, но с тем лишь отличием, что в Китае его легитимность покоится на принципах традиционных конфуцианских и легистских ценностях, а в Иране – на шиитской модели уммы и власти. Законодательно прописаны все основные права и свободы человека и гражданина, но в Иране – с рядом ограничений.

Список литературы

1. Foot R. Chinese power and the idea of a responsible state // *China Journal*. Canberra, 2001. Is. 45. P. 21–35.
2. Gallagher M. *Authoritarian legality in China: law, workers, and the State* / University of Michigan. Ann Arbor: Cambridge University Press, 2017. 252 p.
3. Натан Э. Конфуций и избирательные урны. Почему «азиатские ценности» не мешают демократии [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 2012. 5 сент. URL: <http://www.globalaffairs.ru/book/Konfutcii-i-izbiratelnye-urny-15658> (дата обращения: 09.02.2018).
4. Landry P. *Decentralized authoritarianism in China*. Landry. New York: Cambridge Univ. Press, 2008. 295 p.
5. Карпов М. В. «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // *Восток*. 1996. № 3. С. 64–73.
6. Кремнёв Е. В. Политическая система и политический режим в КНР на современном этапе: подходы к определению // *Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit*. 2014. № 1(13). С. 6–11.
7. Смирнов Д. А. Российские исследования политической системы и права КНР // *Основные направления и проблемы российского китаеведения* / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 2014. С. 98–124.
8. Титаренко М. Л. О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 2. С. 3–24.
9. Воронин С. А. Эволюция политического лидерства в исламском мире в легитимизации политического лидерства в исламском мире во 2-й половине XX в. в контексте «третьего пути» (Индонезия, Ливия, Иран): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
10. Abbas S. R., Asim M. What is theocratic democracy: a case study of Iranian political system // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. No 8. P. 387–400.
11. Конституция КНР 1982 г. [Электронный ресурс]: [с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.] // Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (дата обращения: 06.02.2018).
12. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК [Электронный ресурс] // *China.org.cn*. 2017. 3 нояб. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-11/03/content_41842843.htm (дата обращения: 14.02.2018).
13. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // *China.org.cn*. 2017. 3 нояб. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 14.02.2018).
14. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 28.01.2018).

15. Вартанян А. М. Система современных политических партий Ирана и их идеологические программы [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2005. 15 июля. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3735#more-3735> (дата обращения: 08.02.2018).
16. Задонский С. М. Основные политические и политико-религиозные движения и группы в Исламской Республике Иран [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2002. 10 сент. URL: <http://www.iimes.ru/?p=104> (дата обращения: 28.01.2018).
17. Филин Н., Кокликов В. Президентская избирательная кампания в Иране 2017 г.: решение элит или выбор народа? // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 56–62.
18. Paternalistic leadership in Chinese organizations: research progress and future research directions / J. L. Farh, J. Liang, L. F. Chou, B. S. Cheng // Leadership and management in China philosophies, theories, and practices; ed. by Chao-Chuan Chen and Yueh-Ting Lee. New York: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 171–205.
19. Sinkaya B. The revolutionary guards and the Iranian politics: causes and outcomes of the shifting relations between the revolutionary guards and the political leadership in postrevolutionary Iran: in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of international relations. Middle East Technical University, 2011. 312 p.
20. Alfoneh A. The revolutionary guards' role in Iranian politics [Electronic resource] // Middle East Quarterly. 2008. Vol. 15 (4). P. 3–14. URL: <http://www.meforum.org/1979/the-revolutionary-guards-role-in-iranian-politics> (дата обращения 11.02.2018).
21. Katzman K. The warriors of Islam. Iran's Revolutionary Guard. Boulder: Westview Press, 1993. 192 p.
22. Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 3. С. 83–109.
23. Мощь Востока: каков военный потенциал Ирана [Электронный ресурс] // Информационное агентство России ТАСС. 2016. 17 апр. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3209054> (дата обращения: 06.02.2018).
24. Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 512 с.
25. КСИР Ирана – охранники, ставшие государством в государстве [Электронный ресурс] // Информационно-дискуссионный портал Newsland. 2013. 16 июня. URL: <http://newsland.com/user/4297739412/content/ksir-irana-okhranniki-stavshie-gosudarstvom-v-gosudarstve/4489742> (дата обращения: 06.02.2018).

Поступила в редакцию 28.03.18

UDC 321.64

V. N. Sadchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russia) (e-mail: vsadchenko@yandex.ru)

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOME COMPONENTS OF POLITICAL SYSTEMS OF MODERN NEOAUTHORITARY REGIMES OF IRAN AND CHINA

This work is devoted to the consideration and comparison of some elements of the political system of modern neo-authoritarian regimes of Iran and China. In the article the author paid attention to the existing definitions regard-

ing the definition of the political regime of these countries. The author conducted a comparative analysis of party development in the People's Republic of China and Iranian Islamic Republic, compared the declared basic rights and freedoms in the Constitutions of the two powers, compared the role of leadership on the basis of analysis of theoretical program work, regulations and a number of leadership theories

The Islamic Republic of Iran and the People's Republic of China, while possessing specific features of political development, nevertheless have a number of common components: traditionalism, the domination of relations of allegiance in the political sphere, the priority of the state and society over the individual, the special role of a strong personality and political leader. The work reflects specific elements inherent only to Iran or only to China.

The author drew attention to the dominance of power components in the adoption of political and managerial decisions in the political system of Iran by analyzing the role and place of the Islamic Revolutionary Guard Corps. The IRGC, having emerged to fight the political opponents of the Islamic regime in 1979, by the efforts of the Shiite clergy soon became an organ with significant political, organizational, armed and repressive functions.

The Chinese political system is characterized to a large extent not by a power, but by a bureaucratic element, which is caused by historical traditions, where for thousands of years the Shen Shi government officials have determined the functioning of the political institutions of this state. The Chinese Communist Party acts not only as a political party, but also as a large bureaucratic structure that determines the course of the country's domestic and foreign policy.

Key words: neo-authoritarianism, decentralized authoritarianism, hybrid regime, technocratic regime, theocratic authoritarianism, theocratic dictatorship, concept of welayat-el faqih, rahbar, paternalistic leadership theory, the Islamic Revolution Guards Corps, shi.

For citation: Sadchenko V. N. Comparative analysis of some components of political systems of modern neo-authoritarian regimes of Iran and China. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 127–135 (in Russ.).

References

1. Foot R. Chinese power and the idea of a responsible state. *China Journal*. Canberra, 2001, is. 45, pp. 21–35.

2. Gallagher M. *Authoritarian legality in China: law, workers, and the State*. University of Michigan. Ann Arbor, Cambridge Univ. Press, 2017. 252 p.

3. Natan Eh. Konfucij i izbiratel'nye urny. Pochemu "aziatskie cennosti" ne meshayut demokratii. *Rossiya v global'noj politike*, 2012, Sept. 5. URL: <http://www.globalaf-fairs.ru/book/Konfucii-i-izbiratelnye-urny-15658> (accessed 09.02.2018).

4. Landry P. *Decentralized authoritarianism in China*. Landry. New York, Cambridge University Press, 2008. 295 p.

5. Karpov M. V. "Socializm s kitajskim licom" ili kapitalizm po-kitajski? *Vostok*, 1996, no. 3, pp. 64–73.

6. Kremnyov E. V. Politicheskaya sistema i politicheskij rezhim v KNR na sovremennom ehtape: podhody k opredeleniyu. *Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostok*

tochnoj Sibiri *Magister Dixit*, 2014, no. 1(13), pp. 6–11.

7. Smirnov D. A. *Rossijskie issledovaniya politicheskoy sistemy i prava KNR. Osnovnye napravleniya i problemy rossijskogo kitaevedeniya*; ed. by N. L. Mamaeva. Moscow, Izd-vo "Pamyatniki istoricheskoy mysli", 2014, pp. 98–124.

8. Titarenko M. L. O fenomenе kitajskogo socializma (razmyshleniya po povodu diskussij o kitajskom socializme i itogov XVIII s"ezda KPK). *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 2, pp. 3–24.

9. Voronin S. A. *Ehvoljuciya politicheskogo liderstva v islamskom mire v legitimizacii politicheskogo liderstva v islamskom mire vo 2-j polovine XX v. v kontekste "tret'ego puti"* (Indoneziya, Liviya, Iran). Avtoref. diss. dokt. ist. nauk. Moscow, 2010.

10. Abbas S. R., Asim M. What is theocratic democracy: a case study of Iranian political system. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, no. 8, pp. 387–400.

11. Konstituciya KNR 1982 g.: [s izm. 1988, 1993, 1999, 2004 gg.]. Zakonodatel'stvo Kitaya. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (accessed 06.02.2018).
12. Polnyj tekst Ustava KPK, priyatogo s chastichnymi popravkami 19-m Vsekitajskim s"ezdom KPK. China.org.cn, 2017, Nov. 3. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-11/03/content_41842843.htm (accessed 14.02.2018).
13. Polnyj tekst doklada, s kotorym vystupil Si Czin'pin na 19-m s"ezde KPK. China.org.cn, 2017, Nov. 3. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 14.02.2018).
14. Konstituciya Islamskoj Respubliki Iran. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (accessed 28.01.2018).
15. Vartanyan A. M. Sistema sovremennyh politicheskikh partij Irana i ih ideologicheskie programmy. Institut Blizhnego Vostoka, 2005, July 15. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3735#more-3735> (accessed 08.02.2018).
16. Zadonskij S. M. Osnovnye politicheskie i politiko-religioznye dvizheniya i gruppy v Islamskoj Respublike Iran. Institut Blizhnego Vostoka. 2002. Sept. 10. URL: <http://www.iimes.ru/?p=104> (accessed 28.01.2018).
17. Filin N., Koklikov V. Prezidentskaya izbiratel'naya kampaniya v Irane 2017 g.: reshenie ehlit ili vybor naroda? Aziya i Afrika segodnya, 2017, no. 10, pp. 56–62.
18. Farh J. L., Liang J., Chou L. F., Cheng B. S. Paternalistic leadership in Chinese organizations: research progress and future research directions. Leadership and management in China philosophies, theories, and practices; ed. by Chao-Chuan Chen and Yueh-Ting Lee. New York, Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 171–205.
19. Sinkaya B. The revolutionary guards and the Iranian politics: causes and outcomes of the shifting relations between the revolutionary guards and the political leadership in postrevolutionary Iran: in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of international relations. Middle East Technical University, 2011. 312 p.
20. Alfoneh A. The revolutionary guards' role in Iranian politics. Middle East Quarterly, 2008, vol. 15 (4), pp. 3–14. URL: <http://www.meforum.org/1979/the-revolutionary-guards-role-in-iranian-politics> (accessed 11.02.2018).
21. Katzman K. The warriors of Islam. Iran's Revolutionary Guard. Boulder, Westview Press, 1993. 192 p.
22. Sazhin V. I. Korpus strazhej islamskoj revolyucii Irana – gosudarstvo v gosudarstve. Kontury global'nyh transformacij, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 83–109.
23. Moshch' Vostoka: kakov voennyj potencial Irana. Informacionnoe agentstvo Rossii TASS, 2016, April 17. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3209054> (accessed 06.02.2018).
24. Sazhin V. I., Bondar' Yu. M. Voen'naya moshch' Islamskoj Respubliki Iran. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2014. 512 p.
25. KSIR Irana – ohranniki, stavshie gosudarstvom v gosudarstve. Informacionno-diskussionnyj portal Newsland, 2013, June 16. URL: <http://newsland.com/user/4297739412/content/ksir-irana-okhranniki-stavshie-gosudarstvom-v-gosudarstve/4489742> (accessed 06.02.2018).

УДК 339:321

О. А. Проколова, руководитель Блока корпоративного взыскания, ПАО Бинбанк (Москва, Россия) (e-mail, olgapro.msk@gmail.com)

С. В. Мамонтова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: efv05@mail.ru)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ КЛИЕНТОВ КОРПОРАТИВНОГО БИЗНЕСА

В статье рассмотрены проблемы финансового характера, связанные с погашением займов в банках. Речь идет о реструктуризации задолженности клиентов, которых можно отсегментировать, как испытывающие трудности, добросовестные, желающие урегулировать задолженность. Рассмотрены как всем известные, так и новые подходы к урегулированию проблемной задолженности корпоративных клиентов. Представлена динамика роста проблемной задолженности, методика её расчета. Сегменты рынка, имеющие наибольший удельный вес просроченной задолженности в портфеле банков, – это следующие виды деятельности: строительство, сельское хозяйство, оптово-розничная торговля, обрабатывающее производство.

Подчеркнута и обоснована эффективность реструктуризации, ее преимущество по сравнению с процедурами банкротства, взыскания, ликвидации. Все это идет вразрез с бытующим мнением, что банки нацелены забрать денежные средства в любом объеме, любыми способами. Соответственно меняется система взыскания долгов, как на основе стандартных видов реструктуризации, используя всем известные инструменты: изменение срока исполнения обязательств (продолжения); изменение графика и условий погашения кредита; изменение вида кредитных продуктов; изменение вида обязательства (новация); изменение стороны в обязательстве (перевод долга, цессия), так и инновационных. Что понимается под инновационными методами взыскания, это нестандартный подход на реструктуризацию: заключение мирового соглашения в банкротстве, «Межкредиторское» соглашение, синдицированная реструктуризация. Перечисленные методы детально рассмотрены в статье, подчеркнуты преимущества, проблемы с которыми приходится сталкиваться в процессе реструктуризации, весь алгоритм действий, их участников, политика, которую должны проводить банки в соответствии с обеспечением нормативно-правового регулирования реструктуризации кредитов.

Ключевые слова: банк, займы, погашение кредиторской задолженности, клиент, реструктуризация, платежеспособность субъектов экономики, правовые основания, федеральное законодательство, политика государства.

Ссылка для цитирования: Проколова О. А., Мамонтова С. В. Политико-правовые основания реструктуризации задолженности клиентов корпоративного бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 136–142.

Проблемы финансового характера, возникающие в процессе погашения кредита, могут возникнуть у любого заемщика, что сегодня и наблюдается в условиях нестабильности и кризисной ситуации экономики страны. В соответствии с законом «О банкротстве» [1], к реструктуризации прибегают не только проблемные заемщики, но и сами банкиры, которые не хотят доводить дело до суда. Однако возникает вопрос: насколько действенным механизмом является процесс реструктуризации, выгоден ли он в решении финансовых проблем?

Суть реструктуризации займа заключается в изменении условий кредитного договора. Это может быть: снижение ежемесячной суммы платежа, про-

лонгация кредита, кредитные каникулы, изменение валюты кредитования, снижение ставки по кредиту, списание неустойки и другие подходы, тем самым банк снижает долю просроченной задолженности, т. е. заботится о качестве своего портфеля, кроме того, не тратит средства на иск. Следовательно, преимущества реструктуризации очевидны, как для заемщика, так и для банка. В этой связи предлагаем рассмотреть как хорошо всем известные виды задолженности и их реструктуризация, так и те, которые на сегодня малоприменимы, но, надеемся, завтра будут применяться всеми банками.

На сегодняшний день, когда платежеспособность субъектов экономики и индивидов падает, наблюдается рост

проблемной задолженности. Сложившаяся экономическая ситуация диктует новые подходы к урегулированию проблемной задолженности корпоративных клиентов. Сразу поясним, речь пойдет о реструктуризации задолженности клиентов, которых можно отсегментировать, как: испытывающие трудности, добросовестные, желающие урегулировать задолженность [2, с. 79].

С июля 2014 по июль 2015 г. прирост проблемной задолженности корпоративных клиентов ПАО Бинбанк составил 64%¹. Расчет осуществлялся на основе статистических данных ЦБ РФ [3]. Для получения итоговой цифры на определенную дату складывалось два показателя (оба – на ту же дату): 1) сведения о просроченной задолженности по кредитам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в рублях по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств (региональный разрез); 2) сведения о просроченной задолженности по кредитам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в иностранной валюте и драгоценных металлах по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств (региональный разрез). Бралась цифра в целом по России.

Из отчета Банка России [4, с. 93] о развитии банковского сектора и банковского надзора за 2014 г. следует, что самый большой удельный вес просроченной задолженности в портфеле банков занимают ссуды по следующим видам деятельности: 10% – строительство; 8,2% – сельское хозяйство; 5,7% – оптово-розничная торговля (самый тяжелый для взыскания сегмент, как правило, необеспеченные ссуды ТМЦ); 4,7% – обрабатывающее производство. Это свидетельствует о том, что предприятия сего-

дня терпят тяжелейший финансовый кризис.

Еще вчера банки шли по следующему пути: кто первым подаст в суд или на банкротство, тот и выиграет. Подача заявления в суд стимулировала должника изыскать денежные средства и погасить кредит. Однако сегодня картина иная. Должник не в состоянии погасить задолженность без остановки деятельности предприятия. И мы все понимаем, что в результате такой остановки без денег останутся все. Возникает вопрос: «Взыскать нельзя, реструктурировать!». И так, сегодня мы все стоим перед выбором, где ставить запятую [5, с. 85]. Процедура взыскания становится более дорогостоящей и менее эффективной с точки зрения возврата, способом работы с проблемными активами (ПА). Возникает необходимость формирования РВПС на всю сумму долга, судебные издержки, расходы на привлеченных специалистов и т. д.

Фактически, мы приходим к выводу о том, что урегулирование задолженности посредством реструктуризации долга является более эффективным для банков, и доказательством тому являются открытые данные, приведенные в отчете ЦБ: «Объем реструктурированных крупных ссуд юридическим лицам за 2014 год вырос на 44,1% до 2,8 трлн руб. (на конец 2014 года на реструктурированные ссуды приходилось 26,2% совокупного портфеля крупных ссуд), 60,4% из них – пролонгированные ссуды».

Положительные стороны реструктуризации состоят в следующем:

- постепенное улучшение качества обслуживания ссуды и, как следствие – снижение резерва;
- улучшение качества кредитного портфеля (вытекает из первого), снижение просрочки;
- сохранение бизнеса действующих предприятий;
- сокращение расходов на взыскание;
- получение дополнительного дохода за счет обслуживания кредита.

¹ Данные по 2015 г. рассчитаны на основе статистических данных ЦБ «Сведения о размещенных средствах». URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=sors>.

Все это идет вразрез с бытующим мнением, что банки нацелены на взыскание, банкротство, ликвидацию, лишь бы забрать денежные средства в любом объеме.

Считаем, что нет смысла подробно останавливаться на известных видах реструктуризации, т. к. профессионалы в области взыскания и работы с ПА хорошо знакомы с ними, поэтому позволим перечислить виды, ставшие в своем роде инструментом в работе с проблемной задолженностью. И на сегодня ни один банк не обходится без этих инструментов. Это изменение: 1) срока исполнения обязательств (продлонгация); 2) графика и условий погашения кредита; 3) вида кредитных продуктов; 4) вида обязательства (новация); 5) стороны в обязательстве (перевод долга, цессия).

Дополнительные инструменты, применяемые в ходе структурирования сделок по реструктуризации: 1) выдача кредита новому заемщику на покупку прав требования по проблемному кредиту (несомненное преимущество – получение нового «хорошего» клиента, зачастую с усилением обеспечения); 2) соглашения об отступном для частичного погашения задолженности. Ликвидное имущество отлично продается с баланса банка (при принятии на баланс имущества должника банк проводит экспертизу (правовую, техническую) и продает «очищенный» объект); 3) удержание залогового или иного имущества должника до полного погашения долга¹; 4) вхождение в капитал компании с опционом на выкуп акций после погашения долга. Эксклюзивный вид, очень действенен для развивающегося бизнеса, бенефициары

¹ Как правило, данный инструмент хорош для краткосрочного удержания от 6 до 12 месяцев. Связано это с резервированием. Если имущество не будет реализовано в течение года, то со следующего года начинается процесс создания резерва. Преимущества: задолженность уходит с баланса, восстанавливается 100% резерв. В условия такого соглашения включается обязательное покрытие расходов на содержание и страхование имущества при обратном выкупе, а также право банка проводить поиск потенциальных покупателей.

которого заинтересованы в его развитии и сохранении. Как правило, опцион фиксирует цену обратного выкупа в размере суммы долга, а также дивидендов за время удержания акций/долей. Каждый банк наверняка имеет свои ноу-хау. Это: 1) заключение мирового соглашения в банкротстве; 2) «межкредиторское» соглашение; 3) синдицированная реструктуризация. На этих видах предлагаем остановиться более подробно.

В широком смысле слова реструктуризация – изменение первоначальных условий, вида обязательства. Реструктуризация через процедуру мирового соглашения в банкротстве. Почему мировое соглашение можно отнести в банкротстве к вариантам реструктуризации? Потому, что он изменяет первоначальные условия кредита, иногда с применением новации, как, например, погашение долгов, включенных в РТК путем обмена их на векселя должника или третьего лица. Зачастую это также изменение срока погашения. Участниками являются: должник, конкурсный управляющий, кредиторы, уполномоченный орган, включенные в реестр требований кредиторов, третьи лица.

Особенности состоят в том, что имеет признаки судебного способа урегулирования, однако процедура банкротства и судебный процесс используются исключительно в целях фиксации задолженности всех кредиторов, а также недопущения преимущественного погашения требований одних кредиторов перед другими. Кроме того, дает должнику некоторую передышку от требований кредиторов. Возникающие сложности:

1) необходимость погашения задолженности в бюджет (т. к. срок рассрочки по платежам в бюджет ограничен 1 годом);

2) вероятность повторного банкротства по инициативе кредитора, не включенного в РТК;

3) принятие решения о заключении мирового соглашения только при согласии всех залоговых кредиторов.

«Межкредиторское» соглашение в чистом виде новелла ГК РФ [8], ст. 309.1, 309.2. Что это такое?

Участники: 1) кредиторы; 2) должник (необязательно).

Особенности:

1. Соглашение о порядке удовлетворения требований к должнику заключается между кредиторами и не изменяет обязательства для должника.

2. Кредиторы не вправе совершать действия, направленные на получение исполнения от должника в нарушение условий соглашения.

3. Должник может быть включен в соглашение в целях уведомления о соглашении.

Статьей 309.1 предусматривается возможность заключения между кредиторами одного должника по однородным обязательствам особого соглашения – о порядке удовлетворения их требований к должнику. Предполагается, что такие соглашения могут установить очередность получения исполнения от должника и вообще урегулировать различные вопросы взаимоотношений кредиторов по поводу получения исполнения.

Важно учитывать, что сторонами соглашения, о котором идет речь в ст. 309.1, являются только кредиторы, но не сам должник. По этой причине оно не создает обязанностей для него, а также для любых третьих лиц, и по этой же причине получать согласие должника и даже уведомлять его о заключении соглашения не требуется. Но при этом необходимо иметь в виду, что соглашение не может изменять условия обязательств между соответствующим кредитором и должником: для должника они остаются неизменными, включая размер обязательств, сроки и порядок их исполнения. В случае же, если стороны намерены изменить такие условия и сделать их обязательными для должника, они должны включить его в состав сторон заключаемого соглашения или заключить с ним отдельные двусторонние соглашения.

Когда может применяться? Несколько кредиторов, в том числе банки, которые полагают, что:

– должник не в состоянии удовлетворить все требования в установленные сроки (договором, законом);

– должник находится в предбанкротном состоянии, в целях пропорционального исполнения.

В связи с этим возникает вопрос: какова судьба данного соглашения, будет ли оно «работать» в случае, если в отношении должника судом принято заявление о банкротстве? Следует предположить, что нет, особенно, если исполнение такого соглашения не повлекло за собой преимущественного удовлетворения. Пока по этому виду реструктуризации больше вопросов, на практике этого не встречалось.

Кроме того, это совершенно особый вид реструктуризации, т. к. изменяются первоначальные условия погашения/исполнения только для кредиторов – односторонняя реструктуризация. Тем не менее, данное новшество продиктовано необходимостью внесудебного урегулирования долгов.

Под синдицированной реструктуризацией следует понимать изменение первоначальных основных условий кредитов, предоставленных двумя или несколькими банками, на общих для всех участников условиях, и с привлечением для целей ее (реструктуризации) реализации специального агента, функции которого могут быть возложены на одного из участников.

Итак, участники: 1) организатор (инициатор); 2) кредиторы – банки; 3) прочие кредиторы; 4) должник; 5) ЦБ; б) лица, вовлеченные в сделку.

Особенности:

1. Подписание информационного меморандума.

2. Составление протокола о намерениях.

3. Формирование синдиката.

4. Заключение договора/соглашения о синдицированной реструктуризации.

5. Соблюдение принципа демократии при принятии решений в синдикате.

6. Дополнительное кредитование в размере пропорционально весу задолженности.

Преимущества заключаются в следующем:

– для заемщика: более выгодные условия кредитования; выстраивание взаимодействия с несколькими банками; улучшение финансового состояния, сохранение бизнеса;

– для кредиторов: более высокий показатель возвратности, оптимизация РВПС; повышение ликвидности актива, залога; упрощение процедуры взыскания (прописана в соглашении); доходность за счет комиссий и процент;

– для инвесторов: базовый актив для применения финансовых инструментов; возможность инвестирования и получения прибыли.

Виды синдицированной реструктуризации те же, что и при стандартной реструктуризации. Важно, что до заключения соглашения о синдицированной реструктуризации преддоговорные отношения сторон.

Предварительная стадия – определение участников, согласование позиций участников: инициатор – заемщик, банк-кредитор; организатор – агент или банк-кредитор.

На наш взгляд, достижению цели синдицированной реструктуризации будет способствовать наличие специализированного организатора – не кредитора. Тут самое время вспомнить, что законодатель уже ввел такую процедуру – это процедура медиации, нашедшая свое отражение в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» [7], а также в процессуальных нормах АПК РФ [8], Федеральном законе «О третейских судах» [9] и т. д., и такого агента, как дипломированный медиатор.

Поскольку медиатор незаинтересованное лицо, его задача привести сторо-

ны к соглашению, условия которого они выработают сами.

Основные задачи организатора:

– администрирование всех вопросов;
– определение синдиката;
– координация действий участников;
– представление интересов синдиката;

– контроль исполнения участниками протокола;

– требование досрочного возврата кредита при неисполнении заемщиком условий.

Алгоритм и документы:

1. Ходатайство инициатора кредиту/ам является началом процесса: назначения организатора, условия такого назначения, приглашение кредиторам участвовать в синдикате.

2. Организатор составляет информационный меморандум: инфо о заемщике, деятельности, кредиторах, условиях реструктуризации.

3. Направляет на согласование заемщику до направления кредиторам с предложением участвовать в синдикате.

4. После согласования с заемщиком проведение встреч/переговоров с кредиторами, выработка условий.

5. Итог: протокол о намерениях. Подписывается всеми участниками и обязан исполняться.

6. После формирования синдиката, согласования с кредиторами условий, стадия подготовки и подписания документации по синдицированной реструктуризации.

7. Подписание соглашения о синдицированной реструктуризации.

После подписания соглашения действие ходатайства и обязанности организатора могут прекращаться в полном объеме или частично. Полномочия по контролю могут быть предоставлены либо организатору, либо одному из банков.

Соглашение содержит следующие условия: предмет – правоотношения между заемщиком и кредиторами; дополнительное финансирование; проценты; неустойки/штрафы; заверения и га-

рантии; ковенанты; последствия неисполнения; соглашение о взыскании.

Проблемы межбанковского взаимодействия: разная стоимость фондирования; отсутствие у многих банков опыта кооперативной работы в качестве сокредиторов; высокий уровень взаимного недоверия между банками; отсутствие стандартной КОД, недостатки нормативно-правового регулирования. Возможные пути решения:

- создание стандартизированного продукта синдицированной реструктуризации для применения банками;

- осуществление государством (регулятором) поддержки в части предоставления фондирования под синдицированную реструктуризацию, создания особого режима резервирования реструктурированных таким образом ссуд;

- объединение банков и выработка общей стратегии в области реструктуризации с участием нескольких банков (АРБ);

- обеспечение нормативно-правового регулирования реструктуризации кредитов с использованием особого режима создания резерва, а также «послабления» в отношении банков, применяющих реструктуризацию в целях сохранения производственных предприятий МСБ и ККБ.

Основная идея, которая объединяет все виды реструктуризации, – это добровольная основа. На наш взгляд, это тот самый ключ к успеху: к сохранению доверия к банковскому сектору, поддержке предприятий – производителей, сельскохозяйственных товаропроизводителей, коммунального хозяйства и т. д., стабилизации экономической ситуации в стране.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 20.10.2017).

2. Мичурина Е. А. Роль обеспечения исполнения обязательств в системе кредитных отношений // Вестник Поволжского института управления. 2013. №5 (38). С. 79–85.

3. Сведения о размещенных и привлеченных средствах [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=sors>. (дата обращения: 20.10.2017).

4. Вадбольская Е. В. Дискреционные полномочия Центрального банка Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2011. №3. С. 93–99.

5. Проказина Н. В., Иванова А. А. Социальная ответственность коммерческих банков России: социологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2016. №5 (56). С. 85–92.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.10.2017).

7. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации) [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2010 №193-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 20.10.2017).

8. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: [ред. от 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 20.10.2017).

9. О третейских судах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2002 №102-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831/ (дата обращения: 20.10.2017).

Поступила в редакцию 04.02.18

UDC 339:321

O. A. Prokopova, Head of the Corporate Penalty Unit, PJSC Binbank (Moscow, Russia) (e-mail: olgapro.msk@gmail.com)

S. V. Mamontova, Candidate of Economic Science, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: efv05@mail.ru)

POLITICAL AND LEGAL GROUNDS OF RESTRUCTURING OF DEBT OF CLIENTS OF CORPORATE BUSINESS

In the article the problems of financial nature connected with repayment of loans in banks are considered. It is about restructuring the debt of clients, which can be segregated, as: experiencing difficulties, honest, willing to settle debts. Both well-known and new approaches to resolving problem debts of corporate clients are considered.

The dynamics of height of problem debt, methodology of her calculation, is presented. Market segments, having most specific gravity of outstanding debt in the brief-case of banks it is next types of to activity: building, agriculture, wholesale-retail trade, processing production. Efficiency of restructuring, her advantage, is underline and reasonable as compared to procedures of bankruptcy, penalty, liquidation. All of it counter to existing opinion, that jars are aimed, to take away monetary resources in any volume, by any methods. The system of penalty of debts changes accordingly, as on to basis of standard types of restructuring, using to all well-known instruments: change of term of execution of obligations (prolongation); change of chart and terms of credit redemption; change of type of credit products; change of type of obligation (innovation); a change of side is in an obligation (translation of debt,), so innovative. That is understood under the innovative methods of penalty, it is non-standard approach on restructuring: conclusion of world treaty in bankruptcy, "Intercreeitor" agreement, синдицированная restructuring. The enumerated methods in detail are considered in the article, advantages are underline, problems with that it is necessary to clash in the process of restructuring, all algorithm of actions, their participants, politics that jars must conduct in accordance with providing of the normatively-legal adjusting of restructuring of credits.

Key words: Bank, loans, repayment of accounts payable, customer, restructuring, solvency of economic entities, prolongation, loans, Borrower, transactions, agreements.

For citation: Prokopova O. A., Mamontova S. V. Political and legal grounds of restructuring of debt of clients of corporate business. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 136–142 (in Russ.).

References

1. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): feder. zakon ot 26.10.2002 No 127-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed 20.10.2017).

2. Michurina E. A. Rol' obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv v sisteme kreditnyh otnoshenij. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2013, no. 5 (38), pp. 79–85.

3. Svedeniya o razmeshchennyh i privlechennyh sredstvakh. Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=sors>. (accessed 20.10.2017).

4. Vadbol'skaya E. V. Diskreционnye polnomochiya Central'nogo banka Rossijskoj Federacii. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2011, no. 3, pp. 93–99.

5. Prokazina N. V., Ivanova A. A. Social'naya otvetstvennost' kommercheskih bankov Rossii: sociologicheskij podhod.

Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2016, no. 5 (56), pp. 85–92.

6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): feder. zakon ot 30.11.1994 No 51-FZ: [red. ot 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed 20.10.2017).

7. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedura mediacii): feder. zakon ot 27.07.2010 No 193-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed 20.10.2017).

8. Arbitrazhno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24.07.2002 No 95-FZ: [red. ot 29.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 (accessed 20.10.2017).

9. O tretejskih sudah v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24.07.2002 No 102-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831/ (accessed 20.10.2017).

УДК 321

А. А. Крылов, аспирант, Среднерусский институт управления – Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия) (e-mail: krylov_aa@mail.ru)

«ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ» КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Внедрение современных информационных технологий существенно изменило процесс функционирования демократических институтов. Деятельность власти стала более открытой, доступной для населения. В свою очередь, общество получило множество реальных инструментов влияния на власть. В результате этого создаются возможности для значительного увеличения эффективности государственного управления в России. Вместе с тем, помимо очевидных преимуществ, которые дает процесс внедрения ИКТ, существует ряд опасностей, которые характерны для субъектов взаимодействия.

Современные ИКТ, переход значительной части гражданской активности в интернет-пространство заставляют разрабатывать специальное законодательство не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Грамотная проработка нормативных актов, закрепляющих диалоговые механизмы власти и общества, их апробация и тиражирование лучших практик является ключевым инструментом стимулирования гражданской активности, развития электронного участия, вовлечения в процесс реализации государственного управления на региональном уровне и т. д.

Создание эффективных электронных механизмов взаимодействия власти и общества позволяет сближать властный и общественный сектора, учитывать мнение граждан в процессе принятия властных решений, снижать социальную напряженность в регионах России, повышать социальную удовлетворенность граждан от действий органов власти.

В настоящей статье представлен анализ усилий руководства страны по развитию «электронного участия» в политической сфере и государственном управлении.

Ключевые слова: электронное участие, интернет-пространство, государственная политика, политическая активность, гражданская активность.

Ссылка для цитирования: Крылов А. А. «Электронное участие» как форма политической и гражданской активности в интернет-пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2(27). С. 143–148.

В настоящее время существует большое количество исследований использования инструментов электронной демократии для вовлечения граждан в процессы общественно-политического участия. Подробный анализ данных практик дается в статьях Д. Ишматовой [1], А. Голубевой [2], И. Бронникова [3; 4], Т. Мельниковой [5], П. Меркулова, Е. Малик, А. Мельникова [6], Е. Устинович [7; 8] и др.

Основой для внедрения и реализации электронного участия граждан является Интернет, доступный через различные каналы доступа (беспроводная сеть, мобильный интернет, интерактивное телевидение и т. д.).

Организация экономического сотрудничества и развития и Организация Объединенных Наций предлагают разли-

чать «три уровня электронного участия, отражающих степень вовлеченности граждан: информирование, консультирование и активное участие, соответствующие трем основным целям – увеличению информационной доступности и открытости, более широкому вовлечению граждан в дискуссии по различным политическим и социально значимым проблемам и расширению прав и возможностей граждан в определении политики» [9].

На уровне руководства России уделяется особое внимание процессу развития инструментов электронной демократии. Так, в 2012 г. была разработана концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г., а также создано Управление Президента Российской Федерации по при-

менению информационных технологий и развитию электронной демократии [10].

В рамках Концепции развития инструментов электронной демократии в Российской Федерации до 2020 г. предусмотрена работа по развитию: «1) механизмов электронного голосования; 2) механизмов сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line; 3) механизмов формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий; 4) механизмов сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти; 5) механизмов общественного онлайн-управления на муниципальном уровне» [8].

Наиболее активное внедрение инструментов электронной демократии в России начало происходить с 2012 г. Так, на выборах Президента РФ, прошедших 4 марта 2012 г., все избирательные участки в стране были оборудованы системой видеонаблюдения, которая передавала сигнал на специально созданный сайт. Любой желающий мог в режиме он-лайн наблюдать ход голосования практически в любой точке России.

В 2013 г. во исполнение Указа Президента Российской Федерации запущен интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», расположенный на доменном имени oi.ru [11]. Главная задача данного проекта, по мнению его создателей, состоит в развитии и укреплении гражданского общества, защиты прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства. Любой гражданин старше 18 лет, зарегистрированный на портале государственных услуг (gosuslugi.ru), может выдвигать свою инициативу для рассмотрения ее со стороны органов власти. Инициатива

гражданина находится в публичном доступе, в случае поддержки данной инициативы со стороны установленного количества пользователей сети Интернет она обязана быть рассмотрена соответствующим органом государственной власти [12].

С 1 января 2013 г. в законную силу вступил Указ Президента Российской Федерации No 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [13].

Действия российских властей в деле развития инструментов электронной демократии находят положительный отклик среди граждан. Так, по результатам совместного всероссийского исследования ВЦИОМ и «Экспертного центра электронного государства» [14] 80% респондентов поддерживают идею создания в России электронной демократии; 41% опрошенных понимают под термином «электронная демократия» право высказывать свои убеждения в Интернете; 25% понимают под ним процесс взаимодействия граждан, властей, организаций на специальных интернет-сайтах; 13%, говоря об электронной демократии, понимают избрание органов власти путем голосования в Интернете; 6% понимают под электронной демократией интернет-сайты партий и движений.

Как видно, значительное число опрошенных не видят разницы между электронной демократией и электронным правительством, а наибольшее количество (41%) и вовсе воспринимают её как «право на слово» в Интернете. Главными инициаторами внедрения инструментов электронной демократии, по мнению респондентов, должны стать государство (50%), сами граждане (22%) и общественные организации (16%). Наиболее востребованными в настоящее время механизмами электронной демократии, по мнению опрошенных, являются:

– возможность давать независимые оценки работе ведомств и организаций (32%);

– проведение опросов, обсуждений и голосований по актуальным темам (22%);

– возможность подачи коллективных обращений, петиций (21%);

– участие граждан в формировании законодательных инициатив (10%).

Респонденты называют следующие препятствия на пути развития электронной демократии в России:

– недостаточная активность населения, отсутствие спроса (44%);

– недостаточная распространенность Интернета (37%);

– слабый уровень политической поддержки проекта (22%);

– отсутствие законодательной базы (19%).

Как видно из результатов данного исследования, действия российских властей по внедрению современной инфраструктуры электронной демократии являются адекватным ответом на существующий в обществе запрос на их развитие.

Важной особенностью является внедрение интегрированного подхода в процессе создания такого рода инфраструктуры. Так, ресурс электронной демократии «Российская общественная инициатива» создан на базе ресурса электронного правительства «Портал государственных услуг». Это сделано для обеспечения единой авторизации пользователей в рамках единой инфраструктуры электронного общества. Каждый участник электронного общества обретает свой виртуальный образ, который может быть использован им в процессе коммуникации с органами государственной власти в различных аспектах. Данный факт демонстрирует процесс инкорпорирования представителей традиционного общества, прежде всего активной его части, вступающей в контакт с государственными органами разного рода, в виртуальное пространство.

Стоит отметить, что в случае реализации этих принципов неизбежен перенос сетевой активности пользователей в реальную жизнь. Это ведет к более обстоятельному изучению проблем, поднимаемых пользователями.

Своеобразным экспертным контролем можно считать появление в последнее время ряда интеллектуальных продуктов, посвященных исследованию процесса открытости органов власти. Среди них можно выделить Рейтинг информационной открытости глав субъектов РФ Национальной службы. Данный рейтинг построен на основе анализа свыше 500 федеральных и 7 000 региональных изданий: ТВ, радио, пресса, информационные агентства и Интернет-СМИ. При анализе блогов учитываются только официальные аккаунты российских губернаторов на платформах Twitter, LiveJournal и Instagram, а также stand-alone блоги¹. Рейтинг выходит в ежемесячном режиме [15].

Реальный, «оффлайновый» прообраз реализации концепции «web 3.0» в России появился после выхода Указа Президента № 601. В данном Указе сказано, что при всех органах исполнительной власти в Российской Федерации должны быть сформированы общественные советы. Одной из главных задач общественных советов является экспертиза нормативно-правовых актов, выпускаемых соответствующим органом исполнительной власти [16].

Переноса данную инициативу в сетевое пространство, можно предположить, что в перспективе все проекты нормативно-правовых актов будут публиковаться в сети Интернет с целью их проработки и одобрения/неодобрения со стороны общественности. Активное внедрение идеи «web 3.0» в перспективе будет способствовать объединению и слиянию систем электронного правительства и электронной демократии. Данный

¹ Под данным определением имеется в виду блог, созданный частным лицом или группой лиц, программное обеспечение и содержимое которого находится под управлением его владельца.

процесс может повлечь за собой появление новых форм сетевой активности. Для того чтобы иметь возможность предсказать их основные характеристики, следует обратиться к базовым исследованиям в области развития коммуникационной активности.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что внедрение современных информационных технологий существенно изменило процесс функционирования демократических институтов [7; 8]. Деятельность власти стала более открытой, доступной для населения. В свою очередь, общество получило множество реальных инструментов влияния на власть. В результате этого создаются возможности для значительного увеличения эффективности государственного управления в России. Вместе с тем, помимо очевидных преимуществ, которые дает процесс внедрения ИКТ, существует ряд опасностей, которые характерны для субъектов взаимодействия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что современные ИКТ, переход значительной части гражданской активности в интернет-пространство заставляет разрабатывать специальное законодательство не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Грамотная проработка нормативных актов, закрепляющих диалоговые механизмы власти и общества, их апробация и тиражирование лучших практик являются ключевым инструментом стимулирования гражданской активности, развития электронного участия, вовлечения в процесс реализации государственного управления на региональном уровне и т. д. [6] Создание эффективных электронных механизмов взаимодействия власти и общества позволяет сближать властный и общественный сектора, учитывать мнение граждан в процессе принятия властных решений, снижать социальную напряженность в регионах России, повышать социальную удовлетворенность граждан от действий органов власти.

Список литературы

1. Ishmatova D., Golubeva A. e-Democracy in Russia: Establishing a habit of political awareness and participation. St. Petersburg, 2012. 25 p.

2. Голубева А. А., Ишматова Д. Р. Электронная демократия в России: формирование традиции политической осведомленности и участия [Электронный ресурс] // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. №4. С. 50–65.

3. Бронников И. А. Электронный референдум как фактор повышения гражданского участия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. №1. С. 104–111.

4. Бронников И. А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. №4. С. 94–102.

5. Мельникова Т. С. Современные тенденции развития электронной демократии в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №4 (53). С. 145–149.

6. Меркулов П. А., Малик Е. Н., Мельников А. В. Государственная политика в России: от теории к практике. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2016. 394 с.

7. Устинович Е. С. Государственные информационные услуги // Государство и право. 2008. №10. С. 86–88.

8. Устинович Е. С. Электронное государство: взаимодействие органов публичной власти и общества (политико-правовой аспект): монография. М.: Русайнс, 2018. 96 с.

9. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE. 2004. P. 1–10.

10. Об утверждении положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информацион-

ных технологий и развитию электронной демократии [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21.08.2012 № 1202. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1623701> (дата обращения: 13.03.2018).

11. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3560189> (дата обращения: 13.03.2018).

12. О проекте «Российская общественная инициатива» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/about/> (дата обращения: 13.03.2018).

13. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607:

[ред. от 14.10.2012]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1629847> (дата обращения: 13.03.2018).

14. Хилов П. Кому и зачем нужна электронная демократия в России? [Электронный ресурс] // II Федеральный конгресс по электронной демократии. М., 2013. URL: http://www.fked.ru/wp-content/uploads/2013/05/Хилов_Опрос.pdf (дата обращения: 13.03.2018).

15. Ежемесячные исследования информационной открытости глав субъектов РФ [Электронный ресурс] // Национальная служба мониторинга. URL: <http://www.monitornews.ru/> (дата обращения: 13.03.2018).

16. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265> (дата обращения: 15/02/2018).

Поступила в редакцию 12.04.18

UDC 321

A. A. Krylov, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management – Orel Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Orel, Russia) (e-mail: krylov_aa@mail.ru)

"E-PARTICIPATION" AS A FORM OF POLITICAL AND CIVIC ACTIVITY IN THE INTERNET SPACE

The introduction of modern information technologies has significantly changed the functioning of democratic institutions. The activities of the government have become more open, accessible to the public. In turn, society has received many real tools to influence power. As a result, there are opportunities for a significant increase in the effectiveness of public administration in Russia. At the same time, in addition to the obvious advantages that the process of introducing ICTs provide, there are a number of dangers that are characteristic of the subjects of interaction.

Modern ICT, the transition of a significant part of civic activity to the Internet space, makes it necessary to develop special legislation not only at the federal level, but also at the regional level.

Competent elaboration of normative acts that consolidate dialogue mechanisms of power and society, their testing and replication of best practices is a key tool for stimulating civic engagement, developing e-participation, involving in the process of implementing public administration at the regional level, etc.

Creation of effective electronic mechanisms of interaction between government and society allows us to bring together the power and public sectors, take into account the citizens' opinion in the process of making power decisions, reduce social tension in the regions of Russia, and increase social satisfaction of citizens from the actions of government bodies.

This article presents an analysis of the efforts of the country's leadership to develop "electronic participation" in the political sphere and public administration.

Key words: e-participation, Internet space, state policy, political activity, civic activity.

For citation: Krylov A. A. "E-Participation" as a form of political and civic activity in the internet space. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 143–148 (in Russ.).

References

1. Ishmatova D., Golubeva A. e-Democracy in Russia: Establishing a habit of political awareness and participation. St. Petersburg, 2012. 25 p.

2. A. A. Golubeva, D. R. Ishmatova. Ehlektronnaya demokratiya v Rossii: formirovanie tradicii politicheskoy osvedomlennosti i uchastiya. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya, 2012, no. 4, pp. 50–65.

3. Bronnikov I. A. Ehlektronnyj referendum kak faktor povysheniya grazhdanskogo uchastiya. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo, 2018, no. 1, pp. 104–111.

4. Bronnikov I. A. Grazhdanskij internet-aktivizm: tendencii i perspektivy. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2017, no. 4, pp. 94–102.

5. Mel'nikova T. S. Sovremennye tendencii razvitiya ehlektronnoj demokratii v Rossii. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta, 2014, no. 4 (53), pp. 145–149.

6. Merkulov P. A., Malik E. N., Mel'nikov A. V. Gosudarstvennaya politika v Rossii: ot teorii k praktike. Orel, Srednerusskij institut upravleniya – filial RANHiGS Publ., 2016. 394 p.

7. Ustinovich E. S. Gosudarstvennye informacionnye uslugi. Gosudarstvo i pravo, 2008, no. 10, pp. 86–88.

8. Ustinovich E. S. Ehlektronnoe gosudarstvo: vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti i obshchestva (politiko-pravovoj aspekt). Moscow, Rusajns Publ., 2018. 96 p.

9. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making. Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE. 2004, pp. 1–10.

10. Ob utverzhdenii polozheniya ob Upravlenii Prezidenta Rossijskoj Federacii po primeneniyu informacionnyh tekhnologij i razvitiyu ehlektronnoj demokratii: ukaz Prezidenta RF ot 21.08.2012 No 1202. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1623701> (accessed 13.03.2018).

11. O rassmotrenii obshchestvennyh iniciativ, napravlennyh grazhdanami Rossijskoj Federacii s ispol'zovaniem internet-resursa "Rossijskaya obshchestvennaya iniciativa": ukaz Prezidenta RF ot 04.03.2013 No 183. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3560189> (accessed 13.03.2018).

12. O proekte "Rossijskaya obshchestvennaya iniciativa". URL: <https://www.roi.ru/about/> (accessed 13.03.2018).

13. Ob ocenke ehffektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov: ukaz Prezidenta RF ot 28.04.2008 No 607: [red. ot 14.10.2012]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1629847> (accessed 13.03.2018).

14. Hilov P. Komu i zachem nuzhna ehlektronnaya demokratiya v Rossii? [II Federal'nyj kongress po ehlektronnoj demokratii. Moscow, 2013. URL: http://www.fked.ru/wp-content/uploads/2013/05/Hilov_Opros.pdf (accessed 13.03.2018).

15. Ezhemesyachnye issledovaniya informacionnoj otkrytosti glav sub"ektov RF. Nacional'naya sluzhba monitoringa. URL: <http://www.monitornews.ru/> (accessed 13.03.2018).

16. Ob osnovnyh napravleniyah sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya: ukaz Prezidenta RF ot 7.05.2012 No 601. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265> (accessed 15.02.2018).

УДК 908

Е. А. Головин, канд. ист. наук (Курск, Россия) (e-mail: golovin007@mail.ru)**А. Н. Манжосов**, канд. ист. наук (Курск, Россия) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)**В. Н. Новиков**, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)**УЧАСТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ДВИЖЕНИИ НОВАТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА (1930–1940)**

Впервые в региональной исторической литературе в статье представлен анализ участия железнодорожников Курского узла в стахановско-кривоносском движении, развернувшимся на железных дорогах Советского Союза по инициативе машиниста П. Ф. Кривоноса, диспетчера Сталинской железной дороги Н. Т. Загорко и других работников транспортных специальностей.

Отмечено, что стахановское движение, став наиболее организованной формой социалистического соревнования, способствовало и укреплению всех служб транспортного конвейера, значительному увеличению объемов перевозок народно-хозяйственных грузов на железнодорожных магистралях Курской области. Борьба за высокую производительность труда дополнялась отличным качеством производимой продукции, внедрением социалистического порядка на производстве. Рабочие и работницы требовали разработки технически обоснованных проектных мощностей, интенсивных производственных планов. Технически грамотные работники, показывающие образцы точности и аккуратности в работе, умевшие ценить фактор времени, научились бережно относиться к минутам рабочего времени, видели в них резерв повышения производственных показателей. Являясь продолжением коммунистических субботников и движения ударничества, стахановское движение раскрывало потенциальные возможности советского народа. В статье приведены фамилии инициаторов стахановской работы в службах движения, пути, паровозного и вагонного хозяйства, отмеченных высокими наградами Советского Союза и Народного комиссариата путей сообщения СССР. В 1940 г. на железных дорогах страны широкое распространение получил метод машиниста паровозного депо Новосибирск Н. А. Лунина. Сущность почина Н. А. Лунина заключалась в увеличении объемов служебного ремонта паровозов, выполняемых силами членов локомотивной бригады. Отлично зная теплотехнику, экипаж и приборы, последователи Николая Лунина тщательно осматривали все узлы локомотива. Чаще всего, устраняя без участия ремонтников небольшие неисправности, они увеличивали пробеги машин между промывочным и подъемочным ремонтами.

Ключевые слова: стахановское движение, тяжеловесный поезд, межпромывочный пробег, паровоз, лунинский метод, локомотив.

Ссылка для цитирования: Головин Е. А., Манжосов А. Н., Новиков В. Н. Участие железнодорожников курской области в движении новаторов производства (1930–1940) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 148–158.

Главным содержанием развернувшегося в середине 1930-х гг. Всесоюзного соревнования стала борьба за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, расходов на ремонт оборудования и инструментов. В рамках соревнования профсоюзные комитеты приложили немало усилий для своевременного доведения до каждого цеха, смены, бригады производственных планов. В 1930-е гг. по инициативе рабочих депо Топки Западно-Сибирской дороги началось движение за чистоту рабочих мест, внедрение культуры и эстетики на производстве. Оно стало главным звеном, улучшавшим всю гамму производ-

ственных показателей. Борьба за чистоту цехов повлекла за собой и совершенствование технологических процессов.

Постоянное внимание к технической реконструкции транспорта, распространению новаторских приемов труда дало положительные результаты. По инициативе молодого машиниста депо Славянск Донецкой железной дороги П. Ф. Кривоноса летом 1935 г. развернулось новое движение передовиков транспорта.

В июле 1935 г. машинист П. Ф. Кривонос на паровозе Э^У 684-37 стал водить угольные маршруты со средней скоростью 46,5 километров в час, т. е. в два раза перекрыв существовавшие нормы. Он

смело пошел на увеличение формировки котла, вождение поездов, как говорили железнодорожники, на «большом клапане». Впоследствии Герой Социалистического Труда, почетный железнодорожник П. Ф. Кривонос вспоминал: «В чем же была сила паровозных машинистов-скоростников в годы первых пятилеток?.. В творческом горении, в непрерывном стремлении выжать из локомотива все, что он способен дать. Мы, машинисты, действительно стали в соревновании ведущими, задавали тон, побуждали всех “болеть” за наши рейсы...». Между машинистами росло соревнование. Почин скоростного вождения поездов был подхвачен повсеместно. Газеты тогда писали: «На транспорте произошла революция!..» [1, с. 46–48]

Машинистам-новаторам был необходим длительный безостановочный рейс. Такую «зеленую улицу» им представлял поездной диспетчер Сталинской дороги Н. Т. Закорко. Перестроив методы регулирования движения поездов, оборота локомотивов, он сосредоточил усилия всех смен на прохождении поездов с минимальным числом остановок [2, с. 89–90].

В июле 1935 г. в Москве прошло совещание передовых работников железнодорожного транспорта. На нем обсуждались пути дальнейшего совершенствования организации перевозок, улучшения использования локомотивов, внедрения твердого графика движения грузовых поездов. Руководители партии и правительства пригласили участников совещания и работников Московского железнодорожного узла для беседы в Кремль. 30 июля 1935 г. в Большом Кремлевском дворце собрались 400 командиров транспорта: машинисты, диспетчера и работники других профессий.

Во время приема подчеркивалось огромное значение советских железных дорог [3]. Была выражена уверенность, что железнодорожники приложат максимум сил и энергии для дальнейшего подъема работы стальных магистралей,

добьются, чтобы все звенья перевозочного конвейера действовали слаженно, четко, ритмично.

Летом 1936 г. работники ряда железных дорог страны (Октябрьской, Ленинской, Приднепровской и др.) обратились в ЦИК СССР с просьбой: годовщину приема железнодорожников И. В. Сталиным и руководителями партии и правительства регулярно отмечать как праздник. Постановлением от 28 июля 1936 г. ЦИК СССР установил Всесоюзный день железнодорожного транспорта Советского Союза.

5 августа 1935 г. ЦИК СССР наградил 58 передовиков железнодорожного транспорта орденами. Среди них начальник Курской дистанции пути Ф. А. Полунин был отмечен орденом Трудового Красного Знамени [4].

Лето 1935 г. вошло в историю массовым развитием стахановско-кривоносовского движения. Это движение стало той высшей ступенью социалистического соревнования, которое впитало в себя лучшие формы и методы соревнования предыдущего периода [5, с. 144]. Стахановское движение стало ответом рабочего класса на выдвинутый руководителями страны лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!». Борьба за высокую производительность труда дополнялась отличным качеством производимой продукции, внедрением социалистического порядка на производстве. Рабочие и работницы требовали разработки технически обоснованных проектных мощностей, интенсивных производственных планов. Технически грамотные работники, показывающие образцы точности и аккуратности в работе, умевшие ценить фактор времени, они научились бережно относиться к минутам рабочего времени, видели в них резерв повышения производственных показателей. Являясь продолжением коммунистических субботников и движения ударничества, стахановское движение раскрывало потенциальные возможности советского народа.

На декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) (1935 г.) Л. М. Каганович отмечал, что стахановское движение на железнодорожном транспорте началось «с наиболее механизированной части железных дорог, началось у паровозных машинистов...» [6, с. 4]. Они первыми ломали старые технические нормы, боролись с костностью и консерватизмом, царившими на железных дорогах страны.

Инициатива донецких машинистов вскоре нашла своих последователей и в Курске. Так, машинист паровозного депо Курск-Северное Г. Е. Старосельцев с бригадой (помощник машиниста В. Г. Маркин, кочегар И. Калуцкий) 26 сентября 1935 г. на паровозе ФД 20-411 провел поезд весом 1722 тонны со скоростью 43 км/час (при норме 35,8 км/час). В октябре 1935 г. эта бригада добилась самой высокой технической скорости в депо – 60 км/час [7]. Выступая на страницах узловой газеты «Свободный путь», машинист Г. Е. Старосельцев писал: «Надо чувствовать себя на мощном паровозе, от которого ты должен взять всё...» [8].

На железнодорожном транспорте не было ни одной профессии, представители которой не выдвинули бы серию приемов, отличающихся эффективностью и высокой производительностью.

Начало стахановской технологии в работе станции положили составители поездов М. М. Кожухарь и К. С. Краснов. Они совместили операции по роспуску составов на сортировочной горке, по выборке групп вагонов по пунктам назначения. Параллельное расформирование и формирование поездов давало возможность работать меньшим числом маневровых паровозов и значительно сокращало время на формирование составов [9, с. 380]. 27 мая 1936 г. приказом НКПС № 76/Ц методы М. М. Кожухаря и К. С. Краснова были введены повсеместно в практику работы всех станций, как основные приемы сортировочной маневровой работы. Последователи донецких движенцев, составители поездов ст. Курск И. И. Курдаш, А. С. Кобзарук,

В. А. Конорев и другие добились того, что они формировали и расформировывали составы за 35–40 минут при нормах 60–85 минут [10; 11].

Большую роль в распространении стахановско-кривоносовских методов работы играли первичные парторганизации, они явились инициаторами проведения производственно-технических конференций, слетов и встреч новаторов. Для этой цели широко использовались рабочие собрания и школы передовиков, где изучали методы работы П. Ф. Кривоноса и его последователей. В паровозном депо Курск-Северное состоялась первая конференция машинистов-стахановцев. От коллектива депо на дорожный слёт было избрано 17 человек: машинисты Г. Е. Старосельцев, Ф. Я. Солянин, В. А. Власов, А. Д. Кондратьев, бригадир комплексной бригады Н. Ф. Федоров, слесарь И. М. Безугольников и др.

Политотдел Курского отделения (начальник В. Л. Исаев), первичные партийные организации паровозного депо Курск-Северное (секретарь Ф. Д. Грицков), вагонного депо (секретарь А. С. Лукьянов), станции Курск (секретарь М. Н. Карлин) сосредоточили усилия на том, чтобы подтянуть работу железнодорожников до уровня передовиков [12, л. 7, 62, 92, 117, 124, 204]. Большую организаторскую работу проводила узловая газета «Свободный путь». Она часто критиковала тех, кто ставил препоны стахановцам. Так, работник депо А. С. Корытный писал: «... Производственные успехи должны немедленно изучаться администрацией, каждым мастером, бригадиром... Руководители цеха текущего ремонта с большим опозданием взялись за изучение методов работы стахановца Н. Ф. Шолупова. Командиры остальных цехов только занимаются разговорами, по настоящему не хотят изучать методы работы своих стахановцев и распространять их...» [13].

5 января 1936 г. на его выступление газета «Свободный путь» откликнулась передовой статьей «Широко развернуть

движение стахановцев-кривоносовцев». В ней указывалось, что «...успехи передовиков стахановцев Курского узла Курдаша, Кобзарука, Доминова, Старосельцева надо закреплять и обеспечить их дальнейшее развитие. Стахановские достижения надо сделать движением широких масс. Этого надо достигнуть повышением организаторской работы в массах».

Декабрь 1935 г. принес новые сообщения о трудовых достижениях советских железнодорожников. Машинист депо Тула А. С. Огнев и его напарник В. П. Миронов на паровозе ФД 20-388 увеличили межпромысловый пробег, сократили время экипировки в оборотном депо и добились увеличения месячного пробега паровоза вдвое – до 15168 километров [4, с. 14]. Инициатива последователей А. С. Огнева – машинистов «пятнадцатитысячников» позволила увеличить среднесуточный пробег их паровозов на 30%. Наряду с повышением веса поездов это движение давало большую экономию средств. По инициативе машинистов Г. Е. Старосельцева и А. М. Бородавченко в депо Курск-Северное была организована колонна «пятнадцатитысячников». В нее входило 6 паровозов [15]. В колонне трудились машинисты Н. А. Алипов, А. М. Доминов, В. А. Баранищев, М. П. Афанасьев, И. И. Лемещенко, И. Г. Минаков, С. Е. Никулин, И. Я. и Ф. Я. Солянины.

В депо выходила стенная газета «Пятнадцатитысячник». В составе ее редколлегии были машинисты В. В. Табачков, А. Г. Бабкин и Я. А. Кузнецов. Эта газета показывала выполнение обязательств, взятых каждым машинистом, раскрывала трудовые достижения передовиков. Подборки «Пятнадцатитысячника» публиковались в многотиражной газете «Свободный путь».

«От одиночек-стахановцев – к стахановским сменам, цехам, бригадам!» – под таким лозунгом работали в ремонтных цехах Северного паровозного депо. Производительность труда у слесаря

Н. Ф. Шолупова составляла 150–175%, у сверловщика механического цеха М. В. Костина – 198%. Котельщики С. П. Болдырев, В. А. Петрухин, П. В. Еськов, Н. В. Константинов ежедневно перевыполняли объемы работы. Токарь механического цеха А.А. Болдырев добился рекордной сменной производительности труда – 450%. Слесари 1-й комплексной бригады Г. Е. Бобовников и Н. А. Успенский втрое превышали дневную выработку [16].

Успеху тысяч железнодорожников способствовала реконструкция технической базы транспорта. Осенью 1935 г. многие товарные поезда были оборудованы автотормозами системы И. К. Матросова. Это мероприятие имело значение для увеличения технической скорости и обеспечения безопасности движения поездов. Техническая реконструкция, в первую очередь, коснулась вагонного хозяйства как одной из самых отсталых отраслей транспорта. На сети железных дорог СССР было построено 200 вагоноремонтных пунктов. Вагоноремонтный пункт в Курске начал работать в октябре 1935 г.

Движение «пятнадцати»- и «восемнадцатитысячников» стало прологом к новым инициативам в паровозной службе. Так, бригада паровоза ФД 20-444 (машинист А. М. Бородавченко, помощник машиниста Г. И. Болдырев и кочегар П. Медведев) развернула вождение тяжеловесных поездов. В новогоднюю поездку 1936 г. А. М. Бородавченко провел поезд при превышении его веса на 1000 тонн. В феврале 1936 г. бригада водила тяжеловесные составы уже со скоростью 45 км/час и весом 3000–3500 тонн [12, л. 6, 16, 154].

Инициатива А. М. Бородавченко была подхвачена машинистами депо: Курск – Д. Р. Болдыревым, М. П. Афанасьевым, А. Н. Пахарьковым, Орел – Н. М. Громыным, А. В. Захаровым; Тула – А. С. Огнев, В. П. Мироновым и А. Г. Марковым. 12 января 1936 г. в телеграмме Наркома путей сообщения СССР

Л. М. Кагановича отмечались заслуги многих тяжеловесников сети дорог. Среди них называлась и фамилия машиниста депо Курск А. М. Бородавченко. Машинисты-пятнадцатитысячники Г. Е. Старосельцев, А. М. Бородавченко, Н. Г. Зарубин, А. М. Доминов, П. Я. Болдырев, И. И. Лемещенко, И. В. Жданов, П. В. Дюканов, А. Н. Пахарьков также водили тяжеловесные поезда весом до 3700 тонн со скоростью 45 км/час и более.

4 апреля 1936 г. постановлением ЦИК СССР машинист А. М. Бородавченко первым из курских железнодорожников был награжден орденом Ленина. Этим же постановлением орденом Трудового Красного Знамени был отмечен начальник станции Курск И. А. Платонов, орденом «Знак Почета» – машинист-тяжеловесник депо Льгов-II В. И. Мухин, молотобоец Курской дистанции пути И. В. Ермаков [17; 18]. В 1937 г. видный машинист-стахановец А. М. Бородавченко был рекомендован в состав оргбюро ВЦСПС по Курской области [12, л. 15–16].

В апреле 1936 г., откликнувшись на призыв забайкальцев, смена № 4 станции Курск диспетчера З. Ф. Анненкова развернула соревнование составителей за быстрее и качественное формирование составов. Во главе соревнования стояли И. И. Курдаш и А. С. Кобзарук. Единая смена № 1, возглавляемая старшим помощником начальника станции Курск А. Г. Пашковым и маневровым диспетчером М. М. Гладилиным, заняла второе место во Всесоюзной стахановской декаде на сети железных дорог (апрель 1936 г.). Бригадная смена Г. И. Веретенникова из Курского вагонного участка считалась комсомольской. Из 19 слесарей 16 работали как стахановцы. Опыт работы группкомсорга смены Михаила Салькова не раз отражался на страницах узловой газеты [19].

Первомайская стахановская вахта совпала с развернувшимся соревнованием молодежи по достойной встрече

X съезда ВЛКСМ. Так, по инициативе старшего машиниста паровоза ФД 20-411 Г. Е. Старосельцева комсомольские бригады взяли на себя обязательство: к открытию X съезда ВЛКСМ обеспечить 13 тысяч километров без промывки. Они обязались работать без аварий и крушений, содержать паровоз в образцовом порядке, увеличивать его оборот и дать не менее 10% экономии топлива [20]. Из 66 комсомольцев станции Курск (секретарь комитета ВЛКСМ службы движения С. И. Гусев) 54 были стахановцами и ударниками. Хорошо работала и комсомольская организация Курской дистанции пути (секретарь Г. Ф. Кубаткин)

Высокие показатели в труде демонстрировали старший помощник начальника станции Курск В. А. Гладилин, дежурные по станции П. А. Шубин, В. С. Карачевцев, К. И. Аксенов, Н. И. Масленников.

Образцы высокопроизводительного труда демонстрировал и старший буровой мастер 7-й Курской дистанции пути (а с июля 1936 г. – 4-й Курской жилищно-ремонтной конторы), Герой Труда (1922 г.), депутат Курского областного и городского Советов депутатов трудящихся, член президиума облисполкома Н. С. Григорьев. Он со своими бригадами обслуживал 56 скважин на всей Московско-Курской железной дороге [12, л. 14; 21]. Лидерами соревнования в Курской дистанции пути были кузнец В. В. Самохин и молотобоец И. В. Ермаков. 29 марта 1936 г. они первыми на Курском железнодорожном узле были награждены значками «Почетному железнодорожнику». Они постоянно выполняли дневные задания на 300–400% [22].

Осваивая метод безотцепочного ремонта вагонов, стахановцы 5-го Курского вагонного участка сокращали время отцепки неисправных вагонов в поездах. Широкое распространение получал и метод скоростного ремонта вагонов. Ремонт вагонов проводился за семь-восемь часов вместо трех-семи суток по старым нормам [12, л. 73]. В 1937 г. в коллективе ва-

гонного депо Курск работало 327 стахановцев и 170 ударников. Коллектив участка занял первое место на железной дороге им. Ф. Э. Дзержинского и был отмечен переходящим Красным знаменем НКПС. Ведущую роль играли коллективы четвертой смены вагонного мастера А. Н. Пахомова и комсомольско-молодежной смены М. Салькова.

Как отмечал 11 декабря 1937 г. в газете «Ударник Дзержинской» старший осмотрщик вагонов С. Г. Гладилин, его сменой был разработан метод замены крюков. Его инициатором стал осмотрщик вагонов С. М. Зикеев. Слесари Е. Д. Терещенко, В. А. Солянин выполняли дневные задания на 220%. Отлично трудились сверловщица А. Т. Гладилина, бригада слесарей Северной вагонной мастерской под руководством А. А. Ерохина и П. Н. Бочарова [23].

12 августа 1937 г. коллектив паровозного депо Курск опубликовал в газете «Курская правда» открытое письмо к рабочим и колхозникам области с призывом развернуть социалистическое соревнование по достойной встрече 20-й годовщины Октября. В депо Курск-Северное ширилось соревнование за увеличение межпромывочных пробегов паровозов. Если в октябре 1937 г. в депо работало 14 паровозов, пробежавших более 7000 километров между промывками, то уже к концу ноября этого же года их было 15 с пробегом свыше 10000 километров [24; 25].

После анализа работы по достижению межпромывочного пробега в 10 тысяч километров бригады паровоза ИС 20-55 машинистов И. П. Коршунова и М. П. Афанасьева (помощники машиниста А.В. Воинов, Н. В. Беспяткин, кочегары Г. И. Болдырев и А. Д. Бобовников) решили провести рекордный пробег в 40 тысяч километров. 16 сентября пробег был начат и успешно завершен 2 декабря 1937 г. Паровоз ИС 20-55 пробежал 38 тысяч километров, а норма пробега между промывочными ремонтами была перевыполнена более чем в семь раз.

В январе 1938 г. И. П. Коршунов и М. П. Афанасьев решили увеличить рекорд и взяли обязательство довести межпромывочный пробег паровоза до 45000 километров. К 21 апреля 1938 г. паровоз достиг 46170 километров без промывки [26; 27; 28; 29; 30]. Приказом НКПС СССР № 243 от 4 июля 1938 г. машинисты И. П. Коршунов и М. П. Афанасьев были награждены значками «Почетному железнодорожнику». Центральным домом техники НКПС была издана специальная брошюра об опыте работы бригады И. П. Коршунова.

Бригады машинистов Н. П. Ломакина и В. В. Табачкова, соревнуясь с бригадой И. П. Коршунова, довели пробег своего паровоза ИС 20-144 до 61128 километров [31, д. 197, л. 12; 32; 33]. Но вскоре и их рекорд был перекрыт бригадами машинистов А. Д. Кондратьева (паровоз ИС 20-143) и А. М. Шаталова (паровоз ИС 20-145). Они добились более высоких пробегов – соответственно в 66101 и 69528 километров без захода в депо на межпромывочный ремонт [34]. 26 сентября 1938 г. приказом народного комиссара путей сообщения СССР машинисты Н. П. Ломакин, В. В. Табачков, А. Д. Кондратьев и И. Г. Сердюков были награждены значками «Почетному железнодорожнику». Значками «Ударнику Сталинского призыва» были отмечены помощники машиниста В. Г. Бочаров, П. Н. Жильцов, М. А. Зикеев, а кочегары И. Я. Кочетов, С. В. Азаров, Д. Т. Иванов и П. Е. Бочаров – именными часами [35, л. 8–9, 17].

Примеры активных участников соревнования взяли на вооружение и комсомольские бригады депо. 2 октября 1938 г. машинисты В. А. Михайлов, Ф. Г. Каширцев и А. Ф. Яковенко завершили рейс, посвященный 20-летию ВЛКСМ. Они достигли на паровозе ФД 20-411 10 тысяч километров межпромывочного пробега [33; 35, л. 9, 17]. Машинист-стахановец депо Курск-Западное, член Курского горкома ВЛКСМ И. П. Чуйков совершил пробег на паровозе Э^м-4013 в

18000 километров, перевыполнив нормы почти в пять раз. И. П. Чуйков был отмечен именными часами начальника дороги им. Ф. Э. Дзержинского. В июне 1939 г. бюро горкома ВЛКСМ обобщило опыт работы бригады машиниста И. П. Чуйкова [36]. В течение сентября-октября 1938 г. бригады машинистов паровоза ФД 20-408 И. П. Коршунова, И. Ф. Водяницкого, Ф. А. Ларина (помощники машиниста А. В. Воинов, И. Н. Булатников, П. Ф. Болотин, кочегары В. М. Дмитриев и М. Н. Будников) добились межпромывочного пробега паровоза в 30100 километров, при этом сэкономив 288 тонн топлива [31, д. 105, л. 25–26]. В марте 1939 г. И. Ф. Водяницкий провел четыре тяжеловесных состава (весом более 3000 тонн). Комсомольская группа смены № 2 вагонно-ремонтного пункта ст. Курск за выполнение взятых обязательств в честь 20-летия ВЛКСМ была занесена на Доску почета в газете «Молодая гвардия» [35, л. 15–17].

Производительный труд курских машинистов-новаторов позволил увеличить межпромывочный пробег паровозов серий ИС на 47,1%, СУ – на 42,1%, а ФД – на 6,3%. Более 300 машинистов Курского узла в эти годы трудились по-стахановски [37, с. 29, 40–41].

Стахановская работа стала неотъемлемой частью трудового ритма железнодорожников Льговского узла (начальник паровозного депо Льгов-II А. А. Лойко). Токарь-рационализатор паровозного депо Льгов-II И. Р. Банный выполнял нормы на 270%. Экономический эффект от его рацпредложений составил более 2500 рублей. Его напарник токарь Н. И. Сеин втрое перевыполнял дневные задания [38, с. 168; 39]. Старший машинист депо Льгов-II А. К. Овсянников стал инициатором соревнования по достойной встрече XVIII съезда партии. Почетный железнодорожник А. К. Овсянников был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Член комитета комсомола депо машинист С. А. Костюченко провел несколько тяжеловесных поездов весом

свыше 3 тысяч тонн. В докладе обкома комсомола IV областной комсомольской конференции (октябрь 1940 г.) отмечалось, что «за два года количество комсомольцев-стахановцев на Льговском узле увеличилось в два раза». На комсомольском паровозе ФД 20-1991 братья В. Н., Г. Н. и Ю. Н. Банные перевыполняли нормы межпромывочных пробегов паровоза и водили поезд со скоростью 38 километров в час. За летние месяцы 1940 г. ими было сэкономлено 108,5 тонн угля [40, л. 80–81].

Первыми последователями московского машиниста З. П. Троицкой стали в Курске помощники машиниста депо Курск-Западное комсомолки Н. Д. Горбачева и М. С. Козьменкова [41; 42]. 21 марта 1940 г. значком «Почетному железнодорожнику» была отмечена выпускница Курского техникума паровозного хозяйства (1933 г.), первая в паровозном депо Льгов-II женщина-машинист М. З. Мохортова [43, с. 62].

В марте 1939 г. депутат Верховного Совета РСФСР первого созыва (июнь 1938 г.) начальник депо Курск-Северное И. П. Коршунов был избран делегатом XVIII съезда партии [44; 45]. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября и 1 декабря 1939 г. орденами Трудового Красного Знамени были награждены начальник паровозного депо Курск И. П. Коршунов и машинист М. П. Афанасьев, орденами «Знак Почета» – начальники отделений: движения З. Ф. Анненков, паровозного хозяйства Ш. М. Чавчанидзе, машинист депо Курск А. Д. Кондратьев, медалью «За трудовую доблесть» – машинист И. Ф. Водяницкий [31, д. 105, л. 30–31].

В сентябре 1940 г. на Курском железнодорожном узле развернулось соревнование по достойной встрече XVIII партконференции ВКП(б) [46]. Инициаторами данного соревнования стали машинисты Г. Е. Старосельцев, Н. П. Ломакин, В. В. Табачков, мастера вагонного депо Курск П. В. Дурнев и А. С. Власов. Выступая на митинге стахановцев,

Г. Е. Старосельцев отмечал: «Мы обязуемся своими силами производить ремонт паровозов по методу машиниста Новосибирского депо Н. Лунина...» [47].

Сущность почина новосибирского машиниста Н. А. Лунина заключалась в увеличении объемов служебного ремонта паровозов, выполняемых силами членов локомотивных бригад. Отлично зная теплотехнику, экипаж и приборы, последователи Николая Лунина тщательно осматривали все узлы локомотива. Чаще всего, устраняя без участия ремонтников небольшие неисправности, они увеличивали пробеги машин между промывочным и подъемочным ремонтами.

Анализируя трудовые успехи железнодорожников Курской области в стахановском движении в 1935–1941 гг., можно сделать вывод о том, что оно стало мощным рычагом экономического подъема транспорта, увеличения объемов перевозок народно-хозяйственных грузов, ускорения ремонта локомотивов и вагонов, значительного увеличения производительности труда на железных дорогах Советского Союза.

Список литературы

1. Кривонос П. Ф. Магистрали жизни. Киев: Политиздат Украины, 1986. 248 с.
2. Герои стальных магистралей. Кн. 2. М.: АИР-ПРЕСС, 2003. 286 с.
3. Правда. 1935. 2 авг.
4. Свободный путь (Орган парткома и профсоюзного комитета станции Курск). 1935. 6 авг.
5. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 14-17 ноября 1935 года: стеногр. отчет. М.: Госполитиздат ЦК ВКП(б), 1935. 397 с.
6. Паровозник (Еженедельный производственно-технический журнал НКПС). 1936. № 1.
7. Молодая гвардия. 1935. 16 окт.; 18, 20 нояб.
8. Свободный путь. 1935. 2 окт.
9. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926–

1941): сб. документов. М.: Транспорт, 1970.

10. Курская правда. 1935. 21 нояб.
11. Свободный путь. 1935. 20 окт.
12. ГАОПИКО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курск. обл.). Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 38.
13. Свободный путь. 1936. 1 янв.
14. Паровозник. 1937. № 4 (31). С. 14.
15. Курская правда. 1936. 28 марта.
16. Свободный путь. 1936. 2; 4 февр.
17. Свободный путь. 1936. 6 апр.
18. Курская правда. 1936. 8 апр.
19. Курская правда. 1936. 24 марта.
20. Свободный путь. 1936. 9 февр., 29 марта.
21. Курская правда. 1934. 2 дек.
22. Свободный путь. 1936. 23 апр.
23. Ударник Дзержинской (Орган Управления и дорпрофсожа железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского). 1937. 4, 9, 11 апр.; 11 и 21 дек.
24. Курская правда. 1937. 22 сент., 18 дек.
25. Ударник Дзержинской. 1937. 9 дек.
26. АУМЖД (Арх. Управления Моск. железной дороги). Ф. 10. Оп. 2-ЛД. Д. 22239. Л. 50.
27. Гудок. 1938. 4 июля.
28. Ударник Дзержинской. 1938. 29 мая.
29. Курская правда. 1938. 1, 2, 3 мая; 3, 25, 28 июня.
30. Паровозник. 1938. № 12. С. 3; № 14. С. 4; № 15. С. 7; № 21. С. 12.
31. ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 2-ЛД.
32. Паровозник. 1938. № 21. С. 14–15.
33. Курская правда. 1938. 9 окт.
34. Курская правда. 1938. 2, 15 окт.
35. ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 29.
36. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 172. Л. 4; Д. 182. Л. 45–46.
37. Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. Курск: Курское кн. изд-во, 1939. 54 с.

38. Из истории Курской областной комсомольской организации: 1918–1970: сб. док. Курск: Курская правда, 1972.
39. Курская правда. 1938. 1 февр.
40. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1 Д. 58-а.
41. Курская правда. 1941. 19 окт.
42. Ударник Дзержинской. 1942. 26 июня; 7 нояб.
43. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области) / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.] / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 300 с.
44. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1676. Л. 11; Д. 1678. Л. 640.
45. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4. Д. 791. Л. 12–21.
46. Величко А. В., Масуфранова Е. А. Участие работников специальных формирований Народного комиссариата путей сообщения СССР в восстановлении предприятий железнодорожного транспорта Курской области в 1940–50-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2 (19). С. 175–182.
47. Курская правда. 1940. 22, 30 дек.

Поступила в редакцию 09.04.18

UDC 908

E. A. Golovin, Candidate of Historical Sciences (Kursk, Russia) (e-mail: golovin007@mail.ru)

A. N. Manzhosov, Candidate of Historical Sciences (Kursk, Russia) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)

V. N. Novikov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: vlavikor@yandex.ru)

PARTICIPATION OF RAILROAD WORKERS OF KURSK REGION IN THE MOVEMENT OF INNOVATORS OF PRODUCTION (THE 1930-1940TH)

For the first time in the regional historical literature, the article presents an analysis of the participation of railwaymen of the Kursk knot in the stakhanov-krivonosov movement, which was deployed on the railways of the Soviet Union on the initiative of the machinist P.F. Krivonos, the dispatcher of the Stalin railway N.T. Zakorko and other workers of transport specialties.

It is noted that the Stakhanov movement, becoming the most organized form of socialist competition, contributed to the strengthening of all services of the transport conveyor, to a significant increase in the volume of transportation of national and economic cargo on the railways of the Kursk region. The struggle for high labor productivity was supplemented by the excellent quality of the products produced, the introduction of the socialist order in production. Workers and workers required the development of technically based design capacity, intensive production plans. Technically competent workers, showing samples of accuracy and accuracy in the work, who knew how to appreciate the time factor, learned to treat carefully the minutes of working time, they saw in them a reserve of increasing production indicators. Being continuation of communistic community work days and the movements of an udarnichestvo, the Stakhanov movement opened potential opportunities of the Soviet people. The article contains the names of the initiators of Stakhanov's work in the services of the movement, the way, the locomotive and wagon facilities marked by the high awards of the Soviet Union and the People's Commissariat of the USSR Railways. In 1940 on the railroads of the country the method of the driver of locomotive depot Novosibirsk of N.A. Lunin was widely adopted. The essence of an initiative of N.A. Lunin consisted in increase in volumes of office repair of the engines which are carried out by forces of members of locomotive crews. Perfectly knowing the heating engineer, crew and devices, Nikolay Lunin's followers carefully examined all knots of the locomotive. Most often, eliminating without the participation of repairmen small fault, they increased the runs of machines between rinsing and lifting repairs.

Key words: Stakhanov movement, heavy train, interflushing run, engine, lunin method, locomotive.

For citation: Golovin E. A., Manzhosov A. N., Novikov V. N. Participation of railroad workers of Kursk region in the movement of innovators of production (the 1930-1940th). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp.148–158 (in Russ.).

References

1. Krivonos P. F. *Magistrali zhizni*. Kiev, Politizdat Ukrainy Publ., 1986. 248 p.
2. *Geroi stal'nyh magistralej*. Vol. 2. Moscow, AIR-PRESS, 2003. 286 p.
3. Pravda, 1935, Aug. 2.
4. Svobodnyj put' (Organ partkoma i profsoyuznogo komiteta stancii Kursk), 1935, Aug. 6.
5. *Pervoe Vsesoyuznoe soveshchanie rabochih i robotnic-stahanovcev 14–17 noyabrya 1935 goda: stenogr. otchet*. Moscow, Gospolitizdat CK VKP(b), 1935. 397 p.
6. Parovoznik (Ezhenedel'nyj proizvodstvenno-tekhnicheskij zhurnal NKPS), 1936, no. 1.
7. Molodaya gvardiya, 1935, Okt. 16; Nov. 18, 20.
8. Svobodnyj put', 1935, Okt. 2.
9. *Zheleznodorozhnyj transport v gody industrializacii SSSR (1926–1941): sb. dokumentov*. Moscow, Transport Publ., 1970.
10. Kurskaya pravda, 1935, Nov. 21.
11. Svobodnyj put', 1935, Okt. 20.
12. GAOPIKO (Gos. arh. obshchestv.-polit. ist. Kursk. obl.), f. P-2160, op. 1, d. 38.
13. Svobodnyj put', 1936, Jan. 1.
14. Parovoznik, 1937, no. 4 (31), pp. 14.
15. Kurskaya Pravda, 1936, March 28
16. Svobodnyj put', 1936, Febr. 2 i 4.
17. Svobodnyj put', 1936, Apr. 6.
18. Kurskaya pravda. 1936, Apr. 8.
19. Kurskaya Pravda, 1936, March 24.
20. Svobodnyj put', 1936, Febr. 9, March 29.
21. Kurskaya pravda, 1934, Dec. 2.
22. Svobodnyj put', 1936, Apr. 23.
23. Udarnik Dzerzhinskoj (Organ Upravleniya i dorprofsozha zheleznoj dorogi im. F. Eh. Dzerzhinskogo), 1937, Apr. 4, 9, 11; Dec. 11 i 21.
24. Kurskaya pravda, 1937, 22; Dek. 18.
25. Udarnik Dzerzhinskoj, 1937, Dek. 9.
26. AUMZHD (Arhiv Upravleniya Moskovskoj zheleznoj dorogi), f. 10, op. 2-LD, d. 22239, l. 50.
27. Gudok, 1938, July 4.
28. Udarnik Dzerzhinskoj, 1938, May 29.
29. Kurskaya pravda, 1938, May 1, 2, 3; June 3, 25, 28.
30. Parovoznik, 1938, no. 12, pp. 3; no. 14, pp. 4; no. 15, pp. 7; no. 21, pp. 12.
31. OAMZHD (g. Kursk), f. 3, op. 2-LD.
32. Parovoznik, 1938, no. 21, pp. 14–15.
33. Kurskaya Pravda, 1938, Okt. 9.
34. Kurskaya Pravda, 1938, Okt. 2, 15.
35. GAOPIKO, f. P-174, op. 1, d. 29.
36. GAOPIKO, f. P-40. op. 1, d. 172, l. 4; d. 182, l. 45–46.
37. Moskvitin V. Kursk v proshlom i nastoyashchem. Kursk, Kurskoe kn. izd-vo, 1939. 54 p.
38. *Iz istorii Kurskoj oblastnoj komso-mol'skoj organizacii: 1918–1970: sb. dok.* Kursk, Kurskaya Pravda Publ., 1972.
39. Kurskaya pravda, 1938, Fevr. 1.
40. GAOPIKO, f. P-131, op. 1, d. 58-a.
41. Kurskaya pravda, 1941, Okt. 19.
42. Udarnik Dzerzhinskoj, 1942, June 26, Nov. 7.
43. Korovin V. V., Masufranova E. A., Velichko A. V. eds. *Social'no-politicheskie faktory razvitiya otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1940-1960-e gody (po materialam Kurskoj oblasti)*. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 300 p.
44. GAOPIKO, f. P-1. op. 1, d. 1676, l. 11; d. 1678, l. 640.
45. GAOPIKO, f. P-2878, op. 4, d. 791, l. 12–21.
46. Velichko A. V., Masufranova E. A. *Uchastie rabotnikov special'nyh formirovanij Narodnogo komissariata putej soobshcheniya SSSR v vosstanovlenii predpriyatij zheleznodorozhnogo transporta Kurskoj oblasti v 1940–50-e gody*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Istorija i pravo, 2016, no. 2 (19), pp. 175–182.
47. Kurskaya pravda, 1940, Dek. 22, 30.

УДК 796.03(470.323)«1922-1940»

О. М. Цуканова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru)

Г. Г. Карпова, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: karpova.gelika@yandex.ru)

ДОПРИЗЫВНАЯ И СПОРТИВНО-МАССОВАЯ ПОДГОТОВКА НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОГО КРАЯ В 1922–1940 ГОДАХ

Статья посвящена историческому исследованию целенаправленного использования возможностей физической культуры и спорта для подготовки допризывной молодёжи и широких народных масс для защиты своего Отечества в условиях враждебного окружения на примере Курского края в 1922–1940 годах. Несмотря на тяжёлое экономическое положение страны, сотрясаемой Гражданской войной и её последствиями, внешними угрозами, невзирая на голод и разруху, государство занималось стратегическими планами развития физкультурно-спортивного движения, находило материальные и технические средства для поддержки оборонно-массовой работы с населением. Руководство ЦК ВКП (б) считало, что физическая культура должна составлять неотъемлемую часть общеполитического, культурного воспитания и образования, оздоровления масс. Поэтому допризывная и спортивно-массовая работа включалась в общий план деятельности профсоюзных организаций, Красной армии, комсомола, школы, органов здравоохранения. Проведение новых государственных праздников не проходило без культурно-политических, спортивных мероприятий и выступлений физкультурников, где участниками и зрителями являлись молодёжь и более старшие представители широких народных масс. Немаловажная роль в проведении военной и спортивно-массовой подготовки в кружках физической культуры отводилась библиотекам, читальням, выставкам и справочным бюро. Допризывная и спортивно-массовая подготовка, охватившая большую часть боеспособного населения Советского Союза, позволяла гражданам разных возрастных категорий на практике освоить основы военного дела и физические навыки бойца накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: допризывная и спортивно-массовая подготовка населения, физическая культура, спорт, военное обучение.

Ссылка для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Допризывная и спортивно-массовая подготовка населения Курского края в 1922–1940 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 159–166.

Изучение исторического опыта использования средств и методов физического воспитания и спортивно-массовой работы в качестве основной части допризывной подготовки молодёжи для службы в вооружённых силах страны сегодня, несомненно, актуально. В настоящее время, когда Россия стоит перед лицом угроз, исходящих от внешнего и внутреннего терроризма и недоброжелательного отношения ближних и дальних оппонентов, как никогда ранее важна задача подготовки физически здорового молодого поколения к выполнению долга по защите Отечества, формирования военных квалифицированных резервов для российской армии.

В XXI в. необходимо изучать, восстанавливать и сохранять эффективные традиции допризывной подготовки молодёжи и отечественного массового физ-

культурно-спортивного движения, продолжать поиск инновационных технологий, направленных на максимальное вовлечение широких слоёв населения в активные занятия физической культурой и спортом, которые являются важным фактором сохранения и укрепления физического и духовного потенциала нации.

Проблема физической подготовки молодёжи призывного и допризывного возраста осознаётся сегодня и на государственном уровне, о чём свидетельствует принятие Стратегии развития физкультуры и спорта до 2020 года [1]. Не случайным явлением стало нынешнее возрождение в России комплекса «Готов к труду и обороне» (далее – ГТО), который уже в первой четверти XX в. был мощным стимулом роста и укрепления физкультурно-спортивного движения, охватившего молодёжь призывного и до-

призывного возраста Советского государства.

Как показывают исследованные архивные материалы, допризывная и спортивно-массовая подготовка населения в 1922–1941 годах находилась под неусыпным вниманием и контролем государственных и общественных структур, органов здравоохранения молодой Республики Советов. Несмотря на тяжёлое экономическое положение страны, сотрясаемой Гражданской войной и её последствиями, внешними угрозами, невзирая на голод и разруху, государство занималось стратегическими планами развития физкультурно-спортивного движения, находило материальные и технические средства для поддержки оборонно-массовой работы с населением. И такое внимание государства к формированию физически крепкого поколения, способного и нацеленного защищать своё Отечество, оправдало себя в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Советский народ от мала до велика встал на защиту Родины и победил врага.

Изучение, анализ и рациональное использование накопленного исторического опыта в сфере физической и спортивно-массовой подготовки и патриотического воспитания допризывников и самых широких слоёв населения, несомненно, открывает возможности обозначить перспективы дальнейшего развития физкультурно-спортивного и оборонно-массового движения в России и в отдельных её регионах.

С целью военной подготовки населения и создания резервов для Красной армии в апреле 1918 г. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) «Об обязательном обучении военному искусству» было создано Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии, образован юридический орган «Всеобщее военное обучение» (далее – Всевобуч). В состав Всевобуча вошёл отдел физического развития и спорта, который ведал

физической подготовкой в частях Красной армии, на пунктах допризывной подготовки, а также среди гражданского населения. При военных комиссариатах начали создаваться отделы всеобщего военного обучения и военно-учебные пункты. Военное обучение проходили граждане в возрасте от 16 до 40 лет. Так как физическая культура являлась частью военной подготовки, военное обучение включало и физическую подготовку: занятия гимнастикой и различными видами спорта.

В труднейших условиях Гражданской войны и иностранной интервенции военные комиссариаты (военкоматы) решали задачи создания регулярной Красной армии, комплектования её личным составом, транспортными средствами, продовольствием, фуражом и прочим необходимым имуществом. Первичное пополнение Красной армии шло за счёт призыва добровольцев, а с августа 1918 г. начала проводиться мобилизация в Курской губернии [2, д. 35, п. 1].

Газета «Красная армия» 21 мая 1918 г. писала: «Нам нужна Красная армия – залог закрепления Советской власти окончательно. Через Красную армию мы должны прийти к всеобщему военному обучению» [2, д. 35, л. 1]. Молодой Республике Советов требовалась новая дисциплинированная армия, настроенная на защиту власти трудового народа. Государственные структуры приложили максимум усилий для того, чтобы развить у всего населения страны и в среде допризывной молодёжи, в частности способность к защите Отечества, осуществить в полной мере «всеобщее военное обучение и вооружение» [2, д. 35, л. 50]. И за время своего четырёхлетнего существования Всевобуч успешно справился с этой сложной задачей, сводимой к двум основным положениям: вести регистрацию и организацию молодёжи допризывного возраста в целях военной подготовки и развивать максимальную деятельность в области физической культуры и

спорта среди широких масс населения на местах.

Сотрудниками Курского губернского военного комиссариата была сформирована 1-я Курская пехотная дивизия, которая впоследствии прославилась на фронтах Гражданской войны. С врагами молодой Советской Республики сражались прошедшие курс обучения на военно-учебных пунктах и в спортивных клубах лыжники, велосипедисты, гребцы, конники и фехтовальщики. Кроме общих обязанностей по учёту, формированию Вооружённых сил, проведению в жизнь всеобщего военного обучения, по управлению местными войсками, губернский военкомат объединял и направлял деятельность уездных военкоматов, вёл агитационно-призывную работу среди широких масс населения.

Органы Всевобуча при активном участии Коммунистического союза молодёжи (комсомола) создавали на местах новый тип физкультурных организаций: военно-спортивные клубы (по территориальному принципу) и кружки физической культуры на фабриках, заводах и в учреждениях (по производственному принципу). В сфере физической культуры и спорта задачи органов Всевобуча состояли в том, чтобы воспитать у молодёжи и широких народных масс глубокое чувство долга перед социалистической Родиной, осуществлять подготовку сильных, выносливых, ловких, способных переносить лишения военно-походной жизни защитников завоеваний Октябрьской социалистической революции [2, д. 35, л. 2].

В Курской губернии при уездных военных комиссариатах наряду с отделами Всевобуча стали создаваться спортивные центры в районах.

Однако и после упразднения Всевобуча допризывная подготовка в стране и регионах продолжалась. Допризывная подготовка охватывала молодых людей в возрасте 16–18 лет. Кроме общего физического развития, в допризывную подготовку входило стрелковое дело (в тире,

на стрельбище, в рассыпном строю), военная (полевая) гимнастика, плавание, гребля, велосипедный спорт, лёгкая атлетика, борьба, лыжный спорт и пр. [2, д. 904, л. 19].

Большое внимание уделялось обучению молодёжи призывного и допризывного возраста, тем, кому в 1922 году исполнилось 18–20 лет. Так в Курском крае к 1 января 1922 г. состояло на учете родившихся в 1905 году – 10 342 человека, 1904 года рождения – 20 145 человек, рождённых в 1903 году – 28 787 человек, родившихся в 1902 году – 30 90 человек. На 1 марта 1922 обучалось военному делу 3 340 мужчин и 132 женщины 1905 года рождения; рождённых в 1904 году – 3 640 мужчин и 173 женщины. Обучение военному делу родившихся в 1902 и 1903 годах к 1 марта началось только в городе Курске и охватило 423 человека. Женщины в количестве 305 человек проходили допризывную подготовку в Курской губернии на добровольных началах. По нашим подсчетам, если к 1 января 1921 г. в ходе допризывной подготовки Всевобучем было взято на учет родившихся в 1902–1904 годах 73 847 человек, то в 1922 г. – 89 364 человека, включая призывников 1905 года рождения, т. е. больше на 15 517 человек.

Военное обучение лиц 1902–1903 годов рождения, согласно приказу № 030 043, первоначально предполагалось провести в городах Курской губернии силами кадров Частей особого назначения (далее – ЧОН). В первых числах марта 1922 г. из Округа последовало распоряжение: прикрепить допризывников к ЧОН и поручить их военное обучение своим инструкторам, причем преимущественное внимание обратить на родившихся в 1902 г. и провести сначала обучение горожан, а потом населения сельской местности. Курская губернская военная часть (Губчасть) соответственно данному приказу отдала распоряжение на месте: по возможности одновременно производить военное обучение и в городах, и в сельских местностях. Лица 1902 и 1903 годов рож-

дения привлекались к прохождению общей допризывной подготовки вместе с родившимися в 1904 и 1905 годах.

Как на местах велась работа среди допризывников и ячеек Совета Курского отдела физической культуры (СКОФК) с 1 октября по 11 декабря 1922 г., можно судить по отчетам Курскому губернскому бюро СКОФК (тов. Вобликова) из Льговского, Ново-Оскольского, а также Щигровского, Рыльского и Корочанского уездов [3, д. 17, л. 12–13]. Так, 11 декабря 1922 г. Льговское уездное бюро СКОФК сообщало, что допризывная подготовка проводилась в уезде на сборных пунктах. Сам командир по политической части (комполит) выезжал на сборные пункты, где он провел для допризывников занятия, на которых присутствовало пятьсот человек [Там же].

Проведение новых государственных праздников не проходило без культурно-политических, спортивных мероприятий и выступлений физкультурников, где участниками и зрителями являлись молодежь и более старшие представители широких народных масс.

23 февраля 1922 г. в связи с празднованием четвертой годовщины Красной армии председатель Высшего Совета физической культуры Н. И. Подвойский определил задачи и значение допризывной подготовки для Красной армии: «Именно теперь... нужна бодрость и стойкость духа, нужна уверенность в своих силах для отражения врагов Республики трудом и ружьём, умом и волею. Прежде всего, нужно крепкое здоровое тело, которое именно и поможет укрепить наш... ум, закалить волю и чувства. Солнце, вода, воздух... придут к нам на помощь в нашей упорной героической борьбе» [2, д. 1671, д. 60].

В городе Курске торжественно отмечалась четвертая годовщина образования Красной армии. В программу мероприятия были включены вечерние митинги для допризывников и широких слоёв населения на тему: «Значение допризывной подготовки в строительстве Красной армии». Несмотря на тяжёлое экономиче-

ское положение в стране комиссия по проведению праздника выделила для поощрения допризывников определённую сумму денег. По окончании митинга допризывникам были даны бесплатные билеты в театры. Кроме того, с целью премирования молодёжь допризывного возраста, призывники и члены спортивных клубов получили по 1/2 фунта хлеба, 1/8 фунта колбасы [3, д. 20, л. 42].

7 ноября 1922 г. в Курске отмечалась очередная годовщина Октябрьской социалистической революции. Это был праздник с митингом, торжественным заседанием, а также для допризывников были прочитаны лекции по следующей программе политзанятий: «Что такое допризывная подготовка к резерву Красной армии», «Красная армия и ее международное значение», «Текущий момент», «Новая экономическая политика», «Сущность Советской власти», «Конституция», «Программа РКПБ», «Что такое РКСМ, его цели и задачи».

Главным тормозом успешного проведения допризывной подготовки являлся недостаток спортивных снарядов, приборов и пособий. Это в одинаковой степени относилось и к военной подготовке лиц 1902–1903 годов рождения. Винтовки, стрелковые приборы, пособия для занятий почти совершенно отсутствовали. Губернская военная часть организовала сотрудничество с Частями особого назначения в плане использования их винтовок для обучения допризывников военному делу, особенно в сельских пунктах.

Учебной стороне дела допризывной подготовки, как и спортивно-массовой работе, также вредил недостаток учебных пособий, руководящей и специальной литературы. Особенно требовалось в достаточном количестве универсальное руководство (учебник по военному делу), которое служило бы обязательным пособием для инструкторов допризывной подготовки и спорта. Недостаток приборов и пособий (как главная причина ненадлежащей постановки обучения) остро

отражался на посещаемости и знаниях допризывников.

Несмотря на материальные трудности, нехватку учебных пособий и спортивного инвентаря, в Курском уезде активно велась работа по военно-спортивной подготовке допризывников. В спортивных клубах проходили обучение военному делу граждане разных возрастов под руководством инструкторов спортивных обществ.

Почти все инструкторы физкультурно-спортивного общества «Сокол» одновременно состояли инструкторами по допризывной подготовке. Спортивный центр (в недавнем времени Дом физической культуры) ежедневно предоставлял помещение в пользование допризывников города Курска. С целью улучшения работы Совета Курского отдела физической культуры с допризывниками было организовано уездное бюро в составе пяти человек. В их числе – командир по политической части, представитель уездного комитета Рабоче-Крестьянского Союза Молодёжи (РКСМ), два спортсмена. Бюро преобразовало общество «Сокол» в ячейку СКОФК, которая с большим успехом проводила спортивные занятия. Все члены РКСМ влились в ячейку СКОФК, проводя политзанятия [3, д. 17, л. 1].

На Курский губернский Совет физической культуры (далее – ГСФК) возлагалось руководство работой по отдельным видам спорта во всей губернии. Фактически, в 1925 г. ГСФК вёл работу лишь в спортивных секциях города Курска. «При Губернском совете физической культуры вначале работало постоянно действующее совещание инструкторов физической культуры, которое должно было разрешать все вопросы организационного и учебно-методического характера. Однако после получения «Положения о советах физической культуры и указаний о технических комитетах» это совещание было распущено и вместо него создали учебно-технический комитет. К 1925 г. ГСФК и его учебно-технический комитет уже достаточно хорошо освоились с ра-

ботой и твердо взяли курс на массовое развитие физической культуры, улучшение работы кружков на предприятиях и в учебных заведениях. Учебно-технический комитет с 1 апреля по 25 мая 1925 г. провёл курсы судей по спорту. Всего было обучено 30 человек. Занятия проводились два раза в неделю» [4, с. 11].

Согласно Постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мероприятиях по усилению работы Советов физической культуры» 1925 г. в функции ГСФК входила деятельность по укреплению Советов физической культуры и их кадров. Например, руководство уездными советами физической культуры, организация, регулирование и направление работы советов с различными ведомствами; агитация и пропаганда; научно-техническая работа по физической культуре [5, д. 922, л. 253].

После обнародования в 1925 г. Решения Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП (б)) о работе физкультурных организаций, которое стало началом «всеобщего признания общественной и государственной важности развития физической культуры» [3, д. 80, л. 94], в Курском крае заметно активизировалась физкультурная работа среди молодёжи и самых широких народных масс. При этом большое внимание обращалось на кадровое обеспечение. На должности секретарей уездных советов физической культуры как в городе, так и в сельской местности рекомендовано было назначать только тех, кто знаком с физкультурной работой. Для усиления контроля за физкультурным и спортивно-массовым движением в Курском крае губернский исполнительный комитет затребовал от уездных исполнительных комитетов заслушивать доклады о физкультурной работе с населением не реже трёх раз в год с участием на совещаниях врачей. Как отражались на состоянии здоровья молодёжи занятия физическими упражнениями, позволила выявить специальная медицинская регистрация призывавшихся в Красную ар-

мию физкультурников 1907 года рождения. Всего призывная комиссия Курской губернии обследовала 64 физкультурника, из них 75% было признано годными к военной службе [6, д. 13, л. 78].

Движение по физической культуре и оборонно-массовой подготовке захватывало всё более широкие слои населения. То важное значение, которое оно приобрело к 1925 г., потребовало от властных структур страны большего внимания и усиления руководства этой деятельностью. Отношение к физической культуре изменилось не только с точки зрения физического воспитания и оздоровления широких народных масс, но и в плане культурно-хозяйственной и военной подготовки молодёжи допризывного и призывного возраста. Руководство ЦК ВКП (б) считало, что физическая культура должна составлять неотъемлемую часть общеполитического, культурного воспитания и образования, оздоровления масс, поэтому физкультурная и спортивно-массовая работа включалась в общий план деятельности профсоюзных организаций, Красной армии, комсомола, школы, органов здравоохранения [7].

Однако если в городе отношение к физкультуре и спортивно-массовой деятельности со стороны населения обнаруживало явные подвижки, то иначе обстояло дело в деревнях страны и Курского края в частности.

15 января 1926 г. в Курске был получен циркуляр «Всем республиканским, областным и губернским советам физической культуры» за подписью председателя Высшего Совета физической культуры (ВСФК) Н. А. Семашко. В документе отмечалось, что «работа по физической культуре в деревне становится более насущной задачей советов физической культуры и ведомственных организаций, проводящих физическую культуру» [3, д. 53, л. 17]. Не имея в достаточном количестве сведений о работе по физической культуре в деревне, ВСФК «обратился с просьбой немедленной и регулярной высылки имеющихся материалов о работе по физической культуре в де-

ревне, как-то: планов работ, актов обследования деревенских кружковых отчётов, положений, программ и проч.» [7], чтобы осуществлять руководство советами физической культуры на местах. К циркуляру прилагался текст Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 декабря 1925 г. «Об освобождении Советов физической культуры от арендной платы за земельные участки» [3, д. 53, л. 17].

На Пленуме Высшего Совета физической культуры РСФСР в 1926 г., помимо основных недостатков в физкультурной работе, обращалось внимание на «небольшой процент действительных крестьян в кружках, слабое проникновение физической культуры в глухую деревню». Опыт физкультурной работы в городе никак не приживался в деревне, т. к. для деревенского населения «необходимо дать в первую очередь игры и развлечения, увязав их с крестьянским бытом» [8, с. 15].

Отчёты с мест показали, что в деревнях страны практически отсутствовали инструкторы по физической культуре. В то же время в резолюции Пленума по докладу «Итоги и перспективы физкультурного движения» отмечалось, что физическая культура стала охватывать всё большие слои населения. Это произошло «вследствие общего улучшения экономического положения страны и повышения культурных запросов населения» [3, д. 58, л. 41].

Немаловажная роль в проведении военной и спортивно-массовой подготовки в кружках физической культуры отводилась библиотекам, читальням, выставкам и справочным бюро. Деятельность по организации допризывной, оборонной работы и военно-спортивной подготовки широких масс населения страны возлагалась также на профессиональные союзы. В директивном письме № 20(900)29 от 28 июня 1927 г., которое получили все профсоюзные коллективы Курской губернии, были поставлены основные задачи, которые заключались: «1. В неослабном проведении пропаганды и агитации

среди членов союза за усиление обороноспособности нашей страны, в воспитании духа бодрости и желания получить каждым членом союза военных знаний и навыков. 2. В принятии мер к организации там, где не имеется стрелковых тиров для стрельбы мелкокалиберным оружием, к изысканию необходимых средств, нужных на оборудование тиров, снабжение кружков пособиями, приобретение специальной военной литературы, плакатов и т. д.» [9].

Осенью 1926 г. в Москве прошла XV конференция ВКП (б), которая приняла резолюцию «Итоги работы и очередные задачи профсоюзов». Перед профсоюзами ставились задачи «полнее и шире развивать физкультуру, сделать её активнее, втягивая в неё безработную пролетарскую молодёжь», включать в планы общественных работ обустройство садов и площадок для физкультуры [3, д. 58, л. 20]. Конференция обсуждала «книжный, уродливо рациональный подход» к физкультуре (физкультура «как гигиена», «зарядка», «разрядка», «корректирующее движение»), пренебрежительное отношение к соревновательным методам (борьба против «рекордсменства» и «спортсменства») и проблемы, которые тормозили развитие физкультуры, вовлечение в неё молодёжи и грозили «законсервировать» развитие разнообразных видов и форм физкультурной работы среди широких слоёв [8, с. 15].

Таким образом, ВКП (б) поставила перед собой задачи по обеспечению политического руководства физкультурным движением, не допуская его отрыва от массовых, политических и профессиональных организаций; по приданию движению массового характера и вовлечению в него рабочих и крестьян, молодёжи и взрослого населения.

На основании анализа исследуемых архивных материалов сделаем следующие выводы о проведении допризывной и спортивно-массовой подготовки населения Курского края в 1922–1940 годах:

– допризывная и спортивно-массовая подготовка населения страны и Курского

края, в частности в 1922–1940 гг., проводилась под контролем государственных и общественных структур, учреждений здравоохранения молодой Республики Советов;

– несмотря на материальные трудности, голод, разруху, нехватку учебных пособий и спортивного инвентаря, в Курском крае активно разворачивалась работа по военно-спортивной подготовке допризывников и граждан призывного возраста как в городе, так и в деревне;

– губернские и уездные Советы физической культуры Курского края твердо взяли курс на массовое развитие физической культуры, улучшение работы спортивных кружков на предприятиях и в учебных заведениях. Постепенно кружки физической культуры превращались в сплоченные, организованные действующие коллективы, деятельность которых служила делу обороны страны.

Список литературы

1. Стратегия развития физкультуры и спорта в Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: [утв. распоряжением Правительства РФ от 07.08.2009 № 1101-п]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90500/ (дата обращения: 20.12.2017).
2. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). Ф. Р-328. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р.-1063. Оп.1.
4. Ключков А. В. Физкультура и спорт в Курском крае за 40 лет (Очерки по истории развития физической культуры и спорта в 1917–1957 гг.) / Курск: Курск. кн. изд-во, 1958. 71 с.
5. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1
6. ГАКО. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 13. Л. 78.
7. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Деятельность государственных и общественных структур по развитию физической культуры и спорта в Курском крае в 1917–1925 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. №2. С. 93–100.
8. Из Резолюции XV конференции ВКП (б) «Итоги и очередные задачи

профсоюзов» // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам физического воспитания и спорта. 1917–1957. М.: Физкультура и спорт, 1959. С. 15.

9. ГАОПИ КО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курск. обл.). Ф. П-5472/1599. Оп. 1. Д. 260. Л. 72.

Поступила в редакцию 15.01.18

UDC 796.03(470.323)"1922-1940"

O. M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru)

G. G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: karpova.gelika@yandex.ru)

PRE-SERVICE AND SPORT TRAINING OF THE POPULATION OF KURSK REGION IN 1922 – 1940

The article is devoted to the historical study of purposeful use of the possibilities of physical culture and sports for youth preparation and of the masses to protect their homeland in a hostile environment according to the example of Kursk region in 1922 – 1940. Despite the difficult economic situation in the country torn by civil war and its aftermath, external threats, despite the hunger and devastation, the state has engaged strategic plans for the development of physical culture and sports movement, found material and technical means to support military-mass work with the population. The leadership of the Central Committee of the CPSU (b) believed that physical education should be an integral part of the overall political, cultural upbringing and education, rehabilitation of the masses. Therefore, pre-service and sports-mass work was included in the General plan the activity of trade unions, Red Army, Komsomol, schools, health authorities. The implementation of the new public holidays were not without political and cultural, sports and performances of athletes, where participants and spectators were young people and more senior representatives of the masses. An important role in military and sports training in the circles of physical culture was given to the libraries, reading rooms, exhibitions and an information desk. Pre-service and sports training and has engulfed most of the able-bodied population of the Soviet Union allowed citizens of different age groups in practice to master the basic military and physical skills of the fighter on the eve of the great Patriotic war 1941–1945.

Key words: pre-service and sports training, physical culture, sport and military training.

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Pre-service and sport training of the population of Kursk region in 1922–1940. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 159–166 (in Russ.).

References

1. Strategiya razvitiya fizkul'tury i sporta v Rossijskoj Federacii do 2020 goda: [utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 07.08.2009 No. 1101-r]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90500/ (accessed 20.12.2017).

2. GAKO (Gos. arh. Kursk. obl.), f. R-328, op. 1.

3. GAKO, f. R.-1063, op.1.

4. Klochkov A. V. Fizkul'tura i sport v Kurskom krae za 40 let (Ocherki po istorii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v 1917–1957 gg.). Kursk, Kursk. kn. izd-vo, 1958. 71 p.

5. GAKO, f. R-325, op. 1

6. GAKO, f. R-1064, op. 1, d. 13, l. 78.

7. Cukanova O. M., Karpova G. G. Deyatelnost' gosudarstvennyh i obshchestvennyh struktur po razvitiyu fizicheskoy kul'tury i sporta v Kurskom krae v 1917–1925 gg. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo, 2014, no. 2, pp. 93–100.

8. Iz Rezolyucii XV konferencii VKP (b) "Itogi i ocherednye zadachi profsoyuzov". Osnovnye postanovleniya, prikazy i instrukcii po voprosam fizicheskogo vospitaniya i sporta. 1917–1957. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1959, pp. 15.

9. ГАОПИ КО (Гос. арх. обшчеств.-полит. ист. Курск. обл.), ф. П-5472/1599, оп. 1, д. 260, л. 72.

УДК 930

М. П. Иванов, научный сотрудник, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына (Краснодар, Россия) (e-mail: mihail983@mail.ru)

О НЕКОТОРЫХ АРТЕФАКТАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПРИКУБАНЬЕ

В данной статье широко освещаются вопросы эволюции технологических процессов изготовления бронзы в данном регионе Северного Кавказа. В ней последовательно очерчиваются особенности, присущие большинству археологических работ, их традиционная атрибутика: даётся географическое положение региона, указываются племена, жившие на этой местности, перечисляются наиболее распространённые археологические культуры данной территории – майкопская, новотитаровская, северокавказская, прикубанская, а также характеристики и особенности каждой из них. Указываются месторождения меди и мышьяка как основы северокавказской бронзы. Приводятся физико-технические свойства мышьяковистой бронзы. Описывается технологический процесс отливки и отделки изделий. Для убедительности данной мысли и наглядности познания приводятся авторские данные археологов и специалистов – А. А. Иессена, В. И. Марковина, А. А. Формозова, И. Р. Селимханова. Большой познавательный интерес представляет обширный материал об ассортименте самих этих бронзовых изделий: от предметов сельскохозяйственного и бытового назначения (например, топоры, кельты, хозяйственные ножи, псалии) до различного вида оружия (кинжалы, секиры, копья, стрелы) и украшений (серьги, кольца, подвески, браслеты). Здесь необходимо отметить, что все приведенные экспонаты снабжаются описанием и легендой своего местонахождения, ссылкой на того автора, который обнаружил данный артефакт и выдал его на всеобщее обозрение. Особо следует отметить бронзовые артефакты, обнаруженные в дольменных захоронениях Западного Кавказа. Здесь, наряду с господствующей в прикубанской археологии теории мышьяковистой бронзы, упоминается и медноникелевая бронза, а также изделия из неё. Отдельного внимания заслуживают бронзовые артефакты экспортного назначения прикубанских изделий (в основном серпы и топоры), а также и география их поставки, а она – обширна: от соседнего Нижнего Дона через южно-украинские степи до Нижнего Приднепровья и далее через Днестр в Молдавию, Румынию и в Семиградье.

Ключевые слова: артефакт, бронза, изделия, Прикубанье, изделия из бронзы, географическое происхождение.

Ссылка для цитирования: Иванов М. П. О некоторых артефактах эпохи бронзы в Прикубанье // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 167–175.

Эволюционный путь развития человеческого общества и связанный с ним технический прогресс в IV–III тыс. до н.э. привели к смене каменного и последующего за ним медного века к наступлению нового – бронзового.

Поскольку статья посвящена бронзовой эпохе в Прикубанье, уместно остановиться на его географическом положении. Строго невозможно разделить составные части Северного Кавказа, куда и входит Прикубанье, поэтому условно определим его географические координаты точками: г. Тамань (на севере), г. Приморск-Ахтарск, г. Кропоткин (на востоке), г. Армавир (на юге), г. Туапсе (на западе). В бронзовую эпоху в этом регионе проживало множество первобытных племён. В то время они находились на разных стадиях общественного развития. Здесь обитали меоты, аорсы, синды, агры, дандарины, керкеты и множество других племён. Каждое из них жило

по своему хозяйственному укладу и устанавливало со своими соседями торговые и обменные отношения, перенимая у них всё новое, более прогрессивное. Это касалось как устройства жилищ, бытовых навыков, видов одежды, оружия, орудий труда, украшений, так и способов захоронения умерших или погибших соплеменников [1, с. 10]. Указанные атрибуты различных племён породили появление на одной территории совокупности памятников одного времени, что является необходимым условием возникновения определённой археологической культуры. Самыми значительными из них являются: майкопская, северокавказская, новотитаровская, древнеямная, срубная, катакомбная, кобанская [2, с. 17]. Каждая из этих культур носила в себе индивидуальные черты, присущие только её носителям.

Майкопская культура получила своё название от вскрытого в 1897 г. русским

археологом проф. Н. И. Веселовским в г. Майкоп кургана Ошад. Археологический мир в России и за рубежом был изумлён представленными артефактами: 68 золотых штампованных пластинок, 10 двойных пятилепестковых розеток, 38 золотых колец, множество драгоценных сосудов и бусин. Специалист по кавказским культурам Е. Н. Крупнов так охарактеризовал такое сокровище: «...вся территория Западной Европы (кроме Греции) бронзовой эпохи не дала такого богатства захоронений, как Майкопский курган» [3, с. 49].

К раннебронзовому веку (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) археологи относят находки новотитаровской культуры. Она распространяла своё влияние на территорию степного Прикубанья. Особенность этой культуры заключается в необычности характера захоронения её носителей. Их хоронили в ямах, перекрытых сверху деревянными повозками, которыми в степных районах широко пользовались. В своей повседневной жизни племена новотитаровской культуры использовали богатый и разнообразный инвентарь и украшения (перламутровые бусы, подвески из зубов оленей) [4, с. 193].

Северокавказская археологическая культура охватывает период от начала II тыс. до н. э. до его конца. Её принято делить на три этапа, каждый из которых имеет свои особенности. Первый характеризуется периодом становления самой культуры; второй – её расцветом, когда производство различных бронзовых изделий (топоры, серпы, оружие, украшения и богато орнаментированной керамики) достигло больших высот; третий период характеризуется угасанием этой культуры: 1) как неизбежный процесс, следующий за расцветом; 2) по причине всё усиливающихся набегов – нашествий восточных степных племён [2, с. 21–22].

В конце II тыс. до н. э. в этом регионе существовала прикубанская культура – локальный вариант северокавказской. Территория, ею охваченная, простирается от верховьев Кубани с её глав-

ными притоками (рр. Белая, Лаба, Уруп) до Чёрного и Азовского морей. Этой культуре присущи осёдлость племён, деятельное участие в металлообработке бронзовых изделий (орудия труда, серпы, изогнутой формы, боевые топоры, кинжалы, наконечники для копий и стрел, украшения) [5, с. 122]. Находясь на путях торговых связей с Восточной Европой, племена прикубанской культуры принимали активное участие в торговых отношениях со своими партнёрами.

Рассмотрев вкратце некоторые археологические культуры Прикубанья, необходимо перейти к вопросу о медных месторождениях на Кубани, т. к. это является важнейшим условием характеристики бронзовой эпохи в этом регионе. Именно медь послужила основанием зарождения здесь металлургии и последующего получения сплава меди с мышьяком – бронзы, затем высококачественной обработки этого первого искусственного металла.

У бронзы выявились высокие литейные и механические свойства. Бронза имеет повышенную твёрдость (до 80/мм.кв. по шкале Бринелля – *М. И.*), невысокую температуру плавления (830°C. – *М. И.*). «Она химически устойчива против морской воды, растворов едкого натра и соды; у бронзы отличные антифрикционные свойства; она более упругая; у неё красивый внешний вид (цвет, блеск, отражающие свойства)» [6, с. 194].

На Кубани металлургия базировалась на местных источниках. «Месторождения меди известны в ряде районов Закубанья, прежде всего, в верховьях левобережных притоков Кубани, вдоль склонов Главного Кавказского хребта (это реки Пшиш, Белая, Большая и Малая Лаба, Большой и Малый Зеленчуки, Тиберда, Рудная, Шахе, а также в районе Белореченского перевала...). Имеются сведения о древних горных разработках и о следах плавки меди в разных районах Прикубанья (например, скопление медных шлаков близ х. Порошково, в балке

одного из притоков р. Фарс, древние штольни на горе Пастуховая в верховьях р. Большой Зеленчук» [7, с. 116]. Такую же интересную сводку представляет специалист в области бронзовой металлургии А. А. Иессен, он уточняет: «... древние медные рудники на Северо-Западном Кавказе эпохи бронзы находили в верховьях рр. Белой, Фарса, Псеашка, Маруха, Батыкуль» [8, с. 101]; места, где были найдены литейные формы, эксплуатируемые в те времена: Верхняя Теберда, Сумилиная Поляна [Там же], а также места самой медной плавки: реки Афипс, Аксаут, Цице, Маруха, Муху, урочище Амчата, станица Тульская» [Там же].

Идентичные данные приводит и другой археолог – историк В. И. Марковин [5, с. 12].

О наличии в этом регионе медных руд и об использовании их ещё в древние времена, кроме упомянутых авторов, писали Е. Н. Крупнов, И. Д. Стороженко (Медные месторождения Северо-Кавказского края. Пятигорск, 1995), П. П. Сущинский (Горные богатства Северо-Кавказского края). Ростов н/Д, 1931), Е. М. Юшкин (Горные богатства Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1909). В отличие от древней европейской металлургии, где господствовала оловянистая бронза, на Северном Кавказе эволюция развития бронзовой металлургии пошла по пути соединения меди с мышьяком, чему благоприятствовало соседство этих компонентов. Местные месторождения не только меди, но и мышьяка были найдены в верховьях р. Кубань [7, с. 117]. Мышьяк в древних медных изделиях был неслучайным элементом. Тогда уже было известно, что он улучшает физико-технические свойства сплава [9, с. 42]. Примеси мышьяка благоприятно влияют на свойства сплава – это было известно древним металлургам. Даже 0,5% наличия мышьяка в бронзе улучшали её ковкость в холодном состоянии и давали возможность получать плотные отливки, без раковин, самых сложных форм. С увеличением доли мышьяка до

8% пластичность сплавов не ухудшалась [9, с. 42]. Благодаря высокой жидкотекучести мышьяковистой бронзы древние мастера отливали из неё не только простые заготовки, но и предметы сложной конфигурации [9, с. 44].

«Добыча руд производилась в те древние времена на поверхности залежей меди или по пещерам, без применения тяжёлого труда по устройству специальных штолен. Руда не обогащалась, поэтому у полученной бронзы было много примесей, к счастью, только улучшающих её свойства. Основными компонентами были, естественно, медь и мышьяк, присутствовали также сотые доли процентов сурьмы, свинца и висмута» [8, с. 120–121].

Сам технологический процесс изготовления бронзовых изделий протекал по такой схеме. «Вначале он (литейщик. – М. И.) из воска делал сам предмет, который нужно было отлить. Затем на восковую модель наносился необходимый вид украшения. Всё это обмазывалось толстым слоем глины, после чего всё тщательно обжигалось. Глина превращалась в так называемую терракоту, воск вытекал через специальное отверстие, а все оставленные в макете декоративные элементы – шнуры выгорали. Образовавшуюся пустоту заполняли расплавленным металлом (бронзовым сплавом). После отливки, дав ей остыть, полученное изделие дополнительно обрабатывалось: счищали окалину, убрали заусеницы, придавая тем самым готовой продукции товарный вид» [10].

Упомянутый выше А. А. Иессен приводит конкретные сообщения о найденных в различных районах Прикубанья бронзовых изделиях:

«1. На Большом Зеленчуке... найдены два бронзовых топора...

На реке Кяфар, левый приток Большого Зеленчука, в районе ст-цы Сторожевой... при геологических исследованиях найден ряд мелких бронзовых изделий, хранящихся сейчас в Эрмитаже: тяжёлый brasлет полого литья, орнаменти-

рованный насечками, два гладких браслета из прута с разомкнутыми концами; обломок стержня в виде массивной утолщённой лопасти; восемь обломков трубчатых пронизей со свисающими приливами различных форм. Здесь же найдены наконечники стрел.

3-4. Ниже по Малой Лабе в районе ст. Андрюковской были найдены бронзовый серп и две повреждённые булавки с орнаментированным плоским листом.

5. В Кавказском заповеднике... была обнаружена повреждённая половинка каменной литейной формы для топора.

6. На р. Ходзь, левом притоке Малой Лабы, обнаружен бронзовый кинжал узкого вытянутого типа (длиной ок. 39–40 см).

7. На берегу Фарса, левый приток Лабы, в районе ст. Новосвободненской ещё был найден короткий наконечник копья с втульчатой трубкой.

<...>

9. Близ ст. Каменноостской в ручье случайно обнаружена лёгкая бронзовая секира своеобразной формы, напоминающей топор... на погребение.

<...>

15. В ст. Крымской в 1895 г. Н. И. Веселовский производил раскопки курганов. В первом из них («Мазепинском») он наткнулся на погребение... с обломками бронзового шлема..., а также лежащие вместе три бронзовых наконечника копий (ныне всё это хранится в Эрмитаже).

16. На правом берегу р. Ея... были обнаружены четыре бронзовых предмета: кельт северочерноморского типа и два кинжала кобанского типа, а также обломки серпа.

17. В «Кубанской области» были найдены: один бронзовый кинжал с двумя отверстиями для крепления рукоятки; браслет из толстого прута со спирально завёрнутыми заходящими концами; бронзовые ножны для небольшого кинжала» [8, с. 94–95].

Кроме указанных бронзовых артефактов, для более наглядной картины географии обнаружения их в различных

районах Прикубанья есть смысл ещё и классифицировать их по ассортименту: орудия сельскохозяйственного и бытового назначения (например, топоры, тёсла, долота, серпы, хозяйственные ножи, псалии), гончарные принадлежности (котлы домашние, для ближнего боя), украшения (бусы, кольца, подвески, браслеты, серьги).

Бронзовые топоры различных типов (проушные, тесловидные, вислообушные) были обнаружены в могильниках у ст-ц Новосвободной [7, с. 80], Махошевской, Андрюковской, Полтавской, Костромской [7, с. 116], на р. Кяфар и у ст-цы Келермесской [5, с. 74, с. 104, рис. 46]; у ст-цы Боргустанская и у с. Заюково, на Баксане [12, с. 119]; бронзовый топор-молот у ст-цы Воздвиженская [11, с. 257]; вислообушные топоры у ст-цы Андрюковской [5, с. 69]; медный топор – из кургана у ст-цы Келермесская [8, с. 103, рис. 36]; 4 бронзовых проушных топора – в долмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 244, рис. 51, пп. 7, 10, 11, 53], из Боргустанского клада [8, с. 104, рис. 37]; топоры степного типа – у селения Летницкое [5, с. 75]; бронзовые топоры с изображением бараньих голов – в могильнике Фаскау и в селении Галиат [5, с. 80]; топоры, найденные на р. Сочи [8, с. 98, рис. 28; с. 99, рис. 30]; топоры из Бекешевского клада [8, с. 92, рис. 21, п. 4], из Боргустанского клада [8, с. 91, рис. 20, п. 4]; топоры из ст-цы Новосвободная [11, с. 244], из ст-цы Псебайская [5, с. 108], из ст-цы Воздвиженская [5, с. 93]; топор с отвисшим обухом – из Прикубанья (хранится в КГИАМЗ) [5, с. 104, рис. 46]; бронзовый топор из селения Учкулан (в верховьях р. Кубань) [8, с. 89, рис. 15]; бронзовые топоры из раскопок у ст-ц Тенгинская, Курчанская, Черноморская [5, с. 33]; 2 медных топорика (один – с отверстием, другой – пластинчатый) – у ст-цы Саратовская [11, с. 262]; плоский тесловидный топор – у ст-цы Воздвиженская [11, с. 247]; три бронзовых плоских топора – тесла в

дольмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 247, рис. 50, пп. 1, 3, 4]; тесловидный бронзовый топорик, обнаруженный в Майкопском комплексе [5, с. 33, рис. 5]; различного типа и назначения бронзовые топоры были найдены ещё в 1914 г. в курганах у ст-цы Костромская [11, с. 254]; медный топор – из кургана у ст-цы Келермесская [8, с. 103, рис. 36]; топоры поздней бронзы – из г. Майкоп, ст-цы Каменноостская, из верховьев р. Большой Зеленчук, с. Верхняя Теберда [8, с. 105, карта № 40].

Бронзовые долота были обнаружены у ст-ц Новосвободная [7, с. 80], Андриюковская [5, с. 108], Келермесская [5, с. 33, рис. 4], у хут. Кру на р. Улька и у хут. Зубова [Там же], у древнего поселения Солломенка [5, с. 40, рис. 11], в майкопском комплексе [5, с. 108].

Бронзовые тесла археологи выявили в Бекешевском кладе [8, с. 92, рис. 21, пп. 1, 2, 3], в Боргустанском кладе [8, с. 91, рис. 20, пп. 2, 3]; одно бронзовое тесло хранится в КГИАМЗе [8, с. 84, рис. 7]; бронзовые тесла встречаются и в Закавказье [8, с. 107], например, бронзовое тесло из погребенья на р. Берёзовка (близ Кисловодска) [8, с. 107, рис. 43], плоское тесло – нож найдено у посёлка Праздничный (Прикубанье) [5, с. 104, рис. 46].

Бронзовые кельты встречаются не в таком количестве, как, например, топоры. Найдено всего несколько экземпляров на р. Сочи [8, с. 99, рис. 30], на северо-западе Кавказа, в окрестностях г. Геленджик [8, с. 107], в Бекешевском кладе [8, с. 92, рис. 21, п. 5], на берегах рек Ея, Уруп, у ст-цы Келермесская [5, с. 86], у ст-цы Боргустанская, у аула Тауйхабль, у поселения Верхняя Теберда [12, с. 117].

Бронзовые серпы, являющиеся главным элементом сельскохозяйственного инвентаря, были широко распространены в Прикубанье ещё на позднем этапе медно-бронзовой эпохи [8, с. 108]. Своеобразная геометрия делала их отличительными от их собратьев из Семиградья (историческая область в Западных Карпатах.

– *М.И.*), из Нижнего Поднепровья [8, с. 110–111]. На самом Прикубанье география распространения серпов простирается от долины р. Ея до Верхней Теберды, захватывая районы рр. Белая, верховья Кубани, Теберда, Индыш, ст-цы Бекешевская, Боргустанская, Андриюковская, поселения Агур, Гиляч [8, с. 109, карта № 45; с. 91–92], ст-ца Костромская [8, с. 108, рис. 44; с. 109, рис. 45; с. 110–111].

Отдельные экземпляры бронзовых серпов были обнаружены в могильнике Фаскау [12, с. 116], у ст-ц Келермесская и Урупская, у аула Тауйхабль, у селения Верхняя Теберда [12, с. 117]; серпы с загнутым стержнем для насадки – у ст-ц Андриюковская, Змейская, Удобная [12, с. 116], у ст-цы Костромская [11, с. 254]. Кубанские серпы имели своё хождение и за пределами Прикубанья: более 250 экземпляров находятся на территории Молдавии [14, с. 122], на Южной Украине и в Крыму [13, с. 104–105, карта №40].

Бытовые принадлежности подразделяются по их хозяйственным назначениям.

Бронзовые котлы находили в Бамутском могильнике [11, с. 294, рис. 68], у хут. Новый Аршти [7, с. 114]; 2 медных котла из тонкой листовой бронзы, 4 чаши – в дольмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 244]. Сосуды, украшенные красивым «жемчужным» орнаментом – в курганной группе у ст-цы Новосвободная [7, с. 69]; глиняные сосуды – у хут. Рассвет и на п-ове Фонтан [11, с. 265, рис. 58, пп. 1, 2, 5; 4, 6, 7]; сосуды у ст-ц Прохладная, Усть-Лабинская, Кубанская, г. Армавир, хут. Зубовского [5, с. 80, рис. 40, пп. 27, 40, 42, 36, 33]; сосуд с высокой шейкой – у ст-цы Попутная [5, с. 71]; сосуды, имеющие нарезной орнамент и сочетающийся со шнуровым... «знаки на тулове, зубчатый обрез венчика» – у ст-цы Константиновская под Пятигорском [5, с. 76]. Ложка-черпак с длинным стержнем была найдена у ст-цы Новосвободная

[11, с. 244]. В кургане у ст-цы Новосвободная и у древних поселений Долинское и Хаджох были обнаружены крупные керамические сосуды высотой до 45 см и диаметром 50–60 см, а в древних поселениях Ясенова Поляна и Мешоко – миниатюрные сосудики высотой всего 4–5 см и диаметром 1,5 см [7, с. 117]; бронзовые сосуды с кольцевидными ручками – у селений Верхний Кобан [5, с. 78].

Оружие у древних имело двойное назначение: оно было метательным (стрелы, дротики) и оружием ближнего боя (кинжалы, копья, боевые ножи, секиры, булавы). Бронзовые наконечники стрел с выемкой у основания найдены были у ст-цы Андриюковская [5, с. 69], у селения Галиат [5, с. 78], а бронзовые наконечники дротиков – в могильнике Кумбулта [5, с. 104, рис. 46]; копье – у ст-цы Псебайская [7, с. 75]; 2 медных стержня для копья – в кургане у аула Ульский [11, с. 263]; бронзовый наконечник копья – в дольмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 244, рис. 51, п. 13]; бронзовые наконечники копий с черенками для насадки обнаружены у ст-ц Псебайская, Новосвободная [7, с. 116], у селения Бамут [11, с. 306, рис. 73, п. 1], у ст-цы Боргустанская [8, с. 91], на р. Белая у ст-цы Каменноостская [8, с. 111], у ст-цы Крымская [8, с. 112, рис. 49, пп. 2, 3; с. 113, рис. 50; с. 114, рис. 51], у ст-цы Андриюковская [8, с. 83].

Особую роль в ассортименте оружия ближнего боя играли кинжалы. Их экземпляры находят повсеместно: у ст-цы Андриюковская [5, с. 69]; девять ножей-кинжалов – в дольмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 244], у селения Красногвардейское [11, с. 254, рис. 56, пп. 8, 10], у ст-цы Махошевская – [11, с. 254, рис. 56, п. 9]; бронзовый нож с двойным перехватом (плоский медный кинжальчик) – у ст-цы Раевская [7, с. 80]; два бронзовых ножа – в кургане к западу от ст-цы Варениковская [11, с. 262]; медный черенковый нож – в Майкопском кургане [7, с. 74]; медный нож – у ст-цы Тбилисская [7, с. 74], у ст-цы Тимашёвская [7,

с. 75]; медный черенковый нож – в Хаджохе [7, с. 80]. Бронзовые и медные изделия найдены также у ст-ц Новосвободная [5, с. 108], Крымская [5, с. 73, рис. 32], у ст-цы Келермесская [5, с. 104, рис. 46], у селения Галашки в Чечне [5, с. 82, рис. 38], у ст-цы Удобная и в урочище Агур [12, с. 117], из Бекешевского клада [8, с. 92, рис. 21, п. 8; с. 114, рис. 51, 52]; бронзовые ножи-кинжалы найдены у пос. Бамут [11, с. 254, рис. 56, пп. 4, 5], у пос. Красногвардейское [там же, пп. 8, 10], у ст-цы Махошевская [там же, п. 9]; бронзовый нож с двойным перехватом – у ст-цы Крымская [5, с. 71]; у г. Кропоткин был найден двулезвийный кинжал [8, с. 88, рис. 14] и такой же кинжал – на р. Гоначхир (правый приток р. Теберда) [8, с. 91]; топор-секира обнаружен в кургане у ст-цы Андриюковская [5, с. 93]; клинки листовидных кинжалов длиной 17–18 см, прикрепляющиеся к рукояти двумя-тремя заклёпками, были выявлены в могильнике Кумбулта (Северная Осетия) [5, с. 104, рис. 46], у ст-цы Новосвободная [5, с. 108], у ст-цы Крымская [5, с. 73, рис. 32], у ст-цы Келермесская [5, с. 104, рис. 46], у селения Чми [5, с. 80]; бронзовая булава была найдена на р. Гоначхир (правый приток р. Теберда) [8, с. 91, рис. 19]; бронзовая секира – у г. Майкоп [8, с. 106, рис. 41], у ст-цы Каменноостская [8, с. 106, 42, п. 2], у хут. Шунтуки и на р. Белая [8, с. 85, рис. 9].

Бронзовые желобчатые орудия были найдены в курганах у ст-ц Новосвободная [11, с. 246, рис. 49, пп. 2, 3, 4]; Воздвиженская [Там же, п. 6], Махошевская [Там же, п. 8].

Ассортимент различных украшений вызывает понятное удивление. В той суровой жизни желание украсить себя, свою жену становится проявлением изысканной духовности в дописьменный период.

Подвески из перевитой бронзовой проволоки были обнаружены при раскопке у пос. Праздничный (Прикубанье) [5, с. 33]; бронзовые подвески – у ст-цы Новолабинская [5, с. 32, рис. 4], древнего

поселения Соломенки под г. Нальчик [5, с. 41, рис. 11]; бронзовые подвески в виде крупного и богато орнаментированного диска – в пос. Константиновка возле г. Пятигорск [5, с. 97]; подвеска височная – в могильнике Верхняя Рутха [5, с. 104, рис. 46]. В большом количестве бронзовые изделия обнаружены в раскопанном могильнике на р. Кяфар (Прикубанье) [8, с. 93, рис. 22]; Бронзовые браслеты из кованого прута были найдены на р. Кяфар [8, с. 93, рис. 22], в могильнике Кумбулта (Северная Осетия) [5, с. 77, рис. 35, п. 43], в селении Галашки (Чечня) и под г. Нальчик [5, с. 82]; две золотые серьги и четыре золотых кольца – в дольмене у ст-цы Новосвободная [11, с. 243, рис. 47]. Полусферические литые крупные (высотой 2,6–6 см и диаметром 5–9 см) бляхи с богатством декора, чистотой отделки и ценностью металла были обнаружены у селения Аргун (Северная Осетия) [5, с. 96]; браслет из тёмной меди – у ст-цы Саратовская [11, с. 262]. Серебряные колечки найдены в кургане у ст-цы Чамлыкская и у пос. Праздничный (Прикубанье) [5, с. 97], а снабжённые стерженьком небольшие кружочки и кольца, имеющие ушко для подвешивания, – у пос. Константиновка близ Пятигорска [5, с. 97]. Булавки различной модификации и назначения были найдены у ст-цы Андрюковская [8, с. 115, рис. 53, пп. 2, 3,], у хут. Кру на р. Улька [5, с. 104, рис. 46], у селения Вольное (Прикубанье) [5, с. 104, рис. 46]; булавки изогнутые – у аула Ульский [5, с. 31], а молоточковидные – у ст-цы Воздвиженская [5, с. 38, рис. 4], в Прикубанье [5, с. 95]; булавка стержневидная со сквозным отверстием в утолщении ниже головки – на Никитиной Поляне на р. Малая Лаба [8, с. 94]; золотая игла с ушком – у ст-цы Новосвободная [11, с. 244, рис. 48, п. 7]; 2 серебряные серьги – у ст-цы Келермесская, на р. Айрюнь [11, с. 256].

Отдельного внимания заслуживают бронзовые артефакты, найденные в дольменных сооружениях Северо-Западного

Кавказа. Знатоки географии бронзовых изделий Р. М. Мунчаев, перечисляя ассортимент продукции той эпохи, говорит о двух группах применявшихся бронз: «...одна из бронз медно-мышьяковистой, а вторая – медно-никелевая... Представлены безчеренковые ножи-кинжалы (в Майкопском кургане ещё и проушные топоры) на всём пространстве дольменной территории. Ко второй группе (медно-никелевой) наряду с ножами-кинжалами представлены плоские тесловидные топоры, долотовидные орудия, специфические литые орудия с двумя крюками и круглой втулкой, медные котлы и бронзовые псалии» [11, с. 332].

Указанный ассортимент прикубанских бронзовых изделий пользовался большим спросом у соседних племён и даже в других регионах. Это отмечают многие специалисты. А. А. Иессен, характеризуя особую конфигурацию кубанских серпов, говорит, что «такой характерный признак... отличает их от серпов прикарпатских и нижнеднепровских» [8, с. 111]. Это позволяет говорить о косвенном влиянии на производство подобных серпов в Нижнем Поднепровье, если не о прямой их доставке из Прикубанья. «...Хотя имелись и другие источники сырья (Южный Урал, Венгрия, Семиградье (историческая область в Западных Карпатах. – М. И.), Балканы), Кавказ занимает центральное место среди них, а основные связи степи с Кавказом шли по линии Прикубанья, и географически и культурно более близкого населению степей, чем Центральный Кавказ» [8, с. 122–123].

Такое научное и обоснованное мнение А. А. Иессена полностью разделяет украинский археолог А. Л. Нечитайло. Она подробно описывает экономические взаимоотношения между племенами соседних с Прикубаньем территорий: Крым, Придонье, Северное Причерноморье. Это тем более представляет исторический интерес, т. к. «в контакт вступали сообщества разные по уровню своего общественного развития и характеру сво-

его экономического положения, расселяющиеся на огромном пространстве Юго-Восточной Европы» [13, с. 3]. Для убедительности своего довода автор даёт перечень тех географических пунктов в Крыму и юго-восточной части Украины, куда поставлялся кубанский экспорт, в частности топоры и серпы [13, с. 104–105, карта №40]. Она же уточняет, что в период средней бронзы по сравнению с ранней, экономические связи расширяются, «в итоге количество бронзовых изделий увеличивается почти в десять раз» [13, с. 103].

Ещё дальше от Прикубанья – в Прикарпатье тоже существует спрос на кубанские серпы. Это детально описывают молдавский археолог В. А. Дергачёв и его российский коллега В. С. Бочкарёв. Они отмечают высокое качество, особое своеобразие конфигурации этих серпов. Обширная территория их распространения – от Нижнего Подонья, Крыма до Северного и даже Западного Причерноморья вплоть до г. Констанца в Румынии [14, с. 14–15].

Список литературы

1. Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1953. 79 с.
2. Трёхбратов Б. А. История и культура народов Прикубанья: с древнейших времен до начала XX века. Краснодар: Традиции, 2011. 479 с.
3. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
4. Гей А. И. Новотитаровская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.
5. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.
6. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 214 с.
7. Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
8. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23.
9. Селимханов И. Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1975. 79 с.
10. Давиденко И. Д. Древняя металлургия на Кубани // Советская Кубань, 1952. № 39.
11. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 416 с.
12. Крупнов Е. Н. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
13. Нечитайло А. Л. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1996. 112 с.
14. Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв: Высш. антропологическая шк., 2002. 348 с.

Поступила в редакцию 13.03.18

UDC 930

M. P. Ivanov, Researcher, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named E. D. Felitsyn (Krasnodar, Russia) (e-mail: mihail983@mail.ru)

SOME OF THE ARTIFACTS OF THE BRONZE AGE IN THE KUBAN REGION

In this article the questions of evolution of technological processes of production of bronze in this region of the North Caucasus are widely covered. In it the features inherent to the majority of archaeological works, their traditional attributes are consistently outlined: the geographical position of the region is given, the tribes living in this district are

specified, the most widespread archaeological cultures of this territory – Maikop, Novotitarovskaya, North Caucasian, Prikubansky, and also characteristics and features of each of them are listed. Copper and arsenic deposits as bases of the North Caucasian bronze are specified. Physical and technical properties of arsenic bronze are given. The technological process of casting and finishing of products is described. For the credibility of this idea and clarity of knowledge are more critical of archaeologists and professionals - A. A. Iessen, V. I. Markovin, A. A. Formozov, I. R. Selimkhanov. The extensive material about assortment of these bronze products is of great cognitive interest: from subjects of agricultural and household appointment, for example, axes, celts, household knives, psalms, to various types of weapon – daggers, axes, spears, arrows and jewelry - earrings, rings, pendants, bracelets. Here it should be noted that all the exhibits listed here are supplied with a description and a legend of their location, a reference to the author who discovered the artifact and gave it to the public. Of particular note are the bronze artefacts found in the dolmens of the Western Caucasus. Here, along with dominant in the Kuban archaeology of the theory of arsenical bronze, and referred to copper nickel alloy bronze and products. Special attention should be paid to bronze artifacts of export purpose of Prikubansky products (mainly sickles and axes), as well as the geography of their delivery. The article is vast: from the neighbouring Lower don through the South Ukrainian steppes to the Lower Pridneprovia and then across the Dniester to Moldova, Romania and Semigradia.

Key words: artifacts, bronzes, products, Kuban, geographic origin.

For citation: Ivanov M. P. Some of the artifacts of the bronze age in the Kuban region. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 167–175 (in Russ.).

References

1. Anfimov N. V. Drevnie poseleniya Prikuban'ya. Krasnodar, Krasnod. kn. izd-vo, 1953. 79 p.
2. Tryohbratov B. A. Istoriya i kul'tura narodov Prikuban'ya: s drevnejshih vremen do nachala XX veka. Krasnodar, Tradicii Publ., 2011. 479 p.
3. Krupnov E. I. Drevnyaya istoriya i kul'tura Kabardy. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957.
4. Gej A. I. Novotitarovskaya kul'tura. Moscow, Staryj sad. Publ., 1957.
5. Markovin V. I. Kul'tura plemyon Severnogo Kavkaza v ehpohe bronzy (II tys. do n.eh). Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960. 151 p.
6. Kosven M. O. Ocherki istorii pervobytnoj kul'tury. Moscow, Izd-vo An SSSR, 1953. 214 p.
7. Formozov A. A. Kamennyj vek i ehneolit Prikuban'ya. Moscow, Nauka Publ., 1965. 160 p.
8. Iessen A. A. Prikubanskij ochag metallurgii i metalloobrabotki v konce medno-bronzovogo veka. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, 1951, no. 23.
9. Selimhanov I. R. Razgadannye sekrety drevnej bronzy. Moscow, Nauka Publ., 1975. 79 p.
10. Davidenko I. D. Drevnyaya metallurgiya na Kubani. Sovetskaya Kuban', 1952, no. 39.
11. Munchaev R. M. Kavkaz na zare bronzovogo veka. Moscow, Nauka Publ., 1975. 416 p.
12. Krupnov E. N. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza. Moscow, Izd-vo An SSSR, 1960. 520 p.
13. Nechitajlo A. L. Svyazi naseleniya Stepoj Ukrainy i Severnogo Kavkaza v ehpohe bronzy. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1996. 112 p.
14. Dergachyov V. A., Bochkaryov V. S. Metallicheskie serpy pozdnej bronzy Vostochnoj Evropy. Kishinyov, Vyssh. antropologicheskaya shk. Publ., 2002. 348 p.

УДК 94(47).084.8

Н. В. Чугунова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (Тула, Россия) (e-mail: natachug@yandex.ru)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗДАНИЯ ТУЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются обстоятельства создания Тульского городского комитета обороны как чрезвычайного органа власти периода Великой Отечественной войны. В целях централизации управления и мобилизации всех ресурсов в июне 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны – чрезвычайный высший орган власти, постановления которого носили характер законов. Однако в связи с военными действиями обстановка на местах, особенно в прифронтовых регионах, менялась слишком быстро, чтобы центральная власть всегда успевала адекватно реагировать. В этих условиях требовалось, чтобы власть на местах не просто дисциплинированно исполняла приказы сверху, но и проявляла разумную инициативу и автономность в своих действиях. Во второй половине октября 1941 года высшее руководство страны уже вполне осознавало необходимость создания в регионах чрезвычайных органов власти. 22 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принимает постановление № 830с «О городских комитетах обороны». Это постановление предписывало создать городские комитеты обороны в 46 городах СССР, в том числе в Туле. Фактически, круг местных органов управления, для которых распоряжения городского комитета обороны имели абсолютную силу, был в основном тем же, что и для распорядительных региональных партийных и советских органов мирного времени. Значительным расширением этого круга было лишь подчинение городским комитетам воинских частей НКВД и ополченческих формирований, находящихся на территории города. Последнее достигалось включением в состав комитетов обороны комендантов городов и начальников местных органов внутренних дел. Делается вывод о том, что формирование в годы Великой Отечественной войны чрезвычайных органов власти, в том числе Тульского городского комитета обороны, представляло собой оптимальный путь консолидации властных полномочий и, в то же время, определенной автономии власти на местах в специфических условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, чрезвычайные органы власти, Государственный комитет обороны, Тульский городской комитет обороны.

Ссылка для цитирования: Чугунова Н. В. Обстоятельства создания Тульского городского комитета обороны в контексте формирования чрезвычайных органов власти в годы Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 176–182.

Создание в период Великой Отечественной войны чрезвычайных органов власти – городских комитетов обороны, в том числе Тульского городского комитета обороны, было характерным ответом государственного механизма на судьбоносный вызов истории. Чрезвычайные органы власти способствовали концентрации и централизации управления в центре и на местах, жестко регулировали практически все стороны общественных отношений.

Стремительное продвижение противника вглубь страны, поражения на фронте и другие неутешительные события первых недель Великой Отечественной войны вынуждали высшее советское руководство в короткий срок искать пути исправления ситуации. В этой обстановке 30 июня 1941 г. был создан Государ-

ственный Комитет Обороны (ГКО) – чрезвычайный высший орган власти, постановления которого носили характер законов. Отметим, что Конституция СССР 1936 года не предусматривала создание чрезвычайных органов власти, тем более с неограниченными полномочиями.

К середине октября 1941 г. руководство страны столкнулось с очередными неотложными задачами. Немецкие войска к этому моменту успели создать реальную угрозу захвата Москвы. Падение столицы СССР могло иметь не только серьезные военные, но и намного более тяжелые морально-психологические последствия. К тому же именно на осенние месяцы 1941 г. пришлось наибольшее снижение производства военной продукции.

В связи с военными действиями обстановка на местах, особенно в прифронтовых регионах, менялась слишком быстро, чтобы центральная власть всегда успевала адекватно реагировать. В этих условиях требовалось, чтобы власть на местах не просто дисциплинированно исполняла приказы сверху, но и проявляла разумную инициативу и автономность в своих действиях.

Кризис управляемости прифронтовыми регионами усугублялся в этот период еще одним обстоятельством. Еще в первый же день войны – 22 июня 1941 года – вышли два указа Президиума Верховного Совета СССР: № 277 «О военном положении» и № 278 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения». Указ № 277 устанавливал, что «в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений» [1, с. 5]. Круг вопросов, отдаваемых указом на усмотрение военных властей, был весьма широк – вплоть до регулирования работы торгующих организаций и установления норм отпуска населению продовольственных и промышленных товаров. Причем по всему кругу своих полномочий военные власти имели право издавать обязательные для всего населения постановления и отдавать распоряжения местным органам власти [1, с. 6]. Указ № 278 в числе других местностей СССР объявлял военное положение и в Тульской области [1, с. 7].

Как видно, во всех прифронтовых регионах первенство в осуществлении ряда важнейших властных полномочий переходило в руки военных органов. Между тем, очевидно, что военные не могли обладать знанием местных условий, местной элиты и множеством других качеств, необходимых для эффективного

управления в гражданской сфере. Включение в состав военных советов региональных руководителей (обычно секретарей обкомов) частично решало проблему. Однако гражданские руководители находились в этих военных органах в сугубо подчиненном положении. Столь необходимый в сложившихся условиях конструктивный контакт между военной и гражданской властями подчас нарушался даже из-за личных конфликтов. Так, 1-й секретарь Тульского обкома ВКП(б) В. Г. Жаворонков, в силу сложных отношений с командующим 50-й армией А. Н. Ермаковым, не посещал заседания Военного совета армии вплоть до замены А. Н. Ермакова И. В. Болдиным [2, с. 73].

Необходимо отметить, что в ряде регионов еще в первые месяцы войны предпринимались попытки создания смешанных военно-гражданских органов, которые должны были установить тесное взаимодействие армии и местной власти, а также повысить автономность управления на уровне регионов. В городах Киев, Одесса, Ленинград, Ельня в июле – августе 1941 г. функционировали чрезвычайные органы (штабы обороны города, советы обороны, оперативные группы), в состав которых входили представители партийных, советских и военных структур. Однако высшее руководство страны, вероятно, еще считавшее сверхцентрализацию преимуществом, в этот период относилось к таким местным инициативам скорее неодобрительно. Так, фактически по настоянию центральной власти, 30 августа 1941 г. был упразднен Совет обороны Ленинграда [3, с. 52].

Во второй половине октября 1941 г. высшее руководство страны уже вполне осознавало необходимость создания в регионах чрезвычайных органов власти. 22 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принимает постановление № 830с «О городских комитетах обороны». Это постановление предписывало создать городские комитеты обороны в 46 городах СССР. Постановление определяет район создания городских комите-

тов обороны как «ближайший тыловой район фронта» [4]. Проводя более четкое разграничение, можно констатировать, что городские комитеты обороны создавались в прифронтовых городах, которым уже непосредственно угрожал противник (Серпухов, Тула, Ворошиловград, Шахты, Симферополь, Курск), в городах ближнего, оперативного тыла (Новочеркасск, Воронеж, Тамбов, Рязань), а также в ряде городов дальнего, стратегического тыла, особо важных в военно-стратегическом и военно-промышленном отношениях (Горький, Казань, Саратов, Астрахань, Владикавказ и т. д.).

Можно предположить, что на заседании Государственного Комитета Обороны 22 октября 1941 г. не только было принято решение о создании городских комитетов, но и, фактически без предварительной подготовки, был написан текст постановления, который не подвергался дальнейшему редактированию. Эту версию подтверждают следующие моменты: недоработанная стилистика документа (частое повторение слов) и хаотичный (без соблюдения алфавитного или географического порядка) перечень городов, в которых должны быть созданы комитеты.

Тем не менее именно постановление ГКО №830с послужило единственной правовой основой для создания и деятельности городских комитетов обороны.

С точки зрения исследования объема полномочий городских комитетов обороны представляют интерес следующие формулировки постановления №830с. Преамбула постановления провозглашает, что городские комитеты обороны создаются «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка». Такая формулировка говорит о смешанном, военно-гражданском характере органа власти, его чрезвычайности и в принципе неограниченных полномочиях. Территориальные границы полномочий деятельности городских комитетов определяются как «город и прилегающие районы». По-

становление предписывает иметь в каждом из городов коменданта, в распоряжение которого следовало передать «войска НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды». В состав каждого комитета обороны должны были войти 4 человека: первый секретарь обкома или секретарь горкома ВКП(б) (в качестве председателя комитета), председатель облисполкома или горисполкома, начальник областного Управления НКВД или начальник городского отдела НКВД, комендант города.

Постановление ГКО о создании городских комитетов обороны не отменяло вышеупомянутый указ Верховного Совета СССР №277, который в широком круге вопросов подчинял местные и региональные органы власти в полосе фронта и ближнего тыла органам военного управления. Это означало подчинение созданных городских комитетов в вопросах обороны, государственной безопасности и поддержания общественного порядка военным советам армий и фронтов. Командование армии и комитет обороны областного центра выступали, как правило, как равноправные субъекты, не отдающие друг другу обязательных для исполнения распоряжений. В то же время военный совет фронта в реальной властно-распорядительной практике всегда стоял выше комитета обороны любого города. Так, Тульский городской комитет обороны всегда безоговорочно исполнял распоряжения Военного совета Брянского фронта.

Фактически, круг местных органов управления, для которых распоряжения городского комитета обороны имели абсолютную силу, был в основном тем же, что и для распоряжений региональных партийных и советских органов мирного времени. Значительным расширением этого круга было лишь подчинение городским комитетам воинских частей НКВД и ополченческих формирований, находящихся на территории города. Последнее достигалось включением в состав комитетов обороны комендантов городов

и начальников местных органов внутренних дел.

При сопоставлении городских комитетов обороны и ГКО мы видим довольно много схожих черт: чрезвычайность, не были предусмотрены Конституцией, смешанный военно-гражданский характер, узкий состав. Однако были и существенные различия: отсутствие фактической и юридической возможности сосредоточения в руках городского комитета обороны всей полноты власти в регионах.

В историографии городских комитетов обороны велась определенная дискуссия о том, можно ли считать эти городские комитеты обороны низовыми органами Государственного Комитета Обороны. Ряд авторов были склонны к положительному ответу на этот вопрос [5, с. 13; 6, с. 56; 7, с. 35], другие это отрицали [8, с. 83; 9, с. 90]. Автор статьи поддерживает вторую точку зрения. Ни в постановлении ГКО о создании городских комитетов обороны, ни в каких-то других нормативных актах статус городских комитетов как низовых органов Государственного Комитета Обороны не закреплялся. К тому же ГКО, как правило, контролировал деятельность городских комитетов обороны не напрямую, а через аппарат ЦК ВКП(б).

Постановление ГКО № 830с «О городских комитетах обороны» было послано обкомам и горкомам ВКП(б) тех областей и городов, где намечалось создание городских комитетов обороны. Практически во всех предусмотренных постановлением городах комитеты обороны были созданы в срок с 22 по 27 октября 1941 г. [3, с. 55–56] В дальнейшем городские комитеты обороны были созданы еще в ряде регионов страны, и их максимальное число достигло 79 [3, с. 386].

Тульский городской комитет обороны был образован без промедления – 22 октября 1941 г. [10, с. 17; 11, с. 74]. Другой современник событий уточняет, что это произошло вечером 22 октября, причем, по его словам, комитет сразу же

«приступил к работе» [12]. Нет никаких сомнений в том, что Тульский городской комитет обороны 22 октября действительно не просто был сформирован, а именно начал работать, т. к. уже на следующий день – 23 октября 1941 г. вышло три его важнейших постановления, каждое из которых требовало определенного времени для разработки.

В литературе по истории Тулы времен Великой Отечественной войны можно встретить утверждение, что Тульский городской комитет обороны был создан совместным постановлением обкома ВКП(б), горкома ВКП(б), облисполкома и горисполкома [13, с. 373; 14, с. 49; 15, с. 272]. Однако это сообщение не подтверждается источниками. Во-первых, такое постановление не обнаружено в архивных фондах ни одного из тульских органов власти того времени. Нет его и в фонде самого Тульского городского комитета обороны (фонд 3039 Государственного архива Тульской области). Во-вторых, никто из современников тех событий не упоминает такого рода постановление в своих мемуарах. В-третьих, такое постановление не было напечатано в тульской прессе ни 22, ни 23 октября, ни в последующие дни, хотя публикация постановлений местных органов власти об образовании городских комитетов обороны была обычной практикой при создании городских комитетов обороны [3, с. 56].

Кроме того, версия о создании Тульского городского комитета обороны совместным постановлением четырех партийных и советских органов вступает в явное противоречие с указанием источников на образование городского комитета обороны Тулы уже вечером 22 октября 1941 г. Учитывая, что в этот же день в Москве состоялось заседание Государственного Комитета Обороны, принявшего постановление о создании городских комитетов по стране, у тульского руководства было не более нескольких часов, чтобы собрать совместное заседа-

ние обкома, горкома, облисполкома и горисполкома. Едва ли это было реальным.

Не приходится сомневаться, что постановление ГКО само по себе было достаточным правовым основанием для образования Тульского городского комитета обороны и, в принципе, не требовало дублирования в виде постановлений каких бы то ни было региональных органов власти. Не требовалось никаких решений местной власти и для определения состава городских комитетов, т. к. этот состав был совершенно определенно описан в постановлении ГКО. Неудивительно, что сам председатель Тульского городского комитета обороны В. Г. Жаворонков писал, что Тульский городской комитет обороны был создан «22 октября постановлением Государственного комитета обороны» [10, с. 17], и не упоминал в связи с его образованием ни о каких постановлениях региональных органов. Секретарь Центрального райкома ВКП(б) А. Н. Малыгин также пишет, что Тульский городской комитет обороны был создан «по решению Государственного Комитета Обороны» [11, с. 74].

Между тем в тех городах, которым, в отличие от Тулы, в конце октября 1941 г. не угрожала непосредственная военная опасность, действительно принимались постановления региональных и местных органов власти о создании городских комитетов обороны. В подобных случаях создание городских комитетов обороны могло сопровождаться пропагандистской кампанией: вслед за публикацией соответствующего постановления в газетах проводились митинги и собрания, а местная пресса публиковала письма трудящихся с призывом всемерно помогать работе комитета обороны своего города [3, с. 56]. Именно такой сценарий формирования городских комитетов обороны породил определенный стереотипный взгляд на создание этих органов власти, который нашел отражение в исторической литературе. При этом зачастую именно так описывалось создание вообще всех комитетов обороны. Для туль-

ских авторов первоисточником ошибки послужил, по-видимому, сборник документов и материалов «Битва за Тулу» издания 1969 года [13, с. 373], а затем неверное положение просто переходило из книги в книгу. Характерно, что информация о совместном постановлении нигде не сопровождается ссылкой на архивные документы или воспоминания участников событий.

В прифронтовой Туле просто не оставалось времени для выполнения при образовании городского комитета обороны тех юридических процедур, которые могли себе позволить в регионах с более спокойной обстановкой. Коллективный труд «Советы – власть народная» 1971 года приводит интересные подробности создания Тульского городского комитета обороны. Здесь указывается, что Тульский городской комитет обороны был создан 22 октября 1941 г. «по телефонному указанию Председателя Государственного Комитета Обороны» [16, с. 108]. Речь идет о том, что указание создать комитет в Туле в тот же день, когда было принято соответствующее постановление ГКО, было дано лично И. В. Сталиным в телефонном разговоре с одним из тульских руководителей (скорее всего с В. Г. Жаворонковым). К сожалению, эта информация не подтверждена ссылкой на ее источник. Но следует признать, что именно такой сценарий создания Тульского городского комитета обороны выглядит наиболее реальным, принимая во внимание чрезвычайную оперативность формирования комитета – в течение всего нескольких часов после постановления ГКО. Факт личного указания И. В. Сталина, если он действительно имел место, указывает на большое внимание высшего руководства страны к событиям в Туле в этот период, а также на серьезные надежды, которые возлагались на городские комитеты обороны в плане исправления кризисной ситуации в прифронтовых городах.

Фактически, Тульский городской комитет обороны был создан первым

среди всех городских комитетов обороны СССР. На следующий день, 23 октября 1941 г. комитеты обороны были созданы в Симферополе, Севастополе, Керчи, Сталинграде, Камышине и Астрахани [3, с. 55].

Подводя итог, отметим, что формирование в период Великой Отечественной войны чрезвычайных органов власти – городских комитетов обороны представляло собой оптимальный путь консолидации властных полномочий и в то же время определенной автономии власти на местах в специфических условиях военного времени. Безусловно, имело место запаздывание создания городских комитетов обороны, что можно считать одним из упущенных резервов более организованного сопротивления агрессору в первые месяцы войны.

Список литературы

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док.: в 2 т. Т. 2, кн. 1: Начало (22 июня – 31 августа 1941 года). М.: Русь, 2000. 717 с.
2. Плотников А. П. Рассекреченная правда войны. Тула: Шар, 1995. 166 с.
3. Данилов В. Н. Война и власть. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны / под ред. А. И. Авруса. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. С. 52.
4. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. ист.). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180–181.
5. Калинин Е. Ф. Саратовский городской комитет обороны в годы Великой

Отечественной войны: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1983. 159 с.

6. Лепешкин А. И. Советы – власть народа. 1936–1967. М.: Юрид. лит., 1967. 375 с.
7. Сеницын А. М. Чрезвычайные органы Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 32–43.
8. Беликов А. М. Государственный комитет обороны и проблемы создания слаженной военной экономики // Советский тыл в Великой Отечественной войне: в 2 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1974. С. 70–79.
9. Гутин М. Л. О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1970. № 7. С. 82–91.
10. Жаворонков В. Г. Героический город // Тула – город-герой. Тула: Приок. кн. изд-во, 1981. С. 12–32.
11. Малыгин А. Н. Рабочая Тула сражается. М.: Политиздат, 1974. 230 с.
12. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 6. Д. 70. Л. 7.
13. Битва за Тулу: сб. док. и материалов. 4-е изд., доп. и испр. Тула: Приок. кн. изд-во, 1969. 407 с.
14. Галицан А. С., Муриев Д. З. Тула – город-герой. М.: Воениздат, 1981. 159 с.
15. Чуднов Г. М. История Тульского края. Тула: Пересвет, 2000. 319 с.
16. Советы – власть народная. Очерки истории Советов Тульской области. Тула: Приок. кн. изд-во, 1971. 222 с.

Поступила в редакцию 02.04.18

UDK 94(47).084.8

N. V. Chugunova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tula State University (Tula, Russia) (e-mail: natachug@yandex.ru)

THE CIRCUMSTANCES OF THE ESTABLISHMENT OF TULA CITY COMMITTEE OF THE DEFENCE IN THE CONTEXT OF SETTING UP THE EXTREME AUTHORITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Circumstances of creation of Tula city committee of defence as extreme authority of the period of Great Patriotic war are considered. In order to centralize the administration and mobilize all resources in June 1941, the State

Defense Committee was created - an extraordinary supreme authority, whose decisions were law-specific. However, in connection with the military actions, the situation on the ground, especially in the front-line regions, changed too quickly for the central government to always adequately react. In these conditions, it was required that the authorities in the localities not only follow disciplined orders from above, but also show reasonable initiative and autonomy in their actions. In the second half of October 1941, the country's top leadership was already fully aware of the need to create emergency authorities in the regions. On October 22, 1941, the State Defense Committee adopted Decree No. 830c "On City Defense Committees". This decree ordered the establishment of city defense committees in 46 cities of the USSR, including in Tula. In fact, the circle of local government bodies for which the orders of the city defense committee had absolute strength was basically the same as for the orders of regional party and Soviet peacetime authorities. A significant expansion of this circle was only the submission to the city committees of military units of the NKVD and militia units located on the territory of the city. The latter was achieved by including in the defense committees of commandants of cities and heads of local bodies of internal affairs. It is drawn conclusion that formation within Great Domestic war of extreme authorities, including Tula city committee of defence, represented an optimum way of consolidation of powerful authorities and, at the same time, determined autonomy of the local authorities in specific conditions of wartime

Key words: Great Patriotic War, extreme authorities, State committee of defensive, Tula city committee of defensive.

For citation: Chugunova N. V. The circumstances of the establishment of Tula city committee of the defence in the context of setting up the extreme authorities during the Great Patriotic War. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 176–182 (in Russ.).

References

1. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. Vol. 2, kn. 1: Nachalo (22 iyunya – 31 avgusta 1941 goda). Moscow, Rus' Publ., 2000. 717 p.

2. Plotnikov A. P. Rassekrechennaya pravda vojny. Tula, Shar Publ., 1995. 166 p.

3. Danilov V. N. Vojna i vlast'. Chrezvychajnye organy vlasti regionov Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny; ed. by A. I. Avrusa. Saratov, Povolzh. fil. Ros. ucheb. centra, 1996, pp. 52.

4. RGASPI (Ros. gos. arh. soc.-polit. ist.), f. 644, op. 1, d. 12, l. 180–181.

5. Kalinin E. F. Saratovskij gorodskoj komitet oborony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dis. kand. jurid. nauk. Saratov, 1983. 159 p.

6. Lepeshkin A. I. Sovety – vlast' naroda. 1936–1967. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 375 p.

7. Sinicyan A. M. Chrezvychajnye organy Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Voprosy istorii, 1955, no. 2, pp. 32–43.

8. Belikov A. M. Gosudarstvennyj komitet oborony i problemy sozdaniya sla-

zhennoj voennoj ehkonomiki. Sovetskij tyl v Velikoj Otechestvennoj vojne. Kn. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1974, pp. 70–79.

9. Gutin M. L. O deyatelnosti mestnyh komitetov oborony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Voprosy istorii KPSS, 1970, no. 7, pp. 82–91.

10. Zhavoronkov V. G. Geroicheskij gorod. Tula – gorod-geroj. Tula, Priok. kn. izd-vo, 1981, pp. 12–32.

11. Malygin A. N. Rabochaya Tula srazhaetsya. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 230 p.

12. Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti, f. 177, op. 6, d. 70, l. 7.

13. Bitva za Tulu: sb. dok. i materialov. 4th ed. Tula, Priok. kn. izd-vo, 1969. 407 p.

14. Galican A. S., Muriev D. Z. Tula – gorod-geroj. Moscow, Voenizdat Publ., 1981. 159 p.

15. Chudnov G. M. Istoriya Tul'skogo kraja. Tula, Peresvet Publ., 2000. 319 p.

16. Sovety – vlast' narodnaya. Ocherki istorii Sovetov Tul'skoj oblasti. Tula, Priok. kn. izd-vo, 1971. 222 p.

УДК 94”1941-1945 “

А. В. Малышев, канд. ист. наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Россия) (e-mail: rostov-aleksandrm@yandex.ru)

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ДОНА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной работе рассматриваются мобилизационные усилия директивных органов власти Ростовской области в годы Великой Отечественной войны в области здравоохранения. Анализируется система медико-санитарных органов, их перестройка и дальнейшее функционирование в сложнейший период нашей страны. Выявлены особенности, влиявшие на состояние системы здравоохранения. Показана не только слаженная работа административного персонала больниц и госпиталей, но и довольно значительные просчеты и ошибки. Например, к положительным моментам этой деятельности можно отнести мощную и во многом сохраненную больничную сеть, созданную в довоенное время, оснащенную современным оборудованием и специальными инструментами, а медицинские работники умело использовали природно-климатические факторы. Их активное применение позволило значительно повысить качество и сократить сроки лечения раненых. С другой стороны, действиям военных медиков в начале Великой Отечественной войны особенно мешали устаревшие, но оставшиеся руководящими довоенные представления о тактике медицинской службы, жесткая регламентация расположения госпиталей, острая нехватка лекарственных средств, других материалов, медицинской техники, транспорта и т. д. На специфику функционирования системы здравоохранения исследуемого региона влияла быстро и резко менявшаяся обстановка, связанная с близостью линии фронта и тот факт, что Ростовская область продолжительное время находилась в оккупации, а Ростов-на-Дону дважды захватывался войсками вермахта. В этих условиях для выполнения своего профессионального долга от медиков требовалось напряжение всех сил, высокое мастерство, самостоятельность в работе. Несмотря на все тяготы и лишения военного времени медики сумели сохранить верность принципам врачебного служения пациенту: они спасали раненых на поле боя и в эвакуогоспиталях, работали, не щадя себя, были милосердны даже к раненым вражеским солдатам и офицерам.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинский персонал, госпитальная сеть, эвакуационные пункты, Великая Отечественная война.

Ссылка для цитирования: Малышев А. В. Мобилизационные мероприятия органов власти Дона в области здравоохранения в годы Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 183–189.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории нашей страны и всего мирового сообщества. В этой связи представляется вполне оправданным то, что годы войны выделяются в самостоятельный исторический период. Военные конфликты как особый, экстремальный период в жизни любого человеческого общества всегда вызывали интерес у исследователей. На сегодняшний день, выбрав потенциал проблем, связанных с крупнейшими событиями Великой Отечественной войны, историки переключились на другие аспекты. Существенная роль в этом, как представляется, принадлежит локальным исследованиям. Из всемирно-исторического значения разгрома фашистской Германии вытекают важные задачи исторической науки –

глубже изучать опыт и уроки минувшей войны, полнее и разносторонне раскрывать и анализировать факторы, обеспечившие трудную победу. Одним из элементов, способствовавших завоеванию победы, являлась мобилизационная работа местных органов власти, медицинского персонала в области здравоохранения. Это направление отечественной историографии вполне оправданно. Поражение Германии нельзя отождествлять лишь с военным крахом фашизма. Противоборство в тылу представляло хоть и тесно связанный, но всё же отдельный участок борьбы. В современный период активизировалось изучение механизма функционирования социального фактора в условиях Второй мировой и Отечественной войн с позиций методологии общеисто-

рического подхода, роли государственно-го механизма управления в системе тоталитарных политических режимов. В этом плане исследовательский интерес представляет анализ системы медико-санитарных органов, их перестройки и дальнейшего функционирования в сложнейший период нашей страны.

На состояние системы здравоохранения исследуемого региона в чрезвычайных условиях оказывали влияние следующие факторы:

– быстро и резко менявшаяся обстановка, связанная с близостью линии фронта, оккупацией Ростова-на-Дону и последующим его освобождением в ноябре 1941 г.;

– захватом уже в 1941 г. части Ростовской области и в связи с этим необходимость проведения организационных мероприятий по эвакуации госпитальной сети, медицинского персонала и оборудования, а затем, по мере освобождения территории донского региона, проведение реэвакуации, что также сопровождалось значительными трудностями;

– большая миграция населения в связи с фашистской агрессией, с мобилизацией военнообязанных врачей и медсестер, перебазированием больных и раненых воинов;

– ослабление материально-технической базы учреждений здравоохранения, острая нехватка лекарственных средств, других материалов, медицинской техники, транспорта и т. д.

С учетом вышесказанного заявленная тема представляется правомерной. Без решения проблем, связанных с лечением больных и раненых воинов, а также гражданского населения были бы невозможны как обеспечение мобилизационными ресурсами вооруженных сил, так и трудовыми ресурсами – промышленное и сельскохозяйственное производство. Впрочем, и после окончания войны некому бы было восстанавливать мирную жизнь, осуществлять дальнейшее разви-

тие страны. Таким образом, одним из приоритетных направлений государственной социальной политики явилась перестройка системы здравоохранения применительно к чрезвычайным условиям войны, связанным с огромными людскими потерями на фронтах Великой Отечественной войны, увеличением разнообразных заболеваний и смертности населения, резким снижением рождаемости.

В первую очередь перестройка системы здравоохранения была направлена на обеспечение нужд фронта. Так, Ростовский государственный медицинский институт 30 июня 1941 г. выпустил 613 врачей. К этому количеству в августе 1941 г. были досрочно выпущены студенты 5 курса, а в октябре и учащиеся 4 курса общей численностью 725 человек [1, л. 32]. Большая часть из них пополнила фронтовые лечебные учреждения либо эвакогоспитали. Участие в боях с немецко-фашистскими оккупантами миллионов бойцов предполагало необходимость создания значительного количества госпитальных учреждений. Формирование эвакогоспиталей в тылу проходило на всем протяжении войны, однако основное их количество (76%) было развернуто в 1941 г. [2, с. 91; 3, с. 211] Различные тыловые районы страны были неравнозначны по своим возможностям. В этом отношении районы Северного Кавказа в общем и Дона в частности выгодно отличались от остальных территорий. Во-первых, здесь еще в довоенное время была создана значительная больничная сеть, оснащенная современным оборудованием и специальными инструментами; во-вторых, медицинские работники могли использовать природно-климатические факторы. Их активное применение позволило значительно повысить качество и сократить сроки лечения раненых.

С первых дней войны местные органы власти Ростовской области держали

под постоянным контролем ход развертывания госпиталей. Так, 27 июня 1941 г. областной комитет ВКП(б) принял решение «О развертывании госпиталей» [4, д. 305, л. 3]. В нем подчеркивалось, что создание госпиталей связано с необходимостью проведения широких подготовительных ремонтно-строительных работ и использования технических мощностей предприятий. Так, например, в Новочеркасске с помощью предприятий города госпитали были обеспечены необходимым количеством хозяйственно-бытового инвентаря [5, л. 6–8]. В Ростове-на-Дону 23 июня 1941 г. началась подготовка зданий для размещения в них раненых. Из рабочих предприятий области создавали специальные строительные бригады. При необходимости такие бригады переводились на круглосуточный сменный режим работы. В частности, Шахтинский городской комитет ВКП(б) своим решением обязал крупнейший в городе трест «Шахтантрацит» сформировать специальную строительную бригаду из квалифицированных рабочих и специалистов для выполнения всего объема работ в помещениях, отведенных под госпитали.

Развертываемые госпитали составляли местные эвакуационные пункты, которые, в свою очередь, входили в структуру распределительного эвакуационного пункта № 31 с размещением последнего в Ростове-на-Дону. Он насчитывал 73 госпиталя на 35000 коек [6]. Наряду с созданием широкой сети госпиталей в тылу решался вопрос о централизованном руководстве ими. В этих целях решением Государственного Комитета Обороны от 30 сентября 1941 г. все госпитали Наркомата Обороны, находящиеся в тылу, были переданы в ведение местных органов здравоохранения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что при всей стройности и четкости выстроенной структуры до самого окончания войны система управления тыловой госпитальной сетью отличалась громоздкостью и несовершенством. До-

статочно сказать, что госпиталями на местах по гражданской линии руководил областной здравотдел исполкома, Управление госпиталями ВЦСПС; по военной линии – командование и политотделы Северо-Кавказского военного округа. Большое количество ведомств, контролировавших работу госпитальной сети, нередко было тормозом в их деятельности. Зачастую распоряжения и указания, поступавшие в адрес руководства госпиталями, были противоречивы, а иногда взаимоисключали друг друга. На это указывал в начале июля 1942 г. член Военного Совета Северо-Кавказского военного округа Смирнов в докладной записке на имя начальника ГЛАВПУРККА А. Щербакова. Несмотря на это меры по упорядочиванию управления тыловой госпитальной сетью приняты не были.

Сложная обстановка на фронтах войны на начальном этапе, большие потери среди личного состава Красной армии предопределили создание дополнительного количества госпиталей. В соответствии с решением ГКО от 7 июля 1941 г. в тыловых районах в масштабах всей страны необходимо было в короткий срок дополнительно сформировать 1600 госпиталей на 7500 тысяч коек [7, с. 134]. На Дон приходилось развертывание госпиталей второй очереди в августе-сентябре 1941 г. с числом коек 17 500. Анализ архивных материалов показывает, что эти мероприятия вызвали большие трудности. Это объяснялось тем, что помещения, предусмотренные предвоенными мобилизационными планами и в наибольшей степени пригодные для размещения раненых, уже были задействованы. Исчерпаны были также фонды всей номенклатуры госпитального имущества. Подобная ситуация проистекала из официальной военной доктрины, которая не предполагала затяжную кампанию с большими людскими потерями. Решить проблему удалось тремя путями:

1) городские предприятия срочно налаживали производство твердого инвентаря (кровати, столы, стулья, тумбочки) для нужд госпиталей и больниц;

2) из хорошо оборудованных лечебных учреждений без ущерба для них передавалась часть имущества;

3) население оказало существенную помощь в обеспечении больничных палат всем необходимым.

Роль местных властей в деятельности тыловых лечебных учреждений возросла после создания Всесоюзного комитета помощи раненым и больным воинам Красной армии. Решение об этом было принято 6 октября 1941 г. В Ростовской области комитет помощи раненым возглавил М. Е. Ерофеев. Однако, в отличие от других районов страны, на Дону практически с завершением развертывания сети лечебных заведений в октябре 1941 г. пришлось срочно приступить к их эвакуации в связи с наступлением немецко-фашистских войск. Совместными усилиями местных партийно-государственных органов и санитарного отдела Южного фронта из северо-западных районов области удалось своевременно вывезти 24 500 раненых, была проведена эвакуация в тыл материальной части 68 из 73 госпиталей (5 были перепрофилированы в военные и переданы армейским частям) [4, д. 327, л. 28].

После разгрома гитлеровцев в районе Ростова в конце ноября 1941 г. на Дону вновь началось воссоздание лечебной базы. В начале февраля 1942 г. ГКО принял решение о дополнительном формировании в Ростовской области госпиталей на 19 800 мест. Согласно решению местных партийно-государственных органов местами дислокации были определены 11 городов и станиц области. В целях скорейшего выполнения этого задания было признано целесообразным вводить в строй коечную сеть в две очереди, причем в наиболее подготовленных для приема раненых помещениях в городах

Сальске, Шахтах, Азове, станицах Цимлянской, Егорлыкской все подготовительные работы были закончены уже в феврале 1942 г. О важности и сложности проводимой работы может свидетельствовать тот факт, что ответственность за своевременную подготовку госпиталей была возложена на первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б).

Архивные материалы показывают, что успешное выполнение мобилизационных заданий по созданию широкой сети лечебных учреждений, способных принять больных и раненых бойцов, стало возможным только благодаря активной помощи населения Дона. На практике это нашло воплощение: во-первых, в проведении подготовительных работ в формируемых госпиталях; во-вторых, в оказании помощи раненым и предоставлении для нужд больных собственных жилых помещений. По данным наркома здравоохранения Г. А. Митерева, 90% всех сформированных в тылу страны госпиталей оснащалось всем необходимым оборудованием и инвентарем местным населением [8, с. 140].

В конце июля 1942 г. из-за резкого ухудшения военной обстановки на Нижнем Дону и начала наступления немецко-фашистских войск на Северный Кавказ и Сталинград потребовалась экстренная эвакуация всех лечебных заведений. Однако этот процесс осложнялся нехваткой времени и непродуманностью действий. Зачастую приказы о передислокации приходили с большим опозданием, поэтому инициатива здесь полностью принадлежала местным директивным органам и руководству госпиталей, проводивших эти мероприятия в большой спешке. Несмотря на это органы власти Дона совместно с отступающими частями южного фронта сумели вывезти в безопасные районы большинство раненых. Борьбу за спасение оставшихся вели медицинские работники и местные жители. Так, в г. Новочеркасске самоотвержен-

ную борьбу за жизнь оставшихся 100 тяжелораненых бойцов вела группа медиков и горожан.

В ходе битвы за Кавказ была освобождена большая часть Ростовской области, что дало возможность вновь использовать ресурсы освобожденных районов. Но для этого требовалось восстановить разрушенную оккупантами систему здравоохранения. Так, если до оккупации Ростовский государственный медицинский институт имел в своем распоряжении 35 кафедр, то после немецкой оккупации частично уцелело всего три [9]. Госпиталь № 5344 в Ростове-на-Дону развертывался в здании, которое наполовину было разрушено, отопление и электричество отсутствовали, не было водопровода и канализации. Согласно постановлению ГКО планировалось развернуть эвакогоспитали в общей сложности на 54 тыс. коек.

В Ростовской области восстановление госпитальной базы проходило в соответствии с постановлением административных органов Дона от 4 марта 1943 г. Согласно этим решениям предстояло в кратчайший срок развернуть 14 эвакогоспиталей на 10 тыс. коек. Местами лечения были определены города: Ростов-на-Дону, где размещались 8 госпиталей на 5 тыс. коек, Новочеркасск – 4 госпиталя на 3,2 тыс. коек, Шахты и Сальск – по 1 госпиталю соответственно на 1000 и 800 коек [4, д. 365, л. 68]. Этот выбор не был случайным. Он определялся тем, что власти указанных городов имели определенный опыт руководства госпитально-лечебной сетью в дооккупационный период, а также ее восстановления в конце 1941 – начале 1942 г. Кроме того, госпитали находились в прифронтовом тылу, что облегчало и ускоряло доставку раненых, а также отправку выздоровевших на фронт.

В условиях крайне ограниченного времени, отведенного на выполнение этих мероприятий, подобные факторы приобретали первостепенное значение.

Власть применяла испытанные в ходе войны методы и формы организационной и военно-мобилизационной работы. Ростовский областной комитет ВКП(б) предписал строительным организациям городов выделить необходимое количество строителей всех специальностей и направлять их в распоряжение органов здравоохранения. Личную ответственность за это несло руководство городов, где восстанавливалась госпитальная сеть. Как свидетельствуют архивные документы, наиболее серьезной проблемой стало обеспечение эвакогоспиталей хозяйственно-бытовым имуществом. К примеру, в Ростове-на-Дону после освобождения в наличии было всего 5% мягкого и 25% твердого инвентаря [10]. Решающее значение в преодолении этой проблемы сыграла помощь населения. И если в 1941–1942 гг. этот источник был вспомогательным, то в 1943 г. он стал основным. Достаточно сказать, что до конца 1943 г. население области на 95% обеспечивало лечебные учреждения хозяйственным имуществом.

Примеры самоотверженности в борьбе за жизнь раненых, за улучшение их бытового обслуживания были характерны для тех времен. В февральские дни 1943 г., когда еще шли уличные бои, жители Ростова-на-Дону А. Бутченко, В. Довтян, П. Еремезова и др., рискуя жизнью, оказывали раненым первую медицинскую помощь. Благодаря их инициативе более 560 раненых были спасены и размещены по квартирам жителей города. Жительницы города З. Гамаюнова и Л. Ковалева организовали среди населения сбор вещей для разворачивавшихся госпиталей.

В воссоздании лечебных учреждений Дона принимали участие не только местные жители. Для этих нужд из Архангельской области было получено к концу июля 1943 г. 3405 одеял, 2908 простыней, 6689 других предметов постельного и нательного белья [4, д. 324,

л. 148]. Помощь оказывалась также в централизованном порядке. Так, в ответ на ходатайство областного комитета помощи раненым в сентябре 1943 г. Наркомздрав СССР отгрузил в адрес области 5 вагонов марли, 4 вагона медицинского оборудования, 3 вагона посуды, 26410 предметов белья [5, л. 86]. Таким образом, в этих мероприятиях нашли выражение: во-первых, моральное единство население страны; во-вторых, слаженная и четкая работа директивных органов всех уровней.

Вместе с тем надо отметить, что несмотря на все вышесказанное правительственное задание в 1943 г. по вводу в строй госпитальной базы Ростовской области в срок выполнено не было. Как представляется, причин этому несколько: во-первых, сказывались тяжелые последствия оккупации и, как следствие, острая нехватка материальных и финансовых средств; во-вторых, восстановительные работы велись параллельно с приемом поступавших раненых; в-третьих, помощь, оказываемая Нарком-здравом СССР, была эпизодической и крайне незначительной; в-четвертых, местная власть не всегда верно оценивала текущую ситуацию при определении сроков восстановительных работ. Справедливости ради, надо сказать, что в дальнейшем местные директивные органы учли прежние просчеты. Документальные материалы свидетельствуют, что все мероприятия на 1944–1945 гг. планировались и готовились теперь заранее, по специальным планам и графикам. В августе 1944 г. Ростовский областной комитет ВКП(б) принял решения, согласно которым для каждого лечебного учреждения были разработаны планы ремонта, определены непосредственные исполнители.

Подводя итог, можно констатировать, что, осуществляя в годы Великой Отечественной войны перестройку всей системы здравоохранения, государственно-партийные органы Дона исходили из задачи максимального удовлетворения

потребностей Вооруженных сил СССР, поэтому принимаемые решения прежде всего касались развертывания госпитальной сети, исходя из имевшихся экономических ресурсов. Сложность положения заключалась в том, что ряд районов Дона был оккупирован уже в 1941 г., а Ростов-на-Дону, где сосредоточивалась большая часть военно-лечебных учреждений и руководство местной системы здравоохранения, находился в оккупации дважды. Несмотря на это властям все же удалось обеспечить развертываемую военно-лечебную сеть необходимыми материальными ресурсами и кадрами медицинских работников. Это способствовало достижению победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. ГАРО (Гос. арх. Рост. обл.). Ф. Р- 2508. Оп. 1. Д. 746. Л. 32.
2. Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. С. К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. 547 с.
3. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / под ред. М. И. Барсукова, Д. Д. Кувшинского. М.: Медицина, 1977. 575 с.
4. ЦДНИРО (Центр док. новейшей истории Ростов. обл. Ф. 9. Оп. 1.
5. ЦДНИРО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 465.
6. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 745. Л. 9.
7. Смирнов И. И. Война и военная медицина. 1939–1945 годы (Мысли и воспоминания). М.: Медицина, 1976. 463 с.
8. Митерев Г. А. В дни мира и войны. М.: Медицина, 1975. 256 с.
9. ГАРО. Ф. Р. 2508. Оп. 3. Д. 410. Л. 3.
10. ГАРО. Ф. Р. 4024. ОП. 1. Д. 29. Л. 19.
11. ГАРО. Ф. Р. 3737. ОП. 2. Д. 508. Л. 231.

Поступила в редакцию 11.04.18

UDC 94”1941-1945 “

A. V. Malyshev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Don State Technical University (e-mail: rostov-aleksandrm@yandex.ru)

MOBILIZATION ACTIVITIES OF THE DON AUTHORITIES IN THE HEALTH CARE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

In this paper, the mobilization efforts of the decision-making authorities of the Rostov region during the Great Patriotic War in the field of public health are considered. The system of medical and sanitary bodies, their reorganization and further functioning in the most complicated period of our country is analyzed. The features that influenced the health system were revealed. It shows not only the coordinated work of the administrative staff of hospitals and hospitals, but also significant miscalculations and mistakes. For example, the positive aspects of this activity include a powerful and, in many ways, preserved hospital network, created in the pre-war time, equipped with modern equipment and special tools, and medical personnel skillfully used natural and climatic factors. Their active use has significantly improved the quality and reduced the treatment time for the wounded. On the other hand, the actions of military physicians at the beginning of the Great Patriotic War were particularly hampered by obsolete but still pre-war guiding views on the tactics of the medical service, strict regulation of the location of hospitals, acute shortage of medicines, other materials, medical equipment, transport, etc. The specificity of the functioning of the healthcare system in the region under investigation was influenced also by the fact that the Rostov region was in the occupation for a long time, and Rostov-on-Don was captured twice by Wehrmacht troops. In these conditions, to fulfill their professional duty from the medical profession, a strain of all forces, high skill, independence in work was required. Despite all the hardships and privations of wartime, physicians managed to remain faithful to the principles of medical service to the patient: they saved the wounded on the battlefield and evacuation hospitals, they worked mercilessly even to wounded enemy soldiers and officers.

Key words: healthcare system, medical staff, hospital network, evacuation centres, Great Patriotic war.

For citation: Malyshev A. V. Mobilization activities of the don authorities in the health care during the great Patriotic war. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 183–189 (in Russ.).

References

1. GARO (Gos. arh. Rost. obl.), f. R. 2508, op. 1, d. 746, l. 32.
2. Tyl Sovetskikh Vooruzhennyh sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.; ed. by S. K. Kurkotkin. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 547 p.
3. Zdravoohranenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny; ed. by M. I. Barsukov, D. D. Kuvshinskij. Moscow, Medicina Publ., 1977. 575 p.
4. CDNIRO (Centr dokumentacii novejshej istorii Rostov. obl.), f. 9, op. 1.
5. CDNIRO, f. 21, op. 1, d. 465.
6. CDNIRO, f. 13, op. 2, d. 745, l. 9.
7. Smirnov I. I. Vojna i voennaya medicina. 1939–1945 gody (Mysli i vospominaniya). Moscow, Medicina Publ., 1976. 463 p.
8. Miterev G. A. V dni mira i vojny. Moscow, Medicina Publ., 1975. 256 p.
9. GARO, f. R-2508, op. 3, d. 410, l. 3.
10. GARO, f. R-4024, op. 1, d. 29, l. 19.
11. GARO, f. R-3737, op. 2, d. 508, l. 231.

УДК 902

Т. Д. Пронина, канд. ист. наук, доцент, Региональный финансово-экономический институт (Курск, Россия) (e-mail: t_pronina@mail.ru)

**ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ СОЛОВЬЕВ – ВОРОНЕЖСКИЙ ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ
ГАЛЕРЕИ И МЕСТНОЙ ПЕРИОДИКИ)**

В последнее время очень много говорят о проблеме «провинциального» в культуре и искусстве, чрезвычайно интересны исследования, в которых в какой-то мере избирательно воссоздается общий культурный контекст крупных регионов России. Этот контекст позволяет выявить общую модель художественной жизни России второй половины XIX и начала XX века с характерными местными чертами и особенностями, обусловленными историческими традициями и преемственностью. В статье рассматривается становление художественно-педагогического образования Воронежского края, важнейшей составляющей художественной жизни региона, сквозь призму творчества воронежского художника и педагога Льва Григорьевича Соловьева. На основании материалов Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи и местных периодических изданий осуществлена попытка реконструкции некоторых аспектов художественной жизни Воронежа конца XIX века: выставочной деятельности, деятельности Воронежской бесплатной рисовальной школы, становление методической системы обучения изобразительному искусству.

Наследие Л. Г. Соловьева из фондов Государственной Третьяковской галереи носит автобиографический характер, там присутствует анализ художественной жизни столицы и губернского центра, суждения о собственной творческой и педагогической деятельности, сведения об учениках и школе, которую он открыл, методические руководства. Художественная жизнь Воронежа рассматривается также сквозь призму региональной прессы того времени, особое внимание уделяется статьям Л. Г. Соловьева и его письмам, посвященным развитию искусства. Богатое теоретическое наследие Соловьева дает возможность ощутить атмосферу губернского центра, почувствовать колорит времени, познакомиться с авторской интерпретацией событий, показать зарождение художественно-педагогической методики обучения изобразительному искусству и формирование региональной художественной школы.

Ключевые слова: художественная жизнь, критика, художественная школа, художественная педагогика, искусство.

Ссылка для цитирования: Пронина Т. Д. Лев Григорьевич Соловьев – воронежский художник и педагог (по материалам Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи и местной периодики) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 190–197.

В последнее время много теоретических исследований посвящено проблемам региональной культуры и искусства [1; 2; 3]. Чрезвычайно интересны исследования, в которых, в какой-то мере избирательно, воссоздается общий культурный контекст крупных российских регионов. Этот контекст позволяет выявить общую модель художественной жизни России второй половины XIX в. и характерные местные черты и особенности.

Девятнадцатое столетие изобилует именами важных деятелей изобразительного искусства, так или иначе связанных с провинцией: Н. Н. Ге, И. Н. Крамской,

И. Е. Репин. Между тем эти имена «первого эшелона» составляют часть общей картины художественной жизни воронежского региона. Значительно ближе к художественной жизни воронежского края творчество местных художников и педагогов.

В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – ОР ГТГ) хранятся автобиография, личные записи и методические руководства Льва Григорьевича Соловьева, имя которого часто встречается в публикациях исследователей региональной культуры, кото-

рые отмечают его активную деятельность в сфере изобразительного искусства.

Наследие Л. Г. Соловьева из фондов ГТГ носит автомонографический характер, там есть суждения о времени, о художественной жизни губернского центра и художественной жизни столицы, сведения о его учениках, о собственных творческих устремлениях, недовольство и обида, связанная с непониманием современников и учеников. Сохранились также его многочисленные письма.

Не обладая значительным художественным дарованием, Лев Григорьевич Соловьев (1837–1919 гг.) умел пробуждать интерес к изобразительному искусству. Соловьев написал ряд статей, посвященных выставкам Товарищества передвижных художественных выставок, очерк «Живопись и рисование в Воронежском крае» [4]. Большинство имен и событий, о которых он писал, не упоминаются более ни в каких источниках. Рассказы об иконописных мастерских и артелях воспринимаются как умело построенные беллетристические очерки, где по большей части он характеризовал нравы, царящие в иконописных заведениях. В музеях Воронежа, Острогожска и Москвы хранятся его живописные произведения.

Соловьев родился в 1837 г. в слободе Новая Лушниковка города Острогожска Воронежской губернии, в бедной крестьянской семье. Образования не получил. Был пастухом, поводырем слепого солдата. В девять лет его отдали в обучение сапожнику: этим ремеслом он занимался до семнадцатилетнего возраста. В 1853 г. поступил на службу к маляру, сын которого занимался иконописью, и это, как он сам отмечает, изменило всю его жизнь. Вскоре он поступил в иконописную мастерскую к опытному живописцу Д. К. Макаренкову (ок. 1811 – 1890-е гг.), работал у него в уездном городе Боброве,

Воронежской губернии. Впоследствии Соловьев с большой теплотой будет вспоминать этого мастера, выделяя его среди своих подрядчиков церковной живописи. В 1861 г. переезжает в Воронеж, начинает работать в мастерской Е. К. Огнева.

В Воронеже знакомится с представителями воронежской интеллигенции, в том числе и с Г. М. Веселовским, редактором частной газеты «Дон». В 1870 г. в этой газете были напечатаны стихотворения Л. Г. Соловьева «Четыре времени года», «Сиротка», что послужило поводом для знакомства с редактором, а в 1871 г. еще несколько стихотворений: «Деревенские мотивы», «Тайной развратнице», «Моему брату по поводу наплыва разных шарлатанов», «На новый год», «Русскому поэту», «В майские ночи» [5].

До 1872 г. Соловьев занимался иконописью и выполнял живописные работы в церквях. Более широко его имя становится известно в Воронеже с 1872 г. В дни празднования 200-летнего юбилея Петра I он исполнил «картину-транспарант» «Спуск кораблей на воду», которая была помещена на здании городской Думы. По словам Соловьева, это была «первая картина нецерковного содержания» [6]. Воронежские газеты не жалели похвальных слов в описании этой работы: «...исполнена так прекрасно, что заслужила всеобщее одобрение, ... работа была выполнена в 12 дней, рисовка картины обошлась всего в 150 рублей» [7]. Эта работа хранилась в Воронежской городской Думе, но к 1911 г. была утеряна [8].

С 1872 по 1878 г. Соловьев жил в Петербурге. Он посещал школу Общества поощрения художников и участвовал в выставках Общества. По словам Соловьева, им были написаны: «Зимняя дорога», «Тряпичник меняло» (приобретены ОПХ), «Сельский базар» (приобретена Ее И. В. великой княгиней Марией

Николаевной), «Сцена у свиных барок», «Утро у свиных барок» (находилась в частной галерее Новосильцева, городского головы Одессы), «Кустарь-сапожник» (приобретена П. М. Третьяковым), «Дровяные плоты на Воронеже» (ОПХ СПб), «Открытое купанье на реке Воронеж» (была запрещена петербургским градоначальником и пропала) [6]. Из всех перечисленных работ местонахождение известно только «Кустаря-сапожника», который под названием «Сапожники» находится в ГТГ [9, с. 437].

В летние месяцы он жил в Воронеже, выполняя работы на заказ. «Л. Г. Соловьев на Спасовской улице, в собственном доме. Принимает заказы на живописные работы целых иконостасов или частей его, а также расписание церквей стеной живописью. Пишет портреты и картины. Желаящие адресуются к нему во всякое время» [10].

Из его автобиографии следует, что он выполнил иллюстрации к произведениям Некрасова «Мороз Красный Нос», «Рыцарь на час», изданные М. П. и С. П. Савостьяновыми. Как иконописец – «Образ Александра Невского» по случаю 25-летия царствования Александра II от крестьян Воронежской губернии и транспарант с надписью «Благодарная пресса царю-Освободителю». Именно ему была заказана икона от волостных старшин в честь коронации Николая II. На этой иконе были изображены «Св. Николай Чудотворец, царица Александра, княгиня Ольга и Воронежские святители Митрофан и Тихон. Выше изображения этих святых – Господь Вседержитель в сонме Сил Небесных. Икона заключена в изящную резную дубовую раму работы крестьянина сл. Алексеевки Бирюченского уезда Москаленко» [11, с. 48].

Открытый и доступный, он привлекал к себе людей, охотно давал уроки всем желающим. Кроме того, видя глав-

ную функцию искусства в просвещении, наставлении, он откликался на все значительные художественные события Воронежа. В 1876 г. в Воронеже был устроен праздник в пользу славян Балканского полуострова, Соловьев представил картину – транспарант. «Картина изображала зверства мусульман над христианами, творимые тогда на Балканском полуострове, и движение Русского Красного Креста на помощь страждущим жертвам жестокого насилия» [6].

Л. Г. Соловьев был близок с известным русским философом Н. Ф. Федоровым, который высоко его ценил и посвятил ему несколько статей [12]. Из людей, окружавших Федорова в Воронеже, пожалуй, именно Л. Г. Соловьев воспринял его оригинальные взгляды. Это видно и по содержанию соловьевских статей, публиковавшихся в газете «Дон», и потому, что Лев Григорьевич оказался тем воронежцем, которого философ несколько раз печатно удостоил своим вниманием. В своих письмах к Соловьеву автор высказал «свое глубокое расположение и уважение» живописцу [12].

По мнению Федорова, деяния, способствующие грядущему воскрешению предков, должны составлять смысл человеческого существования. Надо сохранять память об умерших, чтобы она оставалась не только в душах живущих, но и материализовывалась в вещах. Эти идеи были близки Льву Григорьевичу. Они поддержаны им в газетных откликах на выставки губернского музея, организованные по инициативе Н. Ф. Федорова.

Николай Федорович предпринял попытки поместить автобиографию художника в журнале «Русский архив» и газете «Дон». Осенью 1902 г. эти воспоминания, озаглавленные «Крестьянин-художник», с предисловием писателя Евгения Маркова, появились в сентябрьском номере журнала «Новое дело». Из письма Л. Со-

ловьева к М. С. Федорову (имеется в виду Митрофан Семенович Федоров, в то время преподаватель Харьковского художественного училища, в прошлом – ученик Соловьева) мы узнаем, что очерк был напечатан без ведома Льва Григорьевича [13].

Л. Г. Соловьев своим образом жизни, своим творчеством стал эталоном для Федорова в период обдумывания роли музеев и музейных выставок как наиболее доступной формы просвещения всех социальных слоев общества. «Он как бы всех желает сделать рисующими, живописующими, – пишет Н. Ф. Федоров, – как бы оживляющими, спасающими от смерти. Это человек не XIX-го, а XX-го века, живущий в прошлом и постоянно работающий для будущего, для него прошедшее имеет будущность. ...главным учителем он признает натуру и никаких посредников между натурой и живописцем он не допускает, и даже самого себя, по видимому, считает не наставником, уступая это место натуре, а лишь ассистентом и, самое большое, помощником ее» [14].

В мае–июле 1898 г. в воронежской газете «Дон» появляется большой исторический очерк Л. Г. Соловьева «Живопись и рисование в Воронежском крае». Лев Григорьевич отдает первенство изобразительному искусству среди других его видов и подчеркивает образовательную, учительскую силу искусства, его способность воздействовать на умственную жизнь эпохи. «Так неизбежно мстит само за себя искусство рисования и живописи тому обществу, которое пренебрегает изучением его, игнорирует эту великую, образовательную силу. Оно мстит за свое унижение обществу, поставившему его рядом с развлечениями и телесными упражнениями: пением, танцами, игрою, гимнастикой и пр., мстит

тем, что все дары Божьи, от природы заложенные в душу человека, не имея почвы для своего развития, чахнут и гибнут при самом начале своего самобытного всхода, бесполезного для жизни людей, для которой и посылаются в мир Создателем вселенной – быть светом истины и путеводною потерей сокровищ и платой контрибуции за свое невежество» [4].

Соловьев подчеркивает, что занятия искусством развивают в человеке «данные им Богом несомненные и неотъемлемые преимущества – быть разумным человеком; быть зрячим наблюдателем, изучающим и постигающим законы природы; – невыразимую словами красоту и величие мира Божьего, чтобы сознательно смотреть, видеть и понимать то необъятное величие и силу Творца вселенной, которые написаны на страницах этой книги природы, раскрытой ее Создателем, перед очами разума человеческого... какая громадная образовательно-просветительская сила заключается в этой грамоте всемирного языка» [15].

Свои теоретические взгляды Л. Г. Соловьев переносит в сферу художественно-педагогического образования. С 1893 по 1907 г. его жизнь и творчество были неразрывно связаны с Воронежской бесплатной рисовальной школой. Он начинает преподавать и в других учебных заведениях Воронежа: в 1894–1896 гг. – в классе иконописи при Воронежской духовной семинарии; в 1903–1905 гг. – в епархиальном женском училище; в 1901–1904 гг. – в Николаевской женской прогимназии. Воронежская бесплатная рисовальная школа открылась в феврале 1893 г. В одной из своих статей Соловьев пишет, что имеющаяся система обучения основам изобразительного искусства в официальных учебных заведениях убивает любовь к искусству: «Я упрекаю академические методы в том, что они уничтожают интеллигентную работу между

моделью и рукою, что они научают строить периоды без намерения что-нибудь сказать» [16].

О методике обучения в школе можно говорить, опираясь на «Краткий очерк общей системы обучения в Воронежской рисовальной школе» (1897 г.), отчеты Комитета Кружка любителей рисования, воспоминания современников, а также статьи в воронежской прессе.

Программы по рисунку, живописи, черчению, которые были разработаны и приняты к преподаванию в школе, не сохранились. Возможно, в полностью разработанном виде они и не существовали. Рукописи Соловьева: «Практическое руководство в живописи», «Как надо рисовать», «Относительно пропорциональности частей человеческого тела» и др. [17], оснащенные авторскими набросками, зарисовками, расчетами размеров головы и лица человека, учебными заданиями «собственного подбора», позволяют понять методические основы его системы обучения изобразительному искусству.

Занятия в школе не носили обязательный характер, и это предоставляло определенную свободу, возможность более полного раскрытия творческих способностей учащихся, отсутствовало любое принуждение. С другой стороны, не было необходимой систематичности.

В Кратком очерке общей системы обучения в Воронежской рисовальной школе говорилось, что школа предоставляет полный простор вкусам и талантам учащихся, давая им возможность усвоить азы рисунка и живописи. По существу, здесь раскрывается общая методическая установка, которая была принята в Воронежской рисовальной школе и подтверждена текстами Соловьева. В Уставе школы отмечалось, что она организуется с целью ознакомления с искусством.

Соловьев видит цель школы в освоении «естественной общечеловеческой грамоты»; «не в том, чтобы из свободно посещающих вольнослушателей сделать... художников-живописцев, архитекторов-чертежников..., но состоит она в том... чтобы помочь, облегчить своим посетителям трудный путь саморазвития данных человеку Богом природных способностей читать живую книгу вселенной и изображать формы видимых предметов в окружающем его пространстве Божьего мира; изображать толково, понятно, правильно, на основании точных законов, выработанных веками целого человечества» [18].

Л. Г. Соловьев прекрасно ориентировался в современной художественной ситуации. Он изучал труды русских художников И. Н. Крамского, В. Г. Перова, В. В. Верещагина, которые активно публиковались в художественных журналах того времени, и создал теоретический труд «О преподавании в Академиях и школах» [19]. Соловьев определяет академическую систему как систему «бесконечного копирования с оригиналов», где «учат не рисовать, а отбывать рисовальную повинность». Методика Соловьева опиралась в первую очередь на «работу мысли, а не механическое воспроизведение» [19].

Подготовка учеников школы была различна. Часть слушателей приходили в школу без каких-либо представлений об изобразительном искусстве, поэтому существовало своеобразное подготовительное отделение, где работал преподаватель и самые подготовленные ученики, которые уже занимались с Л. Г. Соловьевым.

Как отмечалось в Отчете комитета Кружка любителей рисования за 1893–1894 гг.: «Ввиду крайнего разнообразия способностей, подготовки и степени трудолюбия... весьма затруднительно точно определить результат занятий... учащие-

ся, впервые начавшие рисовать в школе, к концу полугодия свободно могут рисовать соусом и карандашом с гипсовыми орнаментами и человеческие головы, а также птиц с имеющихся в школе коллекции набитых чучел птиц» [20]. Таким образом, мы видим ориентацию на индивидуальные способности каждого ученика. Овладение простейшими приемами сразу давало возможность перейти к более сложным заданиям.

Задача преподавателя состояла в руководстве работой учеников: «Учитель – художник дает советы, с чего и как полезнее начинать, к чему переходить и т. п., делает замечания о недостатках работы и показывает, как нужно правильно работать» [20].

В школе полностью отказались от рисования с оригиналов, главным была натура. В Отчете подчеркивалось: «Рисование в школе происходит исключительно с гипсовых фигур и живой природы, а письмо масляными красками с живой природы» [20].

Для Соловьева, чьи позиции и взгляды на изобразительное искусство всегда были последовательными, главным и основным было идейное содержание произведения, которые «поучали» или «обличали», что было в духе передовой интеллигенции того времени.

В своих текстах, а особенно в воспоминаниях, Л. Г. Соловьев не следует четкой хронологии. Значение личных записей Л. Г. Соловьева, многие из которых носили «закрытый» характер, состоит в том, что они значительно «очеловечивают» сведения о конкретных исторических фактах, передают колорит времени, дают авторскую интерпретацию событий. Материалы отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи и местной периодики говорят о том, что главной заслугой Л. Г. Соловьева является его художественно-педагогическая ме-

тодика. Таким образом, Соловьев способствовал зарождению художественного образования в регионе и формированию воронежской художественной школы.

Список литературы

1. Кривцова М. А. Академия художеств и ее роль в развитии изобразительного искусства Воронежа XIX – начала XX века (до 1917 г.): дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2003. 228 с.

2. Пронина Т. Д. Художественная жизнь Центрально-Черноземного региона России второй половины XIX – начала XX века. Курск: Регион. фин.-экон. ин-т, 2013. 201 с.

3. Тарасова Н. И. Культурно-художественная жизнь российской провинции в конце XIX – начале XX в.: по материалам периодической печати Центрального Черноземья: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 298 с.

4. Соловьев Л. Рисование и живопись в Воронежском крае // Дон. 1898. 4 июня.

5. Дон. 1871. 14 янв. (№ 4); 28 янв. (№ 8); 31 янв. (№ 9); 1886. 28 дек. (№ 146); 1887. 1 янв. (№ 1); 1889. 16 марта. (№ 32); 1890. 2 янв. (№ 1); 4 января. (№ 2); 7 янв. (№ 3); 1893. 1 янв. (№ 1); 1898. Май-июль (№ 52, 58, 60, 63, 69).

6. Рукопись Л. Г. Соловьева с биографическими сведениями // ОР ГТР. Ф. 4. Д. 1032.

7. Юбилей императора Петра Великого в г. Воронеже // Дон. 1872. 15 июня. (№ 3).

8. Музей // Дон. 1911. 21 сент. (№ 203).

9. Государственная Третьяковская галерея. Каталог Живописи XVIII – начала XX века (до 1917 года). М.: Изобраз. искусство, 1984. 720 с.

10. Объявления // Дон. 1874. 14 июля. (№ 52).

11. Поликарпов Н. О коронации Николая II и Александры Федоровны // Памятная книжка Воронежской губернии на 1987 г. Воронеж, 1987. С. 48.

12. Н. Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901): статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже / сост.: А. Н. Акиншин, О. Г. Ласунский. Воронеж, Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998.

13. Письмо Л. Соловьева к М. С. Федорову // ОР ГТР. Ф. 16. Д. 210.

14. Федоров Н. Ф. Музей Л. Г. Соловьева в Воронеже // Дон. 1898. 23 июля. (№ 78)

15. Пронина Т. Д. Художественная жизнь Центрального Черноземья конца XIX – начала XX века в освещении региональной прессы [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2011. № 3(19), т. 1. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/>

020-006.pdf. № государственной регистрации 0421100068/0079 (дата обращения: 11.01.2018).

16. Соловьев Л. Некоторые ответы на вопросы о рисовальной школе // Воронежский телеграф. 1896. 12 апр.

17. ОР ГТГ. Ф. 4. Д. 1035, 1036, 1037, 1038, 1039.

18. Ф. 4. Д. 1033. Рукопись Л. Г. Соловьева о Воронежской «воскресной школе рисования» // ОР ГТГ. Ф. 4. Д. 1033.

19. Рукопись Л. Г. Соловьева о преподавании в Академиях и школах // ОР ГТГ. Ф. 4. Д. 1034.

20. Отчет Комитета Воронежского Кружка любителей рисования за 1893 и 1894 годы // Воронежский телеграф. 1895. 20 янв. (№ 9).

Поступила в редакцию 02.04.18

UDC 902

T. D. Pronina, Candidate of in Historical Sciences, Associate Professor, Regional Financial and Economic Institute (Kursk, Russia) (e-mail: t_pronina@mail.ru)

**VORONEZH ARTIST AND TEACHER LEV GRIGORIEVICH SOLOV'YOV
(BASED ON THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY
AND LOCAL PERIODICALS MATERIALS)**

There has been a large-scale discussion on 'provincial' issue in both culture and art of late; researches which results to some extend and selectively reproduce the general cultural background of Russian large regions pose a serious interest to that problem as well. That background allows to identify a general model of the Russian artistic life during the second half of the nineteenth to the beginning of the twentieth centuries with typical local characteristic and special features determined by historic traditions and succession. The author considers development of artistic and pedagogic education of Voronezh Region, the pillar of the artistic life of the region, against the background of Voronezh artist and teacher Lev Grigor'evich Solov'yev's creative activity. An attempt of reconstruction of several aspects of the nineteenth-century Voronezh artistic life including exhibitions, Voronezh free-of-charge drawing school and development of methodological system of drawing training has been made based on the materials provided by Manuscript Department of the State Tretyakov Gallery along with the local periodicals.

L.G. Solov'ev's legacy stored in the State Tretyakov Gallery funds is of an automonographic character as it contains an analysis of the artistic life of both the capital and the region centre, judgements on own creative and pedagogic activities along with the information on the students and the school he had opened and his methodological guidelines. Apart from that, Voronezh artistic life has also been analyzed in the light of the regional periodicals of these days. Special attention is paid to L.G. Solov'yev's articles and his letters devoted to art development. Rich theoretical legacy allows to feel the atmosphere and the colourway of the regional centre, to get acquainted with the au-

thor's interpretation of the events and to show the early stage of the artistic and pedagogic methodology of fine art training and formation of the regional artistic school.

Key words: *artistic life, criticism, art school, art pedagogics, art.*

For citation: Pronina T. D. Voronezh artist and teacher Lev Grigorievich Solov'yov (based on the Manuscript department of the State Tretyakov gallery and local periodicals materials). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 191–197 (in Russ.).

References

1. Krivcova M. A. Akademiya Hudozhestv i ee rol' v razvitiu izobrazitel'nogo iskusstva Voronezha XIX – nachala XX veka (do 1917 g.). Diss. kand. iskusstvovedeniya. St. Petersburg, 2003. 228 p.

2. Pronina T. D. Hudozhestvennaya zhizn' Central'no-Chernozemnogo regiona Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Kursk, Region. fin.-ekon. in-t Publ., 2013. 201 p.

3. Tarasova N. I. Kul'turno-hudozhestvennaya zhizn' rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX v.: po materialam periodicheskoy pechati Central'nogo Chernozem'ya. Diss. kand. ist. nauk. St. Petersburg, 1998. 298 p.

4. Solov'ev L. Risovanie i zhivopis' v Voronezhskom krae. Don, 1898, Jun. 4.

5. Don. 1871. Jan. 14 (No. 4); Jan. 28 (No. 8); Jan. 31 (No. 9); 1886. Dec. 28 (No. 146); 1887. Jan. 1 (No. 1); 1889. March 16 (No. 32); 1890. Jan. 2 (No. 1); Jan. 4 (No. 2); Jan. 7 (No. 3); 1893. Jan 1 (No. 1); 1898. May-July (No. 52, 58, 60, 63, 69).

6. Rukopis' L. G. Solov'eva s biograficheskimi svedeniyami. OR GTR, f. 4, d. 1032.

7. Yubilej imperatora Petra Velikogo v g. Voronezhe. Don, 1872, June 15 (No. 3).

8. Muzej. Don, 1911, Sept. 21 (No. 203).

9. Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. Katalog Zhivopisi XVIII – nachala XX veka (do 1917 goda). Moscow, Izobraz. Iskusstvo Publ., 1984. 720 p.

10. Ob'yavleniya. Don, 1874, July 14 (No. 52).

11. Polikarpov N. O koronacii Nikolaya II i Aleksandry Fedorovny. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1987 g. Voronezh, 1987, pp. 48.

12. N. F. Fedorov i ego voronezhskoe okruzhenie (1894–1901): stat'i, pis'ma, vospominaniya, hronika prebyvaniya v Voronezhe; ed. by A. N. Akin'shin, O. G. Lasunskij. Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 1998. 238 p.

13. Pis'mo L. Solov'eva k M. S. Fedorovu. OR GTR, f. 16, d. 210.

14. Fedorov N. F. Muzej L. G. Solov'eva v Voronezhe. Don, 1898, July 23 (No. 78).

15. Pronina T. D. Hudozhestvennaya zhizn' Central'nogo Chernozem'ya konca XIX – nachala XX veka v osveshchenii regional'noj pressy. Uchenye zapiski. Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Kursk, 2011. No. 3(19), vol. 1. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/020-006.pdf>. № gosudarstvennoj registracii 0421100068/0079 (accessed 11.01.2018).

16. Solov'ev L. Nekotorye otvety na voprosy o risoval'noj shkole. Voronezhskij telegraf, 1896, Apr. 12.

17. OR GTG, f. 4, d. 1035, 1036; 1037, 1038, 1039.

18. Rukopis' L.G. Solov'eva o Voronezhskoj “voskresnoj shkole risovaniya”. OR GTG, f. 4, d. 1033.

19. Rukopis' L. G. Solov'eva o prepodavanii v Akademiyah i shkolah. OR GTG, f. 4, d. 1034.

20. Otchet Komiteta Voronezhskogo Kruzhka lyubitelej risovaniya za 1893 i 1894 gody. Voronezhskij telegraf, 1895, Jan. 20 (No. 9).

В. В. Марковчин, канд. ист. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: markovchin@yandex.ru)

РУССКИЕ В МАНЬЧЖОУ-ДИГО: ЭМИГРАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Статья является продолжением первичной публикации, вышедшей в свет ранее в журнале «Новый исторический вестник», которая дала читателям лишь некоторые общие сведения об аналитической работе японской разведки, итоги которой в 1945 году оказались в распоряжении советских спецслужб.

Вопросы русской эмиграции интересовали очень большое количество спецслужб Маньчжурии и Японии, а также различных министерств и ведомств, что только подтверждает их повышенный интерес к самому предмету исследования. Можно только догадываться, сколько тысяч самых разных людей участвовали, сами того не подозревая, в достаточно трудной работе по созданию этих документов. Для подготовки наиболее качественных статистических данных органами маньчжурской полиции подряд было проведено несколько переписей населения, а ведь это несколько десятков миллионов человек. Причем под пристальным вниманием властей находились не только эмигранты, но и все движимое и недвижимое имущество, которое у них находилось в собственности или аренде, хотя его и было не столь много.

Японские аналитики высказали собственные соображения как о количестве бывших подданных Российской империи, покинувших свою страну, так и поселившихся затем на территории Маньчжурской империи. Кроме того, рассмотрены вопросы существования отдельных организаций русской эмиграции (их лидеры, количество членов, источники финансирования и т. п.), а также мероприятия, к которым власти привлекали эмигрантскую молодежь, в том числе обучению военному делу.

Для закрепления существовавшего на середину 40-х годов статус-кво японские аналитики наметили целый ряд мер, направленных на реализацию этих планов, и они не всегда были цивилизованными и общепринятыми. Кроме того, в исследовании без всяких прикрас названы достоинства и недостатки эмигрантских лидеров, достаточно точно диагностировано положение возглавляемых ими структур в самых различных частях Евразии, а также спрогнозированы ближайшие их перспективы.

Ключевые слова: Маньчжурская империя, Харбин, русская военная эмиграция, японская разведка, статистические данные, Вторая мировая война.

Ссылка для цитирования: Марковчин В. В. Русские в Маньчжоу-Диго: эмиграция в исследованиях японской разведки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 198–204.

Под российскими эмигрантами японцы понимали бывших участников Белого движения, покинувших родину главным образом до 1920 г. в результате поражения в борьбе с новым большевистским правительством, созданным после Октябрьской социалистической революции в России. Кроме того, к данной категории они относили бежавших за границу членов царской семьи, государственных чиновников, интеллигенцию и буржуазию, и, наконец, простых крестьян и горожан, угнетенных новой властью, вынужденных искать счастья в чужих пределах.

Кроме того, к эмигрантам также относились революционеры, в XIX веке покинувшие Россию и назад уже не возвра-

тившиеся, а также государственные чиновники, откомандированные царским правительством в разные государства мира. Эмигрантами считались также всякого рода беженцы и переселенцы (в первую очередь евреи, выехавшие в Германию) и невозвращенцы.

Как видно из японских материалов, число российских эмигрантов в различных источниках сильно разнилось:

– по статистическим данным Американского Красного Креста (1920) – 2 млн 464 тыс. человек;

– по данным международного бюро Нансена (1930) – 794 322 человека;

– по данным из книги «Рапорт японского полпреда в Польше», изданной исследовательским отделом Министерства

иностранных дел Японии – 960 450 человек;

– по советским источникам (1921 г.) российских эмигрантов за границей (приблизительно) должно быть 1500 тыс. человек;

– по данным Харбинской японской военной миссии – 590 тыс. человек [2, с. 9–10]. Если к этим 590 тыс. прибавить подданных разных государств Европы – российских эмигрантов, которых имеется до 200 тыс., и подданных США – 180 тыс. человек, то общая численность русской

эмиграции будет выражаться в 970 тыс. человек [2, с. 10]. В любом случае, наиболее правильная цифра – от 1 млн человек.

В публикуемой ниже таблице предлагается примерное расселение русской эмиграции по различным странам континента; помимо цифровых данных внимание привлекает графа «Примечание», данные которой зачастую противоречат сведениям из трех предшествующих столбцов.

Число русского эмигрантского населения по отдельным странам света [2, с. 12–13]

Наименование государства или региона	По данным Кр. Креста США (1920)	По данным междунаро. Бюро «Нансена»(1930)	По данным яп. посольства в Польше от (1934)	Примечание
1	2	3	4	5
Польша	1.000.000	90.000 чел.	100.000 чел.	Являющиеся польскими подданными семь с половиной миллионов (белорусы, пользующиеся рус. языком 300 тыс.)
Литва	-	8.000 -	8.000	Общее число белорусов 55
Данциг	-	800	800	
Латвия	12.000	14.000	14.000	Общее число русских 160 тыс., в Риге – 30 тыс.
Эстония	17.000	16.000	16.000	
Финляндия	25.000	15.000	15.000	Русских свыше 90.000
Швеция	1.000	1.000	1.000	
Норвегия	1.000	-	1.000	
Дания	-	300	300	
Германия	560.000	50.000	30.000	
Австрия	5.000	2.400	4.000	
Венгрия	5.000	4.751	4.751	
Югославия	20.000	28.800	28.800	
Болгария	-	16.025	8.000	

Окончание табл.

1	2	3	4	5	
Турция	50.000	1.500	10.000	В Бессарабии великорусов свыше 200 тыс. и малороссов 500 тыс.	
Румыния	20.000	70.000	70.000		
Греция	1.500	1.500	1.500	Русс. на Карпатах 500 тыс.	
Италия	20.000	1.500	5.000		
Франция	175.000	400.000	260.000		
Чехословакия	1.000	10.500	10.500		
Бельгия	-	8.389	8.400		
Англия	15.000	-	5.000		
Испания	-	500 ч.	500		
Швейцария	-	2.266	2.300		
Маньчжурия	3.500	-	103.000		
Япония	-	2.356	2.500		
Китай	300.000	47.386	50.000		
Сиблас*	1.000	40	40		
Ирак	-	28	30		
Палестина	-	30	30		
Сирия	-	1000	1000		
Египет	4.000	-	2.000		
В прочих краях	200.000	-	2.000		
Итого	2.464.000	794.322	960.450		

*Так в тексте. – Прим. авт.

По мнению японских исследователей, для получения более точных сведений необходимо было бы руководствоваться данными принявших российскую эмиграцию государств, но и эти показатели абсолютно точными не могли быть по следующим причинам:

а) для иностранцев весьма сложно было отличать эмигрировавших русских от оседлых русских или эмигрантов от переселенцев;

б) в ряде случаев численность русской эмиграции умышленно уменьшалась, чтобы численность господствующей народности в данной стране пропорционально была бы выше остальных;

в) частые разъезды российских эмигрантов и перемена ими места жительства усложняли статистическую работу;

г) большая смертность среди руководителей русской эмиграции вследствие их преклонного возраста;

д) следует учитывать положение о лицах, переходящих в подданство Франции и США, второе поколение которых активно ассимилировалось с коренными жителями этих государств и практически выпадало из учета;

е) репатриация эмигрантов на родину в СССР.

Вышеуказанные обстоятельства являлись, очевидно, серьезным препятствием для получения совершенно точных

цифр о численности российской эмиграции.

По оценкам японцев, самой активной частью эмиграции были военные. Именно они имели склонность к созданию всякого рода организаций, которые, в свою очередь, планировали и осуществляли различные силовые акции на территории СССР [3].

Так, например, по данным японцев белый генерал Кутепов, собрав самых преданных членов «Союза галлиполийцев», создал так называемый «Кутеповский узел¹», и в 1927–1928 гг. развернул активную террористическую деятельность внутри Советской России [4]. Члены организации взорвали в Ленинграде клуб, а затем покушались взорвать штаб ГПУ в Москве. Затем был убит начальник ГПУ в городе Минске; большая часть этих террористов была арестована и расстреляна [2, с. 8].

Вследствие перехода КВЖД под управление советских представителей, банкротства Русско-Азиатского и Кооперативного банков, нанесших серьезные удары по материальному положению российских эмигрантов, которые и без того была крайне бедны, их благосостояние резко пошатнулось; многие эмигранты начали репатриироваться, часть их была завербована в ряды китайской неправительственной армии Чжан-Су-Чжана в Шаньдунской провинции [2, с. 19]. Некоторые, получив китайский паспорт, стали чинами полиции и мелкими чиновниками. Между тем достаточно большое число эмигрантов отправилось в поисках средств к существованию за границу, в другие пределы – в Австралию, США, Бразилию, Аргентину, Мексику и другие страны.

Когда дипломатические отношения между СССР и Китаем стабилизирова-

лись и восстановились² к 1932 г., и советский посол в Китае Богомолов прибыл к месту назначения – в Пекин, мотивируя доводами, сделанными на основании двустороннего договора между Советским Союзом и Францией, он потребовал от властей французской концессии в Шанхае прекращения на ее территории всяких антисоветских пропаганд и работ какими бы то ни было политическими организациями российской эмиграции [5; 6; 7].

Однако французские власти концессии требование советского посла «похоронили»; никаких конкретных мер принято не было, и только в конце 1933 г., с расширением влияния нацистов Германии на мировую политику, Франция твердо взялась за российскую эмиграцию.

Власти французской концессии последовательно запретили в ней свободу печати, исполнение царского гимна «Боже царя храни» и поднятие трехцветного национального флага в дни каких-либо торжеств или собраний. Французские власти прибегли даже к таким суровым мероприятиям, как выселение эмигрантских политических организаций, ведущих активную антисоветскую пропаганду и работу, за пределы французской концессии в Шанхае [2, с. 36].

Японские спецслужбы внимательно отслеживали положение русских эмигрантов и в других странах, в частности в Германии. С заключением пакта о ненападении между Германией и СССР от 23/VIII-1939 года возглавляемое генералом Бискупским Бюро по делам российских эмигрантов в Берлине за прекращением субсидии со стороны надлежającego органа Германии фактически приостанавливает свою деятельность.

Разведка отметила, что по имеющимся в ее распоряжении сведениям Бюро по делам российских эмигрантов в

¹ Имеется в виду «Боевая организация генерала Кутепова».

² После ряда вооруженных инцидентов в 1929 году.

Берлине было создано при активном участии гестапо, в целях улучшения контроля за российской эмиграцией, а русская национал-социалистическая партия, возглавляемая Мельским и являвшаяся главной профашистской организацией российской эмиграции, была по приказанию германских властей якобы распущена [2, с. 35].

В противовес Бюро советскими властями была создана так называемая «Организация возвращенцев»¹ в целях разложения различных организаций российской эмиграции, с последующим возвращением на родину. Центр организации находился в Париже, а его отделения были разбросаны по всему миру. Имея в своем распоряжении крупные суммы денег, «Совнарод» содержал клубы, буфеты и пр. Он также брал на себя подготовку различных ходатайств за эмигрантов на получение визы для въезда в СССР.

Число членов этой организации было довольно внушительным. Во время испанской гражданской войны организация вербовала добровольцев в помощь республиканской испанской армии [2, с. 49].

Японцы уделяли должное внимание и националистическим организациям народностей Среднеазиатских республик, которых, впрочем, в Европе было весьма мало. Главным образом таковые сосредоточились в Стамбуле. Отдельно отмечалось, что среди эмигрировавших в Афганистан очень много таких, которые с оружием в руках вели борьбу против Советского Союза [2, с. 56].

Среди организаций же, созданных в азиатской части материка, японские источники отметили следующие.

11 января 1936 г. было организовано бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, а в августе этого же года вождем партии легитимистов Кислицын,

вышедший из этой партии, вновь создал «Дальневосточный союз военных»². Членами этого союза являлись бывшие военные и в обязательном порядке все здоровые мужчины в возрасте старше 17 лет [8].

Настоящая организация преследовала своей целью формирование, организацию и обучение вооруженных и диверсионных отрядов – для проведения пропагандистской, диверсионной и прочей деятельности, а также на случай возникновения войны или других благоприятных обстоятельств для таковой работы [2, с. 64].

Один из вождей российских фашистов К. В. Родзаевский «стал проводить оживленную работу по расширению и укреплению партии как в Харбине, так и на линии, параллельно с чем организовал антисоветские выступления и демонстрации, засылая вооруженных диверсантов партии на советскую территорию; выпускал антисоветские брошюры и литературу» [2, с. 70].

После возникновения Маньчжурского инцидента представитель «Союза преследующих государственные интересы» Коробов, начальник Харбинского отделения «Союза военных» Бордзиловский, лидер восточного «Союза казаков» Сычев, начальник совета горожан Харбина Лучшев и руководитель дальневосточного «Союза сторонников царского режима» организовали боевой комитет, который организовывал мероприятия по скрытой мобилизации российских эмигрантов [2, с. 109] в особых условиях.

Обучение русской эмигрантской молодежи военному делу в Маньчжурской империи проводилось по районам полицейскими органами и прочими организациями самообороны. После же возникновения китайского инцидента в июле месяце 1937 года оно проводилось в специ-

¹ Имеется в виду Совнарод (Союз возвращения на Родину).

² Организация плотно опекалась сотрудниками Японской военной миссии.

альных отрядах, организованных в короткие сроки на станциях Муданьцзян, Хайлар, Маньчжурия и др. [8]

Однако, по японским оценкам, распущенный образ жизни российского эмигрантского подрастающего поколения в сочетании с малым понятием о любви к родине привели к тому, что авторитетные и сознательные круги стали высказываться о неотложной необходимости создания специальных воинских отрядов, в которых эта эмигрантская молодежь смогла бы в известный срок и в условиях суровой дисциплины пройти школу военного обучения.

В таких условиях и был создан в 1939 г. русский военный отряд на станции Сунгари-2-я. Вначале сведения об этом отряде были засекречены, и новобранцы, отправлявшиеся в него, считались «добровольцами». Но в силу издания закона о всеобщей воинской повинности в Маньчжурской империи в 1941 г. продолжать оставлять в тайне существование лишь одного русского воинского отряда было контрпродуктивным, как в психологическом отношении для поступающей в него русской молодежи, так и по ряду других причин. Исходя из этого было принято решение о включении русского воинского отряда в армию Маньчжурской империи.

В ноябре 1943 г. Бюро по делам российских эмигрантов впервые официально составило списки молодежи, на основании которых в декабре месяце того же года проведен был медицинский осмотр конкретных людей, а уже 21 января 1944 г. им были отправлены официальные извещения о вступлении в российский воинский отряд.

Срок воинской подготовки в отряде для эмигрантской молодежи определяется в полтора года. Кроме основного воинского отряда на ст. Сунгари-2-я, в Ханьдаохэцзы и Хайларе были сформированы русские кавалерийские отряды [8].

Устраиваемые для новобранцев напутственные молебны в церквях и церемониальные акты по случаю вступления в воинские отряды были, по мнению японцев, весьма грандиозны и пышны.

Заботами местных властей через собрания по поддержке военных и их семей новобранцам посылались посылки с гостинцами, письма, устраивались периодически постановки с привлечением харбинских профессиональных артистов и, наконец, их семьям оказывалась известная материальная помощь.

В целях достижения сотрудничества военных с гражданскими и распространения военных знаний надлежащими органами велась активная работа.

Посещение отрядов руководителями Бюро по делам российских эмигрантов и членами семей эмигрантов также проводилось в целях успешной реализации данного направления воинской работы [2, с. 146–147].

Список литературы

1. Марковчин В.В. Дважды засекреченная: брошюра японских разведчиков о русской эмиграции в Европе и на Дальнем Востоке // Новый исторический вестник, 2017. №4 (54). С. 145–152.
2. Архив СВР России. Д. 45263. Т. 1.
3. Марковчин В. В. Бывшие люди / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 345 с.
4. Марковчин В. В. Три атамана. М.: Звонница-МГ, 2003. 336 с.
5. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 7: Восточная ветвь / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2015. 953 с.
6. Пашин В. П., Марковчин В. В. Судьба и трагедия белой эмиграции (по материалам приговора Военной Коллегии Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК генерал-лейтенанту Бакичу А. С. и его штабу // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4(43), ч. 1. С. 208–211.

7. Марковчин В. В. К вопросу дипломатической подготовки со стороны Советской России, разгрома войск Бакича в Северо-Западном Китае // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5(44), ч. 1. С. 178–188.

8. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 8: Противостояние. М., 2016. 975 с.

Поступила в редакцию 10.04.18

UDC 94

V. V. Markovchin, Candidate of Historical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: markovchin@yandex.ru)

RUSSIAN TO THE MANCHU-DIGO: EMIGRATION IN STUDIES OF JAPANESE INTELLIGENCE

The article is a continuation of the initial publication, which was published earlier in the journal "New historical Bulletin", which gave readers only some General information about the analytical work of Japanese intelligence, the results of which in 1945 were at the disposal of the Soviet special services.

Questions of Russian emigration were interested in a very large number of special services of Manchuria and Japan, as well as various ministries and departments, which only confirms their increased interest in the subject of research. One can only guess how many thousands of different people participated, without knowing it, in a rather difficult work on the creation of these documents. For the preparation of the most qualitative statistical data, the bodies of the Manchu police conducted several censuses in a row, and in fact it is several tens of millions of people. And under the close attention of the authorities were not only immigrants, but all movable and immovable property that they owned or rented, although it was not so much.

Japanese analysts have expressed their own views on the number of former subjects of the Russian Empire, who left their country, and then settled on the territory of the Manchu Empire. In addition, the issues of the existence of individual organizations of Russian emigration (their leaders, the number of members, sources of funding, etc.), as well as activities to which the authorities involved emigrant youth, including - military training.

To consolidate the status quo of the mid-40s, Japanese analysts have identified a number of measures aimed at implementing these plans, and they have not always been civilized and generally accepted. In addition, the study without any embellishment identified the advantages and disadvantages of emigrant leaders, accurately diagnosed the position of their structures in various parts of Eurasia, as well as predicted their immediate prospects.

Key words: Manchu Empire, Harbin, Russian military emigration, Japanese intelligence, statistics.

For citation: Markovchin V. V. Russian to the Manchu-Digo: emigration in studies of Japanese intelligence. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 198–204 (in Russ.).

References

1. Markovchin V. V. Dvazhdy zasekchennaya: broshyura yaponskih razvedchikov o russoj eh migracii v Evrope i na Dal'nem Vostoke. Novyj istoricheskij vestnik, 2017, no. 4 (54), pp. 145–152.

2. Arhiv SVR Rossii, d. 45263, t. 1.

3. Markovchin V. V. Byvshie lyudi. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2013. 345 p.

4. Markovchin V. V. Tri atamana. Moscow, Zvonnic-a-MG Publ., 2003. 336 p.

5. Russkaya voennaya eh migraciya 20–40-h godov. Dokumenty i materialy. Vol. 7: Vostochnaya vetv'. Moscow, Ros. St. Humanit. Univ. Publ., 2015. 953 p.

6. Pashin V. P., Markovchin V. V. Sud'ba i tragediya beloj eh migracii (po materialam prigovora Voennoj Kollegii Sibirskogo otdeleniya Verhovnogo tribunala VCIK general-lejtenantu Bakichu A. S. i ego shtabu. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 4(43), pt. 1, pp. 208–211.

7. Markovchin V. V. K voprosu diplomaticheskoy podgotovki so storony Sovetskoy Rossii, razgroma vojsk Bakicha v Severo-Zapadnom Kitae. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 5(44), pt. 1, pp. 178–188.

8. Russkaya voennaya eh migraciya 20–40-h godov. Dokumenty i materialy. Vol. 8: Protivostoyanie. Moscow, 2016. 975 p.

УДК 94

О. В. Баландина, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: olga.balandina.87@mail.ru)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ СИЛАМИ ПРОФСОЮЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В 50–80-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современной исторической науке особое внимание уделяется вопросам повседневной жизни отдельных социальных групп и общества в целом в разные периоды развития Российского государства. Данная тема активно освещается не только в научных трудах, но и является материалом для научно-популярных передач на телевидении и часто ложится в основу сюжета художественных фильмов и сериалов. Особой популярностью пользуется повседневность СССР в свете ностальгии старшего поколения по временам молодости. Однако зачастую явления социально-бытового и общественно-политического характера преподносятся в несколько искаженной форме. Поэтому актуальным представляется исследование этих процессов на основе архивных документов, данных средств массовой информации и воспоминаний очевидцев.

Не вызывает сомнений тот факт, что большинством вопросов, связанных с обеспечением достойного социально-бытового уровня, во времена СССР ведали профессиональные союзы как самая многочисленная общественная организация, имеющая широкие полномочия и большой круг обязанностей, закрепленных законодательно.

Исследуемый тридцатилетний период развития профсоюзов не поддается однозначной оценке. Их историческая судьба неоднократно преломлялась вслед за теми историческими изгибами, которые в целом претерпевало советское общество в данный период. Порой складывалась более-менее благоприятная историческая ситуация, и тогда профсоюзы использовали возможность значительно усилить свои защитные, представительские и контрольные действия, укрепить свои позиции (правовые, организационные). Но в иное время наблюдался и значительный спад их активности, падение авторитета и влияния на социально-экономическую ситуацию в стране. Многие здесь зависело от особенностей складывавшегося партийно-государственного режима в стране (менее авторитарный, более авторитарный), от личных пристрастий и отношения того или иного руководителя КПСС, государства к демократии, к профсоюзам. Да и личностные качества того или иного профсоюзного лидера – будь то Председатель ВЦСПС, председатель центрального, республиканского, областного, краевого комитета совпрофов или же председатель отраслевого профсоюза – играли не последнюю роль.

Ключевые слова: профсоюзы, социально-бытовое обслуживание, жилищно-бытовые условия.

Ссылка для цитирования: Баландина О. В. К вопросу о социально-бытовом обеспечении рабочих и служащих силами профсоюзных объединений в 50–80-е годы XX века (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №2(27). С. 205–211.

Начиная с Конституции СССР 1936 года профсоюзы были обязаны в соответствии со своими уставными задачами участвовать в управлении государственными и общественными делами, в решении хозяйственных и социально-культурных вопросов [1, ст. 7].

На протяжении длительного времени особенно остро стоял вопрос, связанный с обеспечением жильем рабочих и служащих. Не последнюю роль в том, что данный вопрос решался не так быстро, как хотелось бы, играло то, что экономика страны в основном была ориентирова-

на на нужды военно-промышленного комплекса. Однако руководство страны обращало самое пристальное внимание на состояние дел не только в республиканских центрах, но и на периферии, особенно в послевоенный период восстановления социально-бытовой и промышленной инфраструктуры регионов, в которых проходили кровопролитные бои. Курская область, на территории которой развернулась одна из самых значительных битв Великой Отечественной войны, является очень наглядным примером того, как симбиоз государственной поддержки и

энергии местного руководства позволили в достаточно сжатые сроки обеспечить приемлемый уровень жизни для рабочих и служащих.

Ведя речь о состоянии жилищно-бытовых условий, уместно привести цитату о дореволюционной ситуации на предприятиях Курской области: «Владельцы предприятий совершенно не заботились о создании рабочим хотя бы минимальных производственных и жилищно-бытовых условий. На сахарном заводе Бродского в 1914 г. было выстроено общежитие, но оно скорее напоминало коровник, чем человеческое жильё» [2]. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что со сменой правящего режима повседневная жизнь трудящихся изменилась не сразу. Но тому были объективные причины: Гражданская война, период нэпа, Великая Отечественная война.

Однако начиная с середины 1940-х гг., на фоне интенсификации работ по послевоенному восстановлению народного хозяйства и промышленности, активизировалась работа по обеспечению трудящихся достойными условиями социального и жилищно-бытового обеспечения. Огромную роль в этом играли профсоюзные объединения, использовавшие различный инструментарий [3].

С восстановлением народного хозяйства улучшались социальные условия жизни населения страны. Хотя и незначительно, но повышалась заработная плата, снижались цены на продукты питания и промышленные товары. В 1952 г. по сравнению с 1947 г. розничные цены на товары массового потребления снизились в 2,4 раза. В результате повышения производительности и улучшения организации труда возникли условия для увеличения заработной платы. При активном участии фабрично-заводских и местных комитетов упорядочены нормы выработки и усовершенствована система материального поощрения (с учетом региональ-

ных, производственных и других условий) для различных категорий промышленных и сельскохозяйственных работников.

Промышленным предприятиям и хозяйственным организациям было предоставлено право строить жилые дома с трудовым участием рабочих и служащих за счет средств, предназначаемых на финансирование строительства, выполняемого сверх плана капитальных работ. Эта форма жилищного строительства, получившая название народной стройки, была широко поддержана профсоюзными организациями. В 1956–1960 гг. было построено 5,1 млн квартир, что почти в два раза больше, чем в пятой пятилетке. Профсоюзные организации контролировали ход строительства жилых домов, выявляли недостатки в работе строителей, добивались их устранения, повышения качества отделочных работ [4, с. 538].

Кампании по подготовке и заключению коллективных договоров позволили не только обратить внимание хозяйственных органов на необходимость решения вопросов заработной платы и нормирования труда, но и благодаря введению фонда директора предприятия профсоюзные комитеты получили возможность направлять финансовую помощь на строительство и ремонт жилых зданий, улучшение бытовых условий и культурное обслуживание работников предприятий, организацию их отдыха и лечения, премирование рабочих, служащих и инженерно-технических работников.

Например, в коллективном договоре Щигровского механического завода Всесоюзного треста «Геомаш» министерства геологии на 1951 г. в целях улучшения жилищно-бытовых условий рабочих и служащих завода, администрации предприятия предписывалось ввести в эксплуатацию 8-12-14-18-комнатные жилые дома. Распределение жилищного фонда осуществлялось по согласованию с за-

водским комитетом. Наряду с этим администрация завода брала на себя обязательства по оказанию помощи индивидуальным застройщикам путем отпуска нефондируемых стройматериалов [5, л. 26].

Жилищное строительство для железнодорожников быстрыми темпами осуществлялось и на станциях Белгород, Льгов, Касторная, Валуйки. Так, коллектив Белгородского СУ № 1, не снижая темпов и качества работ, за короткий срок построил два восьмиквартирных дома, для семей железнодорожников [6].

Строительство таких же домов в 1952–1957 гг. осуществлялось в Курске на ул. Кагановича. Из бараков и землянок, располагавшихся вблизи железнодорожного узла, в новые квартиры были переселены десятки семей, в их числе котельного мастера депо Курск М. П. Болдырева, машинистов, почетных железнодорожников Н. М. Ключкова, Ю. В. Князькова, М. С. Козьменковой (Смирновой), дежурной по Курскому отделению дороги М. Я. Давыдовой, агента учетного бюро ст. Курск М. Н. Ворониной и др. [7]

Вопросы культурно-бытового обеспечения трудящихся являлись постоянным предметом для обсуждения на заседаниях президиума курского Облсовпрофа. Так, на заседании, состоявшемся 16 июня 1950 г., высокую оценку профсоюзного руководства получила работа областных органов социального обеспечения по материально-бытовому обеспечению трудящихся и их семей. Особое внимание при этом уделялось поддержке инвалидов Великой Отечественной войны, труда и их семей. В числовом выражении это выражалось в повышении уровня строительства новых домов и выводу из землянок на 121,2%, обеспечению топливом на 137,3%. Остро нуждающимся семьям была выделена единовременная денежная помощь в размере 1 460 800 руб., в том числе из касс общественной помощи 782,5 тыс. руб., из них

продуктами питания на сумму 144 тыс. руб. [8, л. 15]

Однако, наряду с безусловно положительными инициативами, на заседаниях Облсовпрофа отмечались и весомые недостатки в работе профсоюзных организаций. Рассказывая о массовом жилищном строительстве, развернувшемся после 1947 г. на железнодорожных узлах Курской области, невозможно обойти вниманием и факты злоупотреблений служебным положением, имевшие место среди руководителей предприятий и общественных организаций железнодорожного транспорта. 14 января 1950 г., выступая с докладом на VIII Кировской районной конференции, первый секретарь райкома ВКП(б) К. П. Павлов заявил, что «у нас есть ряд руководителей, которые больше думают о своем благополучии, занимаются строительством домов, раздувают личные хозяйства, используя служебное положение. Это начальник восстановительного поезда А. Г. Родионов, бывший председатель райпрофсожа А. М. Ларин, председатель райпрофсожа П. В. Бобовников и другие ...» [7].

Несмотря на достаточно высокие темпы строительства жилищного фонда руководство ряда предприятий и организаций пренебрежительно относилось к освоению выделенных на строительство средств. В качестве примера можно привести трест животноводческих совхозов, в котором потребность жилого фонда для полного обеспечения жилой площадью рабочих и служащих совхозов выражалась в количестве 36 000 кв. м, тогда как по состоянию на 01.01.1950 г. фактически жилой фонд составлял лишь 18580 кв. м и обеспечивал 61,9% нуждающихся в жилье. Это было напрямую связано с тем, что из ассигнованных на строительство 1 572 300 руб. за 5 месяцев было освоено всего 350000 (22%). Имевшийся жилой фонд в большинстве своем находился в

плохом состоянии, руководство треста и директора совхозов зачастую безответственно относились к сохранению и ремонту жилых объектов. Этот факт подтверждают цифры – по плану на эти работы выделялось 200 000 руб, из которых было освоено 7700 руб. (4%) [8, л. 61].

Человеческий фактор оказывал негативное влияние на темпы строительства и в другой плоскости, связанной с созданием бюрократических проволочек. Так, в 1950 г. курскому мясокомбинату было выделено 390 000 руб. на постройку 24-квартирного дома, однако городской отдел архитектуры длительное время не мог выделить земельный участок, тем самым тормозя начало строительных работ и срывая общий план жилищного строительства [9, л. 5].

О том, насколько плачевными были последствия столь пренебрежительного отношения к достойному жилищно-бытовому, говорят следующие факты. В Реутчанском совхозе в одной комнате площадью 10 кв. м проживали две семьи рабочих М. А. Головина и Ф. И. Севрюкова, при наличии членов семьи у каждого в количестве трех человек. Семья свинарки П. Д. Боевой из четырех человек ютилась в комнате размером 4 кв. м, а ее коллега М. Ф. Бытовтова с двумя малолетними детьми проживала в землянке. Немногим отличалось состояние дел и в других совхозах: «Казацкая степь», «Красный Октябрь», «Ударник» и др. [8, л. 62].

Примечателен тот факт, что в период хрущевской «оттепели» на территорию Курской области стали возвращаться потопки семей, покинувших страну в период революции и Гражданской войны. Вопросам жилищно-бытового устройства репатриантов, большинство из которых являлись высококвалифицированными специалистами и были очень востребованы в различных сферах трудовой деятельности, уделялось самое пристальное

внимание. Основной приток переселенцев по состоянию на 1957 г. был из Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Франции, Италии, Голландии, Чехословакии, США и Польши.

Тем не менее благодаря слаженной работе партийных органов и местных Советов с течением времени ситуация стабилизировалась. На основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему улучшению бытового обслуживания населения, принятого в марте 1959 г., партийные и профсоюзные организации провели значительную работу, связанную не только с введением в эксплуатацию объектов жилищного строительства, но и с обеспечением рабочих и служащих предприятиями бытового обслуживания: мастерскими по пошиву одежды и обуви, ремонту мебели. Особый упор при этом делался не только на качество предоставляемых услуг, но и на их доступность широким массам. Образцовым примером в этом вопросе является работа Глушковского райисполкома и профсоюза. В течение двух лет в районе было построено несколько предприятий бытового обслуживания, открыта новая мастерская и бытовая комбинат. Были открыты 6 родильных домов, 7 детских яслей и площадок, в колхозах имени Сталина, имени Ватутина, РТС, работали бани. На высоком организационно-исполнительном уровне проводились работы по обеспечению социально-бытовым обслуживанием и в Обоянском районе, где наряду с производственно-хозяйственным строительством предусматривалось сооружение больниц, родильных домов, медпунктов, культурных учреждений.

К сожалению, не во всех районах вопросам быта трудящихся уделялось столь пристальное внимание. В Больше-солдатском районе был построен хороший комбинат бытового обслуживания, но его производственные мощности ис-

пользовались не в полном объеме по причине дефицита квалифицированных кадров. В связи с этим широкое развитие получила частная практика по пошиву и ремонту одежды и обуви.

Улучшение бытовых условий для рабочих и служащих невозможно было представить без хорошо налаженной торговли и сети общественного питания. В связи с этим профсоюзные объединения были призваны осуществлять повсеместный контроль за решением данных вопросов. В основном проблемы в этой сфере были сопряжены со снабжением товарами первой необходимости, о чем неоднократно сообщалось из Большесолдатского, Советского и других районов. И зачастую это было связано не с банальным отсутствием необходимого перечня товарной номенклатуры на складах, а с тем, что руководство райисполкомов попросту забывало их заказать, исходя из нужд населения [10].

Для оптимизации контроля за исполнением постановлений Секретариата ВЦСПС о проведении смотра общежитий, бань, прачечных и парикмахерских по городу Курску была создана специальная профсоюзная комиссия. Однако не всегда работа этих комиссий признавалась удовлетворительной. Ряд ФЗМК (завод РТИ, СМУ Резинстроя и др.) к вопросу смотра относились формально, проводя его исключительно на бумаге. Отдельные ФЗМК, такие как «Электроаппаратный завод», завод «Счетмаш» не включались в проведение смотра, в связи с чем состояние жилищно-бытовых условий рабочих и служащих оставалось неудовлетворительным. По этой причине появилась необходимость обязательности регулярного проведения городских и областных смотров, устранения формального отношения к этим мероприятиям. Смотровым комиссиям предписывалось осуществлять проверку проведения в жизнь руководством предприятий и хо-

зяйственных учреждений мероприятий по улучшению бытового обслуживания, намеченных в ходе смотра. В свою очередь, Облсовпроф брал на себя обязательства по материальному стимулированию председателей и членов ФЗМК и профактивистов – участников смотра, добившихся устранения недостатков в жилищно-бытовом обслуживании рабочих и служащих [8, л. 75].

Подводя итоги, можно отметить, что за тридцатилетний период профсоюзами была проделана огромная работа по восстановлению достойного уровня социально-бытового обслуживания. Благодаря тому, что профсоюзы работали в тесной связке с партией и имели хорошо организованную систему обратной связи с трудящимися, социальная политика руководства СССР была максимально ориентирована на удовлетворение потребностей народа. Однако нередко негативные факторы, выразившиеся в халатном отношении руководящих кадров предприятий к вопросам социально-бытового обслуживания рабочих и служащих, приводили не только к возникновению дефицита товаров, проблемам с выделением жилищного фонда, но и к дискредитации роли профсоюза как органа по защите трудящихся в целом. Нараставшая к концу 1980-х гг. социально-экономическая и политическая напряженность усугубила влияние этих негативных тенденций и в немалой степени поспособствовала коренным изменениям в структуре и основных направлениях работы профсоюзных объединений.

Список литературы

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г.]. URL: <http://www.constitution.garant.ru/history/uss>

g-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 10.02.2018).

2. 1917–1957: статьи, воспоминания, очерки. Курск: Кн. изд-во, 1957. 439 с.

3. Баландина О. В. Из опыта работы городского профсоюзного актива в начале 50-х годов XX века (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1(22). С. 158–164.

4. Народное хозяйство в СССР в 1972 г.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1973. 824 с.

5. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 41. Л. 26.

6. Кофанова А. В., Коротеева Н. Н. Фонды государственного архива Курской области о культурном строительстве в СССР в 1950–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного уни-

верситета. Серия: История и право. 2015. № 4(17). С. 96–101.

7. Масуфранова Е. А. Реализация программы мероприятий по улучшению жилищно-бытовых условий железнодорожников во второй половине 1940-х – 1950-е годы (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 1 (18). С. 113–121.

8. ГАОПИКО (Гос. арх. обществ.-полит. ист. Курск. обл.). Ф. П-5547. Оп. 1. Д. 81. Л. 15.

9. ГАКО. Ф. Р-5538. Оп. 1. Д. 139. Л. 5.

10. Забота о человеке – прежде всего // Курская правда. 1959. 13 сент.

Поступила в редакцию 10.04.18

UDC 94

O. V. Balandina, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: olga.balandina.87@mail.ru)

TO THE QUESTION OF SOCIAL-PERSONAL PROVISION OF WORKERS AND MINISTERS OF TRADE UNIONS IN THE 50-80-YE YEAR. XX CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE KURSK REGION)

In modern historical science, special attention is paid to the daily life of individual social groups and society as a whole in different periods of the development of the Russian state. This topic is actively covered not only in scientific works, but also is a material for popular science programs on television and often underlies the plot of feature films and serials. Particularly popular is the daily routine of the USSR in the light of the nostalgia of the older generation at the time of youth. However, often the phenomena of social and socio-political nature are presented in a somewhat distorted form. Therefore, it is relevant to study these processes on the basis of archival documents, mass media data and eyewitness recollections. There is no doubt that most of the issues related to the provision of a decent social and living standard in the USSR were in the hands of trade unions as the largest public organization with broad powers and a large range of duties fixed by law. The investigated thirty-year period of trade union development can not be unambiguously assessed. Their historical fate was repeatedly refracted after those historical twists, which in general underwent Soviet society in this period. Sometimes there was a more or less favorable historical situation, and then the trade unions used the opportunity to significantly strengthen their defensive, representative and control actions, strengthen their positions (legal, organizational). But at other times there was a significant decline in their activity, a decline in authority and influence on the socio-economic situation in the country. Much here depended on the peculiarities of the party-state regime in the country (less authoritarian, more authoritarian), on the personal preferences and attitude of one or another leader of the CPSU, the state to democracy, to trade unions. Yes, and the personal qualities of this or that trade union leader - whether the Chairman of the AUCCTU, the chairman of the central, republican, regional, regional committee of Sovprof or the chairman of the branch trade union - played an important role.

Key words: *trade unions, social services, living conditions.*

For citation: Balandina O. V. To the question of social-personal provision of workers and ministers of trade unions in the 50-80-ye year. XX century (on the materials of the Kursk region). Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 2(27), pp. 205–211 (in Russ.).

References

1. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik: [utv. postanovleniem Chrezvychajnogo VIII s"ezda Sovetov SSSR ot 5 dek. 1936 g.]. URL: http://www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed 10.02.2018).
2. 1917–1957: stat'i, vospominaniya, ocherki. Kursk, Kn. Izd-vo, 1957. 439 p.
3. Balandina O. V. Iz opyta raboty gorodskogo profsoyuznogo aktiva v nachale 50-h godov XX veka (po materialam Kurskoj oblasti). *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2017, vol. 7, no. 1(22), pp. 158–164.
4. Narodnoe hozyajstvo v SSSR v 1972 g.: stat. ezhegodnik. Moscow, Statistika Publ., 1973. 824 p.
5. GAKO (Gos. arh. Kursk. obl.), f. R-161, op. 2, d. 41, l. 26.
6. Kofanova A. V., Koroteeva N. N. Fondy gosudarstvennogo arhiva Kurskoj oblasti o kul'turnom stroitel'stve v SSSR v 1950–1980-e gody. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2015, no. 4(17), pp. 96–101.
7. Masufranova E. A. Realizaciya programmy meropriyatij po uluchsheniyu zhilishchno-bytovyh uslovij zheleznodorozhnikov vo vtoroj polovine 1940-h – 1950-e gody (po materialam Kurskoj oblasti). *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*, 2016, no. 1 (18), pp. 113–121.
8. GAOPIKO (Gos. arh. Obshchestv.-polit. Ist. Kursk. obl.), f. P – 5547, op. 1, d. 81, l. 15.
9. GAKO, F. R-5538, op. 1, d. 139, l. 5.
10. Zabota o cheloveke – prezhde vsego. *Kurskaya pravda*. 1959, Sept. 13.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MSWORD шрифтом «TimesNewRoman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полуужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)
(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (\sin , \cos , \tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MSWord, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются**.

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристайные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.